

Давид
Самойлов

1

поденные
записи

Давид Самойлов

поденные записи 1

Сотворил удивительный рассказ. Братушкин убо
тот же человек, который воевал в Германии.
Спартакские победы и все изобретения
~~Спартак~~ Спартакские победы и воевал.

После этого еще не. На свете много
офисных работников. Давид Самойлов
на своем деле еще не закончил.
И вдруг появились изобретения.
Один изобретатель обиделся на него

для изобретения, много
вопросов и ответов. Означает
проблема вопроса. Но
или во всем мире. Конец.

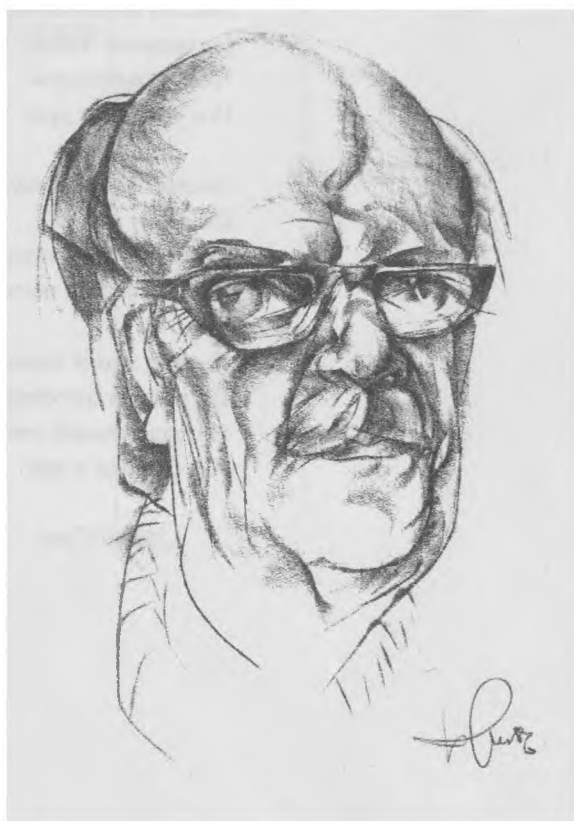
Д Н Е В Н И К

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодую.
И в ус себе не дую.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

Давид Самойлов

Давид Самойлов

поденные записи

1

Москва
2002

ББК 84Р7
С17

«Федеральная программа книгоиздания»

Оформление серии, макет

Валерий Калныньш

Том 1. Подготовка к публикации и составление

Галина Медведева, Александр Давыдов и Елена Наливайко

Портрет Д. С. Самойлова

Борис Жутовский

Самойлов Д. С.

С17 Поденные записи: В 2 т. – Т. 1. – М.: Время, 2002. – 416 с.: ил.

ISBN 5-94117-028-9

«Какими тесными сплетениями сосудов и нервов
привязаны мы, поэты, к своим биографиям,
как должны мы уметь жить, чтобы уметь писать!»

Д. С. Самойлов. Поденные записи.

ББК 84Р7

ISBN 5-94117-028-9 (Т. 1)

ISBN 5-94117-088-2

© Д. С. Самойлов, наследники, 2002

© «Время», 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	6
Как хорошо, что мы живем теперь!	
<i>Георгий Ефремов</i>	7
Поденные записи 1934–1964	11
Комментарии	
<i>Виктор Тумаркин</i>	
<i>при участии Музы Ефремовой</i>	367

От составителей

Давид Самойлов вел дневники практически всю сознательную жизнь — с четырнадцатилетнего возраста до кончины. Эти ежедневные или более-менее регулярные записи (порой с перерывом на месяцы, а то и на год, другой) позднее, в 1974 году, получили название «Поденные записи». Для цельности и удобочитаемости текста решено печатать под этим названием все тетради, связанные с течением времени и жизни. В 1977 году появился «Общий дневник» — свод размышлений о литературных, культурологических и метафизических проблемах, не обязательно привязанных к злобе дня. К последним годам жизни автора относятся записные книжки «Разное-всякое», своего рода творческий черновик.

*Как хорошо,
что мы живем теперь!..*

...мой дневник явится со временем и довольно интересным с исторической стороны произведением. Постольку поскольку целью его является оценка самого себя и создание автобиографической повести, я должен дать не только свои переживания и мысли, но и эпоху, и великих людей, и общество моего времени.

(запись 12 октября 1935 года)

Трудно не только писать об этом дневнике — тяжело было брать его в руки, листать, вчитываться и все время помнить: «Не оставляйте письма для будущих веков. Ужасно любопытство дотошных знатоков...» Но вот ведь как — нам не велит оставлять, а сам... Чему удивляться? Анатолий Якобсон, действующее лицо этой книги, писал: «У поэта все не как у людей — он берет смиренно, а отдает яростно».

Письменность, оставленную Давидом Самойловым, отличает особая песенность. Его стихи, воспоминания, дневники совершенно самостоятельны, они прекрасно читаются по отдельности, и тем не менее явственно слышится их переключка. Они — слагаемые нескончаемой, достоверной и чистой мелодии. В поэме «Снегопад» об этом сказано: «Учусь писать у русской прозы, влюблен в ее просторный слог, чтобы потом, как речь сквозь слезы, я сам в стихи пробиться мог». По самоейловским дневникам можно судить об этой науке.

Сквозной напев пронизывает дневники — с пятнадцати лет до последних недель. В первых тетрадах это поиск и обретение себя в грандиозном мире, дальше — поиск, обретение и приятие мира, в котором жить не можно и умереть нельзя. И всегда — исследование. И суждение. И надежда на отклик, на плодотворное совместное преодоление жизненного одиночества.

«Я люблю быть “своим парнем”, я люблю быть со всеми в хороших отношениях» (4 сентября 35-го). Со всеми, конечно, не получилось, но миф о прекраснодушии Самойлова пустил обширные корни. Журнальные публикации дневников начали все расставлять на места, вызвав глухое (и звонкое) возмущение. Интеллигентный мальчик, порывистый юноша, отважный воин, вдохновенный певец, донжуан, остроумец и (по возрасту) чуть не «пикейный жилет» — публике этого, кажется, было довольно. А ведь сказано было, что

...есть возвышенная старость,
Что грозно вызревает в нас
И всю накопленную ярость
Приберегает про запас...

Вот еще запись из сентября 35-го: «Мне ничего не нужно. Для того чтобы я стал хорошим сыном, нужно немножко оставить меня в покое». И дальше: «У многих завоевание расположения переходит в своеобразную игру, в поиски постоянного напряжения. Я считаю, что уходить или прятаться от этих чувств нечего, но давать им особую волю и возводить в степень настоящей любви тоже нельзя. Нечего распускаться» (29 сентября 35-го).

Эта жесткая нота (главенство обязанностей над правами) будет звучать все явственнее — в стихотворениях, в письмах и дневниках. И вечно соседствовать и аукаться с той, о которой написано 9 октября 35-го: «К чувству дружбы у меня примешивается еще чувство глубокой жалости».

И жалко всех и вся...

Этим чувством обосновано и закреплено родство: «В сущности, у меня нет народа. Дух еврейства чужд, непонятен, далек мне. По убеждениям я интернационалист, а по духу.. тоже. И все же что-то сближает меня с этим народом. И уверен я, что, приключись с ним еще какие-нибудь беды, я не уйду от него и смело приму вместе с моими братьями любое страдание. Язык моего народа не мой язык, его дух не мой дух, но его сердце — мое сердце» (6 марта 36-го).

Шестнадцатилетний Самойлов на пороге 37-го года, войны, Хиросимы записывает: «Как хорошо, что мы живем теперь!» (22 октября 36-го). Детская восторженность? Но вот спустя четверть века возникает стихотворение «Слава богу!..» («Слава богу! Что я знал беду и тревогу!»), в котором объяснение и разгадка: «Хорошо, что случилось с нами, а не с теми, кто помоложе...» Ударение оказывается не на «хорошо», а на «мы» и «нами».

О том же из дневника 1941 г.: «Если мне придется когда-нибудь писать, я напишу о том, как категория долга стала для нас господствующей. Это единственное чувство, которое нужно внушать людям с пеленок: Долг». Понятие долга для Самойлова важнее представлений об истине и лжи (в позднем стихотворении он напутствует: «Ступай! Ни истину, ни ложь не станем мы внушать потомку...»).

О собственном призвании: «И вот что требуется сказать. Как из тысячи нелепостей получается прекрасное устройство мира» (из дневника 1942 г.). И по соседству: «Мы предлагаем за счастье самую дорогую цену — жизнь. Может быть, мы уплатим эту цену, не получив ничего. Лишний довод в пользу того, что устройство мира не имеет ничего общего с коммерцией».

Иное дело — устроители мира. «Государство и корысть нераздельны. Государство это форма, в которую облачается корысть. Война стоит в том

же ряду безобразий, однако она очищается при соприкосновении с высокой мыслью и с высоким чувством» (из дневника 1945 г.).

Время выдувает из дневников прилагательные, записи делаются суше и тверже. Слова острее, оттого они кажутся безжалостными. Но это — лишь по контрасту с туманом юношества. Человек и дневник приобретают все большую определенность. И все явственней обозначаются три опоры, три черты, три способности: внимание, понимание, великодушие. «Господа, будьте чуть менее принципиальны, но имейте сердце! Идеи — это же все-таки не люди. Нельзя с людьми обращаться, как с идеями!» (из дневника 1948 г.).

Казалось, что веселый и задорный, легкий, общительный, остроумный Самойлов доподлинно знает, как обращаться с людьми. «Во мне есть радость общения. Эта радость передается людям, и потому они тянутся ко мне. Но напрасно ждать от меня большего. Радости отношений во мне нет. Ибо отношения требуют обязательств. И каждое обязательство для меня тяжело, оно урывает нечто от внутренней свободы, необходимой для писания. Радость отношений свойственна жертвенным натурам, которые в этой радости и выражают свое содержание. Радость общения — влюбленность. Радость отношений — любовь. Я влюблен почти всегда и почти никогда — люблю» (из дневника 1962 г.).

О радостях написано много: «Корнилов сказал: “Всем положено писать стихи хорошие и плохие. Слуцкий каждый день садится за стол и пишет. А Самойлов свои плохие просиживает в ЦДЛ”» (из дневника 1963 г.). А хорошие — вылеживает на дому. «Единственный способ писать стихи — это лечь на диван и прислушаться к тому, что происходит в тебе. И наиболее точно и просто изложить свое состояние. Оно и есть состояние человечества, если ты принадлежишь ему и не сбит с толку предубеждением, тщеславием или идеей субординации» (из дневника 1964 г.).

И главное: «Я, в сущности, рожден, чтобы сидеть во главе большого стола с веселой хозяйкой, множеством детей и добрых друзей» (из дневника 1965 г.). И снова: «На общение и пьянство уходит много сил. Но ведь я всегда общался и пил. А когда не пил и не общался, все равно не писал лучше и больше» (22 февраля 72-го).

Иногда действующим лицом дневников становится сам дневник. Формулируются правила обращения с ним: «Просьба не читать! Прочитавший — лжец и подлец» (на обложке тетради 1935 г.). Прорываются неловкие слова оправдания: «Дневники пишут в дурном настроении, а надо бы наоборот. Выходило бы, что жизнь намного лучше. Дневники надо бы читать с поправкой на дурное настроение» (31 июля 75-го).

И без всяких поправок («Настроение тяжелое», «Все одно к одному», «Какая дура!..», «Чувствую себя скверно») жить в самоейловских дневниках — намного лучше. То и дело встречаешь: «Лева К. великолепен как обычно», «Гениальные стихи М. С.», «Приезжал в гости прекрасный Гердт», «Борис Чичибабин много читал прекрасных стихов. Настоящий поэт, каких мало».

Дневниковая проза, раскрытая сейчас перед нами, говорит о спасении, то есть о самом главном: о том, как «организм поэта сопротивляется нелюбви» (дневник 1978 г.). Одолевает слепоту, заклинает, увещевает себя стихами: «Мне выпало счастье...», «Да, мне повезло в этом мире...», «В уходе есть свое величие...». И спрашивает, спрашивает... «С 12 лет мучаюсь вопросом о смысле жизни. Нахожу только промежуточное решение – вино, женщины. Но и не стараюсь соврать... Неужели смысл жизни – язык?» (24 февраля 1984 г.).

В конце – обращение к началу: «Все начинается с вкуса» (17 марта 1989 г.).

Пусть мы, читатели третьего тысячелетия, откроем эту чистосердечную повесть с тем отрешенным вниманием, которое предполагал поэт. Думаю все же, что это чтение приблизит к ответу на давний вопрос, заданный Давидом Самойловым:

«Откуда музыка у нас?»

Георгий Ефремов

поденные записи
1934–1964

Читаю умный свой дневник
Военный или предвоенный.
Там нет меня. Там мой двойник
Восторженный и дерзновенный.

Как он умен! И как высок!
Как любит он во все соваться!
С чего он выдумал, щенок,
Передо мною красоваться!

Но он есть я, а я есть он.
И я люблю себя, иного,
Я с ним навек соединен —
Ведь я — уток, а он — основа.

И видно в крепкую холстину
Сплелись мы сами по себе...
И я, как собственному сыну,
В нем не завидую себе.

Давид Самойлов

8 декабря * Опять начинаю вести дневник. Наверное, скоро брошу. Черт дери! Вчера испытывал чувство какой-то мучительной скуки. Хотел писать. Ничего не получилось. Ходил к Жорке¹. Его нет дома. Хотел пойти в кино, но ввиду плохой погоды отложил и пошел спать.

Сегодня утром проснулся в радостном настроении, хотя должен быть урок музыки, которого, к сожалению, не знаю. Придется сослаться на болезнь...

В школе никаких событий не произошло. Федя² роздал контрольную по алгебре. Получил «оч[ень] хор[ошо]».

В., к величайшему моему сожалению, не пришла в школу. Наверное, больна. Р. нагнала меня на лестнице и, очевидно, что-то хотела сказать. К сожалению, подвернулась Люська³. Досадно!

На уроке немецкого думал об истории и решил, что она похожа на ленту веков, которая наматывается на исходный пункт, т. е. появление человека, проходящую в определенные промежутки времени через одни и те же части круга, все более и более удаляясь от центра. Она похожа на эту спираль. Если черное пятно взять за первобытный коммунизм, то второе пятно будет наш коммунизм, более совершенный, но все же коммунизм, и т. д.

На 12-е число будут (говорят) билеты в театр. Мама хочет идти тоже, что не входит совсем в мои планы.

9 декабря * Учителей сегодня нет. Все утро писал конспект на статью Ленина о Толстом. В школу пошел рано. Ждал В. Она не пришла. Как скучно сегодня в школе. Скорей бы кончились уроки.

Вообще сегодня скучнейший день. Дома и в школе скука, скука, скука. Хочется писать, о чем, не знаю. Эх! Написать бы что-нибудь хорошее и лирическое. К сожалению, не могу. Наверное, от этого что-то накопилось в сердце. Хочется излиться, хочется поговорить с Р., но ей, очевидно, не до меня. Она весела. Да и черт с ней! Пускай веселится!

(Не поймешь, за кем гонялся. За Р. или за В. Или черт знает за кем.)*

---

* Приписано, видимо, позже. — Г. М.

11 декабря * Вчера писать было некогда: писал наказ к переборам советов. В школе вчера было скучно — В. была выходная, и я слонялся из угла в угол. Ночью мне приснился сон, который Марфа⁴ истолковала в мою пользу.

Читал «Войну и мир». Какая замечательная книга! Больше всех мне нравится Пьер Безухов. Я даже согласен с Л. Н. Толстым, что нужно «самоусовершенствоваться», но теорию «непротивления злу» отрицаю. Вся жизнь человеческая есть борьба, в ней и вся красота жизни. Сначала борьба с грозными силами природы, теперь борьба людей между собой за свободу, равенство и братство и после борьба за покорение вселенной, за человека — гегемона вселенной. Чем был бы человек без борьбы? Он был бы червяк, только в ней истинное величие человека.

Еще давно мне пришла в голову мысль, что причина развития человека есть лень.

Великая лень! Ты заставила обезьяну взять палку и сбить плод, вместо того чтобы лезть за ним. Ты показала ему, что ходить по земле легче, чем лазать по деревьям, и что убивать зверя камнем легче, чем рукой. Ты заставила мудрецов находить формулы и законы, чтобы легче было делать вычисления. А сам великий Ньютон, не был ли он лентяем? Конечно, да! Какой занятой человек станет думать: «Почему яблоко упало мне на голову?» Между тем Ньютон, будучи лентяем, подумал, потер ушибленное место и... открыл закон всемирного тяготения! В этом и есть несомненная польза лентяйства. Не будь лени, не было бы классовой борьбы, не было бы красоты жизни и великих научных открытий. А кто строит машины, устраивает войны, строит коммунизм? Лень.

О, лень! О, великая богиня человеческих знаний и борьбы за лучшую жизнь! Лень, только ты мой культ и идеал. Ты не можешь пожаловаться, что я не следую тебе.

Черт дер! Скорей бы звонок, а то урок математики что-то затянулся. Интересно, пришла ли В.? Она тут. Я пошел дежурить внизу, и мне удалось с ней поздороваться. Мне очень хочется с ней поговорить. Но мне неудобно. Лучше написать записку...

Вечером к нам придет какая-то дама передать привет от тети Лидии⁵.

Р. целый день заигрывает. Я таю. Ну и дурак.* Девчонки, как кошки: то тронут лапкой, то отбегут и никогда не прикачивают сразу.

---

* Приписано над строкой. — Г. М.

Сегодня в школе произошло смешное происшествие: Лебедев сделал Камневой чертеж и засыпался — на его чертеже стояла фамилия Камневой, а на ее — Лебедев.

12 декабря * Вчера вечером была дама из Варшавы. Передала привет от тети Лидии⁵. Она рассказывала, как живет евреев в Польше. Молодежь не может учиться и работать — не принимают. Безработица ужасная. Денег нет. Молодые люди кончают с собой... Многие вступают в подпольную коммунистическую партию. Скорей бы была мировая революция!

Сегодня пришла Софья Ивановна⁶ рано утром. Черт дери! Даже и в выходной не дают поспать. Докучливая старушенция опять мучила меня своими глаголами и dictée*. О великие боги! Для чего вы только создали учителей?! Недаром рифмуются слова «учитель» и «мучитель» — это почти синонимы.

После обеда пошел с Герькой⁷ в театр, но потерпел полную неудачу — не было билетов. В кино на «Чапаева» не попали. Вечером ходили к старой знакомой, в тот дом и квартиру, где я некогда родился⁸.

Читаю поэму Генриха Гейне «Германия». Замечательная вещь. Вот это поэт! Сегодня передавали по радио «современного Гейне» — «поэта» Светлова. Куда ему! Пишет: «в теплушке трамвая»⁹... Дурак!

13 декабря * Сегодня встал поздно. Утром ничего не делал и пошел в школу рано.

Панюшкин подошел ко мне с претензией, что я не выпустил стенгазету. Я решил отказаться от должности редактора и написал заявление. Жорка сообщил мне, что я назначен в учком. Теперь подумают, что я отказался от работы в отряде, чтобы пройти в учком. Ну и пусть думают!

К Р. я сегодня был очень равнодушен. Она подошла ко мне и спросила, откуда Исаев знает содержание записки, которую она мне прислала. Я ответил, что не знаю. Ума не приложу, откуда он мог проведать это? В мои тайны посвящены только Зигель¹⁰ и Жорка. Они не скажут. С В. поговорить не мог и не имел особого желания. Девки мне надоели. Слава Богу, чувствую, что охладеваю к Р. Два месяца с ума сходил.

---

* Диктант (фр.)

15 декабря * Вчера писать было некогда — был учком. Сидели поздно. После говорили с Елизаветой Ивановной¹¹ о нашей теории. В главных чертах она такова:

1) Материя не имеет единицы — она делима бесконечно.

2) Раз нет единицы, значит, нет целого — совокупности этих единиц.

3) Материи нет; есть только абсолютный дух вне пространства и времени.

Потом говорили о Боге. Решили устроить кружок и прочесть лекции о различных религиях. Я буду читать о буддизме.

Сегодня я должен написать сочинение о приемах образности в «Хаджи-Мурате». Не сделал. Наверное, попадет...

Между прочим, в библиотеке нашей школы нашел стихи моего любимца В. Брюсова.

Поэзия успокаивает меня. Когда я пишу стихи, то я чувствую, что все плохое уходит и в сердце остается только легкое и хорошее. К сожалению, теперь нет хороших поэтов, да и вообще искусства не могут развиваться при диктатуре, какой бы то ни было. Я знаю, что пролетарская наша диктатура, в которую я врос плотью и кровью, нужна теперь, чтобы задушить врага, но тем не менее и она препятствует развитию искусства.

28 декабря * Все эти дни не писал в дневник, потому что не хотелось. За это время написал два стихотворения в лирическом духе. В последнее время мне не хочется писать стихотворений борьбы и на всякие общественные мотивы. Я удаляюсь в заоблачные выси поэзии. Возможно, что это влияние Брюсова. Я увлекаюсь его чудесными стихами. Каждая строфа там отшлифована и блестяща, как бриллиант.

Читал свои стихи писателю Кривошапке¹². Он говорит, что простота есть и стиль оригинален, но способы выражения мысли еще слабы. Это меня очень огорчает. Наверное, я никогда не буду значительным поэтом. Мои стихи просто юношеское увлечение. В общем — буза!

1 января * Наконец наступили каникулы! Последние дни учились плохо — охоты не было. 30-го ходил на каток.

Вчера встречали новый год у Наташи¹. Сначала у меня было плохое настроение, сидел в углу и читал Блока. Когда все ребята играли, я заводил патефон. Моя меланхолия дошла до того, что я хотел уходить, но Наташа заставила меня остаться. После пришла большая Наташа, при виде которой моя меланхолия рассеялась совсем. Эта девочка чем-то привлекает меня. Ей семнадцать лет. У нее очень тонкая талия и черные глаза. Она пишет стихи и понимает меня. Мне очень приятно с ней находиться. Она просила принести ей мои стихи и обещала дать свои. Я обещался. Мне бы очень хотелось иметь ее своим другом. Ей одной я могу поведать то, что думаю и чувствую, так как Жорка слишком холоден для этого, Вовочка² неискренен, Червик³ глуп, а Зигель непонятлив.

Когда наступила полночь, мы начали бесноваться и вопить «ура!». Затем был фокстрот и прочая такая штука. Сидели поздно, до полтретьего.

Сегодня первый день нового года. Вчера ночью Земля пришла на то место, откуда она должна снова предначертанным путем обойти Солнце.

Наступил новый год. Новый год, новые надежды. Еще один год приблизил меня к годам, когда я смогу работать на пользу моей страны.

3 января * Вчера вечером написал стихотворение «Иш-хоанг-ти»⁴. Мне кажется, что я стал писать гораздо лучше за последнее время и техника прибавилась. Мне хотелось бы показать кому-нибудь свои произведения. В. Г-ич⁵ почему-то не хочет ни сказать мне конкретного мнения о них, ни посодействовать рекомендацией к какому-нибудь знатоку. Он хорошо знаком с Шенгели⁶.

Другие люди, которые читают мои стихи, вообще в поэзии мыслят, как свиньи в апельсинах, и отделяются фразами:

«Прекрасно! Восхитительно! Ну прямо будущий Пушкин!» Или: «Стиль оригинален», «Мысли хороши», «Нужно над собой работать» и т. д. Поэтому я наотрез отказался читать стихи таким людям и прячу их, уходя, а то родители достают их и читают.

Теперь окончательно я закончу «Жакерию»⁷ и отошлю ее Горькому.

4 января * Вчера изложение моих мыслей прервал папа, а вечером писать я не хотел и поэтому только теперь могу возвратиться к тебе, почтенный дневник, склад моих мыслей и идей.

Могу себя поздравить со старой новостью: я снова влюблен, хотя несколько дней назад я презирал девчонок, теперь взыскание с них снимается и им дается индульгенция на неограниченный срок. Тебе, драгоценнейший дневник, очевидно, небезынтересно знать, кто в сотый раз покорило мое сердце: это Наташа, и как раз Наташа маленькая. К сожалению, она влюблена (как это всегда водится) в Шепелева⁸. Черт дери! Любовь и физкультура — единственные поприща, на которых мне положительно не везет. Может быть, мне, четырнадцатилетнему мальчику, и глупо рассуждать о любви и ревности, но тем не менее. Я это продолжаю, ибо все, даже самые умные люди, знают интерес этих интрижек, высокопарность записок и любовь для любви.

Наташу большую я с 31-го не видал и был бы очень рад видеть. С ней я могу рассуждать очень откровенно. Завтра постараюсь с ней сговориться.

Пока мои каникулы проходят в чтении и приятном ничегонеделании. Читаю «Фрегат “Паллада”» Гончарова. Мне очень нравятся его язык, тонкий юмор и мастерство передачи. Обычно письма бывает скучно читать, но на этот раз я зачитываюсь ими.

Читал также Гофмана. Перевод, как мне кажется, неважный. Но мне нравятся полные романтизма сюжеты и грандиозность волшебной композиции.

Сейчас бы я с превеликим удовольствием отправился попутешествовать. Перенестись отсюда, от этого серого неба и голых деревьев, украшенных инеем, от замороженных окон и трескучего мороза в знойные тропики Индии, на берега могучего Ганга или еще куда-нибудь.

Да ладно, еще успею попутешествовать. В нашей стране гораздо больше интересного. Пройдет пяток лет, и я буду летать от песчаной и знойной Киргизии до холодного Мурманска, от мягкого Закавказья в суровый Уссурийский край с его тайгой и тиграми. Черт дери! Это будет! Будет обязательно.

5 января * Пошел в школу. Там, оказывается, педагогический совет. Педагоги постановили 7-й «Б» выдвинуть на место образцового. Особенно старался Шуйников. Вот сволочь! Что ему только нужно? Только и беседует о «политическом и неполитическом», а сам хоть бы зашел в класс, а еще называется председатель совсода*. Начал говорить речь и сказал, что мы недоцениваем галстук. Я хотел ему ответить довольно резко, что не тот пионер, кто носит галстук, и что, несмотря на то что сегодня без галстука, я больше пионер, чем Исаев, аккуратно носящий галстук.

Галстук есть обряд и такая же формальность, как иконы в церкви.

Но не об этом речь.

Пусть они там болтают, сколько им угодно, но 7-му классу «Б» не быть образцовым! Я на групповом собрании скажу это нашим ребятам. Теперь, кто будет разговаривать на уроках, того будем бить. Дашь раз по уху и замолчит. Главное у нас это дисциплина, по учебе мы вторые в школе. Домой шли с одним из райкома партии. Хороший парень. Получил табель успеваемости за вторую четверть. Пока дела идут отлично.

Папа принес «Чапаева»⁹, напечатанного на машинке. Я хочу его отдать печатать в какую-нибудь газету. Интересно. Но все-таки страшно: а вдруг все мои писания, плоды всех моих трудов — всего лишь пустая трата времени. Это будет для меня очень большой удар, так как я люблю поэзию всей душой.

9 января * Сегодня ходил к редактору «Пионерской правды»¹⁰. Понес стихи. Он посмотрел «Чапаева», раскритиковал зверски. Сказал, что, быть может, писателя мы из тебя и не сделаем, но ты будешь грамотным человеком. Поглядел стихи. Расчеркал, раскритиковал. Нет! Никогда я не буду поэтом! Все это ерунда, но все-таки это очень грустно. Вот возьму и сожгу всю эту размазню. Образы, эпитеты, слова, рифмы — все чертовски бузово. Пора кончать разводить писанину.

Редактор этот велел мне приходиться 11-го в 7 ч. вечера. Там будут ребята, которые пишут.

Я не пойду — к чему зря терять время.

10 января * Поразмыслив, я думаю, что мое положение не так уж плохо. Мало ли кого ругала критика? Взять Пушкина, Некрасова и др. А такой критик, как этот, особого авторитета не представляет. Я исправлю все свои недостатки, буду работать над собой и...

---

* Совет содействия. — Г. М.

Еще не такие трудности придется мне преодолеть. Главное — не отступать. «Тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет» — верные слова, которые я слышал мельком, идя вчера из театра.

Сегодня читаю книгу Вяч. Шишкова «Странники»¹¹. Интересны там типы и описание жизни беспризорников и воров. Эта книга явилась как бы иллюстрацией к моим размышлениям о человеке. В этом отношении у меня какие-то свои мысли, которые, как мне кажется, не вычитаны мной из книг и не внушены средой.

В наше время идеалом считается коллектив. Для того чтобы было хорошо коллективу, строятся машины, заводы. Но личность? Достаточно ли забота о личности? Не должно ли было раньше правительство воспитать личность? Человек! Сколько гордости и силы в этом слове! Но понимают ли его все, кто являются людьми? Нет! Возьмите этих воров, этих бандитов, этих хулиганов, которые тысячами ходят по улицам, сознают ли они, что они люди? Какие чувства воспитаны в них, кроме чисто животных? Да не стоит забираться так далеко. Возьмем простых крестьянских парней. Они считают, что сила физическая — первое в человеке. Кулак! Орудие зверя! Я ненавижу решения вопроса при помощи драки. Только зверь, не имея других выходов, дерется, защищается такой силой. Бороться физически может класс с классом, но не человек с человеком. Значит, что человек еще не осознал, что он человек и чем он отличается от животного.

Конечно, хороши все эти заводы, эти машины, но они не должны быть первыми в жизни, первое — человек. Самая сложная машина устроена проще, чем простейшая клетка, а человек состоит из миллионов таких клеток, и только малейшее нарушение гармонии их строения — и организм погибает, его не спасешь ничем.

Ничто не окупает жизни человека. Первое, что нужно воспитать, это личность, и, когда человек осознаёт ее, он все может построить и сделать. Тогда, когда он ее осознает, не будет рабов: они восстанут против своей неволи, они почувствуют себя людьми. Не будет всех, кто мешает построить идеальное общество. Почему все новшества встречают себе отпор — люди не сознают их пользы.

Говоря о воспитании личности, о ее значении, я не отрицаю коллектива, он великая сила. Не личность для коллектива, а коллектив для личности.

15 января * Вчера у нас был вечер. Мы на паях устраивали и девчат пригласили. Народу было четырнадцать человек, патефон и всякая такая вещь. В общем, было очень скучно. Ребята сели в одной комнате, девчата в другой. Я занимал и тех и других, пока не выбился из сил, но у самого меня настроение было неважное. Во время ужина играли во флирт.

Кстати, я замечаю, что последнее время с небольшими перерывами настроение у меня плохое. Я не знаю, чем это объяснить, так как жить очень весело, развлечений много. Дома условия тоже хорошие, даже очень хорошие: родители делают все, чтобы мне было хорошо и весело. Но мне не хочется ничего делать: ни читать, ни играть, ни развлекаться. Мне хочется только писать и писать. Описывать не жизнь, а фантазировать, создавать воздушные фантазии и рушить их, воспевать красоту, природу, чувства, только не жизнь. У меня (хотя, может быть, это только мои предположения) характер какой-то особенный, и меня мало кто понимает. Я так же добр, как и зол, так же откровенен, как и скрытен. Я сам замечаю противоречивость своей натуры. Я способен понимать самые тонкие движения человеческой души, но нет того, кто бы понял мою душу. Родители мои, люди очень хорошие и добрые, и те подчас не понимают меня, и это меня раздражает. Я нервничаю и волнуюсь, порой бываю груб, а они говорят, что я «испортился». Нет! Я ни капли не испортился, я только хочу, чтобы поняли мое настроение, которого сам не понимаю и не могу понять.

14 января * Вчера кончились каникулы, первый день пошли в школу. Там за эти дни немало изменений. Первое, самое главное и печальное (не для всех, впрочем) это то, что сместили Федю, добродушнейшего, интереснейшего из педагогов. Мне очень жаль старичка. Он все свои силы отдавал школе и в любую погоду, в дождь, в стужу, приходил в школу на дополнительные уроки.

О его смещении я знал и раньше, но не очень верил этому. Федя был нашим школьным чудом, нашей достопримечательностью, предметом для шуток и объектом для анекдотов. Его фигура была чрезвычайно величественна: огромный, толстый, с нестигающей спиной и ногами и крупной лысой головой. Лицо его было очень интересно: большой нос, седые усы, спускающиеся с верхней губы, были как у всех старых педагогов, но глаза были какие-то странные, не то удивленные, не то еще какие-то, но, в общем, младенческие невинные глаза, которые плохо сочетались с густыми седыми бровями и всей величественной фигурой. Смеясь, он был добродушен, хмурясь, комично строг.

Он начал учить нас с пятой группы и вначале грозным голосом и видом внушал страх. Но вскоре стали выявляться его слабости и странности, и ученики пользовались ими и надсмехались, правда, добродушно и без злобы, над стариком. И действительно, он был странным. Во-первых, он не знал учеников в лицо и благодаря этому происходило много комических случаев. Идешь по улице, видишь Ф. Ф., подходишь: «Здравствуйте, Федор Федорович!» Он обернется, поищет тебя и, наконец нащупав невидящими глазами, ответит: «А, здравствуй, здравствуй! Ну как?» Он может поздороваться с тобой два или три раза и путает всех всегда. На его уроках пересаживались и болтали перед самым его носом, а он, не замечая этого, кричал: «Староста! Запиши мне этого дезорганизатора!» — «Сейчас, Ф. Ф.!» Через минуту опять, пока наконец записка с дезорганизаторами водворена в Федин карман, в котором она мирно покоится. Когда болтали особенно много, он стучал по столу и кричал: «А ну-ка я пойду и посмотрю, кто там разговаривает!» И грузная фигура плывет по классу и останавливается перед каким-нибудь самым тихоньким и испуганным учеником:

— Ага-а, это ты болтаешь? Уходи из класса!

— Да нет, Ф. Ф., это не я... честное слово, не я...

— Не ты? — удивленно и доверчиво спрашивает он.

— Нет, честное слово...

— Ну ладно... — И фигура направляется на место, к доске.

На его уроках один ученик мог отвечать два раза, так как Федя в лицо никого не знал.

— Федор Федорович, я пойду отвечать!

— Ну иди. Как твоя фамилия-то?!

— П-ая.

— Ведь ты же только что отвечала.

— Нет, Ф. Ф... Что вы?! Нет, Ф. Ф., что вы!?. — повторяет класс. — Вы ошиблись!

— Ага, верно, верно! Ну ладно, отвечай.

И ученик, только что получивший «неуд», при усиленном подсказывании получает «уд» и с триумфом возвращается на место. Класс, получив тему для разговора, болтает, а Федя кричит свою формулу высшей злобы: «Всех буду вызывать и всем “неуды” ставить!»

Кроме того, он путал фамилии: вместо Гачечиладзе — Гача-ладзе, вместо Корнфельд — Кронфельд, вместо Хаимсона — Хайсон и т. д. Благодаря его наивности, с ним происходило много комических случаев, о которых по школе ходят легенды. Я не

поверил бы им, если бы не был очевидцем такого случая. Федю, благодаря его грузности, звали «троллейбусом». Однажды один ученик спрашивает его: «Ф. Ф., вы не видели троллейбуса?» — «Нет, не видал», — отвечает ничего не подозревающий большой младенец. «Ну так посмотрите в зеркало!» — И хулиган удирает со смехом, оставляя Федю в недоумении. Потом в учительской Федя, все еще недоумевающая, спрашивает: «Евгения Алексеевна, где же я в зеркале троллейбус-то увижу?» Жалко старика, большого младенца, который все-таки дал нам основу математических знаний.

Второе изменение это то, что ДОНО взялось наконец за школу. Инспектора, инспектора и инспектора. Все дрожат.

Вчера мы не занимались: нас погнали на профотбор. Мы дружно с него смотались, и Червик, Вовочка, Каулешка и я отправились в киношник на «Веселые ребята». Девчонки же мирно возвратились в школу, так как профотбора не было. Мы же приперлись в школу только к шестому уроку. У меня потом от голода, наверное, болела голова и я еле-еле дошел до дому.

Сегодня выходной. Ходил за коньками, которые отдал в клепку, но не получил их.

21 января * Сегодня годовщина смерти Ленина. Был траурный вечер в школе.

Все как водится: скучный доклад и не менее скучные выступления. Я читал свои стихи, которые, по-видимому, произвели впечатление, хотя я не отношу их к числу лучших стихов. Все было в общем самое обыкновенное, но меня поразил марш Шопена, который играла учительница пения. Эти скорбные звуки как бы проникают в душу, порождая печаль и заражая мысли грустью. Какие мысли были у композитора, когда он писал это? Что он хотел сказать этим?

3 февраля * Я опять возвращаюсь к тебе, мой милый дневник. Все эти дни я провел в сплошном веселье. Моя меланхолия исчезла, поэтому я и не писал в дневник, т. к. обращаюсь к нему только в минуты грусти. За эти дни никаких событий не произошло... Хотя, впрочем, умер знаменитый политический деятель В. В. Куйбышев. Несмотря на это прискорбное событие, хорошее настроение не покинуло меня.

Да! Я чуть было не забыл! Меня премировали... брюками «за активную общественную работу и ударную учебу». Этим я очень доволен.

4 февраля * Сейчас слушаю по радио оперу «Борис Годунов» и вспоминаю, какое она произвела на меня впечатление раньше, когда я ее видел. Помню, мне было тогда лет девять. Я уже довольно прилично знал историю и был уверен, что Димитрия убил Годунов. Опера должна была еще более укрепить меня в этом, но, наоборот, когда я увидел сцену угрызений совести Бориса, мне стало жаль его, я сидел, сам еле сдерживая слезы и желание вбежать на сцену и чем-нибудь помочь бедному царю. Эта сцена почему-то уверила меня, что не Годунов убил царевича. Теперь, прочтя несколько книг на эту тему, я тоже склонен думать, что царевич был убит Шуйским, который хотел этим подорвать влияние, каким пользовался Годунов.

Теперь жду, когда опера кончится. Тогда начну писать, а то при шуме я совсем не могу писать. Мысли бегут от меня, как мыши от кота. Малейший звук выводит меня из себя. Я становлюсь раздражительным. Сейчас я хочу написать страшную поэму, продолжение «Сна»¹², примерно такого содержания.

Я плыву по какой-то широкой реке в лодке. Рядом со мной таинственный спутник, одетый во все красное. Он молчит, и мне страшно. Мы едем дальше. Река разделяется здесь на три протока: Проток Пота, Проток Слѐз, Проток Крови – и впадает в Океан Горя.

Между этими протоками два острова. Один – небольшой – полон чудной растительностью, прекрасными птицами и пр. В центре его стоит Золотой замок, где живет страшный великан. Второй – большой, скалистый и печальный остров. В центре его большая дыра, ведущая в подземелье, охраняемая страшными псами. Таинственный спутник высаживает меня на берег и говорит, чтобы я спустился вниз, в подземелье, и освободил томящихся там людей. Для того чтобы это сделать, нужно их заставить самих развернуть красное знамя и достать факел свободы, который ослепит страшного великана, посадившего сюда людей. Я спускаюсь вниз и, пройдя через многие опасности, достигаю огромной залы, где в страшных мученьях трудятся люди, охраняемые псами. Я вскакиваю на камень и пламенной речью призываю их к освободительной борьбе. Злобные псы кидаются на меня, но я успеваю зажечь факел свободы, свет которого ослепляет их и будит рабов, которые кидаются на псов, кирками, кандалами разбивая им головы, душа их руками и впиваясь голодными зубами в их горла.

С диким криком следуют они за мной из темного подземелья наружу. Кидаются в воды и захватывают замок своего врага-вели-

кана, который сначала, ослепленный светом факела, кидается на людей и вступает с ними в битву. Но в это время появляется мой таинственный спутник, вид которого приводит в ужас великана, и, пронзив его кинжалом, бросает в реку. После этого он скидывает красный капюшон со своей головы, и все видят его благородное лицо, озаренное светом факела.

Может быть, это глупо. Фантастично, несовременно, но тем не менее я постараюсь написать это, хотя аппетит писания на сегодня у меня пропал.

8 февраля * Недавно я узнал печальную новость: заболела Ира Медникова, девочка, которая училась в прошлом году в нашей школе. Эта девочка была первой ученицей во всей нашей школе, она была умна и начитанна. Натурально, я был не совсем равнодушен к ней. Заболела она серьезно, туберкулезом, и теперь очень плохо.

Я помню, как год назад в морозные зимние вечера мы вместе ходили домой, и разговаривали обо всем, и наперебой рассказывали что-нибудь друг другу..

А теперь она больна, а может быть, и смерть витает над ее изголовьем.

Смерть! Она самый страшный, самый безжалостный враг человечества. Когда я думаю о ней, мне становится страшно. Смерть — это пустота, небытие, забвение. Вот так, жил человек — и вдруг налетает на него эта страшная смерть, и его нет, и он забыт. Зачем он жил? К чему? Кто помнит о нем? Мне поэтому хочется создать что-нибудь бессмертное, чтобы смерть, которая сметет меня, не смела этого моего труда, который останется памятником обо мне. Сознаюсь, что я немного рисуюсь перед собой и, хотя мне очень стыдно, не особенно думаю об Ире Медниковой, но таков закон: думают только о жизни, стараясь не омрачать ее кратковременное счастье мыслями о смерти.

9 февраля * Оказывается, что Медникова совсем не так больна. Эти проклятые девчонки всегда делают из мухи слона. Между прочим, она написала мне письмо, где надеется скоро меня увидеть.

«Только грядущее — область поэта!» — писал Брюсов¹³. Хотя я и не смею причислять себя к священному лику поэтов, но проблема грядущего очень меня интересует. Сейчас я думаю о том, что будет после коммунизма. Я, может быть, далеко заехал, но коммунизм я считаю уже почти настоящим и, по крайней мере,

делом решенным. Но что же будет потом? Буду рассуждать логически и последовательно. Вот общество достигло расцвета, человечество совершенно удовлетворено, частная собственность уничтожена, в общем рай земной. Но долго ли человечество сможет жить при таких условиях? Оно пришло (что подтверждает мой закон о спирали) приблизительно к той точке, откуда начало свое развитие, но, если можно так выразиться, номером выше.

Ничего не может быть вечно, так же не вечен и коммунизм. Очевидно, человечество разделит все свои богатства поровну между всеми членами общества. Но каждый человек имеет свои индивидуальные способности и потребности. Более способные захотят большего, и человечество снова проделает весь свой путь, снова обойдя (по моему закону) спираль истории. Я, конечно, не разработал и не развил мою мысль, это только начало, и то, насколько она верна, может показать только время. Но все же приятно глядеть вперед, теоретически обосновывая историю.

11 февраля * Вчера и сегодня не ходил в школу ввиду небольшой болезни горла. В такие дни, как сегодня, у меня всегда встает один и тот же вопрос: зачем мы живем?

И верно, зачем? К чему строятся все эти города, для чего борются люди? За что? И невольно предо мной поднимается человек во всей своей ничтожности. Что значит он, именующий себя чуть ли не царем Вселенной, с величественным могуществом мироздания. Может ли он, этот человек, эта пылинка, этот атом, или, вернее, атом атома, т. к. Земля есть не что иное, как атом Вселенной, может ли он, хоть на сотую часть миллиметра отклонить движение планеты? Может ли он, живущий во Вселенной, где миллионы лет считаются за мгновения, остановить кометы, остудить планеты и согреть Луну?

И вот он тут, на Земле, воображает себя царем, он смеет думать о великих проблемах, он хочет бороться. За что бороться? За что? Что считает он хорошим, какую жизнь достойной себя? Он считает хорошей жизнью хорошую еду. Да-да! Хорошую еду! Он еще не вышел из пределов чисто животных интересов. Только тогда человек сможет стать действительно силой, когда личные, животные интересы отойдут, когда останется идеал, когда уничтожится трусость, когда человечество, откинув мелкую личную гордость, приобретет свою общую гордость.

Тогда этот атом Вселенной завоеует ее, тогда он раскроет тайны больших цифр...

Ну, мне кажется, я истощил на сегодня все свои упадочнические мысли, всю эту глупую философию. Сейчас я должен писать письмо за границу и, конечно, в мажорном тоне, чего мне сейчас совершенно не хочется, но «Иисус терпел и нам велел», надо это сделать.

5 марта * Очередная хандра, именуемая любовью. Мыслей нет, куда ни отправишь свои размышления, везде она, она, она (хотя я и не пытаюсь о другом думать). Нечего говорить, что она, как и прежде, не думает обо мне. Да и есть о ком думать. Под ней, конечно, подразумеваю Р. К.

Стихи не пишутся и не лезут в голову. Торчит только одна глупая строчка:

...снится,
Как мчит таинственная ночь
на золоченой колеснице.

И точка.

Как жалкий цвет растет в тени,
Так я живу печальный, хилый.
О, Р.. на меня взгляни
И назовись моею милой.
Твой голос нежен, как свирель,
Он глубоко пронзает душу,
Твою божественную трель
Я целый день готов бы слушать.
Взгляни, пускай заря любви
Нас озарит прекрасным светом,
Моей души не отрави,
Пригрей несчастного поэта...

8 марта * Между прочим, Венгрия* составила мой характер по почерку. Я бы составил свой характер так (придерживаясь ее концепта): культурность, вкус (литературный и эстетический), добродушие во мне особенного нет, миролюбие определенное, недоверчивость, по-моему, лучше назвать скептицизмом, ибо я очень доверчив, сдержанность в некоторых случаях, последовательность, выносливость, лень, иногда предприимчивость (если вопрос интересует), умение критически подойти к решению вопроса, насмешливость (незлобная, но часто неприятная), логика, кажется, развита, сочувствовать могу очень глубоко и искренне, способность к глубоким привязанностям (да, откровенность, но

---

* Видимо, это прозвище одноклассницы. — Г. М.

не со всеми), склонность к идеализму, лаконизм в деле, болтливость вне его, горячность в действиях и чувствах, способность в нужных (но редких) случаях врать с серьезным лицом, сильно развитое товарищеское чувство, легкая влюбчивость.

9 марта *

О чем писать? Иссякли мысли,
Устало быстрое перо,
Как тучи тайные нависли
Вопросы пламенных миров.
В бездонной тьме вы точки света,
Вы, указующие путь,
Вы вдохновение поэта
Влили в тоскующую грудь.
Когда, как будто черным шелком,
Положит вечер свой покров,
На вас, о звезды, диким волком
Завыть в экстазе я готов,
А на поляне, там, где черти
С усмешкой шепчутся в кустах,
Плясать безумный танец смерти
С кровавой пеной на устах.
Я зверь, я дик, я жажду крови,
Я в горло впить желаю клык,
Безумный взгляд мой жадно ловит
Последний стон, последний крик.

А после, в липкой теплой луже
Умыв лицо, опять плясать
И наводить безумьем ужас
На молчаливые леса.
И засмеяться диким смехом,
Звенящим гулко, будто сталь,
Чтоб после долго громким эхом
Переговаривалась даль.
Пускай кричат о злобе совы,
Кому не страшен я теперь?
Задвиньте крепкие засовы,
Не то ворвусь! Я зверь, я зверь!

.....
Ваш тайный свет налил мне в душу
Безумье силы в этот час,
И нет того, что не разрушит
Мой разрушающий экстаз.

3 с е н т я б р я * Недавно я обещался написать или продолжить описание моей деревенской жизни¹⁴. Сейчас я как раз расположен это сделать.

Я уже сказал, что кроме Жени и Юры я не имел товарищей там. Большую часть дня находился я один. Спал или катался на велосипеде. Вечером обычно собирались мы у ворот Женькиного дома и сидели поздно-поздно. Много ослили, но я чаще молчал. Смотрел на небо, на четко видный Млечный Путь, следил за падающими звездами. Загадывал какую-нибудь мысль и ждал, и если в это время пролетал метеор, то был уверен, что желание исполнится.

В такие ночи больше всего думалось о девушках. Тело и ум тонули в каком-то приятном томлении. Комок сладкой тоски сжимал сердце в своих тисках. Неотразимое желание поработало волю, и только одна мысль была в голове: «Люблю-люблю». Кого? Это было все равно. Далекий смех или песни, тихий шепот в тени пробуждали во мне бурное волнение. И долго не спал я, приходя домой, ворочался с боку на бок, смотрел на ослепительную луну в окне, слушал сонное бормотание спящих и мечтал.

В частые и тоскливые дожди, длившиеся в это лето по целым дням, а иногда и неделям, читал философию. Довольно прилично изучил Ленина и Энгельса.

Читал Тургенева и восхищался задушевной дикостью и яркостью «Песни о Гайавате». Прочел «Записки цирюльника» Джерманетто¹⁵. Книга понравилась своей чисто итальянской горячностью, задорным огоньком и убежденностью. Еще читал «Черное золото» А. Толстого — авантюрный роман, — и еще несколько книг (Лескова и др.).

В хорошую погоду уезжал к вечеру в поле и смотрел на закат.

Однажды ночью мы (я, Женя, Люся — Женина сестра, и Сасыныч) отправились воровать и печь на костре картошку.

Как сейчас помню звездную ночь без луны, ничем не нарушаемую тишину и сыроватый ночной холодок.

Деревня скрыта за холмом. Сзади — поле, впереди — лес, кругом тени. Мы идем, негромко разговаривая. На случай взяли длинный японский нож. Смеемся, но как-то инстинктивно вместе с холодом ночи где-то под кожей чувствуется страх. Как что-то скользкое вползает он под рубашку.

В лесу густая тьма. Ломаем ветви и выходим на опушку. Мы с Женькой разжигаем костер, остальные пошли за картошкой. Сырые ветви долго не разжигаются, я жертвую свои письма для

растопки. Наконец ярко сияет костер. Сноп искр улетает в черное небо. Яркий круг света, за ним неприветливая ночь. Ушедших за картошкой все нет. Вскоре появляются и они, благополучно исполнив свое дело. Долго сидим и говорим у уютного огонька, глядя на золотые искры и рассуждая. Поздно идем домой, так и не поев не успевшей поспеть в золе картошки.

Прекрасная ночь! Счастливые часы!

4 сентября * Чтобы стать товарищем, надо иметь общие интересы, найти исходную точку; чтобы стать популярным, надо чем-нибудь отличиться, надо кормить сенсациями¹⁶.

Я люблю быть «своим парнем», я люблю быть со всеми в хороших отношениях. Дня через два после начала занятий нам выдали тетради. Ребята затеяли драку тетрадями: подойдут и звонко шлепнут по голове. Я пробовал тоже принять в этом участие — подбежал и ударил одну девочку, она со смехом обернулась, чтобы отомстить, но, увидев меня, скорчила презрительную мину и процедила: «А ты-то еще куда?» Я ушел оскорбленный, но с твердым намерением завоевать популярность и стать своим. Чтобы завоевать класс, надо завоевать его верхушку. Я ждал случая, и наконец он представился. Вышло это на уроке биологии.

Один парень (парень этот был Пуцилло¹⁷), говоря о функциях человеческого скелета, сказал, что он предназначается для поддержания всех органов и т. д. Биологичка придралась к слову «предназначается», заявив, что под этим словом мы можем подразумевать какого-то «Творца», который что-то «предназначает»... А Творца, то есть Бога, нет.

Тогда встал я и ответил, что пустое утверждение, что «никакого Творца нет», еще ничего не доказывает и глупо делают те, кто принимает его на веру, я же лично совсем в этом не убежден и просил бы представить доводы против существования Бога.

Биологичка ответила, что «об этом мы поговорим после», и просила прийти к ней в кабинет после шестого урока. Я согласился.

Класс, т. е. лучшие члены его, заинтересовался предстоящей дискуссией и многие решили остаться тоже.

Я выбрал поприще, где мог себя проявить.

Два урока играли мы в волейбол и беседовали (у нас было четыре урока), а затем отправились в кабинет по естествознанию.

От лица всех присутствующих я заявил, что мы интересуемся вопросом существования Бога, причем представляем себе его

не старичком с бородкой, а какой-то высшей силой, движущей миром.

Она говорила долго о физиологии человека, не дала определения, что такое мир, крутила и вертела и ничего не доказала. Скорее она говорила, что я еще многого не понимаю и косвенно намекала, что не стоит интересоваться таким вопросом.

Тогда я выступил с теорией Беркли¹⁸, свел мир к «комплексам ощущений» и объявил эту теорию неопровержимой. Все заинтересовались этим. Биологичка спустилась к бесплодному высмеиванию. Завтра дискуссию продолжу. В ней двоякая польза: 1) общие интересы с ребятами и популярность, 2) урок тупым учителям, дающим своим ученикам сухие догмы и преследующим критическое отношение к вопросу. Я всегда был противник последнего.

5 сентября * Черт знает что за жизнь стала у меня дома! Мне, наконец, пятнадцать лет, мне тесно! Мои родители пропитаны страхом ко всему. Мелочи душат меня. Не катайся на велосипеде — ты попадешь под трамвай, не ходи по лесу — тебя убьют разбойники, не брейся в парикмахерской — ты заразишься, и так во всем. Все это делает жизнь невыносимой. Мне запрещают заниматься философией, так как слишком рано. А я желаю знать больше, чем другие. Бесконечные нравоучения о морали выводят меня из себя. Я становлюсь угрюмым, отвечаю резко. (Вообще в последнее время я стал мало смеяться.) Начинаются пиление и разговоры о том, что я невыносим, суров и что веду себя дома, как квартирант. Но я не могу — мелочи угнетают меня. Мне не дают ничего делать самому, а потом упрекают за несамостоятельность. Я стараюсь быть поменьше дома, и за это опять упреки. Меня не понимают. И главное, эти невыносимые рассуждения. Они хороши один раз. Но каждый день это чертовски неприятно. Я не восьмилетний ребенок. Кроме того, противны и уверения в том, что я живу лучше всех. Я не спорю — жизнь моя хороша, но к чему попрекать этим. Как только я явлюсь из школы, сейчас же следует надоедливый вопрос: кто вызывал? что завтракали? Я ужасно не люблю отвечать на эти вопросы. Я ничего не скрываю, но говорю сам.

Мне ничего не нужно. Для того чтобы я стал хорошим сыном, нужно немножко оставить меня в покое.

Чрезмерная заботливость так же вредна, как безнадзорность.

6 сентября *

Два друга у меня¹⁹, с которыми делю я
Волнения и страсти жизненной игры.
Совместно радуясь и вместе негодуя,
Справляем юности безумные пиры.
Один из нас отбросил пылкие мечтанья,
Туманной тени грез его не ищет ум.
Опора наша в нем, в его самобладаньи,
В суровой глубине его правдивых дум.
Другой мой лучший друг, безумец и мечтатель,
Прелестных глаз и чудных губок обожатель,
Он юность размышленью посвятил.
Ему дороже всяких развлечений
Святые недра увлекательных учений
О всех системах неизведанных светил.
Я третий. Фантазер, гордец честолюбивый,
Неведомый певец непризнанных стихов,
Всегда влюбленный и слезливый,
Для радостных минут отдать себя готов.
Виденья светлых муз одна моя отрада,
Созвучия стихов я рад всегда впивать.
За песни за мои мне взор любви награда,
За звуки нежных слов готов я обожать.

8 сентября * Я, кажется, влюблен. Впрочем, это совсем и не кажется. Я влюблен, влюблен прочно и мучительно. Это случается у меня часто и продолжается, как правило, недолго, но на сей раз я чувствую, что это прочно.

Говорят, что моя любовь не очень красива, по-моему, она прекрасна. У нее чудные черные глаза, темная коса, овальное чистое лицо... ее трудно описать. Она умна и привлекательна. В первый день, когда я пришел в школу, я решил: «Это она!»

Кстати, ее имя Наташа Черкез (отныне в дневнике NN)²⁰.

19 сентября * Вчера, гуляя с Жоркой и Зигелем, встретил Р. К... Когда увидел ее, сердце сжалось невольно и забилося. Она похорошела, но, сверх ожидания, не вызвала во мне былых чувств, хотя летом я писал ей и получал от нее письма.

Хотя Р. К., говоря объективно, девочка незаурядная в смысле таланта (она имеет чудесный голос и слух) и, несмотря на среду, из которой она происходит, с довольно высокими запросами (за это именно я и полюбил ее), все же NN более серьезная и глубокая натура (быть может, даже и талантливая).

Теперь я окончательно убедился, что люблю ее.

Сегодня я отослал написанное мной вчера послание. Сначала опасался, что она не примет, но она приняла и даже ответила.

Ответ следующий: «Дези, я не смеюсь! Я многое могла бы тебе сказать, но зачем это теперь. Скажу кратко: не люблю еще, но, возможно, полюблю. Напрасно ты сказал мне, что любишь: теперь не может быть по-старому. Я могу постараться забыть об этом, но ты, ты сможешь ли?!»

Не знаю, хорош ответ или нет. Слова «еще не люблю» обещают многое...

22 сентября * Эти три дня прошли для меня плодотворно, как в смысле любовном, так и в смысле моих философских рассуждений. Я не буду заносить сюда последние, т. к. они имеют специальное место²¹. Предметом же их являлась конечная цель жизни человека в отдельности и человечества в целом. В процессе своих рассуждений, логически развертывая их, я пришел к тому, что, хотя человек и существо высокоразвитое интеллектуально, все же он не имеет никаких особых «духовных» задач своей жизни и вся цель ее сводится к простому инстинкту самосохранения.

С NN после ее отказа отношения сразу изменились. Я стал мрачен, как демон, говорил односложно, пока она, не выдержав моих страданий, не написала послание.

25 сентября * Этот период моей жизни, как я сам чувствую, есть главная точка, из которой я буду исходить и в дальнейшем. От того, в какой последовательности я буду мыслить сейчас, будут зависеть все мои мысли, настроения и мировоззрение. Я лично придаю огромное значение этому перелому и тому, что происходит со мной сейчас.

Я нахожусь сейчас в постоянных исканиях. Я мечусь в поисках цели, интереса, истины. Впервые появляется желание мыслить и чувство мысли. Хочется синтезировать все происходящее, хочется урегулировать все многообразие явлений и подчинить все одному могущественному закону. Для этого я читаю философию, верю и сомневаюсь, и постоянно по кирпичикам собираю собственное мировоззрение...

Искания мои разделяются в основном на поиски цели и идеи, на поиски Великого закона, великой правды всего человечества и поиски своей личной этики, того, что «хорошо» и что «плохо».

Цель и идея моей жизни пока что не очень ясны для меня, я ищу их. В основном они сводятся к созданию великого общечеловеческого блага и служению этому благу. Кроме того, как, наверное, и все люди моего возраста, я отвожу себе не совсем урядное место в создании этого самого блага. Часто воображение рисует мне героические картины борьбы и гибели за идею или триумф поэта — певца общечеловеческой идеи.

Общечеловеческое благо мое в общих чертах сводится к коммунизму Маркса и Энгельса, и поэтому я считаю, что поступаю честно, являясь членом коммунистической партии, поскольку мои идеи почти целиком сходны с ней. Не согласен я только в нескольких малых пунктах, касающихся внутренней политики, в частности заимствования многого у старого. Например, факт введения в революционную армию чинов (лейтенанты, майоры, полковники!) считаю недопустимым, ибо сама сущность их есть поругание революции²².

«Великая правда» еще более туманна для меня. В чем искать ее? Есть ли правда в нравственном усовершенствовании людей, или ее следует искать только в божестве, в вере? Я не могу решить этого, хотя мне кажется, что сама человеческая натура тяготеет к правде и человек всегда старается следовать ей.

Закон же, управляющий миром, — развитие, которое есть обязательное свойство всего существующего. Относительно субстанции мира трудно встать на какую-нибудь точку зрения, так как неизвестно, что лежит за нашими ощущениями — действительные вещи или «комбинации ощущений».

Этика, которая сложилась у меня, сводится к стремлению к великому. Я считаю, что каждый человек должен иметь свою идею, которую обязан защищать до конца. Отречение от идеи возможно, ибо признание своей неправоты не возбраняется. Но отречение от идеи из выгоды или из страха — подлость.

Каждый человек должен стараться совершить великое. Великая подлость лучше, чем мелкая добродетель.

Самое худшее преступление, по-моему, предательство. Предателю нет оправдания. Самая гадкая вещь — ложь. Всегда надо говорить правду или молчать.

Всегда следует быть спокойным, но не холодным. Идея требует, чтобы ей отдавались полностью. Не рекомендую ничего принимать на веру, все требует обоснования, доказательства и размышления. Любить... Кстати о любви.

Она занимает значительную часть моих мыслей. Она стала потребностью. Иногда она завладевает мыслями и телом, тогда

весь погружаешься в бездумную меланхолию и хочется любить... Вернее, неизвестно чего хочется. Это чувство очень беспокоит меня, т. к., с одной стороны, ему не придается большого значения, во-вторых, объекты ее часто меняются и потому она не похожа на глубокую любовь, о которой пишут в романах, с другой же стороны, она непреодолимо влечет и иногда заставляет забывать многое.

29 сентября * Очень большое место в моем дневнике, и не только в нем, а и в мыслях моих, занимают отношения с девочками. Отношения эти беспокоят не только меня. Все, самые серьезные и самые ветреные так или иначе интересуются этим вопросом. Показательно, что даже Джорж — воплощение рассудительности и спокойствия — признавался мне, что испытывает душевное напряжение и волнение, хотя ничем его пока не проявляет, благодаря своему удивительному самообладанию. Несмотря на все это, я не пытался анализировать сущность, глубину и значение этих отношений. Сегодня как раз благоприятное время, чтобы это сделать, т. к. никого дома нет, а в школу я сегодня не ходил из-за легкой ангины.

Отношения эти стали появляться года два тому назад и выражались первоначально во взаимной неловкости и преувеличенной официальности. Затем появляются и объекты, к которым чувствуется равнодушие, но чувства эти приводят в сильное смущение, и никаких объяснений или проявлений их не замечается (по крайней мере, снаружи). В прошлом году на это дело начали смотреть уже проще. Появляются так называемые романы, пишутся записки, заводится «любовь» и т. д.

Разговоры, которых раньше избегали, осуждали, начинают вестись с полной откровенностью, и многие ребята с головой ударяются в «стреляние», бросают учебу, пропускают уроки и возвращаются окончательно с пути истинного.

Несомненно, все это вызывается определенным этапом полового развития, и в этом нет ничего неестественного, но все же у многих это принимает болезненные и ненормальные формы.

Но я очень разбрасываюсь. Начну по порядку.

Может ли существовать любовь в нашем возрасте? Многие говорят, что нет. По-моему, это отчасти неверно. Быть может, любовь, как мы ее понимаем во «взрослом» значении, и не существует, однако есть чувства, очень близко к ней стоящие.

Вообще что такое любовь? Это физическое чувство, переработанное духовно. В конце концов, любовь к женщине, как бы

платонична она ни была, всегда останется половым влечением. Существует только различная окраска. Начало такого физического чувства существует и у нас, значит существует и начало любви. В чем же выражается это чувство? Во-первых, в непреодолимом влечении к особам женского пола, в своеобразном томлении и беспокойном сне.

Ввиду того что половое влечение еще недостаточно окрепло, я считаю чувства в нашем возрасте наиболее чистыми, платоническими. Это выражается в том, что часто мы влюбляемся в особ, физически совершенно ничего собой не представляющих, и связь наша носит характер особой дружбы.

Такие «романы» вообще я считаю явлением нормальным и ничего плохого собой не представляющим (не говоря, конечно, о личностях совершенно испорченных, вступивших в нездоровые отношения).

Интересно, что физические отношения вызывают сейчас во мне отвращение. Чувство гадливости охватывает после объятия или поцелуя, и не только они сами, но даже представление о них противно. Наша любовь есть как бы дружба, и такой она должна быть.

Главной чертой наших отношений, насколько я мог наблюдать их у моих товарищей и у себя, является непостоянство их. Я объясняю это тем, что чувства в нашем возрасте не имеют особого характера целеустремленности. Иногда можно чувствовать влечение не к одному объекту, не предпочитая никого друг другу.

У многих завоевание расположения переходит в своеобразную игру, в поиски постоянного напряжения. Я считаю, что уходить или прятаться от этих чувств нечего, но давать им особую волю и возводить в степень настоящей любви тоже нельзя. Нечего распускаться. Если дашь сейчас себе волю, то окончательно истаскаешься, сделаешься фатом и, когда придет время настоящей любви, потеряешь вкус к жизни.

Я стараюсь держать себя в известных рамках. Единственно, чего я боюсь, как бы все это не перешло у меня в спорт, т. к. все объекты очень скоро надоедают мне или по глупости, или по уму, или по ограниченности. Я ишу сейчас долгой и большой любви-дружбы, ишу простых и близких духовно отношений, ишу одинаковых интересов.

Думаю, что, найдя их, я покончу с донжуанством и обрету полнейший душевный покой.

(NN подходила бы для этого, но она слишком томна и недостаточно открыта для дружбы. Признаться, мне скучно стало с ней.)

30 сентября * Сегодня день визитов. Меня, как «болящего», навестило очень много человек. Бесперывно звонили по телефону. Утром явились Жорка, Зигель и Зотик. Зигель поверял мне свои сердечные тайны: влюблен в какую-то очаровательную девушку, с которой у него установились чистые дружеские отношения. Эта девушка находится в весьма незавидном материальном положении, и мой великий идеалист, преисполненный нежной жалостью, рисует в своем воображении трогательные картины любви и т. д. Обожаю я этого Зигеля! Это хороший, искренний и настоящий друг. Он очень честен, горяч, влюбчив, вспыльчив, большой фантазер, добряк и идеалист, способен глубоко увлечься и верить, благороден и открыт. Занимается он астрономией и глубоко ею интересуется. Несмотря на свои пятнадцать лет, занимает почетное место в астрономическом обществе и имеет в своем ведении целую обсерваторию, в которой готов просиживать целые дни и ночи. В пылу своего увлечения он думает, что все обязаны интересоваться тем, чем интересуется он, и таскает меня и бедного Джоржа в обсерваторию (особенно достается последнему). Кроме всего, он очень начитан в философии, и часто мы устраиваем с ним споры (он отчаянный идеалист). Мне нравится его искренность. Он верит в Бога и, хотя это теперь не принято и может даже для него иметь неблагоприятные последствия, не отрицает этого.

Совсем другого типа Жоржик или, как я его зову, Джорж. Он очень рассудителен, очень замкнут, не поддается никаким юношеским увлечениям, романов боится и не имеет, весьма умен и принципиален. Слово свое он сдерживает всегда, очень уступчив в мелочах, но в большом деле непоколебим. Вообще парень довольно веселый и благодаря своему уму пользуется большим уважением. Его я люблю как надежного хранителя душевных тайн и мудрого советчика. Занимается шахматами и интересуется философией.

Мы троим составляем трио неразрывной дружбы. Жорж есть наш центр, а мы — полюса. Эти двое — мои лучшие и единственные друзья. В нашем обществе Джорж становится более открытым, и то, что он говорит нам, он не скажет никому.

О Зотике, который пришел сегодня с ними, сказать особенно нечего. Личность очень серенькая и бесцветная. Роста маленького. Голосочек тоненький, черты лица мелкие, в общем, весь похож на небольшого воробья. Неплохо играет в шахматы, неплохо рисует (но таланта нет), аккуратно чертит, все делает неплохо, но ничем не выделяется.

После пришли Наташа, Люська, Сережка, Боренька Курбатов и NN²³.

NN очень понравилась моей мамаше. Весьма доволен этим. Завтра пойду в школу.

1 октября * Хреновое настроение. Не знаю, что делать. Чувствую себя подлецом и негодяем. С какой стати сказал я ей, что люблю ее, когда не был в этом как следует уверен? Что я скажу ей теперь? За кого она меня примет? Если я буду молчать, то это гадко и подло с моей стороны, если я скажу, это будет честнее, но с какой стороны покажу я себя! Если это была бы другая, более ветренная и легкомысленная, то дело другое. Но она любит меня серьезно. А молчать больше нельзя. Настроение гадкое. Предложить ей дружбу? Но она это примет за насмешку. Я подлый эгоист. Мелкий честолюбец. Хотел видеть ее у своих ног, не любя, только потому, что ее любят многие. И я мог находить в этом удовольствие. Я решил завтра спросить ее серьезно: любит ли она меня или колеблется в своих чувствах. Если первое, я глубоко несчастен, если второе, я счастлив. Никогда я не желал больше, чтобы ко мне относились безразлично. Комедию играть больше не могу. Из-за тягостного настроения писать не могу.

Сегодня был первый французский урок. Начинается зимняя волынка. В этом году придется приналечь на языки. Надо будет освоить технику и приняться за французские романы. Сейчас страстно желаю, чтобы наступила зима. Зима... Каток... Морозы. Я люблю зиму. Люблю зимний город. Город летом отвратителен, город зимой прекрасен. Особенно хороши солнечные зимние дни. Стальное морозное небо. Причудливый иней на ветвях, блестящие окна домов, а кругом белое-белое... Хорошо! А еще люблю коньки. Вечером лед блещет разноцветными огнями — отражает качающиеся фонари. Кругом пестрые пары... музыка. Приятно нестись, включившись в общее течение, подлаживаясь под ритм музыки или ехать вдвоем, согласуя движение тел и ног... Ехать молча, изредка перекидываясь словами. Скорей бы!

Так всегда! Человек, несмотря на краткость его жизни, ждет, чтобы время шло быстрее. Зимой жаждут лета, осенью зимы. В детстве жаждут юности, в юности ждут зрелости, и лишь бесплодная старость не стремится вперед, ибо ее будущее есть смерть, а, оборотившись назад, смотрит на прошедшую жизнь. Смотрит и испытывает удовлетворение, если он создал, или скорбь, если он не мог создать.

5 октября * Писал я недавно, что люблю только великое: великую подлость и великую добродетель, а вместе с тем я совершил

самую мелкую и гадкую подлость. Подлость из-за ничтожного тщеславия. Я был так себе противен из-за нее, что не мог даже писать в дневник. Подлость эта со стороны покажется совсем незначительной, и другие, возможно, даже не примут это за подлость, но я обдумал и решил, что больше никогда, никогда этого не будет. Пусть я буду тысячу раз честолюбив, никогда со мной не будет совершенно ничего подобного. Из-за этого я потерял даже удовольствие после избрания меня председателем отряда, несмотря на явное нежелание вожатых, голосовавших против. В 19-й школе меня проводили вожатые, а теперь за один месяц я добился огромного авторитета. Расскажу, как это было. Меня выбирали председателем отряда. Признаться, я хотел этого. И меня спросили: «Ты вел эту работу в 19-й школе?» Я сказал: «Да. Я был председателем отряда», когда я им никогда не был. Я взглянул на Уеду²⁴. Он улыбался. Я был всегда на более высоких должностях, но я соврал, чтобы меня избрали, когда был бы выбран и без этого. Черт знает как противен я себе. Подлости преследуют меня.

9 октября * Я покончил с NN. Сверх ожидания она не называла меня негодяем. Видно, я сам ей надоел.

Но это все позади. (Мы любим забывать неприятное. Это в человеческой природе. 5 января 36-го.)

Сегодняшний день был днем решительного моего сближения с Пуцилло. Мучимый гадкой меланхолией, я обратился к нему и нашел в нем неопенимого и чуткого товарища. Не время, не характер сближают людей, сближает их взаимное понимание. Только сегодня я увидел всю глубину и справедливость его натуры, только сегодня увидел, как тонко он умеет понимать.

Мы говорили о многом. О чем? Обо всем. Мы изливали друг другу самые сокровенные мысли и движения души. Он увлекается толстовством, и его взгляды мне очень нравятся.

«Обдумывай! — сказал он мне. — Люби, но обдумывай». Да, он прав. Только это спасет меня от легкомыслия. Пуцилло старается анализировать свою натуру и склонен недооценивать себя. «Я очень многое очень мучительно переживаю, — говорил мне он. — Как мучительно хотеть что-нибудь делать и не иметь возможности это исполнить!» Он вообще называл себя неспособным и глупым, и мне большого труда стоило переубедить его в этом.

Цель жизни, по его [мнению], работа. Он желает своей жизнью вложить небольшую лепту в работу всего человечества.

Я вижу, что нашел неопенимого друга.

Он понимает гораздо тоньше, чем Жорка и Зигель, и ему можно поверить больше.

«Чтобы узнать жизнь, нужно испытать ее», — говорит он. Он не читал почти ничего по философии, но его размышления обнимают довольно широкие области философии, и темы их сходны с моими. Мы очень близки друг другу.

К чувству дружбы у меня примешивается еще чувство глубокой жалости. С непередаваемой скорбью он говорил мне: «Я потерял отца. Потерял как раз в тот момент, когда почувствовал, как много он мне может дать, как он мне дорог и нужен. Мать... Она не поймет многого. Я пробовал говорить с ней. В ней только инстинкт, она — мать...» Он действительно страдал. Он одинок. Я постараюсь ввести его в круг своей семьи. Он доверяет мне: «Тебе я говорю многое, что не говорил никому. У меня не было друзей». У него не было друзей, так они у него будут! Я буду ему верным и хорошим другом.

Теперь надо бросить ребячество. Я слишком мало пережил, я не знаю еще настоящих страданий.

В школе полный успех. Выдвигаюсь во всех областях. Мое сочинение оказалось лучшим в классе.

10 октября * С ужасающей быстротой растет моя любовь к прелестной незнакомке. Только сегодня узнал я, что имя ее Татьяна²⁵. Какое прекрасное имя! Я влюблен до безумия. Я готов целый день смотреть на нее. О, истинная любовь есть только в созерцании! Отнюдь я не собираюсь признаваться ей. Я счастлив, что люблю ее. Это бескорыстная любовь, не требующая взаимности. Как некий герой Куприна, я благодарен ей за то, что она существует. Как счастлив был я, когда она одарила меня своим взглядом! Пусть это банально и пошло, но это так. Целые перемены стоял я в углу зала и следил за ней. Кажется, она заметила меня. Но, честное слово, я не желаю даже знакомства с ней. Я хочу только ею любоваться. Как желал бы я получить ее карточку! Целые дни, не уставая, глядел бы я на нее. Мысли о ней преследуют меня везде, куда бы я ни пошел. Как прекрасно и вместе с тем мучительно любить!

Эта моя любовь не похожа на все эти интрижки, когда «да» было целью.

Нет, это чувство так же сильно и чисто, как чувство мое к Р. К... и еще более сильно.

В гирлянды слов вплетаю, как цветы,
Я о тебе прекрасные мечты.
В моей груди всегда рождаешь ты
Могучий дух любви и чистоты.

Тебя люблю, как тайны юных грез,
Взлеянных под шепоты берез.
Ты вся чиста, как жемчуг детских слез,
Как лепестки моих любимых роз.
В тебе одной прекрасен светлый мир,
Тебе одной моих звучанье лир,
Ты идеал, ты счастье, ты кумир,
С тобой хочу свершить безумья пир.
У ног твоих готов я век лежать
И лишь «люблю» смиренно повторять.
Тебя одну безмолвно созерцать
И не желать, не думать и не ждать.
И выливать игру страстей моих
В витанье звуков, в заунывный стих.

12 октября * До сих пор я не писал ничего о внутреннем и внешнем политическом положении нашей страны и всего мира, считая это не входящим в задачи дневника, поразмыслив же, я решил, что был похож на крота, ничего не видящего вокруг. С сегодняшнего дня я постараюсь заносить в дневник важнейшие политические события, оценивая их со своей точки зрения. Таким образом, мой дневник явится со временем и довольно интересным с исторической стороны произведением. Постольку поскольку целью его является оценка самого себя и создание автобиографической повести, я должен дать не только свои переживания и мысли, но и эпоху, и великих людей, и общество моего времени.

Описывать политическое положение меня толкнуло еще и чрезвычайное напряжение, царящее вокруг; точно электрический заряд накопился и с минуты на минуту разразится, вызвав всеобщее потрясение. Великая угроза повисла над демократическим миром, быстро растет ужасный фашизм. Великий и ужасный, как демон, Гитлер грозит всему миру войной. Германия, так недавно копошившаяся в пыли Версальского договора, поднялась над Европой и уже не просит, а угрожает.

Итало-абиссинская война создает страшные столкновения интересов. Победа Италии означает усиление фашизма, быть может, победу его в Европе. Лоскутная Англия не предпринимает ничего. Франция слаба. Америка нейтральна.

Все шансы за победу в Италии. Партизанская война поможет абиссинцам продержаться немного дольше, но вряд ли очень долго. Фашизм совершает свой победный марш.

У нас каждый день говорят о войне. Ее призрак стоит близко. Дни полны всевозможных неожиданностей. Германия, Ита-

лия, Япония, а может быть, и Англия — сильнейшие державы мира — объединены единственным стремлением — уничтожить нас.

Удастся ли им это? Возможно, что и да. Как страшно одно даже это предположение!

Но нет! Этого не будет! У нас самая идейная в мире армия, у нас хорошая техника, и неужели рабочие других стран пойдут уничтожать свою республику?

Но пусть война! Мы победим. Я твердо верю в это.

Моя любимая мечта это смерть за нашу страну, за мою идею. Я вступлю в комсомол и в случае войны пойду первым на фронт, чтобы победить. Пускай мне мало лет! Дети Парижской коммуны сражались так же, как и взрослые.

Сегодня день провел с Пуцилло. Разговаривая о силе воли, мы пришли к следующим выводам:

- 1) Сила воли есть разновидность упрямства.
- 2) Упрямство есть неосмысленная сила воли.
- 3) Сила воли не врожденна, а приобретается воспитанием.
- 4) Наибольшая сила воли заключается в умении владеть толпой.
- 5) При помощи силы воли достигается любая цель.

Упрямства у меня достаточно. Хватит ли у меня ума, чтобы преобразовать его в силу воли?

14 октября * Влюблен и ни в чем не нахожу себе развлечения. Как мне познакомиться с ней? Как обратить на себя ее внимание?

Хочется писать. Есть мысли, но никак не нахожу формы. Все кажется старым и неинтересным.

Единственное, что немножко успокаивает, — это философия. Одна мысль: «Что значит это по сравнению со Вселенной?» Эта мысль пробуждает ужас перед вечностью, сознание кратковременности нашей жизни и бренности наших волнений и желаний. Но это все помогает ненадолго. И часто думается: «А что значит Вселенная по сравнению с ее глазами?»

Какая мысль правильной? Не знаю.

31 октября * Как все-таки эгоистичны и нечутки люди! Мы мечемся в кругу своих мелких волнений, воображая интрижку любовью, а скуку страдаем.

Про тех, кто много говорит о страданиях, мы говорим: «О, он несчастен!» Про тех, кто много молчит: «Он умен», про тех, кто

много смеется: «Он счастлив». Мы видим только показное и, опустившись и погрязнув в мельчайших и ничтожнейших движениях своей души, не замечаем действительных страданий, действительной любви и действительной радости.

У нас в классе есть две девочки²⁶. Сидят они на последней парте. Ни с кем почти не разговаривают. Короче, их не замечают. Не знал их и я до сегодняшнего дня.

Сегодня я разговорился случайно с одной из них и узнал много интересного. Обе они находятся в состоянии тупого отчаяния. Она говорила мне, что все отшатнулись от них, что дома у них плохая атмосфера. «Мне скучно жить, я не хочу жить». Она серьезно говорила о самоубийстве. Разговаривая с ней, я видел, что она глубоко несчастна, что мы не замечаем ее; напрасно, т. к. это не просто тупица, а очень тонкая натура. Она дала мне свои стихи, и я расхвалил их и всеми силами старался разбить печальные ее мысли. Я употребил весь скудный запас своего остроумия, чтобы вызвать ее улыбку, и в конце концов нашел ее даже хорошенькой. Как жалко мне их!

А я еще болтал, что страдаю! Почему? Я пользуюсь влиянием. Любим дома и в школе! Дурак я просто.

Я решил во что бы то ни стало ввести их в общественную жизнь. Я обещал зимой водить их на каток. Это не шутки. Так коверкаются человеческие души! У нас не должно быть обездоленных. Без товарищей и без дома можно действительно отчаяться. Можно, наконец, ради такого дела пожертвовать на время своими личными интересами.

Моя вчерашняя меланхолия пропала. Я спокоен.

Пускай Т. Ц. не любит меня! Я люблю ее, и мне этого достаточно.

6 ноября * Я подвел черту под рассеянным периодом своей жизни, продолжавшимся эти два месяца. Я понял, как гадка и недостойна эта рассеянная светская жизнь, не подходящая ни для моих интересов, ни для нашей эпохи.

Я упивался успехом. Мне писали, в меня влюблялись, я был ослеплен.

Недаром Пуцилло предостерегал меня от этого. Он говорил: «Любовь — это внешний блеск, главное — уважение».

Но это время пошлых романчиков прошло. Я изменился. Началось с того, что я поговорил с Германом²⁷.

Мы шли домой поздно из школы и разговорились о наших чувствах. Герман такой человек, с которым можно говорить обо всем, — это настоящий, культурный, образованный вожатый. Он

разбил все мои физиологические оправдания частым влюблениям и сказал, что нам нужно на это дело смотреть не так легкомысленно: «Воспитать в себе волю. Не надо разбрасываться».

Я всю ночь обдумывал этот разговор и решил поставить точку под прошлым. Я начал даже писать на новой странице.

Вчера был счастливый и неожиданный день. Иногда мгновения переворачивают всю душу. Я влюбился, признался и счастлив. Это опять может вызвать улыбку, но влюблен я по-новому, просто и крепко.

Ее зовут возвышенно — Маргарита (мы зовем ее Рита или Марго),²⁸ но она совсем не похожа на кроткую Маргариту, соблазненную Фаустом. Вся она резкая и непосредственная, с ярко очерченными чертами лица.

Я раньше мало [ее] замечал. Последние дни мы делали стенгазету, поздно оставались вместе. Работа сближает, и я открыл в ней много такого, чего не видел издали. Эта девушка построена по всем правилам коммунистической морали, и нет в ней подлых пережитков обывательско-мещанских правил*.

9 ноября * Ужасное, гнетущее настроение. Праздники прошли невесело.

Седьмого ходили на демонстрацию как всегда, но устал я больше. Видел вождей: Сталина, Молотова, Кагановича. Они стояли твердо на гранитной трибуне. Каким ничтожным ощущаешь себя в этом бессмысленном стаде людей!..

Настроение гадкое из-за очень важной для меня причины. С некоторых пор я совсем не могу писать. Есть мысли, но нет оригинальной формы для них. Ужасное ощущение: хотеть и не мочь. Наверное, я больше не могу писать. Это было просто юношеское увлечение. Все блестящие надежды и мечты рухнули. Я никогда, никогда не смогу быть поэтом. Какая жестокая насмешка судьбы! У меня нет таланта.

Папа говорит, что я романтик и мистик, что я не чувствую эпохи. Это правда. Я люблю описывать только будущее и прошедшее, я не вижу героизма настоящего, или, вернее, я вижу его, но оно не вдохновляет меня. Настоящие таланты всегда чувствовали эпоху. Например, мой идеал — Пюго.

А жаль!

Кем смогу я быть? Обыкновенным серым человеком. Пропали, пропали мечты!

---

* Через страницу с данным текстом, другими чернилами, замечание, видимо, более позднего времени: «Все ложь! Она подла и гадка! Все это обман. Она обманывала меня». — Г. М.

Эти мрачные мысли переплетаются и с вчерашними неудачами, и, как всегда, когда я страдаю меланхолией и плохим расположением духа, я стараюсь быть вдали от всех и люблю, чтобы мной интересовались.

Вчерашний вечер, который устраивал наш отряд под моим руководством, прошел плохо. Мой доклад об Абиссинии не слушали.

Рита не понимает моего плохого настроения.

Сегодня не пошел в школу из-за какой-то общей усталости. Хоть бы она догадалась прислать мне записку.

18 ноября * Все идет хорошо. В классе я во главе группы нескольких ребят повел решительную борьбу против мешанских пережитков, процветающих в нашей школе. Последние дни вокруг поднимаемых мной вопросов разгорались ожесточенные споры. Вчера был устроен диспут о неофутуризме (так называется моя группа), где я в продолжительном докладе провозглашал основы коммунистической этики. Как водится, нашлись и противники, которые заявили, что в пионерской организации недопустимы какие-либо фракции или общества. На это я им отвечал, что мы не фракция и не общество, что мы ничего общего с футуризмом Маяковского не имеем и являемся передовым отрядом пионерорганизации, ее активом. Спор продолжался часа три, причем в числе моих противников выступал, конечно, и Бобчинский*. В конце концов футуризм как идея победил. Осуждена в нем была только форма.

Любовь моя окончательно переродилась в дружбу. Ничто не тяготит меня теперь. Все прошедшее глупо и пошло. Мы еще не доросли до настоящих чувств. Теперь я вполне спокоен. Я нашел то, что хорошо, и то, что плохо. Я нашел высшую этику — коммунистическую, ей я и буду следовать всегда.

Читаю Вольтера — его сатирическо-философские романы. Какой тонкий и едкий юмор! Я читал эти романы только год назад. Но они показались мне скучными. Лишь теперь я смог насладиться всеми прелестями их. «Задиг, или Судьба» представляет собой замечательную сатиру на современный автору строй, разоблачение католицизма, высмеивание глупости сановников, борьбы партий, нелепости обрядов и обычаев. «Дитя природы» тоже показывает всю условность и лживость католицизма. Все это насыщено замечательным остроумием. Читается легко. В последнее время, следуя своей привычке читать несколько книг сразу, читаю

---

* Прозвище одноклассника. — Г. М.

«Обыкновенную историю» Гончарова. Очень хорошо высмеивает «дядюшка» романтические бредни Александра, но, действительно, тут две крайности: один чрезвычайно сентиментален, другой — сух и расчетлив. Несмотря на это, «дядюшка», несомненно, тип положительный, выражающий взгляды самого Гончарова. Есть остроумные места: «Жениться надо не по расчету, а с расчетом», но юмор несравненно тяжеловеснее Вольтерова.

29 ноября * Порядочно времени не писал я в дневник. Не хотелось как-то. Старое опротивело, нового еще не было.

Последние дни усиленно занимаюсь философией и чтением классиков. Сейчас увлекаюсь «Вертером».

Моя высокая «любовь-дружба», как и следовало ожидать, оказалась только прекрасной мечтой. Моя возлюбленная, покрыв мое сердце, решила покорить весь мир и с такими же высокими фразами отправилась покорять сердце Пуцилло.

Я поклонил с ней довольно резко.

Теперь удовлетворен окончательно.

Я вновь пылаю чувствами к Т. Ц.

Боюсь клясться на сей раз, так как в этом году ввиду головокружения от успехов не знаю сам, что серьезно и что — нет. Но кажется все скользит как-то мимо, кроме всяких философских замыслов и идей, которые занимают меня сейчас всецело.

Во-первых, я занимаюсь сейчас изучением этики, во-вторых, замышляю написать обширную теорию поэзии, но не в отношении правил стихосложения или теоретического построения стиха или прозы (здесь я не очень силен, чутье заменяет мне знание). Трактат этот будет приблизительно таков: сначала определение искусства вообще и подразделение его, затем уже о поэзии, об источниках ее, о причинах, о сущности, о значении в общественном отношении.

Кроме того, там будут затронуты вопросы значения теории поэзии, о таланте, о вдохновении, об отношении творчества к среде и эпохе, о будущем поэзии и т. д.

Дома неважно: больна мама. У нее сильнейший грипп. Она, ухаживая за папой (он тоже был болен), заразилась сама. Когда дома кто-нибудь болен, невольно охватывает тоска. Всегда ужасные мысли. Ночью не спишь. Слушаешь стоны больного и думаешь о том, как несовершенен и хрупок человеческий организм.

Чувствуешь себя беспокойно и тревожно. Ощущаешь только в этот момент, как дорог тебе и близок больной, и невольно путаешься каждого стоны. Но великая мудрость философии, общение

с вечностью и бесконечностью очищает душу от страха, успокаивает великим вопросом: «Что значит жизнь человеческая по сравнению со Вселенной, что значит горе человеческое по сравнению с радостным миром?» И думаешь ты: «Да, неизбежен конец».

Странно, что такие мысли успокаивают, или скорее отвлекают и рассеивают, и как-то невольно переходишь к другому, пока новый стон больного не возвратит тебя к прежним размышлениям.

Когда больна мать, то как-то пусто в доме. Нет уюта. Нет того особенного теплого домашнего спокойствия, которое царит дома. Все идет как-то неуклюже: нет руки. Когда болен отец, в доме гнетущая тоска, будто обвалилась опора, на которой стоит семья, и летишь в какую-то яму неизвестности. Он лежит обыкновенно, стараясь скрыть плохое самочувствие, и на все расспросы отвечает: «Очень хорошо», и когда нечаянно стон прорвется у него, так знаешь: дело плохо.

Семья наша идет как хорошо смазанная машина. Двигатель наш — папаша, механизм — мамаша и я — продукт этой машины. Папаша наш человек спокойный, не злой, отдавшийся науке. Он отнюдь не утонул в ней. Она не поглотила его. Он не отошел от жизни. С ним мы часто говорим и спорим по разным вопросам, порой преподает он мне уроки морали, но не в форме скучных нравовучений. Человек он честный. Когда мне было лет шесть-семь, рассказывал он мне разные истории из Библии и старался воспитать во мне дух национализма. Однако националист вышел из меня неважный, хотя я не лишен чувства некоторой национальной гордости и самолюбия.

Мамаша, наоборот, вспыльчивая, увлекающаяся, очень добрая. Она практичнее папаши. В своей семье ее мнение считают решающим, и ее побаиваются и уважают братья, сестры и вообще все родственники. У нас в семье она тоже имеет решающий голос, и обычно решение всех важных вопросов предоставляется ей. Она тоже часто участвует в наших спорах и высказывает мысли более передовые, чем папаша-демократ. У нее я унаследовал поэтическое чутье, которое, вместе со вкусом и пониманием музыки, развито у нее сильно.

Характер я тоже от нее унаследовал. Она у нас руководит домом. У меня с ней иногда бывают перебранки на почве мелочей (мамаша, любящие своих детей, обычно, всегда давая им свободу в большом, преследуют их в мелочах). У нее стремление сделать хорошо часто просто нецелесообразное, а у меня упрямство. Часто доходит до крупных конфликтов, в которых, с одной стороны, кричат о неблагодарности (что в данные моменты вер-

но), а с другой — об угнетении, о том, что «я уже тоже не маленький» и т. д. (что тоже верно). Это продолжается до тех пор, пока папаша — всеобщий миротворец — не успокоит расходившиеся стороны.

1 декабря * Сегодня папа уехал в Новосибирск и в Иркутск (второй пункт — тайно от мамы). Ездил провожать на вокзал. Как хотел бы я уехать отсюда куда-нибудь подальше. В глушь. Уехать на целый год. Чтобы отдохнуть от шума и суеты, а то голова устала и порой кажется: какой-то туман, липкий и вязкий, заволакивает сознание.

Дома немного грустно и пусто. Настроение несколько раздраженное. Сейчас затворю все двери и буду писать.

6 декабря * Дни бегут как бешеные. Каждый день хотел написать и времени не было. Бурный водоворот радостей, печалей, дум, науки, творчества проглатывает время, не оставляя ни минуты свободной.

А как интересно жить! Как ничтожны минуты горести, как низменны эти личные интересы!

Я обрел мир: я уверовал в свой талант. Всего удивительней, что убедил себя в этом я сам, сам убедил и сам уверовал.

Позавчера был у меня Герман. Он, оказывается, неплохо разбирается в поэзии. Он заявил, что не ожидал от меня таких стихов, а последнее стихотворение мое ему даже понравилось. Показывал я стихи и Пуцилло. Он сказал, что писать я могу. Но не нравится ему «высокий штиль» и отсутствие современных мотивов. В пример он приводил Некрасова: простота и выразительность. Он прав. Нужно найти прекрасное в настоящем. Сейчас ишу я тему для монументального произведения из эпохи Гражданской войны.

8 декабря * Когда читаешь философию, многие положения требуют тщательного продумывания и медленного уяснения.

Сейчас я штудирую «теорию отражения»²⁹ и многие вопросы вызывают длительные рассуждения. Например, о единстве мышления и бытия: как понимать это единство? А понять его можно с двух сторон. Во-первых, мышление и бытие находятся в единстве, постольку поскольку субъект, обладающий способностью мыслить, существует и мышление остается у него до тех пор, пока он существует. Во-вторых, единство бытия и мышления состоит в том, что они подчиняются одним и тем же законам. Не будет

ли открытие периодической системы элементов прекрасным доказательством того, что принципы природы не противоречат принципам мышления и что наше мышление подчинено тем же законам. Ведь если бы этого не было, если бы законы мышления противоречили бы законам объективного мира, то разве могли бы согласоваться их конечные результаты?

Может быть еще и третий вариант единства мышления и бытия — это *nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*, т. е. содержание мышления целиком исходит из чувств.

Какой же из этих трех вариантов верен, или все они вместе указывают на единство бытия и мышления, или, может быть, я стою на ложном пути? Главное — не у кого спросить.

То же самое обстоит и с «бытие определяет сознание».

Об этих вопросах спрошу я у Германа, сейчас же хочу описать тему спора, которая занимает меня до сих пор. Спорил я с девицей. Темой нашего спора была страсть — что такое страсть?

«Разве страсти, — говорит Флобер, — не единственная прекрасная вещь на земле, не источник героизма, энтузиазма, поэзии, музыки, искусства — всего?» Да он тысячу раз прав, ибо все прекрасное, что окружает нас, создано страстью.

А разум? Да, разум создал много полезного, он открыл законы, он научил людей математике, он нашел систему в беспорядочном, объяснение в непонятном, правильное в неправильном; это он провел дороги по непроходимым горам, это он изобрел машину, построил жилище, заставил природу работать на человека! Это разум! Но разве все прекрасное скрывается в цифрах, заключается в законах? Разве смог разум открыть формулу вдохновения, разве сумел он создать прекрасную статую или великую картину? Разве разум руководит бойцом в сражении, поэтом во вдохновении, влюбленным в любви?

Разве искусство, героизм и поэзия не самое прекрасное на земле? И, наконец, разве в пылу увлечения наукой думал ли ученый о пользе, когда открывал полезное, думал ли о ней строитель, когда возводил здание? Нет! Ими руководило одно желание — узнать неизвестное, построить прекрасное. Таким образом, разве не может «разумное и полезное» быть создано страстью? Может, ибо все, что создано человечеством, создано страстью.

Разум наш — медленный свет факела. Он горит долго и дает всегда ровное количество света. Страсть — это бурная вспышка молнии. Она ослепляет, она рушит и создает сразу; она ослепляет, и потому в моменты ее мы находимся в состоянии самозабвения. Вот что такое страсть — это высшая форма разума.

12 декабря * Прекрасное расположение духа не покидает меня. Мое настроение — не беспричинная веселость молодого щенка, не радость беззаботного человека; оно — глубокое, спокойное равновесие души, достигнутое размышлением, самоанализом.

Сегодня утром залежался в постели, читая книгу Виноградова «Три цвета времени» о Стендале. Несмотря на то что прочел еще немного, могу сказать, что книга нравится культурой, и безукоризненностью языка, и хорошей разработкой темы.

Днем мы с Пуцилло ходили по букинистам, искали книг. В одном из магазинов потеряли друг друга.

Я купил стихотворения Тютчева и по философии Кондильяка.

Дома навел меня на размышления приход одного старого приятеля. Паренек этот в детстве когда-то играл со мною и теперь считает своим долгом меня навещать время от времени. Печальные вещи рассказывал он.

Отец его (фотограф-авантюрист, ныне преподаватель немецкого языка) уехал, оставив мать, его и двух сестер без всяких средств.

Я видел, что он голоден и накормил его.

Сам он, чтобы поддержать семью, поступил на кинофабрику за 125 рублей в месяц, а сам маленький, худой, хилый. Он ровесник мне, а едва достигает мне до подбородка (а я не из высоких).

«Отец уехал, мать и сестры плачут. Я думаю, что делать? Скучно чертовски... Ну, я взял и приехал к тебе. А дома только хлеб один...»

Поразили меня в этом всем та беззаботность, то чисто русское толстокожество, которое сквозило в его речах.

Что это — бессердечие, или недопонимание, или, быть может, это желание скрыть горе, гримаса, принятая за улыбку, или умышленное самоуспокоение? Мне нравится твердость, но это, разве это твердость?

Я ужасался тому спокойствию, с которым рассказывала как-то Марфа о человеке, попавшем под трамвай. Но это неудивительно, когда на днях друг мой Вова Троицкий³⁰ рассказывал со смехом о бреде своего больного отца.

Что же это — оптимизм или животная холодность? Или это особенность русской природы — уметь забывать ужасное, не ужасаться им. Но этот оптимизм — не страшен ли он? Да и что такое оптимизм? «Оптимизм — это игра ума, а не философия», — сказал Карамзин. И правда: как можно закрыть глаза на самую страшную истину, что каждому человеку суждено умереть? Нет! Это не значит, что мы должны перестать пользоваться всеми ра-

достаями жизни и думать только об этой истине, но она должна вечно стоять перед нами и вызывать размышления, ибо только в них истинное спокойствие души.

Сейчас слушаю музыку балета «Светлый ручей»³¹ и мечтаю о «ней».

Как люблю я эти светлые мечты, вплетенные в переливы прекрасных мелодий. О прекрасная Татьяна! Никогда, никому не отдам я свои мечты о тебе!

13 декабря * Сегодня спорил с ребятами о семье будущего. Кончилось тем, что на мои страстные доказательства они отпустили сальные остроты и пошлости. Я рассердился и послал их к черту.

По-моему, главной задачей школы должно стать воспитание правильного отношения к женщине и хорошего взгляда на половой вопрос. В частности, нужно не испошлять любовь и внушить ребятам правильное к ней отношение. И не понимают они, что смеются над внешним покровом, не умея видеть внутреннюю чистоту, что смеются они над тем, что вызывает их восхищение в романах. Так смеется порой толпа над мудрецом, не понимая глубины его простых слов; так смеется она над королем, свергнутым с трона, перед которым вчера лежала она ниц...

28 декабря * Папа приехал.

Дома торжественно. Делятся впечатлениями. Папаша приехал в патриотическо-восторженном духе. Восторгается, хвалит.

Мне привез два томика Маркса. Хороший подарок.

Вчера писал вечером. Написал. Понравилось самому.

Читал стихи Гюго.

По форме замечательны: «Турнир короля Иоанна» и «Джинни». Стихотворение «Буниберды» нравится своей поэтично-суровой торжественностью.

Вообще более ценными я считаю стихотворения, созданные поэтическим чувством Гюго, а не его публицистическим жаром.

Ее я не увижу еще пятнадцать дней!.. Пятнадцать дней!.. Как долго!..

Хоть бы минуточку видеть ее!

30 декабря * Бесшабашный разгул, беспредельная и беззаботная Русь, ржаные просторы, простая крестьянская грусть — это поэзия Есенина.

Я не читал ни одного поэта, который бы мог так хорошо передать настроение, так сильно заставить грустить, желать, тонуть с собой.

Есенин пьян своей поэзией, он тонет в ней, он махнул рукой на мир, он мучительно отрывает куски своей души и воплощает их в звучные строфы.

Его мотивы... Упадничество... Но разве заставишь соловья петь по-другому? И, в конце концов, разве уж так важно, что он поет? Нет, важно, как он поет.

И вообще, разве сам поэт находит себе слова и мысли? Нет, их внушает ему эпоха, среда; в себе он находит только поэтическую силу, только талант певца, чтобы пропеть эти слова, мысли и чувства.

Многие поэты ошеломляют блестящей техникой, оригинальной формой. Есенин привлекает мягкой лирической простотой.

И есенинская форма как раз под стать содержанию. В ней также много гибкости, мягкости и вместе с тем неподвижности.

Замечательно оригинальна рифма, хотя критики обычно считают рифму неважным атрибутом поэзии. По-моему же, рифма придает больше привлекательности стиху и является внешним показателем технических возможностей поэта.

Многие стихотворения прекрасно технически и формально исполнены. «Шаганэ» — шедевр.

Да, прекрасный поэт Есенин! Настоящий большой лирический поэт, которого можно любить, которому можно подражать, отбросив его печальные настроения.

2 января * Новый год встречал в школе. Народу было много.

Меня встретили хорошо. Должен был бесчисленное количество раз повторить историю своей болезни.

Многим было очень весело, а другим очень скучно.

Мне кажется, что люди, скучающие в большом обществе, не могут отличаться широтой ума.

Бал начался танцами. Духовой оркестр Автодорожного института гремел немилосердно. Казалось, что музыканты желали выдуть в трубы все свои легкие.

Танцующие прыгали так, что в глазах рябило. Танцевали таинственные инкогнито в масках, школьные львицы и львы. Впрочем, львы крутили своих дам с яростью леопардов. Львы эти были накрахмалены, с тщательно вывязанными галстуками, в выутюженных фраках и брюках, с безукоризненной складкой и полоскающимися «чарли»¹.

Остальные скромно жались к стенке. Нетанцующие девчонки пестрыми ленточками поместились на скамейках и наперебой работали языками. Тут же стояли серьезные лохматые парни, считающие танцы ниже своего достоинства, по причине неумения танцевать. Эти мудрецы отличаются обычно тупой самоуверенностью и верблюжьей осанкой.

В толпе сновали присяжные остряки, почитающие в каждом слове своем остроту. Вид у них, как у забулдыг: ходят они руки в карманы и волоча ноги за собой. Но по существу они неплохие парни.

Оркестр дудел и дудел, зажигая азартом все большее количество танцоров. Постепенно в пляс пустились и остальные девчонки, и остряки, и многие другие, за исключением верблюдообразных, которые продолжали наблюдать танцы с язвительными улыбками...

Я забился в угол, боясь выставить напоказ свои таланты на этом благородном поприще. Сердобольные девицы из десятых

классов отправляли ко мне делегации (думая, что я скучаю) с приглашениями, но я наотрез отказался, отговорившись болезнью.

Наконец начался ужин. Все с шумом заняли места в большом зале. Не дожидаясь приглашения, все начали деятельно жевать. Стоял шум, заглушавший убогие выступления артистов. Я шумел не меньше других и вместе с Германом изощрялся в остроумии. Потом опять были танцы. Я опять сидел в углу и молчал, и было мне весело и приятно. Я имею хорошую способность не скучать, когда много народа кругом.

В полночь прогремели трубы и директриса произнесла скучнейшую новогоднюю речь.

После поздравлений веселье достигло своего апогея и к двум часам пошло на убыль.

Вечер кончился.

4 января * Честная борьба за идею — выше всего! Выше любви, выше ненависти, выше страданий, желаний, стремлений; выше благородства и чести.

Если же после долгих страданий ты добудешь желанное ценой своей крови и души, ты испытаешь высшее счастье, ты испытаешь полную меру наслаждения.

5 января * Несколько дней тому назад был у меня Зигель. Еще в прошлом году он начал увлекаться религией. Мы устраивали споры до ужаса схоластичные, спорили до одурения, тысячу раз повторяли одно и то же, торчали под снегом, дождем и градом целые часы. Спорили мы, забывая основную тему спора, отклоняясь к ненужным деталям; то упирались, то соглашались, не понимая того, что говорим на разных языках. Возможно, что тут сыграло известную роль упрямство, но Зигель утвердился в своих идеалистических взглядах. Он стал посещать церковь. Сначала критиковал и отрицал христианство, но потом постепенно стал принимать его. Мы с Жоркой ничего не могли сделать благодаря его упрямству.

Часто ходил он на проповеди митрополита Введенского, который некогда полемизировал с Луначарским и является теперь главой «обновленческой» церкви!² (Церковь всегда умеет приспособиться к обстоятельствам.)

Введенский этот, несомненно, человек убежденный и к тому же замечательный оратор. Я раз присутствовал на его проповеди. Говорил он убежденно, спокойно, несколько туманно. Глаза его блистали каким-то фанатическим огнем.

Под влиянием этого проповедника Зигляша ударился в Евангелие и... «докатился».

Теперь он принимает христианство целиком, не рассуждая и не критикуя.

Говорили мы очень много. Наши с Жоркой рассуждения неважны, так как могут быть всегда изложенными. Сейчас я изложу выводы Зигеля в виде кратких положений, прибавив к ним некоторые свои примечания.

1. Вселенная — создание Бога. Бог — дух вне пространства и времени. Мы являемся частицей его.

2. Христос — Бог, перевоплотившийся в образ человека, чтобы спасти человечество. Своими страданиями он искупает грех.

Здесь много нелепостей. Во-первых, как может верить астроном нелепому мифу о создании Вселенной? Во-вторых, явное противоречие в понятии Бога. Кроме того, курьезы: как может Бог страдать? Почему, если он всемогущ, он не может освободить человечество от греха? И еще нелепость: значит Зигель должен верить и в черта, и в ад, и в сковородки?

3. Единственная цель жизни человека — любовь, вера и служение Христу и христианству.

Примечание: полнейший пессимизм и фанатизм. Что лучше — неверующая в Христа добродетель или любящий его грешник? Что будет, если все станут добродетельными?

4. Единственная этика человека — христианская добродетель.

Примечание: что может быть подлее этого: брачная мораль, иезуитизм и др. подлейшие вещи?

Правила, противоречащие всякому чувству, человеческой природе. Не гнусно ли все это?

И наконец самый вредный и гадкий вывод:

5. Все неверующие — полулюди!

Кем-то он будет? По каким каналам потечет его мысль? Утонет ли он в узком фанатизме или дойдет до атеизма?

Мы с Жоркой, рассуждая после, не могли решить этого. Время покажет.

Взгляды Зигеля угрожают нашей дружбе.

А все же я преклоняюсь перед его верой и честностью.

6 января * Утром отправился к Червику, но не застал его дома. Желая освежиться, отправился бродить по улицам с тайной надеждой встретить «ее».

Блуждая по улицам, люблю я наблюдать людей: их движения, выражения лиц. Порой выискиваю смешных, похожих на действующих лиц знакомых пьес.

Сегодня я стал искать осмысленные лица, дающие впечатления ума и пронизательности.

К удивлению своему, на всех почти лицах читал я отпечатки тупости и животности. Попадались люди и с умными лицами, но не было на них осмысленности. Поразило меня только одно лицо (не пугайся, милейший дневник: оно принадлежало не девушке), лицо ребенка лет пяти. Умные коричневые глаза его смотрели спокойно и понимающе, будто прост был им весь этот огромный непостижимый мир, который их окружает.

Но кто знает! Может быть, ребенок пронизательнее мудреца, может быть, ему понятно многое, что непонятно нам. Ведь осмысленность — это соединение ума и души. А у кого самый чистый ум и непорочная душа, если не у ребенка?

«Пора понять, что в мироздании, куда ни оглянись — вопрос, а не ответ».

10 января * Истинное остроумие должно вызывать не грубый смех, а тонкую улыбку.

Последний день каникул! Завтра школа, занятия, ребята, она! Скорее!

Сегодня был на заключительном вечере детского «Фестиваля искусств».

Хорошо было. Радостно.

Артисты все хорошие, добрые, видно, что выступают с удовольствием.

Как жаль, что не умею я выразить тех радостных чувств и дум, которые возникли у меня на этом вечере.

О, наша чудная, единственная, счастливая страна!

13 января * В школе весело. Я, Вовка и Слепян³ выпускаем рукописный «Веселый альманах».

Халдеи и фискалы, конечно, не будут в него посвящены.

14 января * Вчерашний вечер был для меня знаменательным. Давно не испытывал я чувства такого глубокого счастья, которое испытано было мною вчера!

Но я лучше попытаюсь рассказать все по порядку, вдобавок и мне нужно разобраться во всем, что было сказано, решено, прочувствовано.

Итак...

Вчера к нам пришла Е. В.⁴ и привела с собой критика Ярополка Семенова⁵. Это молодой человек (лет около тридцати), высокий, красивый, с живыми глазами. Пришел он к нам впервые и сразу внушил к себе всеобщие симпатии. Судя по виду его и речам, он кажется человеком искренним, живым, увлекающимся. Я, по крайней мере, просто влюблен в него. Он первый судил меня и указал мне мое место, мое призвание и мой путь.

Я начал читать ему стихи. Первыми прочел я песни из «Спартака»⁶. Он прослушал внимательно и сказал: «В этих песнях мне нравятся две вещи. Во-первых, честная работа. Эти песни похожи на хороший перевод, кропотливо и честно сделанный. В них не видно еще самостоятельности, но если эта честность останется у тебя и впредь, то ты сможешь много сделать. Во-вторых, мне понравилась сама подача Рима. Обычно он изображается в напыщенно-торжественных строках, а тут видно действительное нутро его».

Я принялся читать дальше. Прочел «Жакерию». Она тоже вызвала благосклонный отзыв.

После этики я принялся за лирику. Прочитав «Блуждания»,⁷ я взглянул на него. Лицо его было сурово. «Знаешь что, а это хуже, гораздо хуже. Стихотворение это звучит протестом против всех блестящих формальных достижений. Я согласен, что современная поэзия тенденциозна, но не следует игнорировать хорошего. Эти мысли твои вложены в рамки традиционного классического стиха. Ты сбился с пути. Вот, например, твои анапесты идут к Надсону. Если ты пойдешь слепо — ты пропал».

Ну разве не прав он? Я обещался ему сойти с дорожки и протаптывать ее сам.

Мы долго говорили еще потом. Я не могу описать всего того, что сказал он. Я приведу только отрывки, которые запомнились мне, которые я поставил себе как вехи к достижению своей цели.

«У тебя несомненно глубокий дар, но если ты хочешь чего-нибудь добиться, то должен честно и упорно работать. Ты будешь велик только тогда, когда потомство сможет сказать: он был образованнейшим человеком своей эпохи».

«Поэт должен быть так же недоверчив к себе, как и самоуверен».

«У тебя, мне кажется, большая воля. Хорошо, что ты веришь в себя».

«Принимай во внимание все мнения, но знай себе цену».

Папа спросил: «Ну что, можно ли пить за будущего поэта?» И он ответил: «Да».

Так значит — я поэт!.. Хо-хо! ПОЭТ!

Расстались мы лучшими друзьями. Вот человек, который дал мне мой катехизис.

Талант мой он охарактеризовал так: «У тебя талант не как у Есенина. У того он бил ключом. В тебе он скрыт. Его талант — самородок. Твой талант — золотой песок. Много труда и времени нужно, чтобы извлечь из него золото. Ты не будешь как Есенин, ты будешь как Гёте».

Я и Гёте! Прекрасное сочетание!

15 января * Ух! Сегодня я зол и взбешен, как дикий кабан. Как всегда в такие моменты наружно спокоен и холоден. Проклятая химичка! Я еще проучу ее! Спросив меня сегодня с места, за правильный ответ поставила «плохо». Она объявила мне войну? Ладно, я ее принимаю. Это будет и интересно, и полезно для всех. Не знаю, как держат таких учителей в школе? Все гадкое и подлое находит в ней покровительство. Она поощряет сплетни, фискальство, самодурство. Но мы еще посмотрим. У меня достаточно воли, чтобы сказать ей правду в глаза.

Не менее подл у нас и чертежник, но к нему, как и к его предмету, я чувствую глубочайшее отвращение.

16 января * Если женщина, заметив привлекательную силу своей женственности, начнет выставляться напоказ, искусственно культивировать ее, прелесть ее теряется. Она переходит в сознательное кокетство, и от такой женщины веет какой-то противной развратной чувственностью.

20 января * Школа глотает дни, часы, минуты. Все время одни занятия. Утром Софья и музыка, потом школа. Вечером приходишь совершенно обессиленный, не имея возможности ничем заняться.

Неужели это жизнь? Неужели всегда будет она такой скучной, как алгебраическая формула?

Наука! Я обожаю науку! Но не школьную, скучную, сухую, порой просто ненужную, ту, которую насильно вкладывают в наши мозги. Я люблю впитывать в себя науку сам. Величайшее наслаждение заниматься тем, что тебя интересует.

24 января * Позавчера был у Ярополка. Он читал свою новую повесть. Он хороший критик. Но плохой писатель. Я думаю через него познакомиться с Кирсановым⁸.

Вчера произошел случай, возмущивший меня до глубины души. Были перевыборы старостата в школе. Выдвинули мою кандидатуру. Я отказался. Мотивировал свой отказ тем, что я занят на пионерской работе. Но все запротестовали, и пришлось смириться. Я прошел почти единогласно, и все были в полной уверенности, что я избран по большинству голосов. Но вместо меня был посажен тип, едва набравший сорок голосов. Вот она, демократия!

Мне ничуть не жаль, что меня не выбрали, но жаль, что так профанируют свободу выборов и советскую конституцию. Комсорг, подсчитывающий голоса, не любит меня за свободу суждений и отвращение к подхалимствующим.

28 января * Занялся древностью и стихами. К величайшему удивлению Жоржа, увлекся Ксенофонтом и Полибием⁹. Давно уже хотел я заполнить свой пробел в истории и надеюсь успешно это сделать.

Кроме того, принялся за драмы Сенеки. Прочел «Медею». По правде сказать, скучновато. Впрочем, может быть, в древности эти недостатки были достоинствами. Во всяком случае, длиннейшие монологи утомляют, хоры, не менее длинные, раздражают, диалоги искусственны, движения нет...

Перевожу отрывки из Пюго.

В «Веселом альманахе» принимает участие наш физик Виктор Андреевич¹⁰. Замечательный человек! Пьяница и неудавшийся талант.

Это придает бодрости моим сотрудникам, которые боятся выражать крайние мысли. Я не за беспощадную критику всего. Я им даже заявил, что, если засыпемся, отвечаю за все я. Думаю, что сумею закрутить голову халдеям.

Т. Ц. не ходит, наверное, опять больна. А мне так хочется ее видеть!

Она стала еще более недостижимой и потому еще более желанной для меня.

30 января * Я взял незнакомую книгу незнакомое писателя и хочу составить себе о нем определенное представление. Человек этот — Игорь Северянин. О его сборнике «Громокипящий кубок» и буду писать я сегодня.

Так всегда бывает у больших талантов, в периоды безвременья, реакции, упадка, декадентства. Человек начинает жить только собой, он начинает презирать мир, ему кажется низким человек и бедным его язык. Он изобретает свой язык, свои слова, чтобы изобразить свои чувства. Такими словами изобилуют поэмы Северянина.

Поэт одинок и затравлен, поэтому мы многое можем простить ему, но нельзя не признать его блестящим поэтом и тонким мастером формы. Его «Рондели», «Nocturno», «Квадрат квадратов» и многие другие вещи сделаны изумительно. Ими хочется любоваться, как маленькими, тонкими и хрупкими фарфоровыми вещицами.

Замолкнули взволнованные губы.
Ушел поэт, страдалец, человек.
Он выпил, как громокипящий кубок,
Свой пьяный грезами и вдохновенный век.

3 февраля * Я осмелился поднять голос против самодурства химички. Сообщаю кратко, т. к. хочется спать.

Было классное собрание. Многие высказывались. Решили, что нужно бороться.

У директора. Химичка не явилась. Директор соглашается с моими доводами. Заявляет, что поведение химички исправится. Общественное дело выиграно.

11 февраля * Период морального равновесия пришел снова. И главное — я укрепил в себе мои внутренние принципы и чувствую, что твердо следую им.

О, как хорошо быть хорошим!

Мои мысли о будущем, о философии, о истории, о моей любви. Но смысл моих мыслей в словах тонет, и мое задушевное звучит неискренне, когда порой я начинаю говорить.

Но все же я рад, что люблю, что живу, что учусь. Все легко на свете...

6 марта * Только что я был на вечере, на еврейском вечере, посвященном столетию со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорим¹¹. Странные, новые и приятные чувства испытал я. Это был почти единственный раз, когда я почувствовал свой народ, и глубокая теплота к нему зародилась в моем сердце.

В сущности, у меня нет народа. Дух еврейства чужд, непонятен, далек мне. По убеждениям я интернационалист, а по духу.. тоже. И все же что-то сближает меня с этим народом. И уверен я, что, приключись с ним еще какие-нибудь беды, я не уйду от него и смело приму вместе с моими братьями любое страдание.

И что-то мило мне в этих грустных еврейских песнях, и что-то приятное есть в этом особенном еврейском юморе. Я люблю эти молитвы, которые читает по утрам дедушка, эти легенды, которые слышал я в детстве; люблю я и древних седобородых старичков и маленьких суетливых хохлатых человечков.

И все-таки далек мне этот народ. Раздольная волжская песня трогает больше мое сердце, чем унылая и надрывная песнь моего народа.

Язык моего народа не мой язык, его дух не мой дух, но его сердце — мое сердце.

25 марта * Перелистал страницы дневника. Какая дрянь! Ни одной живой мысли, ни на йоту того, что составляет мое настоящее сердце. Почему это? Неужели я неискренен даже с самим собой? Или, может быть, я просто глуп и пуст, может быть, просто корчу из себя идеальную натуру, оставаясь на самом деле самым поганым человечком. Кто рассудит это?

Тоска! Тоска! Тоска!

Сегодня ходил с Вовкой Троицким в библиотеку, где работает его мамаша. Познакомился с заведующей этой библиотеки. Замечательная девушка лет восемнадцати! Пишет стихи. Говорил с ней долго на разные литературные темы. Она позволила мне приходить и брать книги. Замечательно!

Вовка пророчит, что я влюблюсь в нее... Не думаю... А впрочем, кто знает?!

Читаю Ключевского, Гейне, Верхарна, Гончарова и Ромена Роллана сразу.

22 апреля * Я совсем не так увлечен Пушкиным, как им увлечены другие. Я согласен, что он большой талант, даже замечательный талант, что он создал русский литературный язык; но к чему

же преувеличивать его значение? Зачем называть «единственным в мире гением»? По своим идеям Пушкин не очень высок и порой выражает прямо реакционные мыслишки. А тут за несколько стихотворений, написанных в период юношеского увлечения, его провозглашают чуть ли не революционером.

По совести говоря, Пушкина создал Белинский. Он, конечно, создал великое дело, конечно, воздал должное Пушкину, но он же положил начало нескончаемой идеализации его. В этом отношении Писарев рассуждал гораздо более здраво, хотя и не совсем верно. По существу, кого мы можем считать гением? Человека, ведущего мысли и чувства своей эпохи, человека, открывающего будущее. Есть гении науки, есть гении чувства, все они ведут к нему человечество. Эдисон, Гюго, Сталин, Леонардо да Винчи — гении, и у всех у них есть одна отличительная черта — они открывают, предугадывают, синтезируют будущее. Гении — это веки, это могучие мысли, по которым отмеряет свои шаги человечество.

А что же мы видим в Пушкине, какими мыслями проникнуто его творчество? Что есть в нем еще, кроме поразительной легкости и игривости стиха? Возьмем «Евгений Онегин», эту вершину, этот апогей всего творчества поэта.

Вот перед нами сам герой, этот идеал Пушкина. Что представляет он собой? Пустой, бездушный, подлый и пошлый светский фат, без мыслей, без желаний, с одним нескончаемым притворством. И этот посредственный тип нравится Пушкину как герой, он всячески идеализирует его. Вот она вершина пушкинской мысли! Его замечательный художественный талант не искупает бедности идей.

Пушкин — поэт исключительно русского значения. Стихи непереводимы, переводимы только мысли, а поэтому стихи Пушкина в переводе будут звучать, как самые посредственные штучки дюжинного поэта. Мы читаем «Чайльд Гарольда» не потому, что увлечены красотой языка (перевод весьма гадкий), мы читаем великие мысли великого поэта.

На меня скажут: «Ай моська, знать она сильна, коль лает на слона!..»

По мне лучше *быть* моськой, чем *казаться* слоном.

28 апреля * Начались весенние дни.

Чудесное утро. Я растворил окно. Молочное небо. Мягко ласкает солнце, задернутое легкой вуалью пара. Дали затуманены. Даже в городе чувствуется бодрящая свежесть весеннего воздуха.

Из моего окна открывается чудный вид. Темноватый, еще безлистный, но уже молодой парк закрывает верхушками своих деревьев горизонт. Кажется, будто густой лес раскинулся перед глазами. Легкий туман тает и поднимается к небу тонкими струйками пара. Грачи перелетают с криком от одного гнезда к другому, а какая-то маленькая птичка поет с самого рассвета так мило и приятно. Вдали виднеется солнечный город. На переднем плане из самого леса поднимается массивное, еще недостроенное здание театра...¹² Весна!

Сидел бы так часами и глядел бы, ни о чем не думая, на солнце, на деревья, на город и вдыхал бы весну! Но думать нужно!

Сегодня сбор отряда и я очень беспокоюсь. Организовывать все приходится самому. Положиться не на кого. Думать и писать некогда. Да ладно! Летом напишу власть!

1 мая * Май. Праздник. Улыбчивые девушки и смеющиеся парни. Город, завернутый в кумач. Рокот эскадрилий. Оркестры. Песни.

Так хочется радости в этот день! Но... ее лучезарные глаза растоптали эту радость, и вдруг я представился себе жалким, до смешного жалким, карликом. Я ходил, как нищий, и подбирал ее улыбки, я следовал за ней, как лунатик, к великому неудовольствию обоих Вовок и Кольки. Она, кажется, смотрела на меня, когда, прижавшись к стене дома, я наблюдал ее. Но потом она улыбалась другому, она шла с ним домой, она... Неужели это ревность? Гадкое чувство! Нет, это просто тоска!.. Таня!..

Но к черту! Довольно лирики! Когда я прочитал эти несколько строк, скука наполнила меня. Вертер наших дней! Неужели нельзя найти в себе силу воли, чтобы отказаться от нее? Неужели сначала — она, а потом мир? Чепуха.

А пожертвовал бы я всем ради нее? Вряд ли...

2 мая * Чудный теплый вечер. Бродили по городу. Зрелища замечательные. Тысячи разнообразных предметов и лиц. Люблю я, блуждая по улицам, наблюдать их шумную жизнь. Люблю рассматривать лица. Много разнородных чувств и мыслей пронесится в голове. Улица похожа на огромную партитуру, и мои чувства — это оркестр, который исполняет оглушительную симфонию жизни. Хочется схватить, синтезировать, уложить в слова необъятный город.

Тут в праздничный день почти не чувствуешь себя, окружающее завладевает твоими чувствами. Широкий воздух весны при-

носит ласку и пробуждает душу к нежности. Где-то вдали играет марш духовой оркестр, и ликующая бодрость охватывает тело. Разноцветная толпа струится, как поток, наполняя тебя непонятным духом радости.

Я весь — скрипка. Улица водит по мне своим смычком. Вон просеменил старичок юмористическим стаккато, за ним тяжелыми басовыми нотами прошли толстый пожилой гражданин с супругой, а вот веселым аккордом мелькнула разноцветная молодежь. Лица, говор, шарканье, смех сливаются в один бесконечный вальс и разливаются по городу бесчисленными вариациями. И вдруг пройдет прекрасная девушка с матовым лицом, как известка. Но это только на минуту. Через мгновение девушка забывается, и только легкий туман приятной печали медленно тает в сердце. Прощай, девушка! Как жаль, что я не увижу тебя снова!

Ходил с Германом и ребятами.

Таня! Почему ты так жестоко не хочешь понять меня?

16 мая * В общем, прегнуснейший народ в нашем классе! За целый день не услышишь ни одной живой мысли, кроме нескончаемой пошлости, пустоты и тупоумия. Мысли большинства наших ребят направлены весьма узко: романчики, интрижки и грязное, нездоровое любопытство. Все страдают от скуки, так как нет ничего в умах, что могло бы занять и увлечь. От тупоумия и скуки развиваются сплетни, ссоры, склоки, доносы, ненависть. Девчонки набиты мешанством, мальчишки похабством, и все вместе пошлостью. Скука! Скука! Но главное, что удручает более всего, — это неподвижность, беспросветность и упрямство, с которыми держатся наши ребята своих прогнивших принципов. Кажется, никакая сила не заставит пошевелиться окаменевшие мозги. Всякая светлая мысль, чувство, слово безбожно затапывается и опошляется этим твердолобым, самодовольным, свиным скептицизмом. Каждый хочет показать себя более самостоятельным и твердым, не подозревая, что только твердолобая глупость движет им. Они с презрением ко всему остальному миру возвели себя в абсолют и презирают тех, кто идет по иному пути. И это называется — наше пионерство! Воистину печальная картина! И неужели везде так?

Но почему же так происходит? Неужели ребята успели так прочно, по-взрослому омешаниться? Не думаю. Виновата во всем, по-моему, школа. Ее функции не ограничиваются вдалбливанием наук, школа обязана развивать чувство коллектива, чувство благородства, развивать интерес к науке, к искусству, к исто-

рии и воспитывать правильные и здоровые понятия гордости, любви, товарищества и т. д. Но школа бездействует, не желая понять истинных нужд своих учеников, а класс не имеет внутри себя сил, способных развивать его.

Когда я, выведенный из себя, начинаю говорить, доказывать, проповедовать, эти пустые, ограниченные рожицы смотрят на меня, как на аттракцион, и порой от скуки просят: «А ну, Дезя, пофилософствуй!» Гадкие морды!

Я уже давно решил, что открытый способ не поможет, и потому решил сблизиться с массой. Я начал очень осторожно и, к удивлению своему, увидел, что со мной соглашаются и требуют от меня действия. И я пробовал действовать. Я созвал «учредительное собрание», где объявил (большинством голосов) всех сплетников «классными врагами», я издал газету «Дружба», где поместил памфлет. И каждый в отдельности со мной согласился, но масса осталась на месте. Единственное, что я получил в этом деле, — большой авторитет и признание, что мне «все можно». Незавидная доля! Единственно, что я могу сделать своим авторитетом, это предотвратить ссору, пристыдить сплетника и спасти класс от безрассудной бузы. Но сдвинуть принципы мне не под силу, а опереться не на кого. Что касается того, что мне «все можно», то это выражается в том, что я могу выражать любые суждения, ругать каждого в отдельности и всех вместе и получать за это только восторженные взгляды.

Другие, которые пытаются это делать, получают в ответ презрение целого класса и звание «легавого» и «воображалы». Но я считаюсь хорошим товарищем, лидером наших мальчишек и вообще чудачком и взбалмошным типом, которому дозволяется все. Смешно и печально!

Только двое есть у нас, которые более-менее отличаются от других. Это Пуцилко и Ритка. С Пуцилкой мы дружим, а к Ритке я питаю какое-то странное чувство отвращения. В ней есть много такого, что действительно отталкивает, то, из-за чего я охладел к ней в начале года. Это какое-то странное вызывающее кокетство и напыщенность, надуманность слов, движений, мыслей. Но вместе с тем в ней есть резкость и прямота, которая служит причиной ненависти к ней наших ребят. Она интересуется литературой, читает, многое спрашивает у меня, и у нее есть некоторая верность пионерским принципам. Но самое важное, что она плюет на всех. Странно, что, признавая все ее достоинства, я все же чувствую к ней непонятную неприязнь, хотя она очень нежна и внимательна ко мне. Я часто язвлю над

ней и даже третирую ее и только потом сознаю, что поступаю гадко. Может быть, это от какой-то странной ее неестественности, но, во всяком случае, она почти единственная стоящая у нас личность в классе.

20 мая * Опять пишу, но не оттого, что есть о чем писать, а просто от скуки. Я очень устал, и никакое умное дело не лезет мне в голову, и потому решил идти туда, куда меня потащит моя правая рука.

Восемнадцатого мы ездили за город. Было хорошо и не скучно. На обратном пути у меня был разговор с Воскресенской. По существу, она так же нудна, как и все остальные наши девчонки, только гораздо менее испорчена. Во всяком случае, она скучна и не очень умна.

У меня есть паршивая черта: я чрезмерно доверчив к людям. Может быть, потому я имею много друзей, но порой мне приходится сильно разочаровываться. Я не могу относиться к человеку равнодушно, я должен или любить его, или ненавидеть, и потому, прежде чем узнать кого-нибудь, я создаю в своей голове образ этого человека, отвратительный или прекрасный. Потом, когда я познаю человека, мне часто приходится менять мнение о нем.

Я верил в Воскресенскую. Я принял всерьез эту комедию с самоубийством, эту «страстную» любовь, эти комические страдания. Я вообразил, что это глубокая и незаурядная Татьяна наших дней. Однажды я чуть не подрался с Германом, когда тот мне сказал, что она не лучше других.

И действительно, что у нее есть? Ничего, кроме темной суеверности, раздражающего меня самолюбия, удивительного эгоизма, выдуманных страданий и тощего умишки. Интересно посмотреть, какие книги она читает. Сплошная мистика и дешевый мещанский сентиментализм, «Ангел смерти» и рассказы Крындиевской «Ничтожные»¹³. Я очень долго изучал Воскресенскую и действительно не видел ничего более комичного. Например, письма, которые ей пишет ее, такая же идеальная, как и она, подруга из Кисловодска. Все письма в таком духе: я толстею и страдаю от полноты и потому хочу покончить самоубийством. И все это вполне серьезно с тысячью страшных и трагических (так у Д. С. — А. Д.) восклицаний.

Если она не общается с обществом, то это не потому, что она слишком робка, это ее эгоизм признает только ее одну, и она желает, чтобы все пришли к ней одной. В общем это «идеальная» натура, которую так хорошо изобразил Белинский.

Мне приходится играть теперь преглупейшую комедию. Она слишком глупа, чтобы я мог говорить с ней серьезно, и вместе с тем мне ее жаль: все-таки она одинока и наивна. Впрочем, мой тон по отношению к ней отечески-нравоучительный, и она считает меня первым в мире гением. Но я уже начинаю зевать... Пора оставить глупую тему..

Скоро испытания (не знаю, почему это пришло мне сейчас в голову), но я и не думаю о них, меня охватывает нахальная уверенность и флегматичное спокойствие. Одно мне грустно, что скоро в последний раз увижу я мою Таню. Я с радостью покидаю эту школу,¹⁴ мне хочется забыть об этом годе, прошедшем так глупо, вычеркнуть его из моей жизни. Только она останется моим единственным светлым воспоминанием.

Впрочем, возможно, что и в этом году я потерплю неудачу и не попаду в образцовую школу (я всегда теряюсь на экзамене). Неужели я останусь тут? Нет, лучше уйти, уйти, уйти! Куда угодно из этого болота!

Моей судьбы обширные заботы
Огонь любви, надеюсь, заглушат.

Как странно, что я до сих пор даже не знаком с ней.

24 мая * Эти дни почти не спал — готовился к Пушкинскому вечеру — и потому отоспался сегодня. Вчера занимались последний день. Завтра — первые испытания. Вчера же состоялся наш Пушкинский вечер. Она была там, и от этого я страшно волновался и сделал скучнейший доклад. Зато, обозлившись, я хорошо сыграл Пимена. Кажется, она даже смотрела на меня. Говорят, что вид у меня был чрезвычайно величественный. Этим я хоть отчасти вознаградил себя за плохой доклад. Вообще я не умею выступать перед большой аудиторией, тем более тогда, когда мне нет никакого дела ни до доклада, ни до моих слушателей. Все остальное время я смотрел на нее. Обычно, если так часто и подолгу смотришь на одно и то же лицо, ты привыкаешь к нему и оно перестает производить на тебя какое-нибудь впечатление. Но ее лицо совершенно особенное: чем больше я гляжу на него, тем сильнее во мне чувство восхищения, и тем больше тонкой красоты я нахожу в нем. Идея выражается в форме. Я верю, что внутренние совершенства находятся в полной гармонии с внешними. Тонкие линии ее лица напоминают Мадонну Литта Леонардо. Оно так же чисто, строго и просто, но в тысячу раз прекраснее. На черном фоне ее волос оно выделяется своей скульптурной пра-

вильностью и мраморной белизной. Но что лучше всего в ней — это глаза, большие, серые, лучистые глаза, которые издали кажутся совсем темными и всегда дышат какой-то особенной добротой.

Я глядел на нее и мысленно прощался. Возможно, что больше и не увижу ее, возможно, что случай, столкнувший меня с ней, так же неосторожно разведет нас в разные стороны, и все-таки, открыв когда-нибудь мой дневник, я прочту эти строки, и прошедшее вспыхнет во мне, я увижу ее и почувствую вновь прекрасное, я вспомню, что любовь к ней развила во мне новое чувство, дала возможность осознать счастье доброты и любви к людям.

Не знаю, написать ли ей все это на прощанье или послать стихи? Мне хочется, чтобы она, хоть немного, помнила обо мне.

27 мая * Два испытания уже сдал. Сегодня и завтра свободные дни. Занимались с Вовкой по литературе, а потом пошли гулять и случайно попали на кладбище.

Я люблю блуждать среди заброшенных могил, какое-то отрадное, немного грустное чувство наполняет меня. Кладбище, на которое мы попали, — большое, тенистое, запущенное, там давно уже не хоронят покойников, и деревянные кресты уже сгнили, железные заржавели и покосились, только мраморные памятники со стершимися от времени надписями блестят кое-где среди зеленых холмиков. Кругом запустенье, дикие травы и забвение. Природа и время стирают память о живших и умерших. Сквозь весенний свод листвы шаловливо проскальзывает луч майского солнца, и светлой жизнью оживают грустные могилы. В густых ветвях щебечут разные маленькие птички и, наивно поглядывая по сторонам, садятся на забытые памятники. Какой резкий и грустный контраст между этой беспечной жизнью и печальными следами тления, смерти и забвения! Сколько людей лежит здесь, молодых и старых, бывших когда-то веселыми и печальными, любивших и страдавших, любимых и ненавидимых. Все они жили, не помышляя о неизбежном конце, а он подходил к ним неожиданно, и смерть забирала их в свое холодное лоно. Все они шли этой печальной дорогой на кладбище, сопровождаемые пышной процессией или никем не сопровождаемые, и всех их ожидала одинаковая участь.

Вот под белым камнем лежит бедный студент, скончавшийся двадцати пяти лет. Его, наверное, не сопровождала притворно соболезнующая и равнодушная толпа. За простым его гробом

шла, наверное, маленькая черная старушка-мать, бессильная понять случившееся и выплакать свое огромное и страшное материнское горе. Поэтому так прямо смотрит она невидящими сухими глазами. У нее нет слез и нечем залить печаль... А потом, сложившись, несколько товарищей поставили бедный памятник, где кривыми буквами выбито его имя, и забыли его...

А под этой свалившейся колонной лежит какой-то именной гражданин. Его, наверное, много оплакивали, пышно хоронили, а потом, забыв его, прожигали оставленные им деньги.

Не все ли равно, как умереть и как быть похороненным? Не все ли равно, сопровождает тебя огромная толпа или двое одиноких друзей? Рано или поздно имя твое уйдет в небытие. Но стоит ли из-за этого предаваться печали и отравлять свою жизнь думами о неизбежном конце! К чему! Мы живем, чтобы жить, и потому не плакать и не страдать должны мы, а, наоборот, использовать все радости жизни.

Мы должны быть эпикурейцами, т. к. вера в вечность духа и загробное блаженство слишком примитивна для нас. Пусть верят в них все слабые духом, все, разменявшие жизнь свою на житейские мелочи.

Мы должны и в жизни, и в смерти познать одно великое. Мы должны признавать две вечности: жизнь и небытие. Жизнь наша так же вечна, как и смерть, если сумеешь использовать ее как следует. Есть прекрасная легенда о двух человеках, которые несли горящий факел. Когда один из них изнемог от усталости, упал и умер, другой схватил факел и донес его горящим. Вот истинная цель жизни: нести, пока возможно, свой факел, а потом умереть и передать его своим потомкам. И ты весь не умрешь, лучшая твоя часть будет гореть огнем этого факела. Жизнь для живых — это вечный и естественный закон природы, и не надгробные памятники, а дела твои сделают память о тебе бессмертной. Познавший неизбежное и бесконечное не боится смерти, исполнивший свой долг умирает спокойно. Глупы и не нужны миру те люди, которые говорят, что мы живем для того, чтобы умереть. Нет, мы живем, чтобы нести факел и чтобы передать его другим...

Половину кладбища расчистили и устроили в нем парк для детей. Невольно вспоминаются тут слова Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

А все-таки чувствуешь невольный ужас, когда, глядя на картину смерти и тления, подумаешь: а ведь и я буду тут!

И горячие юноши, и прекрасные девушки рано или поздно обращаются в стариков.

28 мая * Сегодня, проходя мимо, зашел я в церковь. Любопытно взглянуть на последние храмы и на вымирающее поколение верующих. Как сильно, однако, влияет обстановка на душевное настроение. Прохладный полумрак, расписные потолки, потемневшие от времени распятия и блеск свечей перед печальными ликами святых навевают какое-то торжественное и благоговейное чувство. Вправо от входа отпевают покойников. Хор поет какую-то тягучую мелодию. На деревянном кресте увенчанное розами деревянное распятие. Я понимаю, какое чувство должны испытывать искренно верующие, входя в этот храм своего божества. Немало простых душ привлекал этот блеск, это пение и эта торжественность. Немало умов увлекала эта сладенькая и лживая идея христьянства. Немало бед причинила она человечеству, немало жизней погубила. Как это столько веков люди не могут постигнуть всю лживость и гадость христьянства, как они могут поклоняться заповедям, противоречащим всей человеческой природе? Почему и теперь еще немало осталось верующих? Истина это или дурман?

К ноге распятия прикована кружка для подаяний. Не насмешка ли это над верой! Христос с кружкой для денег!

На паперти подрались две побирušки. Одна, с лицом ведьмы, грозила другой палкой, а та трусливо пряталась за спину какой-то почтенной старухи. Первая кричала:

— Гоните ее отсюда. Она бродяга.

— Ты не имеешь права драться, — заступалась старуха.

Первая вошла в церковь, а вторая вынырнула из-за своего прикрытия. Нищенки с крысиными мордами зашушукались, соблезнуя второй.

— Это нечистый тебя гонит... нечистый... — шепелявил хромой старикашка.

— Посмотрите, лицо-то у нее...

— На что ей одной столько денег-то, с собой на тот свет не возьмешь, нет!

— И все копит, все копит. Хоть бы когда свечку перед божьей матерью поставила.

— А Сашка-то ить сирота от нее сбежал.

— Сбежал, вот она и злится, бабоньки.

— Сама виновата.

Заметив меня, пострадавшая стала говорить, повысив голос, скороговоркой.

— Гнать нужно этих нищих с паперти, гнать их, а то ишь...

Я улыбнулся и отошел.

Откуда они, эти жалкие люди? Интересно бы познакомиться с их бытом.

1 июня * Сегодня мне шестнадцать лет. Странно, но настроение у меня довольно среднее. По существу, как это ни глупо, но, по моему, люди должны не праздновать и веселиться в день своего рождения, а предаваться печальным размышлениям о том, что еще один год сблизил их с могилой. Я, конечно, не думаю об этом, и вообще эта мысль пришла мне в голову совсем случайно, но как-то грустно.

Мечта моя, относительно путешествия по Волге, не исполнилась, так как поездка расстроилась, и теперь черт знает куда я поеду летом, а Москва мне смертельно надоела, так же как и подмосковные дачи.

Сейчас сижу и зубрю монологи Фамусова. Третьего у нас испытания по литературе. Я лентяйничал два дня, теперь придется посидеть ночку. Башка устала от зубрежки, и пишу я, вероятно, ужаснейшую белиберду.

На улице зверски хорошо. Летом город хорош только ночью. Днем — жара, пыль, вонь, шум и лень...

Сегодня видел ее после семидневной разлуки. Она была замечательно хороша... Хороша как... Нет, лирические описания все равно ничего не скажут!.. Я смутился, когда ее увидел, и, даже не осмелившись взглянуть как следует, пробежал мимо.

А что, если я подойду и поговорю с ней прямо? Ведь это не унижит меня? Боюсь! По-дурацки боюсь! У меня язык присыхает к гортани, когда я ее вижу, и вообще в важных случаях я не отличаюсь красноречием. Да и вообще, какой интерес может представлять сумасброд для такой замечательной девушки?! Нет, уж лучше сидеть и молчать, чем подвергать испытанию свое самолюбие!

9 июня * Готовлюсь к немецкому. Теперь осталось три испытания. Времени чертовски много. За время испытаний перечитал порядочно книг, а теперь засел за «Эстетические отношения»¹⁵.

Замечательно интересно! Недавно купил Писарева. Жаль, что у меня его не было зимой: в отношении Онегина я его ярый последователь, к великому ужасу нашей литераторши Любочки¹⁶; но мне приходилось его цитировать по памяти, а теперь он есть под рукой. Между прочим, прочел книгу об Азефе¹⁷. Изумительная личность для психологической трагедии. Если изучить его поглубже, может получиться недурная вещь.

Расширяю круг своих знакомств и теперь подумываю об осуществлении кружка любителей искусства. Жорка познакомил меня со своими ребятами. Среди них много интересующихся этим делом (девчонки увлекаются Блоком). Кроме того, недавно познакомился в нашей школе с неким Ключевым из седьмого класса. Он прекрасный композитор и тоже годится для кружка. Сюда же можно включить Вовочку (с ним я вновь возобновил знакомство, и он показался несравненно более милым, чем в прошлом году) по части живописи и Пуцилло как резонера, ну и, конечно, Жорку. Интересно было бы собираться, чтобы вывести на суд мирской свои творенья, поспорить, поговорить о новых книгах. Все это возможно, если я попаду в Жоркину школу; иначе вряд ли удастся. Но будем надеяться.

Вчера курьез с Воскресенской. Она мне подарила карточку (я не смел отказаться) с надписью, при виде которой я еле сдержался от смеха. Там написано: «Дезе Кауфману, самому умному, самому хорошему человеку *во всем мире*». Месяца три тому назад (как быстро меняется человек в наши годы) я принял бы это за трогательное проявление самой чистой наивности и заплакал бы от гордости и умиления, но теперь кроме проявления глупости не вижу ничего... Проявление «идеальности» (по Белинскому). Вообще, с тех пор как я раскусил ее, я сменил свой искренно-дружественный тон (действительно бывший искренним) на маску печальной таинственности. Какой же я дурак был, когда с самым серьезным видом писал ей свои мудрые нравоучения и когда целые недели придумывал убедительные аргументы и своим глупым отношением поощрял эту идеальность. Теперь я корчу перед ней гения и героя (какую-то смесь Демокрита, Говена¹⁸ и Бармалея). Изрекаю афоризмы, которые принимаются за чистую монету, изобретаю себе страдания и вообще держу себя загадочно. Она даже не подозревает, что я над ней смеюсь. Результаты поразительны (указывающие на необычную глупость): она считает меня первым в мире гением и человеком чрезвычайно решительным. Я раз в шутку спросил ее, могу ли я убить человека, и она ничуть

не усумнилась в том, что могу. Мой предполагаемый переход в другую школу я облек в чрезвычайную таинственность и туманно намекал на «некоторые обстоятельства». Она, очевидно, думает уже о трагической любовной истории.

Эх, идеальность, идеальность...

15 июня * Хотел написать давно, т. е. было о чем, но как-то все не выходило. Конечно, первое, о чем нельзя не написать, это о новой конституции¹⁹. Наконец-то диктатура кончилась (я рад, хотя был и есть сторонник крутых мер) и наступает эпоха идеальной социалистической республики с подлинно народной демократией. Все принципы свободы и благосостояния человеческой личности осуществлены в ней в наибольшей мере. Право на труд, на социальное обеспечение, на образование; свобода слова, печати, собраний, организаций. Всеобщее тайное и равное голосование, равноправие всех рас и национальностей. Где еще есть такая конституция?

Кроме всего, значение ее не ограничивается ее смыслом, она привлечет на сторону Республики немало других оппозиционных элементов...

Позавчера сдавал биологию, а завтра будет последнее испытание — геометрия. Черт знает какая косность царит у нас в преподавании биологии. Этот предмет можно прямо назвать гильотинированием любознательности. Догмы заели нас и не дают работать мысли. Высший принцип педагогики тут: «долби, чего не понимаешь». Если же человек обладает пытливым умом, если его не удовлетворяют слабенькие мотивировки и он требует объяснения и излагает возражения, то его возводят в выскочки, идеалисты (страшное слово, по школьным понятиям) и даже классовые враги. Обычный ответ таков: «Этого вы еще не поймете, и потому вам бесполезно объяснять». Так какого же черта нам преподают то, что мы не можем понять? Ложь! Я знаю, что можем! Скажите просто, что вы не хотите или не можете нам объяснить.

Например, вопрос о целесообразности в природе. Нам говорят, что ее нет. Как же нет, когда каждую минуту мы на деле видим эту целесообразность? Ведь, по существу, все для чего-то существует, следовательно, оно целесообразно, когда целесообразность теряется, вид вымирает. «Нет, — говорят наши менторы, — это приспособляемость». Ну а что такое приспособляемость, скажите мне? Не есть ли это та же целесообразность, названная дру-

гим именем. Я, конечно, согласен, что вечной целесообразности нет, и то, что целесообразно сегодня, не может быть целесообразно всегда. Но ведь стремление природы к целесообразию несомненно. Стремление к приспособляемости и есть стремление к целесообразности. Каждый живой организм находится в зависимости от развивающейся природы. Когда целесообразный на данный момент вид становится в противоречие с природой, то есть становится нецелесообразным, он вымирает, или окончательно, или дает новую ветвь, целесообразную на данный момент. Может быть, это неверно, но, во всяком случае, никто не мог мне этого доказать...

Еще из новостей... Да, чуть не забыл про физика Виктора Андреевича. Замечательный парень! Он очень здорово помог Борьке Курбатову на испытании по биологии. Борька сдирал по книге, а он загородил его, а когда биологичка подошла, то толкнул его локтем. Он повсюду такой, только не на своем предмете.

Имел я разговор с Любочкой. Читал ей стихи. Видно, ей понравились. Во всяком случае, она посоветовала их напечатать. Странная особа эта Любочка: строга, чувствительна, вместе с тем смешлива, иногда очень симпатична...

Ее видел раза два мельком. Прибавить больше нечего. Она хороша и...

17 июня * Конец! Конец! В этом году я расстаюсь со школой с какой-то неприязненной радостью, хотя нельзя сказать, чтобы этот год прошел совсем без пользы. Несмотря на то что для ума я особенно ничего не получил, сердце мое обогатилось очень многим хорошим и несравненно больше житейской опытности стало у меня. Люди перестали существовать для меня как два разряда: хорошие и плохие, причем, как в классической пьесе, первые обладали всеми совершенствами, а вторые всеми недостатками. Я научился любить всех людей, замечать всех и делать так, чтобы люди любили меня. Это первое и самое большое, что приобрел я в этом году. Во-вторых, я стал честен, хотя и не в том обычном смысле, в каком понимают это всегда. Я не был лжецом никогда, но иногда лгал себе и другим (больше себе), чтобы казаться лучшим в их глазах. Но теперь я честен.

В смысле стихотворства год тоже прошел не совсем даром, хотя он и не был особенно плодотворным. Я пошел довольно далеко в смысле техники, но не создал ничего хорошего. Зависит это от слабого питания, которое получал мой ум в обстановке на-

шей школы, а отчасти от недостатка времени и от моих занятий эстетикой...

Но все это плюсквамперфект* ... Прошло... прошло... — и хорошо, что прошло и что нет этому больше возврата.

Вчера ребята из Жоркиной школы, с которыми я уже достаточно познакомился и которые смотрят на меня уже как на товарища, зашли за мной и затащили на вечеринку по поводу окончания учебного года. Я, кажется, нравлюсь им, то есть многие изъявляют желание дружить со мной. Левка Безыменский²⁰ заходит ко мне, и мы недурно проводим время (хороший малый!). Вчера я тоже сошелся ближе с одним парнем — Мулей, кажется, Стерлиным. Это замечательный, глубокий, умный и мягкий парень, который обещает быть хорошим другом.

Итак, я попал на вечеринку и прекрасно провел время. Какая замечательная умная и интересная компания. Девочки: Лиля,²¹ Эся²² и Нина, совсем не похожи на наших б... Это товарищи, хорошие и полноценные.

Читали стихи, читал и я, причем, кажется, не произвел особенного впечатления (правда, читал я мало — один отрывок из «Жакерии»)

Я не могу сейчас писать. Только что пришла соседка и сказала, что тут одна соседка умерла. У нее остались двое маленьких детей. Я плачу и не могу писать.

23 июня * Наконец-то освободился сегодня от волнений и трудов. Сейчас сижу у дядюшки на даче²³ и могу на воле записать все происшедшее. Я уединился в лесу и, несмотря на то что моросит небольшой дождик, пишу.

Первым долгом радостная новость — меня приняли в Жоркину школу. Правда, еще не совсем приняли. Но в основном вопрос уже решен. Жорж пользуется там большим авторитетом, и его протекция решила все. Я зверски рад. Наконец-то можно послать к черту проклятую 24-ю школу, с ее сплетнями, пошлостью, косностью, грязью и формализмом...

Но она?.. Я только что вспомнил о ней. Я забыл ее. Так устроен человек: прежде всего он помнит себя. Но как же она? Мне жаль, что я уйду и никогда-никогда не увижу ее, ничего не буду иметь на память. Ведь я же люблю ее... Люблю! Нет, я напишу ей, как только приеду из Алексина.

---

* Давно прошедшее время (нем.)

Со своими я распрощался. Семнадцатого ездил с ними за город. Изводил Ритку, а потом стало ее жалко: все-таки я немножко к ней неравнодушен. Двадцатого видел ее. Простился с Вовкой, Колькой, Витькой... Прощайте, больше не увижу вас... или увижу и поклонюсь холодно, т. к. несмотря на то что вы хорошие ребята, у нас нет общих интересов... Все-таки жалко вас чуть-чуть. Привыкаешь. И как-никак вы хорошие товарищи.

Только с Пуцилло я не разойдусь²⁴.

Остальные дни меня «определяли» и «определили».

Замечательные ребята у Жорки в классе. Двадцать пятого поеду подавать заявление.

Больше писать неохота. Лес кругом. Птицы. Хорошо!

26 июня * г. Серпухов.

Сегодня нахожусь у другого моего дядюшки в Серпухове,²⁵ где думаю пробыть до тридцатого. Тут веселей и привычней (ведь зимой мы живем вместе), и вообще стесняться нечего.

Серпухов — городок славный. Тихо тут и все-таки не так сильно чувствуется провинция. В центре асфальт, большие дома, магазины. Есть замечательный городской парк и даже театр. Вот они, действительные результаты революции: скоро в нашей стране не будет провинции.

Вчера ходил подавать заявление в школу. Кажется, буду принят.

Хочется писать, а в башке пусто...

Не знаю, куда спрятать дневник. Нужно будет на лето завести себе для дневника книжечку небольшого формата, чтобы носить ее при себе...

Вспомнил я прежние свои записи в дневнике. Какая пошлость овладела мной в начале этого года! Как я рад, что наконец отделался от нее.

27 июня * Там же.

Сегодня ездил на Оку; поджаривался на пляже. В общем, веду растительный образ жизни: ем, пью, что-то делаю, но почти ни о чем не думаю. При таком существовании немудрено и заскучать, но я не успел к нему привыкнуть и пока изучаю серпуховские достопримечательности.

Вечером был в парке. Там надрывается какой-то оркестрик, ходят по парку, как лошади по арене, пары. Между прочим,

у определенного типа женщин из такой специфической мещанской среды в физиономиях и в походке есть что-то лошадиное. Больше всего отталкивает меня это тупое выражение, обычно сочетающееся с невероятной ограниченностью.

Я бродил по аллеям, которые потемнее.

В этом веселом и светлом парке
Я сижу на скамье в одиночестве.
И кажется, будто кого-то жалко,
И кажется, будто чего-то хочется.
С думаю я по аллеям рыскаю,
От шума стремясь под тенистую
изгородь...
И думаю я про девушку близкую,
Которой бы душу я мог высказать.

Маленький беленький котенок забрался ко мне на колени и сосет рубаху подмышкой, думает — мать. Жалко его, дурачка, оторвать, хоть он всю рубаху мне исключивил и ужасно щекочет.

1 июля * Уезжаю завтра в Алексин.

23 августа * Сегодня видел Шахова²⁶. Интереснейший тип, о котором я почему-то мало упоминал, хотя это едва ли не самый интересный и один из наиболее приятных мне друзей. Он оригинален и необычен с головы до ног. Он зырянин. Наружность у него дикарская. Небольшой, плотный, и зимой и летом прогуливается он без пальто. Кудрявые белокурые волосы, дикий широкий нос и, когда смеется, блестящие зубы. По характеру он болезненно застенчив, замкнут и молчалив. Разговор с людьми доставляет ему страдание. Если бы художнику нужен был портрет гения, то, я думаю, только его следовало бы избрать моделью.

Он страшно талантлив и очень начитан. В последнем ему можно позавидовать, начитаннейший из нас. В рисунках его, которые могут узреть очень немногие и которые он делает на клочках и обрывках бумаги, мне нравится какая-то оригинальность, они совсем не похожи на подобные творения большинства рисующих ребят. Его талант не подвергается сомнению. Он очень много изучает эпоху, костюмы и события, прежде чем разработать какой-нибудь сюжет.

Я, кажется, почти единственный, кого он удостаивает дружбы, и, по-моему, наверняка единственный, с кем говорит он о своих рисунках, планах и книгах, которые он читает. Для меня

он тоже единственный, кому я могу поверить все мои поэтические победы и неудачи. Он обычно говорит мало, но если скажет «хорошо», то не из вежливости.

К сожалению, он уезжает на год в Сталинабад. (Его отца посылают туда директором какого-то института, ввиду снятия одного из этих проклятых троцкистов.) Он пришел со мной попрощаться. Мы пробродили с ним весь вечер по улицам.

Давно не было у меня такого приятного вечера!

24 августа * Террористы приговорены к расстрелу²⁷. Впрочем, этот расстрел не случайность. Они обречены историей. На этот раз весь народ единодушно требовал их смерти. Голос народа — голос истории, им управляет неизбежность.

Люди, действительно преданные Революции, требовали приговора из-за вполне понятной ненависти. Элементы «бывшие» и вообще недоброжелательные по отношению к Республике чувствовали к ним не меньшее отвращение, говоря, что «жиды хотят поделить Россию». Хотя связи изменников с гестапо и Гитлером и нечистые методы их борьбы, полная беспринципность внушают презрение всем, даже врагам.

Как позорно они признавались, как гадко каялись! Ужасна их смерть без сознания своей правоты, оплеванных миллионами плевков.

Троцкий стер для меня свои революционные заслуги сапогом грязной своей подлости. Предать дело человечества из-за мелкой страстишки властолюбия! Раньше я считал его жертвой партийной распри, теперь он для меня политический авантюрист — не более.

В истории нет случайности, в истории есть необходимость.

В такие моменты чувствуешь силу и гениальность Сталина.

Я не люблю дифирамбов, но фигура вождя вызывает во мне восхищение. Несколько раз в кино я видел его лицо. Это лицо улыбается, говорит добродушно, серьезно, внимательно, но глаза всегда одни — спокойные, стальные. Я не хочу писать о нем, чтобы не быть похожим на всех этих воспевателей, чтобы не разминивать свое преклонение на дурные стихи.

Он понял историю, он оседлал ее и держит ее крепко — в этом его гений. История — это узкая тропинка между двух пропастей. Нужно очень хорошо чувствовать ее, чтобы не свалиться в забвение. Прав тот, кто идет с историей, остальные будут сметены неизбежностью.

7 сентября * Новая школа и отвратительное настроение.

Ребята интересные, конечно, не чета нашим. Я уже вполне освоился, и народ относится ко мне неплохо. Педагоги хорошо. Химик похож на отставного канцеляриста или на общипанного котенка в пенсне с черным бантиком, давно вышедшим из моды; физик имеет вид неудавшегося музыканта и имеет склонность проповедовать старые детские истины; математик мне нравится: красноречив, интересен, понимает красоту своего предмета; биологичка имеет вид м-с Склапинс²⁸ (кажется, так) из «Пиквикского клуба», и если у нее есть муж, то я ему не завидую.

С ребятами из 24-й школы не теряю связи. Во-первых, немножко жалко, а во-вторых... Нет, теперь это звучит слишком глупо!..

Мне интересно знать, действительно ли я люблю ее. Моя любовь заехала в такую область, что почти потеряла свою связь с реальностью... Собственно говоря, как человек она для меня не существует; она для меня идея какого-то расплывчатого, но хорошего и грустного чувства...

От этого ли происходит, что я не желаю даже сблизиться с ней. Она для меня символ Прекрасной Девушки, символ, который я люблю, как можно любить как-то наивно и по-детски какую-нибудь недостижимую мечту. Она-человек для меня безразлична...

Во всяком случае, думать о ней доставляет мне удовольствие.

Занялся русской живописью. Шляюсь в Третьяковку. Первый раз ощущаю всю прелесть впечатлений, доставляемых живописью. Раньше я не понимал ее. А теперь я знаю, какое удовольствие углубиться в картину и жить в ней. На репинской выставке огромное впечатление произвели на меня: Софья, «Запорожцы», Иван Грозный, портрет Рубинштейна... Репин — это не только эпоха, Репин — это целый мир.

«Ночь над Днепром» Куинджи лучшее вообще из всего, что я видел.

Внутри себя чувствую какой-то разлад и неуверенность. Настал один из моментов, когда я перестаю верить в себя и сам себе кажусь ничтожным и жалким.

10 сентября * Пути дальнейшего моего образования, а следовательно, и жизни уже становятся ближайшим будущим и все чаще заставляют думать о них. Я никогда не думаю о выборе даль-

нейшего своего учения без сильного волнения и борьбы с самим собой. Выбрать направление для меня труднее, чем для кого бы то ни было. Я обожаю литературу, она вторая моя душа, часть мира, цель желаний и т. д., но я совершенно бездарен, и занятия ею будут всегдашним мучением для моего честолюбия. Быть словесником в школе, захудалым критиком, редактором провинциальной газеты? Отвратительная перспектива. Но пускай! Предположим, что я пожертвую своим самолюбием, стремлениями и пр. для любимого дела, но принесу ли я тем пользу обществу, в котором живу? Не будет ли ему более полезен скромный инженер, чем ассенизатор от пиитики? Моя цель — дать как можно больше. Где я дам это «больше», в науке или в искусстве? Я не знаю, будет ли это продолжительно, но сейчас трезвые размышления мои склоняются к первому... Правда, где-то в глубине кроется маленькая надежда, но у кого ее нет?

Сегодня по этому поводу у меня был разговор с Лилькой. Она считает, что я, наоборот, должен пойти по литературной дороге, она считает меня человеком, истинно любящим литературу и к тому же обладающим умом. Мы много спорим по этому вопросу. Но рассудок мой, трезво и холодно, указывает мне мой путь, где полней и красочней использую я свою жизнь.

Мама прямо против литературных моих занятий и в спорах со мной часто бывает не чутка, но ею руководит понятное родительское желание, чтобы я был обеспечен. Меня, конечно, материальная сторона интересует меньше всего, «инженер-душка» для меня не идеал, но, быть может, мамыны слова правдивы: «Инженер может быть писателем, но писатель не может быть инженером...» Папа дает мне совершенную свободу..

Сегодня он наконец приезжает из Уфы, где пробыл месяц. Я ему ни разу не писал, и мне неудобно... Но разве сыновняя привязанность измеряется числом писем?

11 сентября * У нас все становится культом. Если существует поговорка: «Отрицать все — значит ничего не отрицать», то не менее верно, что хвалить все — значит ничего не хвалить. Нельзя любить, не ненавидя... О Пушкине кричат на каждом перекрестке, Пушкина превозносят плохие критики. Пушкин — добродетелен, идеал, мировой гений, совершенство и пр. Это, то есть любовь к поэту, несомненно, явление положительное, больше — замечательное и ценное, но любовь должна быть разумна. Мне

одинаково противны и наши липовые, нахватавшиеся эрудиты, которые пышно-бездушными фразами Цицеронят о Пушкине, втайне не понимая, не осмысливая его, и эти пощипанные интеллигенты, дрожащие над каждым словечком, залезая в каждую дырку, до приторности и отвращения смакующие все и вся и увлекающие на свет божий тысячу ненужных, гадких, не относящихся к поэту вещей. Эти последние слепо любят Пушкина, но в их руках он похож на обсосанный леденец, как в руках первых — на обычную и скучную газетную статью...

Любить писателя, значит прежде всего видеть его недостатки.

Я люблю Пушкина, но без трактатов о нем, без деталей его биографии, без фанатизма, как можно любить замечательного поэта и человека!

Первым делом Пушкин гениальный поэт! (Поэт, но не человек.) Как гениальный *поэт* он недостижим. В этом его громадная сила, привлекательность, за что я его ставлю первым среди любимых мной поэтов, но в этом и его слабость.

Гёте был не только замечательным поэтом. Он был к тому же гениальным человеком, поэтому его называют поэтом мировым.

Пушкин — поэт русского значения именно потому, что он только гениальный поэт. Об этом говорил еще Чернышевский. Но напрасно думают те, которые принимают мое положение как умаление достоинств поэта. Совсем нет! В этом и выражается его гениальность. Переводить можно только мысли, поэтому все читают Шекспира. (Зачеркнуто: «Если мысли по своей обобщающей глубине поэтичны, то» — А. Д.). Мысли должны быть поэтичны по своей обобщающей глубине. Для этого нужен гениальный человек.

Пушкин только поэт, он совсем не философ, поэтому он так легок и приятен, поэтому его стихи полны такого оптимизма. Поэзия настоящего поэта всегда стремится к радости, поэзия философа всегда немного тяжеловата. Это не значит, что стихи Пушкина пусты. Они глубоки уже по своей поэтичности, по той непосредственности, с какой поэт воспринимает мир.

Несомненно, что Пушкин сделал русский язык, что он первый русский поэт, которому, может быть, нет равного, но тем не менее он не мировой поэт...

Я мог бы развить эти взгляды в более обширной статье, выразить их полнее и доказать, но не хочу быть похожим на сосателей Пушкина. Обожаю Пушкина — поэта, ненавижу Пушкина — фетиш.

20 сентября * Врастаюсь, вживляюсь, изучаю. Часто бывает весело и интересно. Времени на занятия уходит масса, а делается с непривычки очень мало. Режим у меня налачился хороший: встаю в шесть, прихожу в три, а потом опять целый вечер работы.

В смысле литературном я попал в свою стихию. Спорим (собираясь у Лильки) до отупения. Недавно я чуть не подрался из-за Пушкина.

Талант мой, кажется, признан, по крайней мере за естественный факультет меня ругают дураком,³⁰ а «Жакерию» заставляют декламировать. Странно, что увлекаются тут Блоком, особенно Эся и Лилька. Поэзия страданий и одиночества в большом ходу. Мне очень нравится Блок как поэт, но его философия явно не соответствует моему духу. Кроме Блока, процветают самоанализ и Фрейд. Мне кажется, они слишком усложняют и чувства, и мир, и отношения. Для меня мир ясен, прост и радостен, а они покрыли его Блоком. Впрочем, моя проповедь оптимизма производит действие (по крайней мере, на Лильку, Эся слишком несчастна в своей семейной жизни, наружности и здоровье).

Увлечение поэзией печальных чувств, и чувств вообще, сильно снижает имеющийся у всех (Лильки, Эси, Эльки,³¹ Юрки,³² Марка и отчасти Левки) литературный вкус, то есть часто нравится явно слабое, неоригинальное, банальное стихотворение только за давнишнюю истину, в нем изложенную.

Я раздобыл массу книг, но читать некогда. Северянинский сборник «За струнной изгородью лиры» мне что-то не понравился.

Прочел сборники Сельвинского³³ и Луговского,³⁴ добыл Стефана Цвейга.

Все больше нравится Багрицкий³⁵. Это настоящий поэт, которого следует любить. Именно любить, так как нравиться могут многие...

В пылу учебы и чтения вспоминать о себе некогда, но все же иногда чувствуешь, что не хватает...

Задумал новую лирическую поэму, которую нужно как следует продумать. История молодого человека, сына князя, в нашей действительности. Его желание срастись с современностью. Это будет отчасти зарисовка Юры Шаховского, а отчасти лирические размышления. Этот сюжет уже давно у меня в голове, и, когда я у Лильки познакомился с Юрой, он окончательно оформился.

2 октября * Живу в аду, состоящем из уроков, недосыпания и плохих отметок. Первые восторги улеглись, и стало грустно. Я не чувствую себя неотъемлемой и прочной частью коллектива. Литературная компания есть, но это только для ума, а не для души. С сожалением вспоминаю несложную, но теплую и крепкую дружбу Пуццы и Вовки. Встречаюсь с ними, но уже изредка. Жорка стал чересчур самодоволен, а Зигель занят собой и смотрит на меня, как лев на крысу.

Учеба моя движется туговато. Вчера хватил первый «неуд» по истории (первый за всю жизнь по этому предмету) и не знаю, как сказать об этом родителям. Будут снова нравоучения и пиление. Они не понимают, что мне это тяжелей, чем им. Не знаю, что со мной стало: все знаю, а выйду отвечать и бормочу что-то, как болван... Неужели и в себя я должен перестать верить? Неужели это прозябание, начало прозябания всей моей жизни? Так какого черта тогда жить?!

А главное, некому рассказать и некого спросить... И еще это всегдашнее скрывание всего под улыбкой, остротой и внешним оптимизмом, который я усвоил в прошлом году, когда учился не говорить всем всего, что я думаю. Мулька сказал, что ему трудно представить мое лицо плачущим. Он не знает, что этот смех — тоже плач.

Слез нет, и смеяться не хочется,
Слов нет, и сказать нечего.
Оттого так легко и хохочется
Вам надо мной вечером.

(Зачеркнуто:

Боль, что смехом сделана,
Злость, что звучит остротою. — А. Д.)

Улыбка моя не знак веселья,
А остроты все, что могу сказать вам,
Это только яркие ожерелья
Меня, безнадежного, жмущие в объятьях.

И вы не поймете, веселая орава,
Что я завертелся в мирском колесе...
И разве хотеть не мое право
Быть немного не таким, как все.

Но в мире есть бездарности и гении.
Я не первый, а вторым не стать.

И это тяжело — парить мгновение...
Одно мгновение!.. И упасть опять.

Так где после этого искать ответа?
Бывшему на Солнце Земля тесна...
И правда прижатого к виску пистолета,
Может быть, только одна верна?

Нет, для этого сил не хватит
(Держать смерть у своего лица),
Но кто мне ответит: с какой стати
Разыгрывать этот фарс до конца?

Как плохой актер, как плохой поэт,
Освищенный, ухожу из театра человеческого.
Смеяться не хочется, слез нет.
Слов нет и сказать нечего.

3 октября * Я никогда больше пяти дней не могу быть печальным. Вчера опустошился, а сегодня опять почти весел. Как в природе вечная смена дня и ночи, так и во мне вечная смена настроений. Да и как скучна была бы жизнь без этих вечных падений и подъемов.

Сегодня разговаривал с Феликсом о войне, а затем с этого перешли на вопрос о добре и зле. Он, конечно, защищает свою христианскую точку зрения. Я ему доказывал, что добра и зла как таковых нет, что они есть следствие борьбы за существование. Ведь, в конечном счете, человек тоже животное, и почему бы ему не подчиняться дарвиновской теории борьбы за существование. Когда-то я в шутку развивал теорию, что лень является движущим фактором человеческого общества. Это, конечно, грубо, но здесь есть зерно истины. Каждое живое существо стремится получить максимум благ, которые может предоставить жизнь. Классовая борьба есть высшая форма внутривидовой борьбы за существование — один индивидуум использует блага жизни за счет другого. В природе невозможно уравнение в правах всех животных, но в человеческом обществе, когда человечество все дальше отходит от животного, равномерное распределение благ возможно. (Следует запомнить, что поле деятельности человека простирается к устранению всех внешних причин, ему мешающих.) Таким образом, коммунизм возможен только на основе человеческого разума и должен являться торжеством этого разума над инстинктом. Из этого понятно, что коммунизм возможен только на определенном этапе развития человеческо-

го общества. Конечно, в борьбе за царство разума движущим является пролетариат, который в наименьшей степени пользуется благами жизни и потому является прогрессивным фактором. Переход к коммунизму возможен только путем революции и диктатуры пролетариата, так как согласно диалектическому закону современное общество должно скачкообразно перейти в свою противоположность.

8 октября * Теперь я понимаю значение слова «Шекспир», теперь я чувствую, что ровным счетом ничего не читал! Это — вечная красочная и грубая жизнь. Это вечно живые слова, это синтез мира. Его нужно читать много-много раз и впитывать каждое слово, и тогда можно понять жизнь. Несколько лет назад я взял Шекспира и прочел несколько его трагедий, они не показались мне занимательными — я был глуп. А теперь я дорос до Шекспира, каждая фраза его сидит у меня вот тут — в сердце.

17 октября * Началось это с того, что Лилькина мамаша взяла мой автограф и стала говорить мой характер, как будто я открыл ей всю душу. Это было поразительно.

— У тебя сильнее всего развита фантазия. Это первая черта, которая бросается в глаза. Ты можешь создать фантазию и жить ею долго, но порой мгновенный переворот... и ты забыл ее. Для этого достаточно мелочи...

Это меня поразило. Как правильно! А ведь Таня тоже только моя мечта, облеченная в материальную оболочку.

Мне нравится девушка с неровным профилем — Наташа³⁶. Кажется, Жорик влюблен в нее...

А Таня?..

22 октября *

Приливы грусти, смеха и тоски,
До бешенства не пишутся стихи,
Как будто ум опухший сел на риф
Каких-то мыслей и бессвязных рифм.
Сидишь весь день и тянешь, как паук,
Из книжек нити тягостных наук,
Но лишь взглянешь в окошко на закат,
Забудешь все, что книги говорят,
И хочется от злобы выть и выть,
Но учишь вновь, что суждено забыть.
Кажусь себе ненужен, скучен, пуст,

И говорю себе беззвучно: «пусть»,
И убегаю в этот глупый мир,
В котором небо, рифмы и Шекспир.

Конец четверти. Отметки неважные. Апатия.

Читаю Пастернака и медленно влюбляюсь в Наташу. Пастернака нужно даже не понимать, а скорее, чувствовать каким-то особым чувством. Я приступал к нему с предвзятым мнением. Мне казалось, что это нечто вроде нового мошенника из сказки Андерсена, который заставляет всех восторгаться несуществующим платьем. Теперь я понимаю, что действительно Пастернака поймет не всякий, но он смотрит на мир совсем другими глазами. Порой у него встречаются гениальные строфы.

Одновременно занимаюсь русской живописью. До прошлой весны имена русских художников были для меня только именами. Теперь они начинают укладываться в мозгу не только по манере письма, но и по значению и месту, занимаемому ими в живописи. Шляюсь в Третьяковку.

Был в Еврейском театре. Видел «Разбойник Бойфре»³⁷. Только там чувствуешь, как близок тебе твой народ. Как хорошо, что мы живем теперь! Лучше pistols, чем жизнь, как раньше.

Фашисты у Мадрида. Видел кинохронику испанских событий. Хотелось рычать от ярости и воодушевления. Безоружные, идут они, мужчины и женщины, защищать Республику. Девушки и юноши! Они умрут вместе с Революцией. Как хотел бы я быть на их месте! Умереть за человечество, искупить своей кровью счастье мира — высшее блаженство.

Боюсь вступать в комсомол. Достоин ли я?

23 октября *

Я за одну строку стиха
Готов отдать веселья реки
И бездне всякого греха
Закабалить себя навеки.
Я не хочу хорей и ямб
Бубнить, отсчитывая рифмы,
Хочу ввергаться в бездны ям
И в гору восходить из рытвин.

С Лилькой, Марком, Юрой, Элькой сошелся до дружбы. Наконец-то я нашел людей, с которыми можно говорить обо всем, которым можно рассказать себя. С Лилькой у нас хорошая друж-

ба. Это близко к идеальным отношениям между девочкой и мальчиком. Собираемся каждый пятый день, время проводим весело, хотя Марк и Юрка неисправимые пессимисты. Впрочем, с Марком я еще должен поговорить об этом. Он вообще весьма сложный парень. Поступки свои анализирует до мелочей и до того погружен в созерцание самого себя, что забывает все окружающее, однако это не эгоизм. У него отвратительные семейные условия, кроме этого, он влюблен в Лильку, которая к нему очень хорошо относится, но не любит. Все это вместе привело его к теории, что он безвольный человек и, значит, не может принести никому пользу своей жизнью. А жить без пользы — значит страдать всю жизнь. Эта теория привела его к мысли о самоубийстве. Он был близок к нему. Кажется, мои убеждения произвели на него благотворное влияние.

А вообще, он такой хороший! Откровенный, простой, честный, умный.

3 ноября * Последнее время и у нас в классе, и в нашем шалмане (мне кажется, что я теперь уже имею право называть Лильку, Эльку, Марка своими друзьями) весьма ярко обсуждается вопрос о цели жизни и о прочих вопросах, с этим связанных. Раз в слесарной мастерской спор завязался в общеклассном масштабе и чуть не дошло до драки.

Я тоже много думал и много говорил об этом, и теперь у меня есть точное на этот счет мнение.

Что такое жизнь? Глупый вопрос. Пусть меня обвиняют в поверхностности: я не хочу впадать в мистику или отвечать сухими словами: «Жизнь есть форма существования белковых тел». Жизнь есть та непосредственная радость, для которой я живу. Она — радость даже тогда, когда приносит горе.

У Рабиндраната Тагора приведена одна изумительная индийская песня:

Я приветствую жизнь, которая подобна возрастающему зерну
С одним своим крылом, поднятым в воздухе, и другим,
еще скрытым в почве;
Жизнь, где одно — и внешняя форма, и внутренний сок;
Твой приход приветствую, Жизнь, и приветствую я твой уход.

и т. д. Это замечательная песня, но мне лень ее переписывать.

Фелька всегда высокомерно спрашивает: «Зачем жить?» И отвечает: «Жить для земного незачем; как ничтожен весь мир

и мелкие масштабы жизни. Я ушел в божество; единственная цель жизни в познании его. Все равно погибнете вы, погибнет человечество, погибнет мир. Я хочу уйти от мелочей обыденщины». И дальше в том же духе.

Я улыбаюсь, а он заявляет, что я неглубок, и презрительно поглядывает: что, мол, ты значишь по сравнению с моими идеями. А мне хочется засмеяться и сказать: «Дурак ты, ушедший на небо от всего прекрасного и живого. Не верю я в твои чудеса, в твоего Христа, в его мучения. Я верю в человечество и в вечную жизнь, а ты, живя, обрек себя смерти». Но пусть он верит. Это тоже одно из проявлений жизни. Чтобы жить, нужно верить.

Я решил, что в жизни должно быть три принципа и тогда будет легко жить.

Нужно во что-то верить.

Нужно к чему-то стремиться.

И нужно уметь на что-то плевать.

Верить первым долгом нужно в себя, а плевать на мелочи.

А помню, что когда-то я утверждал, что жить нужно только для славы. Какая глупость!

Вот Толя Черняев³⁸ имеет как раз противоположные принципы, и ему трудно жить. А Марк все превращает в несчастье. Даже любовь. А по-моему, любить даже без взаимности — счастье. Позавчера с Лилькой рассуждали и решили, что жизнь — замечательная штука. И ведь правда!

11 ноября * В классе поголовная хандра по поводу коллективного влюбления в Наташу. Праздники прошли как-то нескладно. Я их и не заметил.

Признавался всем по очереди в своей любви к Наташе. Лилька и все другие одобряют. С Жоркой я впервые поговорил по-человечески, вернее, он отвечал не как манекен. Фелька начал говорить гадости, и я с ним поссорился. Очень наивно получилось с Мулей. Совсем как давно, когда мы вдвоем с Червиком были влюблены в другую Наташу. Он очень славный, Муля.

У Лильки познакомился с одним замечательным французом. Он такой необычный, утонченный. Как хотел бы я с ним подружиться.

Читаю Есенина, но другими глазами, чем в прошлом году. Читаю, несмотря на то что у нас это считается пошлостью.

С Марка спала хандра.

12 ноября * Был на лекции проф. Андропова о попытках доказательства пятого постулата Эвклида. Последнее время интересуюсь математикой. Этому много способствует наш учитель П. Л. Дорф, который, хоть порой бывает едок и неприятен, в целом очень мил. Хожу также и на математический кружок. Где являюсь одним из председателей. Позавчера делал доклад об Архимеде.

Изучая математику, чувствуешь, как чертовски шатка и слаба вся наша наука. Где истины? Эвклид, Лобачевский, Эйнштейн — разные миры. По-моему, высшая философия та, которая исходит из математики. Тот, кто хочет изучить философию, должен первым делом глубоко знать математику.

В Испании плохо. Эх, если бы дали всем добровольцам из СССР поехать туда! Быть убитым за дело революции в Испании. Какая романтика!

14 ноября * В Испании снова победа республиканцев.

Вчера был скучнейший литературный кружок. Наташа хотела быть, но не пришла. Я хандрил. Потом неожиданно занялся самобичеванием перед Лилькой по поводу прошлогодних моих отношений с Риткой. Действительно, это было так подло.

Хочу писать, и не о чем. Какой-то ком в груди. Неужели я всего-навсего бездарщина? Читать не хочется.

И вновь бездумье и тоска
Меня скребут в своих тисках.
Комки в груди и боль в висках,
А мысли тяжелей песка.

В мозгу гнетущий кавардак:
Есенин, Пушкин, Пастернак,
И ночь, пустая, как чердак,
Унылый дождь, бездонный мрак.

Как хочется писать, писать
И строчки с рифмами бросать.
И жечь кого-то и терзать...
Хотеть, достигнуть и дерзать.

18 ноября * Бывают дни, которые не забываются. Бывают беседы, после которых меняешься.

Вчера я увидел, что истинная сила души, высота благородства, возвышенность страданий и сила дружбы существуют. Я познал человека, признания которого возбудили во мне новую си-

лу к жизни, открыли истинное благородство. Его речи очистили с моего засоренного ума пелену ничтожного и показали, каким должен быть человек.

Я разговаривал с Марком.

Последнее время он относился ко мне очень дружески. Я ему нравился. Вчера, уйдя от Лильки, мы пошли к Страстному. Я рассказывал ему о Наташе. Он слушал внимательно. Потом разговор перешел на другие темы. Марк спросил:

— У тебя были когда-нибудь друзья, которым ты бы говорил все?

— У меня всегда было много друзей. Я не скрытен. Но открытым можно быть только раз. Поэтому все друзья знали обо мне отрывочно... Не знаю... возможно, что я дружил с Жоркой в пятом-шестом-седьмом классе... Был у меня еще друг — Червик. Но... — Да и что мне было говорить о себе?

— А я до прошлого года был очень скрытен. Тебе, наверное, говорила обо мне Лилька...

— Да. Говорит, ты был поверхностным парнем...

— Я сильно изменился.

Он начал говорить о себе. Я постараюсь передать возможно полнее все, что он мне говорил.

«Дружить можно только с одним человеком. Я не могу делить дружбу между несколькими. Я должен говорить этому человеку все... Все, даже плохое, отвратительное, гадкое. Я люблю Лильку. Она не любит меня. Ты знаешь эту историю с Элькой? Он мне рассказывал. Ты знаешь — я бешусь, когда его вижу. Они приехали из Гагр. Он говорил мне: знаешь, она мне уже больше не нравится... И обнимался в школе со всеми девчонками. Как ты думаешь, должен ли я был сказать это Лильке? Я говорил. Она это знала. Один раз я пришел к нему, и он сказал: “Пойдем к ней, я скажу, что больше не люблю”. Пришли, я вышел на балкон из деликатности. Минут через двадцать захожу. Они сидят и мирно разговаривают. А потом он говорил, что в это время целовал ее!..

Я этому не верю.

Мы стали дружить с Лилькой. Помнишь тот вечер, когда все мы были у Эльки. Я просил ее пойти со мной и тогда рассказал ей про себя все.

Я ставил все на карту. Я сказал ей, что до апреля прошлого года занимался... И она говорила со мной как человек, и она дру-

жила со мной после этого. Я не могу говорить о себе всего тому человеку, которого люблю, с которым дружу. Ты не знаешь этих порочных и отвратительно влекущих ощущений. Я превозмог их. Я вылечился от моей болезни. Я сдерживал себя полгода. Но недавно я вновь сказал ей это, и она опять подала мне руку.

Мне было трудно. Я не мог, я не хотел этого говорить. Но я сказал. Вот видишь, я считаю тебя другом и говорю тебе тоже. Я думаю, ты поймешь...

Я вот иногда мучительно и глупо думаю обо всем. Я, например, боюсь, что когда вырасту, то буду такой же обыватель, как все наши ребята. И мне страшно. Когда-то я был совсем, как они... Ты знаешь мой роман с Галей... Это было как у всех, как обычно... Не знаю, зачем я говорил ей пустые ненужные обычные слова. Я не мог быть с ней откровенным.

Вот Лилька любит ее теперь совсем по-другому. Они дружат... Вообще таких как Лилька нет больше...

Кроме того, у меня и дома очень паршиво.

У меня, в сущности, нет там родных. Мать моя не живет с отцом уже давно, с 24-го года. Но отец приходит к нам часто, как знакомый. Говорит с матерью. Я не любил его, не знал, не чувствовал потребности его видеть. Он уходил, и мать ругала его за глаза. А когда сердилась на меня, то кричала, чтоб я уходил к нему, что я эгоист и что вообще я зря родился... Как будто бы я виноват в этом.

Однажды мне сообщают, что отец мой уехал в Ленинград на несколько лет. Я был весьма к этому равнодушен. Меня просили писать ему. Я писал... Писал без всякого интереса пустые рапорты о себе... Я не интересовался им.

Раз я встречаю на улице одну из его сослуживиц. Она начинает меня расспрашивать об отце. Я говорю ей, что он работает в Ленинграде. "Как в Ленинграде!", и она мне рассказала, что мой отец был арестован — он по профессии юрист-консульт — и теперь сослан.

Ты не знаешь, что со мной было! За две недели до этого я был принят в комсомол и вписал в графу судимость родителей "нет". А теперь мой отец преступник. Я подал заявление. Я просил, чтобы меня исключили из комсомола. Я отрекся от своего отца. Меня оставили.

Раз мне сообщают, что мой отец в Москве в командировке, что он на даче у деда и хочет меня видеть. Я сначала не хотел к не-

му ехать, поехал из просто приятельских чувств... И я говорил с ним там. Первый раз говорил со своим отцом. У нас ведь нет откровенности с родителями. Мать любила. Но... А в этот раз я говорил с отцом. Как с другом. Он безвольный человек. Я убедился в тот раз, что он не способен на преступление. Я знаю: он сыграл в карты, у него были связи с преступниками, но я твердо убежден, что на преступление он не способен...

Теперь я переписываюсь с ним. Ему на два года сократили срок заключения. Он пишет, что когда он вернется, мы будем друзьями...»

Мы ходили и говорили до часу ночи. Потом разъехались. Вот они, человеческие страдания. Вот оно, величие ничтожества!

25 ноября * Столько мыслей, слов и дум кругом, что нет возможности их все записать.

Вот Марк говорит о дружбе, что ты должен жить только одним человеком, поэтому дружба между особами одного пола невозможна. В его понятии о дружбе есть что-то тяжелое, мистическое, надрывное, трудное, как он сам. Дружить с одним человеком так же тягостно, как все время читать Достоевского. Почему нельзя любить и иметь друга? Почему нельзя дружить, например, троим? Да и вообще, можно ли на такой субъективный вопрос налагать границы всех этих «нельзя, можно и должно». В конце концов, его дружба не что иное, как эгоизм вдвоем. Это абсолютная дружба, а всякий абсолют в жизни равносильен ненормальности.

Легче всего жить тому, кто менее всех абсолютен.

А Толя вообще не верит в дружбу и говорит, что она сводится к подчинению одного другому.

Я сегодня чувствую себя больным. Когда засыпаю, брежу Наташей. Лилька говорит, что она тоже любит меня, а по-моему, нет.

Читаю Пастернака. Его можно читать только про себя. Его поэзия не заключена в звуках. Она — тайная музыка, которая звучит внутри.

День был весь в золоте, тихий и тучевый,
Пахло забвением, листьями, ясенем,
Ветер похаживал в мягких мокалинах
И декламировал что-то из Тютчева.
В чопорных чепчиках, клювы как щипчики,

Серые птички чирикали: «Чик-чи-ки».
(Зачеркнуто:
Старую корку, нашедший за парком. — А. Д.)
Старые корки искавшие вороны
Каркали, мчась над парками ворами.
День был весь в золоте. Тихий и шумовый.
В шелестах, в шепотах — только прислушаться.
(Только шатайся и рифмы выдумывай,
Ритмы в мозгу возникают и рушатся.)
(Зачеркнуто:
Так я сидел на скамье у дорожки
Пьяный немножко, влюбленный немножко.
Далее зачеркнуто неразборчиво пять строк. — А. Д.)

Ты проходила, чтоб тронуть и спрятаться,
Чтоб я бежал за тобой и печалился...
Клен улыбнулся, и в простеньких платящих
Ели отзывчиво мне улыбались.

Пусть от любви умирают и мечутся...
Я не желаю венчать и развенчивать.
Я ведь люблю тебя так. От беспечности:
Чуть-чуть мечтательно, чуть-чуть застенчиво.

26 ноября * Вчера Сталин сказал, что у нас два класса: рабочие и крестьяне. А мы кто?

Если меня спросят, кто из поэтов мне нравится больше других, то я назову разных: Тютчева, Верхарна, Пастернака. Я поэтов люблю, как девушек, — пока не знаю. Поэзия не есть что-то статическое. Я могу любить только такого поэта, который каждый раз, как я буду брать его в руки, откроет мне новое, дотеле неведомое. Таков Пушкин...

За это неведомое я буду долго любить и Пастернака...

Возможно, что через двести лет, взяв в руки стихи Пастернака, будущие люди засмеются — какая бессмыслица! Какая скука. Мы так же читаем теперь Кантемира. Время определит ценность поэта.

Я окончательно понял, что мне не нравится Есенин. Он хороший поэт, но писал плохо. Его поэзия ничего не дает.

Наташа пришла бы ко мне, но у нее музыка. Были Эська и Лилька. Эська говорит, что я «вывихнутый медведь»; характером, конечно.

30 ноября * Вчера я сказал Наташе, что люблю ее.

Был вечер. Собрался весь класс и Борис Иванович³⁹ с математиком. Я был немножко пьяный — так было хорошо. Никогда и нигде не может быть такого классного вечера с такой теплотой и такими тостами. Наташка была замечательная. Она вообще замечательная, не только наружностью. Эська и Лилька велели мне объясниться, и если не они, то я бы не осмелился. А я ее так люблю! Я ни о ком не мог писать стихов, а о ней могу. И она меня любит. Как это здорово! Я счастливый-счастливый. Почему из всех она выбрала меня? Неужели я такой хороший?

Когда пили чай, я ушел в другую комнату. Там было темно. Я сел на диван, чувствуя себя каким-то неуклюжим и веселым зверенком. Так и распирало от восторга. Я вообще последние дни немножко пьяный. Наташка пришла ко мне под каким-то предлогом. Я мог с ней объясниться, но побоялся и только взял ее за руку. Она весь вечер была как-то особенно нежна.

Когда мы шли домой, — это было около трех часов, — с ней шел все время Муля, а я отстал от всех, разозлившись на себя. Эська заняла Мулю разговором, а Наташа подождала меня. Минуты две мы говорили на незначащие темы, а потом замолчали. Я хотел начать и сказал только: «Ты знаешь...», а потом смутился, мям перчатки и раз пять повторил то же самое. А Наташка сказала: «Знаю». Кто-то подошел.

Была прекрасная ночь. <нрзб> и было светло.

Лилька говорит, что я хороший, совсем не похожий на всех. А я не знаю, правда ли это.

В парках снег подтаивал. Небо было матовое.
И дали улиц попробуй разгадать...
Нет, хочу настаивать, чтоб не как у Ахматовой,
Думать и переживать.

2 декабря * Эти дни немножко странные. Наташа кажется близкой, любимой, любящей, а вместе с тем недостижимой. Я ее люблю, люблю. Иногда подумаю: а вдруг разлюбит, что тогда? И становится страшно. Тогда не могу спать и брежу. Мулька ходит за ней по пятам, и потому мы почти не можем разговаривать. Наташа злится и с ним резка; а он смотрит верными глазами. Не знаю, как можно так не иметь самолюбия. Вчера мы были на катке. Наташа каталась со мной мало, и я было захандрил. Потом она подъехала и говорит:

— Я не знаю, как себя вести.

- С кем?
- С тобой.
- Почему?
- Поедем, я скажу.
- Ну.
- Я люблю Нину..
- Странное рассуждение.
- А Нина к тебе немножко равнодушна. Как мне быть?
- Не знаю. А мне?

Лилька говорит, что это очень здорово и что я ничего не понимаю. А я не знаю, что делать. Неужели Наташа должна пожертвовать другом ради меня? А Нина? Как жаль, что я ей нравлюсь. Она не сможет дружить с Наташей.

Неужели забудешь, разлюбишь, отвыкнешь.

(Зачеркнуто:

когда-нибудь выкинешь. — А. Д.)

И другому кому-нибудь скажешь: «Хороший»?

И меня, засмеявшись, спокойно выкинешь,

Как заржавленный, старый, ненужный грошик?

И не скажешь, как раньше, такая родная,

Как стихи Пастернака, как звезды, как лето,

– Не волнуйся, не надо. Я все уже знаю.

Я давно без тебя догадалась об этом.

Когда думаю о ней, то читаю Пастернака. В поэзии я люблю его так же. Пушкина люблю, как родителей, а его, как Наташу.

Мне хотелось бы с ней быть одному, где-нибудь далеко, на краю земли. Чтоб была метель и мы оба держались за руки.

Лилька говорит, что мы с Наташей должны дружить. Как бы я хотел этого!

Эська жутко за меня переживает. Вчера всю ночь не спала и плакала от радости за меня. Смешно немножко и грустно. Ее ведь никто никогда не полюбит. Нина сказала ей недавно, что она никогда не будет счастлива. Она говорит, что счастлива иметь счастливых друзей.

Как я ей благодарен!

Хорошо, если бы Наташа подружилась с ними.

4 декабря * Хандрю из-за того, что люблю Наташу, что она меня любит, и еще черт знает из-за чего. Эська заболела, а я к ней не зашел. Раздражен, и на внимательность Наташи отвечаю ди-

костями. Когда с ней наедине — смиряюсь, но сказать ни слова не могу, а так и хочется: «Знаешь, я тебя очень-очень люблю».

Я встал у тягостной мишени,
Большой и сумрачной, как мысль.
Еще немного уменьшений —
И сердце полетит на мыс.

В уме, в душе блуждают тени
И тихо просятся на лист..
Как много радостных хотений
Здесь и родились, и сбылись.

Но вновь я у твоей орбиты,
Тобой расплавленный, как воск,
Ты скажешь: ваша дама бита...
И мысли улетят в хаос.

А в нем не много утешений,
В нем все одно: и верх, и низ...
Еще немного уменьшений —
И сердце полетит на мыс.

5 декабря * Сегодня хороший день.

Принята новая Конституция. Может быть, смешно, что я пишу об этом здесь, где через две строки буду писать о Наташе.

Мы сегодня были вместе большую часть дня. Я ужасный медведь. Были у Эськи, и я разбил термометр. Это вообще ерунда, но было ужасно неудобно. Наташка побежала и купила новый — у меня не было денег. Как мне теперь быть? Мелочь, а неудобно. Ведь я же не могу отдать ей деньги обратно.

Я ни разу не писал о ее наружности, а между тем она замечательно красива. Впрочем, об этом можно писать только стихами.

Клянусь, мадонны Ренессанса,
Возобновив свой колорит,
Перед тобою мало шансов
Меня имеют покорить.

12 декабря * Чем больше учишься, тем меньше истин. В сущности, в мире есть только одна истина: я существую, остальное предполагает за собой «или».

Мы возвращаемся к такому состоянию, когда принуждены будем впасть в мистику, ибо ни одно явление природы не находит своего объяснения.

Первобытный человек ничего не знал, и он верил в божество. Человек XVII–XVIII столетий был, пожалуй, самым счастливым – он предполагал, что знает что-то. Мы же ничего не знаем. Самые твердые математические аксиомы, которые казались столпами человеческих знаний, и те перестали быть истинами. Лобачевский, четырехмерное пространство, сферическая геометрия – все это разрушает наши представления о мире, об истинах, о вещах.

Эйнштейн, быть может, открывает нам новое или, наоборот, загоняет человеческие знания в недра.

Философия заехала в тупик, физика и химия стоят перед необъяснимыми проблемами, биология дошла до мистики. Только эмпирические науки продолжают открывать новые области.

Только поэзия остается вечным и неизменным выражением вечного и неизменного величия. Только она открывает радости бытия, извлекая человеческий ум из черной пропасти знания. Незнание – лучшее из знаний, вот что должен сказать бывший царь Вселенной, пытавшийся покорить науку.

Я, кажется, дошел до научного *<нрзб>*. Виной этому математические лекции, которые я посещаю, и дурное настроение.

И ничего не хочется читать.

У Тихонова⁴⁰:

Ты мне нравишься больше собаки,
Но собаку я больше люблю.

Привязавшиеся строчки.

21 декабря * Решено: я вступаю в комсомол. Кажется, это решение как нельзя более противоречит моему теперешнему настроению, но для меня оно является в полном соответствии с ним. Я вступаю в комсомол с некоторым трепетом: выдержу ли? Я, человек минуты, противоречия, прихоти, упрямства, должен буду оставить все мои сумасбродства и несогласия. Мной будет поведовать дисциплина. Папа говорит, что считал меня выше партии. Но разве *сейчас* это верно? Когда угодно, но не сейчас все эти грошовые «самостоятельные убеждения».

Зачем возводить ничтожное самодовольство, попытку прикрыть собственную слабость пошленьким утешеньцем: «а я придерживаюсь моих принципов» в степень вопроса общественной важности. Да, и я утешаю себя и льщу себе тем, что «думаю сам», но теперь все это нужно отдать в жертву великой идее ком-

мунизма. Я вступаю в комсомол, чтобы теснее связать свою судьбу со всей страной, со всей жизнью, чтобы сказать моей идее: «Вот я в первых рядах твоих сынов, приди и возьми меня».

Я вступаю в комсомол, потому что теперь атмосфера накалена и каждую минуту может быть взрыв. Пусть мы все пойдем, умрем, победим. Без советской власти для меня нет жизни. В случае чего — пуля в лоб. Я вступаю в комсомол, потому что это моя романтика, потому что мой герой — Павел Корчагин...

Я вступаю в комсомол, чтобы найти себе деятельность, чтобы делать большое дело, а не превратиться в разглагольствующих, философствующих, эстетствующих.

Решено.

Я сначала писал о настроении... Это не скука... Это духота, напряжение, как перед грозой. Ждем чего-то. Вот-вот разразится. И делать что-то хочется, а все не сдвинешься с места. Застыл.

Перед лицом Великого все кажется ненужным. Перед лицом Великого я вступаю в комсомол.

В личном отношении чувствую себя странно. Здесь можно так сравнить. Человек похож на атом. Он обладает валентностью жизни, если не все у него хорошо. У меня все электроны есть, оттого и нет валентности, с Наташей... совсем отдалился. Люблю. Любит. Наташа говорит (по словам Лильки), что не может быть со мной близка, так как считает себя менее образованной... Странно. Но нужно что-то сделать.

Хочется уехать.

На коне, который строен и резов,
На котором позвякивает узда,
Скакать с отрядом головорезов,
Взрывать бронированные поезда.
(Зачеркнуто:
С плечами, простреленными пулей навывлет,
пройти героем к тебе в лазарет... — А. Д.)

Гончаров: «туман, как опрокинутое море». Напиши так кто-либо из наших прозаиков, его будут упрекать в формализме. Но какое богатство мысли! Какая тонкость, глубина, широта. Ошибаются те, кто считают Гончарова самым меньшим из наших классиков.

Русская литература — самая жизненно-глубокая.

22 декабря * Разговаривал с Феликсом и, впервые за долгое время, не раздражался. Он очень самомнительный, но хороший, хотя узок, как фанатик.

Он будет встречать новый год в церкви. Это возвышенно и поэтично. Он говорит, что в новый год хочет осознать себя как человека, а не пытаться «завеселить» печальные (для *всех*, но не для него, нашедшего смысл жизни) истины о новом ушедшем годе, о неисполнившихся желаниях, о приближающейся смерти.

Красиво — но верно ли? «Ничто человеческое мне не чуждо» — не это ли девиз человека? Что значит абсолют? К чему он? Фелька говорит, что в философии я такой же сумасброд и упрямец, как в жизни. Пусть. Ему доставляет удовольствие познавать абсолют, ему хочется тешить самолюбие тем, что он выше человеческих желаний. Ведь, по существу, каждый делает только то, что ему нравится. В природе нет истин. Каждый придумывает их для себя и верит. (В этом месте Фелька улыбнулся бы с сознанием превосходства.) Моя цель — это наслаждение борьбой, чувством, поэзией, жертвуя собой всем. Наслаждение, но не сумасбродство. Чувство, но не извращенность. Непосредственное восприятие мира... и стихи. Неужели поэзия ниже всех Фелькиных чистых и холодных истин?

Фелька говорит, что я распустился. В чем? Да в том, что люблю Наташу. Он вспоминает свой кобелизм и думает, что все должно быть именно так. Впрочем, он сам заявил, что любит ее, «но не как все, а...» Он предполагает, что только такие «сверхчеловеки», как он, могут любить «не так».

Он спросил, что мне дает моя любовь. Что дает? Вдохновение, мечту, желание... Не все ли равно? Даже если ничего. Было бы скучно, если всегда спрашивать зачем. Не зачем, а так. Люблю, потому что хочу любить, потому что это составляет потребность моей души.

Любить беспечно и бездумно
Не раз, не раз...
Бросаться в омут безумно
Для светлых глаз.

Да, сейчас я таков: готов быть для кого угодно бездумным, безумным, беспечным... Ради комсомола, ради Наташи, ради Пастернака...

Возможно, что на каникулах поеду в Ленинград.

Марк говорит, что дневники пишут только одинокие люди или дураки. Кто я?

У Оскара Уайльда: «Юность знает все».

Читаю Кнута Гамсуна. Мне кажется, что начало «Голода» написано про меня. Я от застенчивости делал бы такие же безумства.

Забыл, какой сегодня день:
Последний или первый он...
Забыл я, сколько лет прожил:
Один ли год или миллион...

Забыл про то, как скучный мир проходит, семена,
И только помню я, что ты забыла про меня.

25 декабря * Настроение паршивое. Кажется, кончено. Разлюбила. Хочется спросить: неужели все? Неужели она не будет мне улыбаться? Я думал, мы будем дружить. Воображение рисовало мне баррикаду, и мы вдвоем, рядом, стреляем, бежим... В сущности, ничего не было сказано. Я стоял на берегу, и вдруг лед треснул, и ее стало уносить, сначала я не заметил, а когда расстояние было уже велико, я не мог последовать за ней. Теперь она далеко, а я стою и смотрю. Теперь остался Пастернак.

Ведь и дни ушли, как знаменосцы,
И опять закрылся светлый диск.
Больше ты уже не улыбнешься
И не скажешь тихо: «Погоди».

Кто-нибудь тебе уже любимей...
Я не плачу, видишь, — пусть хоть так.
Для меня любовь — пустое имя,
Да и сердце — маленький пустяк.

Может быть, тогда была весна,
И от этих розовых бездний
Я тебе болтал тогда: весь — на!
Хочешь, положи меня в ладони.

А теперь зима и ветер груб;
Он уносит все, что скажут губы.
И пора б кончать уже игру,
И уйти в холодную пургу бы.

Апатия охватила меня. Да и о чем думать? Я выпил счастье до конца, до горечи, находящейся на дне счастья. Быть может, я и не

стою этого. Разве можно иметь чувство собственности к любимой? Платонизм глуп, но, в конце концов, я предпочитаю его (пусть смеется Феликс). Я не ревную. Пусть.

Скорей уехать! Последние тягостные дни учебы.

Юра говорит, что я наивен и чем дальше, тем буду наивнее. Пусть. Я совсем не хочу быть взрослым. Взрослые слишком трезвы и недоверчивы.

Я перелистал несколько страниц дневника. Как часто там встречается слово «пусть» как решение многих вопросов. Да, «пусть» самая приятная жизненная философия; почему бы мне не придерживаться ее?

Почему меня не прошибает Блок. Он мне нравится, отдельные стихи очень хороши, но, прочтя его, чувствуешь какое-то неудовлетворение, будто чего-то не хватает. «Соловьиный сад» не произвел на меня особого впечатления. Поразила одна фраза из «Ресторана»:

Я прислал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ан.

По мне, лучшее, что написал Блок — «Двенадцать». Хороши «Пузыри земли». Меня раздражает ритм «Возмездия» и отвратительная рифма. (Пусть меня сочтут формалистом.) Рифма должна звучать, обращать внимание и вместе с тем быть яркой приметой. (Пушкин) Взять хоть рифмы Тютчева — без особой оригинальности, но очень освежают стих.

28 декабря * Эти два месяца ходил в думах, в мечтах, полупьяный, печальный от чего-то неясного, охваченный поэзией Пастернака. Я не учился. Вчера очнулся и подумал: «А ведь я ничего не знаю». Отметки прегадкие. Эти дни были постоянным бичеванием моему самолюбию. Вчера я захандрил не на шутку, объявил себя тупицей и даже испугал мамашу. Впрочем, сегодня решил, что отметки того не стоят, чтобы о них столько заботиться. В конце концов, все это смертельно надоело. Время идет бесплодно, стихи упорно не пишутся, и ничего не хочется. Скорей бы в комсомол.

Наяву ли все? Время ли разгуливать?
Лучше вечно спать, спать, спать
И не видеть снов.

Снова — улица. Снова — полог тюлевый.
Снова что ни ночь — степь, стог, стон
И теперь и впредь.

Наташа написала сегодня на доске Фелькино имя и потом в насмешку спросила: «Красиво?» Я сказал: «Не знаю» — и убежал. Потом она звала меня стрелять в тир, но я не пошел. Фелька приставал ко мне, почему я грустен, потом передал слова Наташи, что я очень чувствительный.

Математик пригласил меня и Лильку к себе в гости 12-го.

1 января * Ровно год тому назад я написал, кажется, что-то очень глупое.

Впрочем, весь год, который я резюмировал, был не менее глуп. В этот год я только творил гадости. 1936 г. был для меня во многом знаменательным. Да, я вырос и стал лучше, быть может, не стал взрослым, но есть что-то уже внутри незыблемое, независимое от частых перемен. И сколько перечитано! Передумано, а главное перечувствовано. Только год, и опять уже совсем новый. С удовлетворением перебираю в мыслях всю свою эволюцию. Что осталось от гадкого, нечестного, пошлого? И можно уверенно ответить: ни-че-го. А главное, что сделал это главным образом я сам. Я вырвался из болота. А теперь... Новые мысли, новые чувства, новая школа, новые друзья. Друзья – это, пожалуй, главное, что приобрел я в этом году. В прошлом году мои товарищи поклонялись мне. Они были хорошими, добрыми и симпатичными товарищами, и я до сих пор люблю их, но разве мог я делиться с ними сокровенными моими мыслями, разве мог говорить о книгах, о поэзии, обо всем? А в этом году новое. Я, пожалуй, не дружу со школьными товарищами, но зато есть у меня друзья, с которыми связан я более крепкими узами, чем совместная учеба. Вчера мы сидели, и я сказал: «Неужели всего несколько месяцев я знаю вас?» И я всем был близок.

Вчера я встречал год совсем не так как всегда. Мысли о вчерашнем вечере наполняют меня радостью. Друзья! Мы собрались. Нас было немного. Горели свечи на елке. Все были веселы и пили шампанское. Пробыло полночь. Я был немножко пьян. Рядом сидел Мулька. Я поцеловал его. А потом мы жали друг другу руки и я написал письмо Наташе: что-то бессвязное, но нежное. Потом загрустили. В одной из комнат было темно. Я сел у окна. Новый год. И как я любил всех-всех. И хотелось плакать. За Юру, за Люську, за <нрзб>, за них, которые гораздо несчастней нас. Подошел Юра. Он был взволнован. Мы обня-

лись. «А счастье — оно будет, — сказал он, — и может быть, не с той стороны, откуда мы ждем его». И мы еще что-то сказали, и было радостно, и мне говорили: «Счастливей».

А потом мы сидели с Люсей и говорили свое, тайное. И так все. Мы обнимали девушек, но мы не чувствовали их девушками. Чистое чувство целомудренной дружбы владело нами.

В этот день я обрел друзей.

11 января * Вот и каникулы кончились. Впрочем, это были довольно бесплодные каникулы, хотя во время их мысли мои некоторым образом изменили свое направление. Мне начало казаться, что я слишком сентиментален, чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать мой дневник. Это скучно и смешно, и я сказал себе — хватит!

Кроме того, в уме у меня была некоторая путаница. Почему? Не знаю. Видно, что я заплутался в трех соснах, так как шел, глядя себе под ноги. Тут была и честность, и дружба, и убеждения, и стихи, и комсомол, и Наташа, и учеба — все. Я вспомнил свой принцип, что жить должно быть легко, и все распуталось. Прошедшее не должно тяготить человека, ибо если он не делает того плохого, что делал раньше, значит, он искупил все свои проступки. Что было бы, если бы мы всегда поступали правильно? Прошлое — наука о том, что не нужно делать в будущем. В целом теперь я вполне доволен своим моральным состоянием. Снова прочно весел, хотя и стихи не пишутся (хочу написать балладу).

А с Наташей кончено: где-то в глубине плавает тихая грусть. Что-то вышло не так. Мы не стали близки, и я люблю ее, как умею любить далекое. Люблю просто и не хочу страдать. Смешное слово.

Пусть страдают маленькие убоженькие,
Потонувшие в лужицах чувств,
Пусть милости молят у боженьки,
А я не хочу!

Потому что я сильный такой, как дуб,
И хвалюсь — попробуй, задень-ка!
Я тонны на горы махом кладу
И смелость кидаю, как деньгу.

Это, конечно, гиперболизм —
Говор могучих потенций.
Но нам, идущим в социализм,
Нужно ли брать патенты?

А-а, Маяковский! Очень рад,
Я гостеприимен, как бывший южанин...
Стихи, вы скажете, — плагиат,
Нет, это только еще подражанье.

А впрочем, припомним-ка с вами даль
(Каждый учись у няни).
Тем ведь на мир знаменит Стендаль,
Что делал хорошие вещи из дряни...

Говорить бы с вами — не перестать,
Но черта в свидетели призываю:
Устал, дьявольски хочется спать —
О-хо-хо-хо — зеваю.

12 января *

Ну, теперь я выспался и свеж.
Поболтаем с рифмами беспечно.
Рад бы поспешить куда, да где ж:
«У меня да и у вас в запасе вечность».

Вчера эта белиберда легко лезла в голову, а сегодня что-то не идет. Итак, беспечный разговор с Маяковским закончен.

Завтра в школу.

Художнику интересно жить потому, что жизнь для него не есть отправление известных функций, не осуществление научной или технической идеи, а непосредственный спектакль «человеческой комедии», комментировать которую есть потребность его души. Художника интересует: а что будет дальше? И это «дальше» он старается предугадать; впрочем, предугадать не для того, чтобы принести благо человечеству, а для удовлетворения своей собственной потребности предугадывать. Человеческий организм устроен так, что все, что бы он ни делал, ведет к удовлетворению его личных запросов (если человек думает о всеобщем благе, то только потому, что это доставляет ему удовольствие. Революционер, умирающий за «всех» на эшафоте, умирает для себя). Альтруизм существует потому, что интересы целого ряда личностей совпадают, и потому личный интерес нередко становится общественным.

14 января * Оглянешься назад, посмотришь вперед, и делается страшно — как быстро летит время. Уже начинается жизнь,

и страшно ее: сбудется ли? Или промчится опять время и меня умчит, и я буду стар и немощен? Мысли такого рода все чаще блуждают у меня в уме, и иногда с ужасом ощущаешь неизбежность, быстроту времени.

Читаю Тургенева, Герцена. Вчера за один вечер прочел опять «Рудина» (читал все романы года три назад и помню плохо) и был потрясен. Как все-таки близко это русское. Русская классическая литература замечательна своеобразной русской глубиной и складом мысли и своей удивительной последовательностью.

Тургенев — писатель очень тонко чувствующий (именно чувствующий) общественные отношения. Его типы не чеканны, как каменные столбы Гончарова, от них остается скорее настроение, глубоко западающее в душу, чем образ, остающийся достоянием ума. Его тонкий язык, реалистично схваченная прямая речь, как мне кажется, еще не превзойден в русской литературе. Тургенев более лиричен, чем Толстой, и не томит, подобно Достоевскому, оттого и читается он легко и всегда воспоминание о нем кажется нежным и тонким мечтанием.

18 января * «На могилах люди едят и поют песни — это очень хорошо!» Вс. Вишневский.

29 января * Рухнуло все, что я так тщательно и честно строил. Я разорвал свое заявление в комсомол. Или я слишком мелок, чтобы понимать, или все ужасно паршиво. Юрка говорит, что я не гожусь в комсомол, но кто же тогда годится? Люська?

Во-первых — процесс¹. Бездна подлости. Но кому верить, если все те, кто делал революцию, — предатели, изменники, шпионы. Неужели людьми движет только тупая жажда власти, неужели ей в жертву отдается и идея, и гуманность, и честность? И потом дочь Лившица. Она учится у нас в школе. Комсомолка. Я видел ее отчужденной и одинокой. Ее отец — изменник, и она голосовала за его смерть. Я усумнился — правда ли все. Но это была минутная жалость. Потом ее исключали из комсомола. Лилька была против. Сегодня и она была исключена. Так где же правда? Где прекрасные фразы о демократизме, когда человека исключают за то, что он не согласен со всеми? Романтизм. Хорошо, но что хорошего в реализме? Голая, неприглядная <нрзб>.

И не знаю, то, что вокруг, — мое или нет?

Комсомол, в который верил, которому хотел отдаться, попасть в который считал честью...

За что Лильку исключили? Я понимаю, она ошибалась, здесь нужно проще... но ведь тут сводились и личные счёты. Что это — система или извращение?

Нужно думать. Позвоню Герману, может быть, он поможет.

3 февраля * (Приписано сверху: «Как все это глупо и по-детски. Лукьянов — подлец и оттого сделал это». — А. Д.)

Все оказалось просто. Узнал секретарь МК ВЛКСМ Лукьянов и велел Лившиц принять обратно. На ребят произвело хорошее впечатление. Значит, система справедлива, значит, это только частность, с которой можно бороться. Впрочем, до этого я дошел раньше, чем узнал о постановлении. Значит, все хорошо. Хо-ро-шо. Комсомол мой, но теперь я недостойн его. Я слишком мелок. Мы еще не настоящие. Слишком много в нас расплывчатого, интеллигентски-нервического, истеричного. Но я хочу быть твердым. Я себя делаю по кусочкам. Теперь я чист, потом буду тверд. Мне с детства твердили, что у меня нет воли. Глупая вещь! Я *хочу*, чтобы у меня была воля.

А пока — пусто. Оторвался от Пастернака — сейчас он вреден мне. А оторваться трудно. Все-таки он моя сокровенная сущность. Теперь на столе мужественный Тихонов.

Это — поэт. Глубокий и замечательный поэт. Кто-то из знакомых ребят перефразировал строки Багрицкого:

А в походной сумке
Спички и табак,
Тихонов,
Багрицкий,
Пастернак².

Да, они должны быть в походной сумке нашего нового поколения, первых рядов наших юношей.

Вот декларация поэта:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить³.

Разве это не наш девиз?!

Тихонов — поэт глубоких потенций. Непосредственная, крикостная сила мамонта. Сейчас я не продумал его до конца, но что-

то распирает грудь, когда учишься «словам прекрасным, горьким и жестоким». Праздничная веселость бесноватого дикаря с «марсианской жаждою творить».

И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногой,
Шумели чернорукие леса⁴.

И вот сущность его поэзии:

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром по плечам моим.
Узловой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым⁵.

Твердый цветущий мир возникает из равновесья диких сил. Синтез разрушения и возникновения. Орда, громящая и строящая.

Поэт не знает, куда он идет, но — пускай! Он уверен в себе. Гюго сказал: «Если ты идешь для того, чтобы идти, — это хорошо».

Мы не знаем, кто наш вожатый
И куда фургоны спешат,
Но, как птица из рук разжатых,
Ветер режет, крылом душа⁶.

Мы идем для того, чтобы идти, но мы придем к цели!

А затем простые и мужественные стихи о простом мужестве простых людей. «Брага».

«Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», может быть, лучшие баллады, написанные за последние 20 лет. Здесь героизм, здесь тонкая лирика и здесь мужество:

Гвозди бы делать из этих людей.
Крепче бы не было в мире гвоздей!

Лирика Тихонова, как мне кажется, чем-то очень похожа на тютчевскую. Но если тот ищет в мире хаоса, то второй ищет в хаосе равновесия.

4 февраля *

Да, время ласково, как ласка,
Но бойтесь его ласк!
Раз! Слышите звонкий лязг
Из-под спокойной маски.

Я не ревную, но грустно. Ничего нет тягостнее чувства бессилия.

Не любит – и ты ничего не можешь сделать. Будто сидишь в кино и смотришь картину. Там девушка, ты любишь ее, но это только картина. После этого бывает грустно.

И я все время боюсь унизиться. Поэтому нарочно груб и независим, а на уроках смотрю украдкой. Какая она замечательная! Ей, кажется, неудобно передо мной, и она порой смотрит на меня. Жалкое подаяние! Я отворачиваюсь с презрением. Нарочито весел и развязен, любезен...

Глубокая бурливая река. Она на том берегу и не видит меня. Какое ей дело до человека, который готов броситься в эту пучину, чтобы увидеть ее профиль.

Я веду дневник. Одинок я или глуп? Да кто знает, каков я. Достаточно того, что бесталанен.

6 февраля * Голова тяжелая. Почти физически чувствуешь, как мысли поворачиваются в извилинах мозга. В такие дни мучительно, до ярости, не сочиняются стихи. Вчера было весело – пятый день. Теперь они сделались для меня потребностью. Умная, добрая дружба и стихи. Смеемся.

Сегодня – Эренбург⁷. Станный писатель. Я узнал его в этом году, и что-то непонятно тянет к нему. Мне нравятся его парадоксы. Это живой и блестящий человек. Некоторые вещи его приводят меня в недоумение. Это неприятные и неоригинальные произведения. Я читал сравнительно немного, и вот эта неприятная линия: «Лето 1925 года», «Жанна Ней», «Николай Курбов». Книги сумбурные, с тем специфическим привкусом нарочитой грубости, которая характерна для периода 21–27 гг. В этих книгах, как мне кажется, нет ничего выдающегося ни по форме, ни по содержанию. Впрочем, на Юрку «Курбов» произвел громадное впечатление. После него он две недели не ходил на работу.

А вот другая линия: «Виза времени», «День второй», «Не переводя дыхания», «Книга для взрослых» (я не читал «Хуренито»). Я бы назвал эти вещи лирическим романом. В них выявляется этот притягательный эренбургский стиль письма и мышления. Это тонкий, причудливый и увлекательный рисунок. Эти книги меня увлекают и захватывают – «Книга для взрослых», «День второй».

А это не приложимо ли к нам: «Кажется, элементы “беспорядка” необходимы нам: за них мы расплачиваемся девичьей анемией и мировой тоской» («Виза времени»)?

7 февраля * Сегодня математик отозвал меня и сказал, что так работать я больше не должен. Я согласился, но...

На следующем уроке я получил по алгебре «плохо». Остроумное стечение обстоятельств. Случайность или необходимость?

Наташа ходит домой с Вадимом⁸ и всегда ждет его. Сегодня случайно натолкнулся на них, но поспешил не заметить и свернуть в ближайший переулок. Интересно бы видеть

«Лицо мое,
Когда
Я
Абсолютно спокоен».

У меня нет охоты откровенничать, милейший. А грустно, черт дери, грустно и глупо. И сердце, как «перееханная поездом лапа». Ха! Сердце! Романтика, милейший! Вам следовало бы скривить рот и зарезаться, как герой дешевого фильма. Смотрите, как вы дьявольски глупы. Впрочем, не смущайтесь: мы свои люди. Не все ли вам равно, с кем Наташа ходит домой? Запомните раз и навсегда: вам это безразлично! И не надоедайте мне впредь. Ведь вам же надоело быть лирической мямлей, вы дали себе обет (впрочем, вы свихнулись на следующий же день). Да-с, пора перестать жить, как в опере. В жизни нет ничего трогательного: в ней есть или умное, которое просто, или смешное и глупое... Ну-с, успокоились? Приятно видеть.

10 февраля * Сто лет тому назад умер великий поэт и потому великий оптимист. А теперь живу я — жалкий оптимист... Впрочем, все это так, для красного словца, и не в этом смысл. Я был и буду оптимистом, но сегодня я убедился в том, что романтика — чушь. Жизнь сложна (впрочем, месяц назад я улыбнулся бы на эти слова).

Года два назад я прощался с младенчеством и писал что-то вроде: детство кончилось, но мне не жаль,

Что ты промчалось звенящей каруселью,
Ведь перед нами целой жизни даль,
В ней место радости, и счастьем, и весельем.

.....

Жизнь — это мрамора кусок, чтоб из него
Создать прекрасное, трудов пойдет немало.
Она должна быть слепком сердца твоего
И воплощеньем дум и идеалов.

Это была романтика: дорога, цветы, вдохновенье. После этого я много думал, иногда жизнь казалась простой до глупости. Я был наивнее, чем сейчас. Потом хотел быть великим и умным и потому писал в дневнике глупые рассужденья. Впрочем, я всегда хотел быть честным и все мои прегрешения меня томили. Я был легкомыслен и потому часто воображал, что влюблен и властвовал в угоду своему честолюбию. Но и это ушло. Стал лирической мямлей и готов был плакать над каждым цветочком. Но и эта юбка не по мне. Я забыл, что существует проза, от которой не убежишь. Кажется, сейчас и пригодится мое «*пусть*», но у меня есть еще «*хочу*», и я *не хочу*. Итак, во имя великой и чистой идеи вам, милейший, придется биться с обыкновенной грязной житейской прозой.

Мы дружим с Лилькой, как редко могут дружить юноша и девушка. К нашей дружбе не примешивается никакое иное чувство. Может быть, это первая настоящая моя дружба.

16 февраля * Под старым — черта. Начинается новое.

Вчерашний день был тоже до некоторой степени знаменательным в познании жизни. Раньше, еще совсем недавно, человеческие биографии казались мне обыкновенными и скучно-спокойными, как моя. Мне казалось, что в романах выдумывают жизнь.

А вот еще биография честного, доброго и дружественного человека. Борис Рождественский⁹. Юноша лет восемнадцати—девятнадцати. Среднего роста, коренастый, черноволосый, с чуть косящими глазами. Поэт и настоящий человек. Я, кажется, располагаю людей к откровенности, потому что сам со многими откровенен. Мы говорили по душам.

Детство свое провел он где-то на юге, кажется в Геленджике. Родителей своих не знает, а воспитывался какими-то старичками из бывших людей, пытавшимися бежать за границу во времена разрухи и осевшими на юге. Потом приемная мать его умерла, и он лишился единственной ласки. 8 лет отец, видимо, не любивший его, отвез в Москву к сестре своей жены, у которой он и остался жить.

Сестра эта оказалась большой сволочью. Из-за нее Борис на год был исключен из школы.

Поразила меня его доброта и горячность.
Стихи его очень <нрзб>, но лучше моих.
Может быть, будем дружить.

17 февраля * Только что с «Ромео и Джульетты». Потрясен игрой Богдановой¹⁰. Не знаю, что полагается думать после этой трагедии. Мне пришла в голову мысль о том, как много люди говорят и страдают и как мало делают. Нам нужно учиться делать наоборот. Опять Шекспир дал себя почувствовать. Здесь можно сказать только банальность: вот бессмертный гений, у которого следует учиться.

Странная ассоциация, но я подумал о Пастернаке. Это поэт. Но творчество его преходяще, потому что он не сумел схватить идею своего времени. Стихи его лишены мысли. Впрочем, глупое сравнение.

19 февраля * Сегодня сижу дома. Школа надоела.

Все утро читал «Самгина». Мудро и умно. Философствующие человечки, ищущие выход только в словах, а не в деле. Актеры. И сам Клим. Жизнь его и мысли — сплошной плагиат. Он весь насквозь лжив, и у него к тому же не хватает ума говорить парадоксы. Книга сильно понравилась. Взгляд мой на интеллигенцию несколько изменился: ореол мученичества, коим она была для меня покрыта, несколько потускнел. Горький так увлек меня, что я, кажется, возьмусь его перечитывать.

Натолкнулся случайно на Макса Нордау¹¹ и прочел его заметку о Матильде Гейне. Он изумляется, как великий поэт мог увлечься обыкновенной парижской потаскушкой. Впрочем, он объясняет это благородством гейневского любвеобильного сердца.

«Гейне — один из немецких поэтов, более всех притворявшийся легкомысленным». Глупо. Гейне был легкомыслен, он обладал этим особым трагикомическим легкомыслием гения. Его верность Матильде объясняется ее неверностью и, по существу, равнодушием к нему. Абсолютное обладание ею было недостижимо для поэта или казалось таковым. А поэты верны только тому, чего не имеют.

Кстати, о Максе Нордау. По-моему, это блестящий, способный и страшно образованный человек, но слишком дилетант, чтобы судить о вещах глубоко. Его позитивизм искусствен, и попытки его подогнать явления искусства и социологии под дарви-

новскую теорию интересны лишь как своеобразные фокусы мыслей. Он увлекается парадоксами и софизмами, нарочно подгоняя под них факты. Впрочем, «Выврождение» — страшно интересная книга.

2 марта * Вчера был на рождении у Эли. Было чуть скучновато, чуть грустно, а в общем неловко. Были все наши.

Позавчера был в 24-й школе, откуда ушел раздраженный. Вовка стал грустный и шероховатый, а Пуцилло ищет во всех моих поступках следы прошлогодней ветрености. Очень глупо. Видел Ритку и, как всегда после нее, целый день ходил с неприятным осадком. Я чувствую почти отвращение к ней, но вместе с тем что-то непреодолимое, похожее на любопытство, тянет к ней. Она какая-то странная. Не знаю, любит ли она меня, но я ей говорю такие грубости и колкости, каких не стала бы выслушивать другая хорошенькая девушка от мальчишки.

14 марта * Был болен дня три. Сегодня встал еще не совсем здоровый и с дурным настроением. Книг нет. Перечел «Жан-Кристофа», исчеркал его страницы эмоциональными следами от ногтей. Лежит Поль Верлен, но его интеллектуальная (с большой буквы) комедия не лезет в мой интеллект и вызывает чувство, похожее на вызываемое большим количеством съеденной черемухи. Насколько я просмотрел его, он показался мне довольно пустым.

Ребята были позавчера, а школьные (кроме Жоржа, который, впрочем, тоже не школьный) совсем не были. Девчонки злы на несколько неприличное стихотворение, которое написали мы слевой и прочли Вадику, который и счел своим долгом всем разгласить.

Утешаюсь Пастернаком, трюфелями и мечтами о лете. У нас замечательный план: пешком проходим Военно-осетинскую дорогу, живем в Кутаиси, едем в Кобулети, оттуда в Феодосию и доживаем лето в Коктебеле. Согласие родителей получено. Едет вся наша братия: Лилька, Юрка, Эля, Марк, Фима, я и в качестве вождя один старый доктор-турист.

21 марта * Сажусь писать со смешанным настроением: скептическим раздражением, желанием противоречить и некоторой пустотой, грустноватой пустотой с легкой примесью чувства, похожего на одиночество. Не знаю, порой я себя чувствую Бер-

наром из «Фальшивомонетчиков»¹². (Правда, я прочел только половину этой книги.) Дня три тому назад у меня был первый крупный конфликт с родителями, только сегодня кончившийся примирением. У большинства матерей нет чувства диалектики. Они не понимают, что их дети растут и начинают выходить из рамок простейших формул.

У меня все это усугубляется любовью к Пастернаку, самолюбием и честолюбием. Ко всем трем вещам родители бывают не чутки.

Кроме того, неприятности с этим нескромным стихотворением. О нем целое дело.

Собственно говоря, если бы я особенно дорожил своей шкуркой, то позволил бы Левке сказать правду об этом: в сущности, все написал он, а я только сидел рядом, а прочтя стихи, посоветовал вычеркнуть две неприличные строки. Но это было бы низко. Мысль об этом мне отвратительна.

Но сегодня было собрание по этому поводу. Левка ушел под предлогом болезни. У меня была музыка — я тоже ушел. Групповод разозлен. Не знаю, в каком стиле я буду разговаривать с классом. В конце концов, я не чувствую за собой преступления: каждый имеет право писать, что ему заблагорассудится. Левка, очевидно, будет публично каяться, а я этого не люблю. Наверное, заявлю в таком духе, что никто не может мне воспретить думать и излагать на бумаге, что угодно и о ком угодно, тем более в отношении знакомых мне людей, если же некоторым личностям, которым тем или иным способом стали известны эти мои мысли, конечно, не с целью обнародования их, заблагорассудится придавать им характер общественного выступления, я за это не отвечаю. Если от меня ждут покаяния, то напрасно. Перед всеми я могу каяться только за общественные проступки, а не за свои мысли о ком бы то ни было. В данном случае прошу прощения у всех, кто считает себя оскорбленным, потому что совсем не хотел никого оскорблять (говорю о своих чувствах во время писания), перед классом в целом не чувствую себя виноватым, потому что — повторяю — не желаю, чтобы кто-либо контролировал мои мысли.

Это дерзко и не так умно, как следует, но — честно.

Как важно читать поэта под настроение! Перечел свои восторженные строки о Тихонове. Правильно, но, в конце концов, он холодноват-с, да и не совсем самостоятелен порой.

23 марта * Борис становится мне необходимым, как Лилька. Сегодня я повел его к ней. Он читал свои стихи. Восхищен. Чувствую себя совершенной бездарщиной.

4 апреля * Пожалуй, я давно так много не думал над книгой, как сейчас над «Фальшивомонетчиками». Это блестящая книга, но в ней не чувствуется духа «большого искусства», можно даже сказать, что это беспринципная и гнилая книга, но она странно трогает и увлекает меня, заставляет думать. Здесь не интересны ни люди и события, ни социальное значение (а оно важно), здесь волнуют проблемы. Книга ничего не утверждает, в ней, как в тетради Бернара, вписаны противоположные мнения: бери любое или ищи третьего. Я слышал мнения нескольких людей моего возраста об этом, они именно так понимают книгу, понимают всерьез: ищи третьего. Взрослые нашли третье, им не нравятся «Фальшивомонетчики». В детстве мы ищем в книгах факты, в юности — пути, афоризмы, парадоксы. Это — камни мировоззрения.

Замечаю, что мной интересуются взрослые и охотно разговаривают со мной. Миша Янчевецкий¹³ пригласил меня к себе и долго разговаривал, правда, несколько покровительственно, но серьезно и чуть с опаской.

6 апреля * Вчера у Эськи был день совершеннолетия. Было весело. Я неотразимо смотрел на Нину, и это меня очень развлекало. Мне она нравится, хотя и никогда не влюблюсь в нее. У меня к ней чувство даже не друга, а брата, чувство не моральной, а кровной близости, похожее на чувство, которое я питаю к Толе. Иногда мне хочется дать ей пришить пуговицу мне на рубашку. Все это странно, так как я довольно далек с ней (и с Толей тоже). Она чиста, непосредственна, наивна, она читает и думает — это мне нравится в ней.

Весь угол неба стал опаловым,
И мы с тобой сидели рядом,
А крепкий бриз катил по палубе,
И, затеяв спор со скалами,
Прибой нервически раскалывал
Стекло воды на струи радуг.

Таким мне снился берег океана
И мне дышал экзотикой из книг.
И я — не я, а леди Лилиана

Из полного романтикой романа
Приехала со мною на пикник.

Но мужеству выплачивая дань,
Я был <нрзб> кудряв, неистов,
Во время шторма лазил на бизань,
Из сотни бурь чудесно вылезал
И был своим в кругу контрабандистов.

Так море стерегло меня, как зверь,
И на охоту выходило ночью,
Лишь изредка, шуточно, как теперь,
Муссонами врываясь в многострочье.

Но я, влюбленной сказочного принца,
Желал взглянуть в зеленые зрачки,
Чтоб, заразившись солью, бросить принцип,
Запеть стихи и, обезумев, ринуться
На волны, тяжелее, чем эсминцы,
И полные огнями маяки.

Чтоб вместе стать поэтом и пиратом,
Чтоб даль постичь, приду к тебе
Припомнить книги милые когда-то,
Назвать песок отцом, а братом
Невиданный, но ждущий Коктебель.

13 апреля * Трудно сейчас писать. По существу, ни одна из разновидностей современной русской поэзии не годится для продолжения. Есть три пути, одинаково трудные: ехать от прадедов, собирать с миру по нитке или изобретать самому. Для первого нужно обладать умом, для второго — вкусом, для третьего — гением.

Борис [Рождественский] — замечательный! Вчера был у меня и читал стихи Ярополку. Суждения последнего ему не понравились — мы бы с тобой так не стали говорить.

Долго беседовали.

Адалис¹⁴ просила прислать ей мои стихи.

18 апреля * Весна.

Видел «Дети солнца» в Камерном¹⁵. Лиза. Интеллигентшишки мы, теоретики. «Святой человек» — Протасов (как там его!), жалкая личность. Но Лиза! Высокая и неясная, глаза голубые, вся в белом, как с картины Серова. И хохол, грубый человек с неж-

ным сердцем. Люблю этот театр. Его ругают за то же, за что ругают Пастернака: за культуру и действительную талантливость, за нежелание втискиваться в рамки, намеченные бездарными политиками-критиками. Газетам не нравится трактовка Егора. Мол, грубая стихия. А кто ж виноват, что Горький дал его таким, ведь не может же он быть большевиком или английским денди. Это недюжинный непосредственный человек с духом бунтовщика.

24 апреля * Ах, какая тоска ходить в школу, читать Бабеля и Киплинга, писать стихи и кататься на велосипеде, строить глазки и ходить в гости, слушать сплетни и восхищаться природой. Какое мне дело до Поля Валери, Венского конгресса и теории относительности?

Неужели я создан для того, чтобы скучать и писать в дневник красивые переживания или мысли об искусстве в записную книжку? Все это совершенно бесплодно. Я создан для стихов, но стихотворцу нужен прежде всего талант, без него нет даже хороших боксеров, а я калека среди поэтов. Это все равно что художнику родиться слепым и безруким. Впрочем, Рафаэль был бы от этого не менее гениален, а у меня нет потенциалов. Но это тоже скучно — сетовать на гены. У меня нет живого энтузиазма. Мой энтузиазм совершенно теоретический. Мне нужно строить канал, таскать камни, ругаться матом, обрасти бородой или искать уголь в пустыне, курить табак и нюхать романтику горного воздуха, заболеть воспалением легких на Камчатке и писать письма любимой девушке о руде, ударных бригадах и ее глазах, а потом перечитывать простому, молчаливому товарищу ее письма.

Я не могу слушать нравоучений матери, ее понуканий и разговоров об учебе. Я убегу, как бегал Рембо, я стану «беспутным» или утоплюсь, черт деру.

Я работать хочу для всех и для себя, а не писать об искусстве для снобов. А наука для меня, а не для них. Я ненавижу этого метода учения. Здесь нет самоотверженности и энтузиазма. Это нудно, и я плюю, проклиная науку. Кто скажет, что я отрицаю ее! Нет. Но мне надоела теория. Я хочу сам дойти до нее, а потом постигать смысл найденного другими. И потом: как смеют ставить отметки? Да, в конце года должны оценить мои знания. Но отметка как наказание, как угроза, как нож, как самоцель. Я презираю ее.

25 апреля * Я все размышляю о Феликсе. Кто он? Осел или человек, знающий смысл жизни? Недавно я его расспрашивал о ве-

ре. Не знаю, прием ли это, скрывающий неумение доказать свою правоту, или высшая интуиция, только когда я дохожу с ним до сущности, до принципа, он говорит, что этого нельзя «так» объяснить.

Хорошо, говорю я ему, я понимаю и то, что можно верить в какое-то высшее разумное начало в нашей природе, в первопричинность и вечность духа, но ведь ты веришь, как дикарь, как идолопоклонник. Ты поклоняешься идолам, ты кушаешь хлеб и чувствуешь неземное блаженство, наконец, что всего удивительнее, ты веришь в действительность явных небылиц, изложенных в священных книгах.

Он говорит снисходительно (я все равно не пойму его) о том, что храм — это место очищения души, что возможность чудес доказана многими учеными, что только они, верующие, познают великое в нашей жизни.

Для меня это все бессмысленно.

Но ведь он верит, то есть что-то знает, чего не знаю я!

В конце концов, я чаще не верю Фельке и, становясь на нашу точку зрения, то есть делая его религию следствием, а не причиной, я чувствую, что он враждебен нам, нашему строю. На этот счет он уклоняется говорить. Но чувствую я, что «старенькое» ближе ему. Порой, правда, находясь в узком кругу, у него вырывается антисемитизм.

Но меня волнует сама абстракция *веры*.

28 апреля * Небо такое, что не оторвешься. В парке распускаются первые листочки, а мне нужно сидеть и писать стихи о конституции, то есть рифмовать всем известные из газет мысли к Первому мая. Историк наш, Борис Иванович, хотя и строг со мной и скуп на слова, но, видно, любит меня. Чувствую в нем друга и сам люблю его. Он замкнутый человек. Раз как-то я говорил с ним о поэзии. Для него и пишу эти стихи. А хочется сейчас писать мою поэму — об осеннем дожде, афишах и об энтузиазме, поэтому обо мне и еще одном веселом, не знаю кто он, инженер, летчик, слесарь или вузовец.

Между прочим, порой я спрашиваю себя: а что с комсомолом? Но не нахожу ответа.

3 мая * Я не знаю, что мне делать. Чувствую себя безнадежно ненужным, ненужным не в смысле одиночества, а в смысле совершенной бесполезности. Большинство людей меня раздражает.

Раздражает их непроходимый идеализм (ах, не то, я сам идеалист). Нет, не идеализм, а это бесконечное восторжание, разговоры о чувствах, о дружбе, о себе. Даже самые ближайшие — Лилька — выводят меня из себя. Вчера мы ездили за город, и восторги меня бесили. Я чувствую во всех, во всем фальшивость теорий, отсутствие живого энтузиазма. Сентиментальность и безделье «пятых дней» начинает меня угнетать. Сама дружба перестает быть сладкой. Сборища, ставящие своей целью смотрение друг на друга, начинают мне наскучивать.

Мои попытки говорить об изменениях вызвали раздражение Лильки и Люси и насмешки над «благими решениями».

Впрочем, теперь я нашел корень, который долго искал. Нашел я его, ища различие между собой и Борисом. Все дело в том, что следует в абстракциях искать фактов, а не наоборот, как мы делаем. Я это понял и жажду звериной, ожесточенной работы.

Лилька говорит на это, что раз мы ничего не делаем, значит, мы не умеем ничего делать и это не нужно. Ерунда, которая приводит меня в ярость мертвым своим непротивленством.

На праздники пили с Борькой портвейн во имя нашей дружбы. Он меня вдохновляет.

9 мая * Вчера был с Борькой у бывшего их литератора. Настоящий интеллигент, влюбленный в свое дело. Дал мне несколько книг.

Хожу как больной: вдруг неожиданно темнеет в глазах, и я закусываю губу, чтобы не потерять сознания. Иногда возникает непреодолимое желание встать, кричать что-то и всех поразить.

20 мая * Блестящий язык Поля Валери покоряет меня и делает холодным. Стиль — это больше, чем форма, это скорее манера мыслить, он также влияет на строй мыслей, как строй мыслей на него. Я становлюсь резонером, но это только реакция. Чтобы любить поэзию, нужно быть слишком большим эгоистом и слишком преданным альтруистом. Ты во всем ищешь стиль и всегда помнишь о способах выражения. Происходит раздвоение «я». Одно действует, ищет, смеется, другое всегда остается спокойным. Это второе «я» оценивает и отбрасывает все, что необобщимо, оно стремится воплотить ценности, им отфильтрованные. Но это же эгоистичное начало является гранью глубокой любви, так как оно заставляет страдать второе, чувствующее, «я» не за частный случай, а за общий принцип явления.

Здесь найдутся возражения по поводу абстракций, но противоположные понятия отграничены столь тонкой перепонкой, что нередко начало одного является концом другого. Такого рода мысли сегодня немного испугали меня. Я боялся оказаться в роли надмирного наблюдателя, но мысль о том, что можно страдать стихами, меня успокоила.

Люсю — я мало о ней писал — выгнали родители. Это оказалось просто: она взяла мемуары Чеброва, паспорт и ушла. Поводов не было. Ею давно никто не занимался. Отец умер, мать меняла мужей. Затем ей заявили оскорбительно. И она ушла. Куда? Сегодня она ночует у Борьки, а завтра... Кто знает!

«Одно жаль — что я ушла, не пообедав».

У нее грустные глаза и горькие складки у рта.

Человеческие дела и отношения впервые трогают меня так близко. За один год мне стали милы эти человеческие жизни. Я чувствую это и по той поэзии, которую они пробуждают во мне. (Второе «я» стоит на посту). Я слушал все и думал, какие стихи можно написать про это.

Сегодня Люся мне сказала из Багрицкого:

Я покидаю старую кровать...
Уйти? Уйду. Тем лучше.
Наплевать¹⁶.

У нее достаточно чувства юмора, чтобы иронизировать...

В начале года я был почти в нее влюблен...

Ищи, всегда во всем ищи
Смешную горечь скептицизма,
И пусть хоть это будет щит,
И пусть хоть это будет призма.

Всю эманацию скорбей
Копи, храни и концентрируй,
На вопль улыбкой на губе
Кривой и гибкой отпарируй.

Умей сказать надежде: «Мисс,
Дорогу мне, хоть вы и дама»,
И это будет оптимизм,
Известный со времен Адама.

Отбросить все, как медный цент
Кидают нищему калеке,
И отыскать незримый центр,
Где обитает верный лекарь.

А он с дощечкой «наплевать»
Сквозь уменьшающую лупу
Взглянет и кончит врачевать
Многомогущим словом: «глупость».

30 мая * Я недавно задумал поэму и даже написал для нее пару стрóf. Хотел продолжить родословную печориных: описать лишнего человека. Среди нашей молодежи немало архаизмов. Это – теоретики. Они начитанны и привыкли смотреть на строки газетного энтузиазма с улыбкой пренебрежения: фи, как это примитивно. Они жаждут великих дел, но скучают и не потрудятся пошевелить пальцем; в них избыток всех добродетелей, но нет самого главного – большой любви ко всем людям. В них масса альтруизма, но все же на большинство они глядят, как на кроликов. Я знаю их насквозь – это юноши и девушки моего круга.

Так вот. Я хотел изобразить одного такого теоретика. Он ищет романтики, и сталкивается с большим, размашистым, рыжим парнем и предстает перед ним во всей своей начитанной никчемности. Потом вспомнил, что такая поэма написана – «День второй» Эренбурга – и дальше писать бросил.

Борька говорит: «Ты не знаешь, что такое быть одному. Вот – ты, и нет никого вокруг».

Он – человек жаждущий. Приходит ко мне, ложится на кушетку и начинает говорить о себе. Он смешной, и в нем много нежности.

Он такой:

Хотите, буду из мяса бешеный
И, как небо, меняя тона,
Хотите, буду безукоризненно нежный:
Не мужчина, а облако в штанах.

Он мало видел ласки, и хорошее отношение его волнует.

«Я вот себе не представляю, как вот я жил, жил и не знал вас, Люську.. Знаешь, я ее зову Люс... И вообще как-то все странно складывается: ну что я ей могу дать? Ведь она такая хрупкая и усталая, ей уже хочется тихой пристани. Она говорит: вот приедет Рафка (ты слышал про него?) и женится на мне... Только мы друг друга всегда будем любить, и когда поженимся... все равно... Я к ней часто ходить буду...»

Потом он добавляет: «Знаешь, у Пушкина есть, что после первого поцелуя девушки бледнеют...»

Часто он декламирует стихи, а про Блока говорит: «Мне Блока кричать хочется, как Маяковского. Ненавижу, когда его такими сдобненькими голосами читают».

Сам он всех поэтов читает, как Маяковского, громко, как-то по особенному подвывая на логических ударениях.

«Милый, милый, смешной дуралей».

Читаю. Готовлюсь мало.

Часто бываю у Толи. Он говорит: «Не люблю людей самоуверенных, а еще не люблю определенных мнений. Есть люди, у которых все, как по мерке».

31 мая * Иногда мне мучительно кажется, что люди со мной ехидно фальшивы, что у них есть еще какая-то тайная жизнь, а та, которую они мне приоткрывают с такой серьезностью, есть не что иное, как хорошо продуманный обман. Кажется, будто следят они за мной уголком глаза. Толя говорит, что в каждом человеке ему чудится враждебное; но это не то. У меня сложнее: я думаю о сознательном заговоре. Толя еще говорит: «Мне кажется, что никто так не может чувствовать, как я». — Откровенно выраженная сущность любого человека.

Читаю Блока, впервые без нотки раздражения. Начинаю проникать в него. Вот стихи:

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту...¹⁷

В поэте первым долгом нужно искать «мир впервые». Блока я не любил потому, что из него всегда читают что-то очень нужное. Он мне казался поэтом, для которого мир стар и скучен, а это недопустимо для поэта, он должен быть неистощимым источником оптимизма.

Завтра мне семнадцать.

2 июня * Вчера день был полный людьми. Начался он символически: девушка с цветами. Пришла Ритка.

Вечером набилась масса народу, и вначале все смущались, так как было множество случайных гостей, а потом развесели-

лись. Левка пел веселые песенки, я с некоей Милой¹⁸ (ее я видел до этого пару раз у Лили и у Юры, а вчера она с подружкой пришла, позвонив: «У нас к тебе просьба. Пригласи нас с Милой к себе», — Миле вчера было восемнадцать) глотал портвейн, так как мы оба были новорожденные. Эська читала стихи. Был Толя. Он явно скучал. Жорж, как всегда, был очень мил. Илья скромничал.

А главное: была Наташа. Ее притащили все те же Милка и Алена (первая ей приходится кузиной).

Итак, семнадцатый год начался цветами, друзьями и Наташей.

5 июня * Легко сдаю испытания и веду беспутный образ жизни. Через день веселимся с шампанским по случаю бесчисленных рождений: Юркиного, Милкиного, моего. Был в гостях у Ватагина¹⁹ (Милка его племянница) — милейший тип. Стоит познакомиться поближе. Милка мила и чуть глуповата, кажется, не избалована ухаживаниями. Высокого роста и всем обликом напоминает девушку пушкинских времен (кстати, она в родстве с Гончаровыми). Всего этого достаточно, чтобы она мне немножко нравилась...

Настроение ленивое, спокойное, чуть мрачное, впрочем, когда я спокоен, то всегда таков.

8 июня * Только что вернулся из Перловки,²⁰ где устроились наши девчонки. Был знаменательный разговор с Лилькой, после которого, быть может, многое изменится в моих отношениях с ребятами. А жаль! Чертовски жаль.

Я сказал Лильке о той мысли, которая часто теперь меня мучает:

— Знаешь, мне иногда кажется, что меня все обманывают.

Она сначала не поняла:

— Как?

— Ну вот будто все люди обращены ко мне какой-то фальшивой стороной и все, что они говорят мне, — чисто внешне, а вообще у них есть еще одна тайная, настоящая жизнь, которую они поговору сознательно от меня скрывают.

Лилька подумала, а потом сказала:

— Я понимаю, и это, пожалуй, отчасти верно. Ты у нас являешься каким-то моральным критерием, пожалуй, ты лучше нас... Вот сейчас Люська спросила тебя, можно ли ей идти на станцию в таком виде. Это — мелочь, но это совсем не случай-

но. Ты как-то все по-особому оцениваешь, и поэтому, я думаю, каждый хочет показаться перед тобой в лучшем виде...

Это значит, что я для них посторонний, отвлеченный критерий, не больше... Неужели люди фальшивят предо мной только из-за этого?

12 июня * Вот сейчас я чувствую, что я один. Я не одинок, но один. Люди, которых я любил, не сочли меня равным и не открылись мне.

Ну что же, если я не нужен им, так пригожусь другим... Возможно, что у меня есть скрытая склонность к индивидуализму.

2 сентября * Опять мелькают старые лица, хотя и в несколько новых вариациях. Незаметное лето оказалось значительной гранью. Весна и вся прошлая моя жизнь еще очень близки, но как бы уже за стеклом. Многое стало уже безразличным, многое — глупым, чувство твердой и несколько скептической трезвости обволокло нервическую ткань романтизма. Не верь! Чувствую себя выросшим во всех отношениях.

26 марта * Прочел у Метерлинка:

«Не только Вильгельм Молчаливый, но все значительные люди, которых я знал, даже наименее дипломатичные и предусмотрительные, — все воздерживались от болтовни о своих намерениях и будущих творениях. Попытайся и ты, со своими бедными маленькими недоумениями, удержать язык в продолжение целого дня, и на следующий день увидишь, какими ясными покажутся тебе твои планы и обязанности. Каких только обломков, какого сора не вымели в тебе самом эти безмолвные рабы, в то время как бесполезный шум внешнего мира не проникал в тебя.

Не всегда слово, как говорят французы, есть искусство скрывать свою мысль, часто это — искусство заглушать и подавлять ее, так что скрывать уже больше нечего».

Одиночество приучает к спокойствию. Самые болезненные чувства выпрямляются в ясные кристаллы.

Брожу по городу.

Любовь нужно заслужить. Для этого необходима воля к творчеству. Почему-то надежда меня не покидает.

Весна. На душе скребут мартовские кошки.

Планы? — Мне нужно видеть, только тогда я смогу писать. Видеть, главным образом, людей и их дела. Хороших людей.

1 апреля * Прошел комсомольский комитет.

Вживаюсь в Велимира [Хлебникова]. Ищу крупного плана. Безделушки надоели. С Пастернаком далеко не уедешь. Думая о нем, раньше я не чувствовал, что его манера, оторванная от его мирозерцания, не живет.

Поэзию делают больше чувства и мысли, а не способ развертывания метафор. Пастернак может остаться любимой безделушкой мастера, но не путем и учением.

Нужна настоящая простота и глубина. Это — Пушкин и Велимир. Оба неисчерпаемы.

Идея героической поэмы об Арктике мне перестала нравиться.

Пару дней назад разговор с Бор. Ш.

Он сказал: «Из ребят рисующих, которых я видел, лучше меня никто не рисует. Но я рисую плохо».

Как всегда, оригинален и интересен.

22 апреля * Получил комсомольский билет.

Люблю!

4 мая * Часто много хороших мыслей. Леню писать.

Блок о революции.

После Февральской революции: «Не знаю, была ли революция?»

12 июля: «Отделение Финляндии <нрзб>... сегодня вдруг испугало меня...»

«Если распылится Россия? Распылится ли и весь “старый мир” и замкнется исторический процесс, уступая место новому (или иному); или Россия будет “служанкой” сильных государственных организмов?»

13 июля (17-й г.): «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю.

Я могу шептать, а иногда — кричать: оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция, как люди, не умеющие жить, утратившие вкус жизни, сначала уступают, потом пугаются, потом начинают пугать и запугивают людей, еще не потерявших вкуса, еще “не живших цивилизацией”, которым страшно хочется жить, как богатые».

16 июля: «Я ведь люблю кадетов по крови, я ниже их во многом (в морали прежде всего, в культурности потом), но мне стыдно было бы быть с ними».

23 июля: «Между прочим: юнкера Николаевского училища пили за здоровье царя. Отчего же после этого хулить большевиков, ужасаться перед нашим отступлением, перед дороговизной и пр. и пр. и пр.?»

Ничтожная кучка хамья может провонять на всю Россию».

28 июля: «Что же, действительно все так ужасно или...»

Погубила себя революция?»

6 сентября * Опять пишу дневник бедного моего честолюбия.

Вот она, пресловутая перемена жизни!¹ Старые, так мне знакомые и так ненавистные окружают целой толпой. Я знаю каждого из этих очкастых критиканов и начитанных девиц; их споры, где каждый ум пытается доказать свое превосходство. Они слишком похожи на меня, чтобы я мог их любить. Чертово честолюбие! Если бы не оно, я перестал бы быть таким.

10 октября * Болен. Несколько стихотворных успехов. Столько же неудач.

Новейшие друзья. Марк, Женька². Борькины стихи³.

Пару разговоров с Толькой (единственно, чье честолюбие ему не претит — мое, ибо он верит). Сентенции. Проекты поэтических сборищ. Неприятный осадок после каждой встречи с Левкой.

Ее детская карточка. Растущее желание видеть.

12 октября * Поэт ли я? Вчера Л. говорила Тольке, что — да. Но тогда и все прочие поэты. Нет, я не лучше их. Я понял только, что поэзию они не понимают. Эффект формы они принимают за стихи. Это скучно. Поэзию не делают рифмы и ритмы.

14 октября * Раздражен всем и всеми. С какой стати люди смеют друг друга осуждать? Хочется сделать что-нибудь наплевательское, чтобы Эськи-Лильки бесились. Хочу разработать какую-нибудь историческую тему, ибо писать «на ура» я не способен (если способен хоть каплю), а антиурбанистические тенденции «Пастуха» не находят отклика. И вообще, это слишком похоже на рисовое опрощение. (Впрочем, Чуваши мне нравятся)⁴.

Читаю «Содом [и Гоморра]» Пруста и английскую антологию.

Хочется Достоевского и работы. Хочется лингвистики для тайной мысли о самовитом слове. Хочется...

15 октября * Пару дней назад случайно нашел в архиве бывшей классной Академии записку. О Милке. «Она писала Эльке, что получила от Дезьки ультралирическое письмо, решила ответить ему тем же и даже хуже. Ко всему добавляет, что Д. будет большой дурак, если примет все, что она пишет, за чистую монету». Судя по ошибкам, писала Лилька. А что, если не только одна Милка втайне надо мной издевается?

20 октября * А что, если будет любовь? Настоящая.

27 октября * Ничего, наверное, не будет.

Иногда мне кажется, что я сумасшедший. Особенно, когда смотрю на себя в зеркало. Какое-то лицо из Юрия Олеши.

Астерман сказал сегодня, чтобы я не брыкался: я – их и похож на них. Они – социальный факт, и моя жизнь – они.

Ложь. Я не обречен на прозябание. Не быть ихним не значит идти по пути Твардовского⁵. Они – тухлая каста Софоновых, плохого Пастернака, дурного Багрицкого и Паустовского.

Я верю, знаю, что хорошее со мной, что я правильно люблю этих поэтов. Я прав, и если они смеются, или негодуют, или считают меня дураком, то это только жалкая самозащита страусов, спрятавших голову под крыло. Кто они? Что можно писать о них?

Помоги, Велимир!

1 ноября * Конечно, ничего не может быть.

В душе я сноб. И если отрекаюсь от снобизма, то, быть может, тоже из своеобразной изысканности.

Порой мне хочется искать смысла маленьких скрытых личных огоньков, которые есть у каждого, кроме гениев и людей с гипертрофированной рефлексией. Но найдя их, я снова мучаюсь рефлексией.

Мне невыносимо стыдно смотреть в глаза человеку, который вполне уверен, что я его люблю. А разве я не люблю? Что, если я способен любить отдельно лица и отдельно людей и изменять одним для других.

В конце же концов – это приятно, когда девушка о тебе думает, а ты питаешь к ней какое-то своеобразное и пошлое чувство собственности.

Она слишком проста, чтобы мне нравиться, и слишком мила, чтобы мне не было жалко бросить эту шутку.

5 ноября * Заявляю с полным основанием: я осел.

14 ноября * «Нельзя устанавливать никакой общей таксы за мою единственность, в отличие от того, что я делаю в качестве человека» (Штирнер)⁶.

Опять грустно, потому что хочется дописать «Чуваша» и нет соответствующего настроения. Не могу найти настоящего тона. Чеканный стих второй части дисгармонирует с первозданностью

мира в первой. Это дикарское монгольское дуновение должно быть оправдано историей <нрзб>. Пусть будет показано, что история еще жива; человек в ней – древний и самостоятельный бортник и зверолов – лучше, чище людей черных городов, он более человек искусства, более человек *из* искусства. Это – отражение будущей души в древних болотах и реках.

13 ноября * Был у Тольки. Ходили.

Люблю его. Хорошо с ним.

Смутное настроение от событий и безделия. От желания писать.

20 ноября * Хочется писать. Строгое, спокойное, простое. А на душе, наоборот, мелкая лирика и привязавшаяся строчка: «И песенка "Мон-Реаль"». «Чуваш» не двигается.

Чуть грустно и хочется внимания какой-нибудь умной и хорошей девушки.

Скорей бы увидеть Тольку.

Что я могу? Много, мало или совсем ничего? Как страшно не быть поэтом и так любить стихи!

26 ноября * Набил себе оскомину пошличаньем с девчонками. Глупо веселился с Кнабе⁷. Все это реакция на похороны З. Я. М. и на очень нервное комсомольское собрание.

Эська меня бесит своей мнимой чистотой старой девы и плакательницы. Кажется, в Юрке есть хорошая и понимающая душа.

Наши анемичные судьи, привыкшие свою вонь считать лучшим запахом, считают мелким ухаживание за особами, не понимающими Пастернака. (Понимают ли они сами?) Толька и Юрка крупнее их.

Есть Левка Шейдин⁸. Хороший. Новый. Милый. Настоящий.

Была на днях Нина. Хорошо с ней.

Как поступить с Л.?

Думаю о Д. Н., хотя она совсем далеко. В школу пойти *нельзя*. Так любят книги. Но она – больше. Больше, чем стихи.

28 ноября * Пишу «Падение города»⁹. Читаю «Капитал». Теперь о Марксе можно говорить лишь затасканными метафорами. Но они верны. Он самый мудрый и последовательный. История не видала еще такого совершенного соединения этих редких свойств. Хотя и знала Гегеля и Спинозу.

Что-то будет с «Падением»? Его, наверное, не поймут. Или поймут не так, как надо. А простоту не воспримут. Впрочем, пускай. Я готов сейчас по-ученически подражать Хлебникову, чтобы выйти из тупика порочной формы мистики. Я должен родиться из преодоления Хлебникова. Я — эпик.

Был Борис Ш. Хорошо говорили. Он чувствует мир, как я (примерно). Талантлив ли он? Этот вопрос я могу задать лишь в отношении его и Алексея Леонтьева¹⁰. Остальные мои собраты бездарны явно.

3 декабря * Занят. Читаю Велимира. Пишу урывками. Минутно влюбляюсь. Был Юрка Шаховской. Неловко. Жалко его. Он гибнет откровенно и неизбежно. Но мы уже далеки. Нужен ли я ему? Думаю, что нет.

Записал смутную мысль об отделении искусства от быта (исторически).

Грин — пуст. Это из тех писателей, которые похожи на ювелиров. Тонко, красиво, но мелко и безыдейно. Он и Горький — оба странники. Насколько он мельче!

Забавляюсь Ницше. Сумасшедший жонглер.

Хорошее чувство к институту.

Почти спокоен. Хочется времени для стихов.

6 декабря * Ездили с агитбригадой в колхоз. Очень хорошо. Зарядка. Наши мозгляки этого не понимают. Не совсем удачно читали Тихонова, Багрицкого, Маяковского. Однако здорово.

Колхозы не фикция, а воплощенная мечта.

Сегодня — история (Древний Восток). Оскомина из-за предстоящего свидания с Т. Ее я совсем не люблю. Других тоже.

Сближаюсь с Юркой К. Личность. Лилька — умная.

Эська меня выводит из себя.

Грин — глаз без мозга, который смотрит сквозь калейдоскоп.

Паустовский испорчен для меня жабьей слизью их восторгов.

В райкоме времен военного коммунизма (в Броннице) — девушка с черными косами и замечательными глазами. Я глазею на нее безотрывно. На столе валяется недоделанная газета.

Потом все работники райкома садятся играть в домино. Девушка сидит ко мне спиной.

11 декабря *

Годами когда-нибудь в зале концертной
Мне Брамса сыграют — тоской изойду¹¹.

Тоска и Брамс. Знакомое желание девушки и стихов.

Что с Толькой? Говорят — безумствует. Послал ему записку. Ответа нет, и не приходит. Очень хочется видеть его. Он лучше всех, глубже, значительней, нужней. И не верит, что я его так сильно люблю. Теперь это мой первый и самый близкий.

Д. Н. или еще кто-то. Такая же абстрактная и любимая вечно.
«Конец Казановы» Цветаевой¹². Очень хорошо.

12 декабря * Не без удовольствия корпел над историей.

Был у Тольки, но не застал.

Марк. Славный.

Звонил Ю. Ш.

15 декабря * Скука. Зубрю историю. Бесплодно сидел над переводом <нрзб> Мюссе.

Социология и статистика меня усыпляют, но о грехах читаю <нрзб>. Греческие герои нужны сейчас более, чем когда-либо. История Греции должна войти в сознание современного человека с самого детства. А в нас с самого младенчества пробудили недоверие к мифам — социология сделала их скучными.

Нужно писать о героях.

Нужно видеть их.

«Падение города» не получается.

20 декабря * Был у Тольки. Видел Б. Ш.

Нудная история.

Незнакомая девушка, на которую вчера смотрел целый вечер, часто встречаясь глазами и улыбаясь.

«Мертвые души», которые читаю впервые после школы с новым чувством. Кто лучше Гоголя среди русских прозаиков? Прозаики обычно сумасшедшие тугодумы, которые меняют звонкую монету образа и слова на бумажные ассигнации мысли. Это — доминанта мысли над образом и языком. Их нельзя читать, не выворачивая души и мозга.

Гоголь – первый, до Бабеля, Паустовского и Олеси, который открыл настоящие краски прозаического языка.

Достоевский, Толстой, Чехов, Горький – настоящие прозаики в узком и определенном значении этого слова. Это значит, что целое для них – все. Которых можно воспринимать лишь целиком.

У Гоголя же каждая фраза так же хороша, как и каждая повесть. Смелость его безгранична.

Достоевский заставляет забывать об искусстве. Гоголь же всегда ведет тебя по грани той утрировки, которая называется поэзией.

Это бессвязно, но это так.

1 января * Новогоднее состояние. Пошлые мысли.

Был Б. Ш. Как всегда с интересом болтали.

Читаю Ильфа и Петрова и Полибия (удачное сочетание).

Чего-то хочется.

4 января * Галка!

Приехал Сашка из Порецкого. Любопытелен. Привез интересную драму. Высокопарен. Наивен.

Юрка Кнабе — личность. Хорошая душа.

Галка!

7 января * Галка должна позвонить завтра.

Неужели и это на пять минут?

Сажу над античной литературой. Целый день в читальне.

Эврипид!..

Пара душевных разговоров с Львом К.¹

8 января * Быстрота моего *veni, vidi, vici* пугает Галку. Это понятно, но я не знаю, как ее уверить в том, что эти наши отношения — настоящие. Мы удачно миновали период натянутости, т. к. знали, что обоих тянет друг к другу. Люблю ли я ее? Сегодня — да.

В голове «Антигона» Софокла. Это то, о чем часто приходится думать сейчас.

9 января * Нудно. Хочется писать стихи. Греки в громадных дозах. Аристофан немножко веселит. Но все это слишком полезно для ума. Скучно без Галки. (Надолго ли?)

15 января * Проза древних произвела на меня сильнейшее впечатление. Плутарх и Цезарь. Хочется написать что-то так же просто, изящно и увлекательно.

Долго гулял с Галкой, но не мог найти настоящих слов. Глупо и приятно. Читаю Поджио и готовлюсь к теории литературы.

18 января * Нудно. Ругаюсь матом (про себя). Ни одной свободной мысли. А так хочется смотреть и писать. Мучительно состояние невысказанности и лени.

Галка, кажется, слишком женщина, чтобы любить за любовь. А я слишком к этому близок и рискую потерять блеск равнодушия. Может быть, я пуст или животное, но эта игра держит меня в напряжении и является причиной лучшего в моих поступках и делах. Кроме того, я всегда нахожусь в состоянии отвлеченности. (Какая гадость!)

5 февраля * Какая дура!..

19 февраля * Поездка в Ленинград.

Годовщина смерти Багрицкого.

[Вырваны страницы. — А. Д.]

...поэтики стоит то простое положение, что необходимо начинать поэзию там, где она кончилась.

Поэтический «штурм унд дранг»* кончился. Бунт на корабле подавлен. Мятежники сброшены с корабля современности. Пора начинать думать лучше и неожиданней. «Гамлет» Сергея [Наровчатова] — первый опыт³.

27 декабря * Два наших выступления показали, что мы что-то можем⁴. Но атмосфера литературных драк уже надоела. Мы получили немного скандальную известность.

Нужно закрыться и писать стихи.

Опять готов и люблю писать элегии, но всегда бессилён.

Это первое настоящее после <нрзб>. Больше всего меня мучает, что с ней нельзя делиться стихами, когда тебе хочется отдать все.

А что я могу еще?

---

* Штурм унд дранг — буря и натиск (нем.) — ставшее идиоматическим выражением название литературного движения в Германии в 70—80-х гг. XVIII в., в котором участвовали молодые И. В. Гёте и Ф. Шиллер.

9 января * Беспредметная тоска, несколько рассеявшаяся к вечеру.

Любовь не накапливает опыта и не позволяет заглянуть в завтра. И если говорить уже без аллегорий, я боюсь каждой встречи с Люсей немного слабее, чем жду. Отказ был бы для меня несчастьем, несравнимым с этой тоской, которую доставляют маленькие милости. Эти руки, которые ты сжимаешь, которые тебе отданы, не отвечают. Эти равнодушные губы, которые я поцеловал с такой надеждой. И каждое свидание (несколько слов зачеркнуто. — А. Д.) все незавершенное. А между тем она даже не холодна и не презрительна, но и не открыта. Скорее всего, она не верит в серьезность моих чувств и потому не делает выбора между гильотиной и помилованием. Чертовская тоска.

27 января * Мы ехали на машине где-то за Лосинкой¹. Ее голова лежала на моем плече. Все устали от бесчисленных аварий. Мы были накрыты моим пальто. Мои руки были на ее груди. Я поцеловал ее в губы, закрывшись воротником. И это было подобие любви.

Ревность? Но было что-то в ее отношении к Л., что требовало от меня тоски.

Почему мы видим меньше, чем чувствуем?

Мне чудится попанная дружба и отпетая любовь. Пусть это будет только ревность, которая рассеется завтра!

Любовь лишена справедливости. Так значит, просто расчет? Или любовь просто бесплодная случайность?

Какие дурацкие слова! Но что еще? Когда любишь. Когда смешно сказать об этом друзьям. Когда любовь ускользает. Когда поцелуй только оплата долга.

Лучше пусть будет правда. Тогда я размозжу себе башку. Но пусть лучше правда.

Как трудно одному. Но что может спасти? Друзья? Время? Я сам?

Если бы можно было спать. Хоть час. Без снов. Целый день.
Спать. Только не думать.

Или плакать. Не умею. Реветь, как женщина. В подушку.

Или писать. Только не о ней. Постороннее.

Или заболеть, чтобы без памяти. Месяц. Два. Тогда она может навестить.

Если не любовь, так хоть жалость. Сильная жалость, как любовь. Бывает? К черту жалость. Любовь!

Как смеет отнимать ее? Но как можно защищаться. Спокойствием? Наверное. Но где его взять?

Мольбы не годятся. Приказы только ускоряют развязку.

Нужно ждать до завтра. Восемнадцать часов, во время которых можно сойти с ума.

А если он опередит? Нет, не посмеет. Может быть, пойти к ней утром? Тогда только десять часов.

Какое я ничтожество! Ревность? Нет! К черту. Я просто люблю. Хоть раз в жизни — удачу. На всю жизнь.

Чертовский бред. Но какое мне дело, смешно это или нет, если я люблю.

Накурился до головокружения. Легче. Чуть-чуть.

Отдал бы стихи? К черту! Отдал бы!

Еще одна чушь. Но легче. Почему нет умного Бога?

Я не ничтожество, если даже это ревность! Кто посмеет смеяться?

Что, если я не умею хлопать дверью...

Довольно!

18 февраля * В моей любви всегда преобладала грусть. Но никогда такая мучительная. Тогда это были поиски или разочарования. И всегда смешение во времени. А теперь просто грусть. От избытка любви. От страха за непрочность. И только этот один прощальный поцелуй в парадном стоит всех дневных и ночных тревог.

9 апреля * Ощущение большой работы, которая завершена. Чертовская усталость и счастливая грусть. Счастливее всего то, что она меня любит и что это еще только начало.

Изредка — боязнь непрочности.

30 апреля * Так трудно. Я ревную ее к прошлому, настоящему и будущему. Эти мысли невыносимы. Наша любовь слишком беспокойна.

Я хотел бы умереть. Теперь, пока она меня еще любит.

13 мая * Что мне дал этот год? Я всегда привык требовать от времени чего-то положительного, а тут, наоборот, оно показало себя разрушительной силой. В первую очередь — стихи. Все, что я писал, — детская, бессмысленная игра. Я не имел права называть это поэзией. Мне почти нечего было сказать. А теперь трудно. Я еще не знаю, как нужно говорить. И это учеба с самого начала. А писать нужно о большом и важном для всех и большими словами.

Но сейчас это почти невозможно. Не знаю, как далеко еще увлечет меня «воспитание чувств». Любовь моя еще не сумела стать ревностью к Копернику. Эта ревность из самых обычных — просто страх: а вдруг потеряю? И больше всего на свете, больше стихов, не хочется терять. От этого все мысли растекаются и меня преследует только одна эта мания. Чертовски счастливая и чертовски трудная мания.

2 ноября * Почти ничего не изменилось за эти три с половиной месяца. Я остаюсь таким же влюбленным и глупым ашугом, страдающим от неполного обладания. Это так тягостно, что я был готов к разрыву. Но не посмел. И остался еще большим рабом, чем был прежде. Она сказала, что, может быть, недостаточно сильно меня любит, что боится за себя. Я знал это, но не хотел, чтобы все так ясно было сказано. Но что ж делать. Я простил, мучаясь гордостью и презрением к себе. Потому что пустота, внезапно открывшаяся, готова была поглотить. До самоубийства. Потом она просила забыть этот разговор. Но могу ли я?

Меня окружают стихи, которых я не могу написать, друзья, которые не могут мне помочь, и любовь, которая может все, но не хочет ничего.

4 ноября * Я узнаю в ее любви черты той мимолетности, которую чувствовал в себе когда-то. Когда-то! Я уже пишу так, и почти с сожалением. Я унижаюсь и страдаю от гордости. Довольно! Ни одного лишнего слова, ни одного движения. Пусть хоть это останется, если суждено потерять ее. Мне казалось, что все достигнуто, оказалось, что не достигнуто ничего. Выдержу ли я? Дважды не уметь сдерживать слез. Мужские слезы самые горькие. Есть ли после этого бог на земле.

16 ноября * Я предельно счастлив. Она меня любит. Я едва сдержал себя, чтобы не перейти границу, которая мне открыта. И не знаю, поступил ли правильно. Я спросил: «А верно ведь, я — хо-

роший?» Спросил так, потому что не умел спросить иначе. Она отвечала: «И ты это ставишь себе в заслугу?» Меня это сбило с толку, и поэтому она добавила: «Это долг благородства».

Почему, в сущности? Может быть, она поспешила исправить свой вопрос, и я совершил глупость, которая, впрочем, тоже поправима.

Я — женюсь, в основном.

22 декабря * Вчера — у Павла. Его дучизм нас раздражает. Ленка² начала читать рассказ. Я глупо прыснул и ее обидел. Говорил со Слуцким о Дзержинском и прочем. Он — умница. В субботу Гамбургский счет. 6-го намечается вечер в Энергетическом³. Павел требует заклания Аграновича,⁴ заявляя, что это бенедиктовщина,⁵ пародия на нас и пр., хотя все знают, что это теоретическое обоснование личной неприязни.

Москва. Октябрь * Самое грустное, а может быть, самое великое в нашем поколении то, что в двадцать лет мы пишем свою историю, которую, может быть, нам не придется перечесть. В 1930 году мы вышли из младенчества и стали понимать нечто. Мы имели в мозгу твердые и определенные категории. Но об этом ниже. В 1936 году мы начали мыслить. Мы чувствовали инстинктивное отвращение к формулам. С детства нас отравили релятивизмом. Теперь этот релятивизм обратился против нас самих. 37-й год сбил нас с толку. Он потребовал огромного напряжения мысли. Он потребовал большего — веры. Нужно было осудить казни или приветствовать их. Колебаться было нельзя. Перед нами стояла правда, гневная правда государства. Я вспоминал Гюго. «Я тебя арестую», — сказал Симурден. «Я тебя одобряю», — ответил Лаптенак. Мы не могли думать иначе, мы приветствовали Симурдена.

Я продолжаю хронологию. 39-й год был годом романтики. Люди нашего поколения впервые встретились. Они изумились тому, что мыслят одинаково и вместе с тем разнообразно. Мы были упоены дружбой. Ночи проходили в разговорах. Мы уходили на рассвете из прокуренной комнаты. У нас были свои тщательные правила и свои песни.

Белеет парус одинокий
 В тумане моря голубом,
 Что ищет он в стране далекой,
 Что кинул он в краю родном.

В 1940 году мы начали действовать. Государство не знало нас. Мы предлагали ему себя. Мы гордо называли всех наших поколением сорокового года. Это дата нашего вступления в жизнь. Мы начали штурмовать литературу. В этот труднейший и прекраснейший год нашей жизни многие из друзей ушли на войну. Наше поколение впервые узнало ужас боя и прелесть воспоминания о нем. С этой войны не вернулся юноша Миша Молочко. Друзья уже создали легенду о нем. Мы вспомнили его фразу: «Романти-

ка это та будущая война, в которой победим мы». Мы стали суровы и строги друг к другу. Для нас осталась единственная романтика — победить.

Я небрежно и торопливо набрасываю эти строки. Я еще не умею писать прозой. Мои фразы не приструганы друг к другу. Выражением нашего времени были стихи. Нас тянуло к эпосу, но у нас не было эпопеи. Гражданская война — это наши отцы. Пя-тилетка — наши старшие братья. Отечественная война сорок первого года — это мы.

Все три эпохи имели свои недостатки. Отцы пришли в социализм, полные идеальных схем. Они пробовали проводить их в жизнь. Появилось множество измов. Конструктивизм, футуризм, имажинизм. После многие поняли, что это нереально, что жизнь исправляет схемы, что правда одна для всех. Они ошупью искали путей к ней. Они придумали ей название: социалистический реализм. Но ни они, ни последующее поколение не умели его осуществить. В результате пострадали мы: наши головы были забиты идеальными рецептами жизни и реющим над ними общим правилом: все относительно. По существу, наш путь и есть постепенное отречение от относительного. Мы искали того, что Гегель называет конкретной истиной. Война сорок первого года прервала эти поиски. Люди нашего поколения разными путями пришли к одному: все на фронт. Здесь были герои, трусы и обыкновенные люди. Никто не отрекся от войны. Если мне придется когда-нибудь писать, я напишу о том, как категория долга стала для нас господствующей. Это единственное чувство, которое следует внушать людям с пеленок: долг.

Наши братья уже знали, что это такое. Но они были детьми реконструкции. Они героически трудились. Они создали себе памятник: город Комсомольск. Этот памятник был результатом прекрасной прямоты мыслей. Но он же был свидетельством их односторонности. Они переделывали себя, как переделывают вещи. Они верили в конкретное. Им нравилась «Шапка» Безыменского. И мы, сопливые скептики, тогда не понимали их, как позже они не захотели понять нас. Мы не были на стороне Володи Сафонова,¹ но он нам был интересен; каким-то краем души он был нам сродни. Но мы хотим иного. Мы тренировали мозги, чтобы преодолеть дробность жизни. Нам хотелось найти целое и служить ему. А поэты старших братьев учили: коммунизм это каждая мелочь. Я помню напечатанные в журнале стихи о катетерах. Эти поэты привыкли к мелочам. Они писали о них уже без вдохновения. Позднее мы вычитали или придумали теорию

штампа. В ней было оправдание этой мелочности. Штамп показался нам началом возрождения, как песни провансальских трубадуров.

Вскоре мы прочли у Гегеля: «Искусство берет свой источник из самой абсолютной идеи» и «Все истинное, как в области духа, так и в области природы, конкретно в себе». Мы прочли это и многое другое. Мы спорили вечерами до одурения, и в нас постепенно возникало ощущение того, что мы близко от чего-то важного. Война сорок первого года прервала эти споры. Расставание с ними было почти радостью. Пупырышками нашей собственной кожи мы должны были почувствовать решение. Друзья уходили на фронт, как на поиски. Они еще вернутся, те, кто останется жить...

Я люблю читать истории о детстве. «Детство Темы», «Детство Никиты», детство Николеньки Иртеньева, даже Пантелеймона Романова «Детство». Я знаю и другие: «Детство» Горького, «Дэвид Копперфилд». Не всегда, когда думаешь о ранних годах жизни, хочется вспоминать эти первые книги. Это неторопливый быт, от которого надолго остается вкус и запах первых ощущений. Девочка с косичками, хрустящие яблоки, дома с закоулками, смешные старики, злые и добрые, и привычное воспоминание о матери.

Мое детство тоже было безмятежным. Я был хил и болезнен. Меня редко выпускали на улицу. Я был общителен, но привыкал к одиночеству. Старшие меня не беспокоили. Целый день я был занят всякими мелочами. Пальцы были в ссадинах и порезах: я строил корабли и самолеты. Я строил крошечные пушечки, а крашенная перловка изображала солдат. Я восполнял недостаток общества вымышленными людьми. Крашенные горошинки, изображавшие генералов, разговаривали, командовали и устраивали заговоры...

Но сейчас это неважно. Это не роман и не история. Это скорее сценарии для того и другого.

С чем мы пришли к нашей встрече в 1939 году?

Я перелистываю свой дневник, написанный безобразным языком начитанного мальчишки. Там есть спор инстинктов и почти отсутствуют идеи. Это вавилонское смешение различных силлогизмов. Не мудрено, что мы с таким трудом выпутывались из них.

В школе нас рассматривали как комплекс заведомо данных качеств. Это называлось педология. Мне сказали, что я буду хи-

миком, и я многие годы твердо в это верил. Для нас не должно было быть неясностей. Дети маловосприимчивы к абстракциям. Они переводят их на язык вещественных понятий и запоминают так на всю жизнь. Первые внушения должны быть наглядными. У нас их не было. Для нас опростили и извратили самые человеческие мысли. Из них изъяли всю плоть, все кипение. Добра и зла не существовало. Даже понятия «добро», «родина» мы приобретали потом. Это называлось вульгарная социология. Она породила среди нас людей, от которых мы впоследствии отказались. Люди с хрупкими и болезненными душами навсегда остались скептиками. Глупцы и пустышки стали негодьями. Эти поняли так: все относительно — относительно меня. Впрочем, если посмотреть на это иначе, так же думали и скептики. Но у них это было окутано нервозностью, усложнениями, оговорками и бескорыстием. То были «пикаро»*, эти Дон-Кихоты. Они стоят в одном ряду ошибок. Так начиналось наше общественное воспитание.

Впрочем, наряду с недостатками, в нем было и хорошее. Так или иначе, нас приучали быть вместе. Мы жили коллективно. И после всегда каждый прежде всего искал людей. Индивидуализм был болезнью возраста или реакцией. Только самые мнительные и болезненные остались в этой черепаховой скорлупе. Они стали оппозицией поколению сорокового года. Они презирали нас за самоуверенность, за горячность, за задор. Им казалось, что ломиться нечего. Что все равно не поймут. Это были неглупые люди. Мы не любили их. Но об этом ниже.

Я был жизнерадостен и безмятежен. Но я был человеком двойной жизни. Я влюблялся, шалил, бегал с уроков, играл в козла и в орлянку. Это была поверхность. Я был стыдлив. В ящике стола у меня валялись стихи, а на полке лежал «Анти-Дюринг» и вундтовское введение в философию. Две науки не противоречили одна другой. Я не был ни честолюбив, ни тщеславен. Мне просто хотелось многое знать. Я хватался за все: за литературу, за историю, за философию, за географию. Я думал в одиночку, но не чувствовал одиночества. Я не знал мыслей об особом призвании. Рефлексия была не в почете. Таких считали хлюпиками и оставляли в покое. Нужна была прямота и веселость. Многие думали, но таились. Но было еще далеко до моральных терзаний, до бесплодных вопросов, до меланхолии и головных болей. Духовная жизнь была абстрактной. Она не давала пересечений с на-

---

* Плут, мошенник (исп.), персонаж испанских плутовских романов.

шей реальной прямой. Там было все с большой буквы, как в философском словаре Ищенко: Истина, Общество, Социализм.

А в Москве было голодно, и за учебу нас премировали брюками. Это было вещественно. Уже строили новые города и заводы. Это было тоже вещественно. Были штурмы, бригады, горячие собрания, политехническое обучение. Техника решала все. Для наших старших братьев школьные абстракции претворялись в машины. Они гордились своими делами. Они нашли свое пересечение. Это были работники — делатели вещей. Прекрасные ребята, но в конце концов мы поссорились. Они были слишком сегодняшними. Нам захотелось быть завтрашними. Позднее состоялся мир. Это было перед войной сорок первого года.

Учителя были скверные. Старомодные, но с новейшими взглядами. Новая идеология не вошла им в плоть и кровь. Они кормили нас мякиной. Снаружи все, казалось, было ясно и просто: были классы. Они боролись. Одни побеждали, другие жили под гнетом. Личностей не было. Пушкин — среднепоместное дворянство. Лермонтов — тоже среднепоместное. Толстой — патриархальное крестьянство. Личностей нет. Есть борьба классов. А Шекспир? Как быть с Шекспиром, он тоже среднепоместное? А Ленин? Он тоже не личность?

Так медленно копился бунт.

Партия была занята. Все силы на пятилетку и на коллективизацию. Порядок в идеологиях навели потом. Быстро и решительно. Петр Первый стал личностью, а Шекспир — гением. Появилась категория «народа» и «родины». Понятия наполнялись кровью. Мы оглянулись и увидели, что вся правда, которую мы искали, уже наличествует. Раньше было нельзя. Раньше были другие дела. Но и об этом ниже.

Я пишу без всякого плана и все время забегаю вперед. Я сам себя отталкиваю локтями. Проза слишком трудна. Даже проза делового письма. Даже записка другу. Так мы и остались немного формалистами. Но опять я забегаю вперед.

Шел тридцать шестой год... Тут я должен писать о самом неприятном периоде моей жизни. Он был очень необходим, но вспоминать об этом неприятно, как об откровенной беседе с человеком, который после оказался подлецом.

Мне было шестнадцать лет, и я знал много. Много для шестнадцати лет. Я писал стихи плохие и бесхитростные. Стихи о старых восстаниях, о Спартаке и Гильоме Кале². Но этот героизм стоял в том же ряду понятий с прописной буквы. Я бессознатель-

но отделял его от собственной жизни. Но на душе было нехорошо. В сознание постепенно проталкивались будни. Многие вопросы требовалось решать реально. Я охладел к стихам. Как мы тогда говорили, это было типичное не то. Понятие материализма представлялось как относительность всяких критериев. Детские абстракции рушились. Я чувствовал себя не вправе таким образом вступать в жизнь. Я хотел быть комсомольцем. Но боялся. Для меня это связывалось с абсолютной устойчивостью сознания, с началами героизма и отречением от себя во имя прекрасного дела... Я устроил допрос. Ночью я ходил по комнате и говорил сам с собой. Нет, я был не вправе. Мне казалось, что такого рода дисциплина обезличивает. Этот обезличенный подвиг представлялся самым прекрасным. Но, привыкший думать в одиночку, я заколебался. Это было первым рождением честолюбия. И инстинктивно, совершенно неосознанная тогда, рождалась другая мысль: искомый критерий есть. Это ты сам. Комсомол исключал колебания. Я отказался от него.

Это колебание осталось в нас надолго. Во время Финской войны оно возникло у всех. Но добровольцы ушли на войну. Стоя в строю, они избавились от призрака обезличивания. Оттуда они привезли фразу Мишки Молочко, его надгробную надпись: «Романтика это будущая война, где победим мы». Но тогда не все ушли на войну. А были и такие из наших друзей, которые ушли из добровольческого отряда. Это казалось трусостью. Может, это и была трусость. Но мы боялись ее осуждать, даже те, кто был на войне. Мы были слишком уверены друг в друге. Война сорок первого года показала, что мы не ошиблись. Страх — чувство, которое способно подавить другие чувства, более сильные. Если они у тебя есть. Человек, ушедший из добровольческого отряда зимой 39-го года, ушел добровольцем летом 41-го. Он уже ранен. Он уже заплатил за свои колебания куском мяса «на две котлеты», как писал он сам.

Я был чист и безмятежен. Мне не снились нечистые сны. И конечно, я думал не так точно, как здесь, на бумаге. Но это было подводное течение. Подводный ход сознания. И я был увлечен этим ходом. Я ждал неожиданных превращений. Я как бы открыл себя. Нужно было разобраться. Я действовал крайне наивно: открыв дневник, я пытался написать Евангелие для одного себя. Здесь были и планы, и законы, и рассуждения, бессвязные, противоречивые. Глупые. О них не стоит вспоминать. Я был охвачен пылом открытий. То, чему нас учили, показалось удивительно плоским. Мне хотелось попасть в Индию путем Колумба. Я сам

был моей Америкой. Я стал честолобив и мнителен. Я оберегал свое честолобие. Инстинктивно я боялся разочароваться в себе.

Мне казалось, что я мыслю самостоятельно. Это заблуждение длилось очень долго. Я не мог бы ответить тогда, против чего я восставал, какова цель этого бунта. Мне доставляло удовольствие выворачивать истины наизнанку. Это опустошает. Потом я понял, что это плоско. Америка была призрачной. Вещи потеряли цену. Вкус и мера были обезображены. Я оказался голым королем. Хорошо, что я первым догадался об этом. Но это была первая и последняя моя болезнь. Болезнь всего поколения. Она длилась долго и была мучительной. Но мы получили прекрасный иммунитет против всех болезней утонченного сознания, неудовлетворенности, тщеславия, против голубой лампы и неискренней аффектации. Мы получили иммунитет против нелепого восхищения и дряблого остроносого скептицизма, против замкнутого кружка изысканных авторитетов, против нудной и благовоспитанной рефлексии, против той лжи, в которую я окунулся весной тридцать шестого года. Это была расплата за декаданс девятнадцатого века и переход в двадцатый. О проклятии декаданса, о формализме, заложенном в нас, и об избавлении от него я скажу потом, когда вспомню об Олеше и тысяче других вещей. Это была тяжелая наследственная болезнь. Болезнь переходной эпохи, которую оставил нам лимератический интеллигент XIX века, весь этот лимератический век.

Колумбу понадобилась аудитория. Нужен был спор или понимание. Но мы стыдились, мы не привыкли разговаривать условленно. Не привыкли откровенничать. Уж больно самонадеянные были мысли. И слишком любимые были мысли, чтоб о них можно было говорить непросто. А говорить так, как мы привыкли говорить о Челпанове и физике, значило ничего не сказать. А интимные излияния, выворачивание души казалось фальшью. И это правда. Слишком неправилен был путь, слишком неясен, слишком нервозен. Это увлечение собой, это безмерное отрицание, это копание в себе нужно было пережить самому. Многим удалось так сделать. Они остались цельнее и замкнутее. Им пришлось пережить только ложное самоосознание. Они избежали открытого негодования изломанностью человеческого характера. И, пожалуй, жили они трудней и сосредоточенней. Они были рядом. Но мы не знали друг друга. Мы стыдились обнажения души. Впоследствии, когда пришлось узнать друг друга, мы стали друзьями. Теперь мы не видимся годами. Но честность, заложенная в моих друзьях, всегда помогает жить. Не

видя друг друга, мы живем вместе. И редкие встречи всегда бывают прекрасны и откровенны. Раз в год мы встречаемся в маленьком домике в Марьиной Роще. С ним у меня связан самый лучший школьный год. Там живет человек, никогда не запятнавший себя каплей лжи. Один из двух самых любимых.

Шла весна тридцать шестого года, и я был влюблен. Я ходил, как нищий, и подбирал ее улыбки. Особая доброта была в моей душе — мне казалось, что это доброта отшельника. Я придумывал торжественные и размеренные библейские фразы. Мне казалось, что я страдаю, но я был почти счастлив. Так начались поиски друзей. Я бродил по кладбищам и заходил в церкви. Люди верили странно: к ноге распятого Христа была прикована кружка для подаяний. Злые старые нищенки ссорились на паперти. Была парная, молочная московская весна. И тут я встретил людей, которые стали моими друзьями и с которыми я расстался без благодарности, с мутной душой и раздражением.

Я был прост. Мои сомнения и отрицания были прямолинейны. Я просто отрекался от большинства. Но это было постоянное и мучительное переживание вопросов времени: диктатура, демократия, личность, коллектив. Мир усложнялся. Абстрактные категории должны были приложиться в реальности. Меня мучило время. И, если бы мне случилось тогда остаться одному или встретить простых и твердых людей, я был бы другим. Я бы сдался. Обезличенные слова: ударная бригада, план, агитация, борьба за социализм, может быть, уже тогда обросли бы плотью, усложнились, пришли в единство и стали правдой, действительной правдой, какой они являются для меня сейчас. Меня мучило время. И это самое главное. Вскоре это главное было утеряно.

Я узнал людей, которые вели себя необычно. Они разговаривали улыбками, взглядами, прикосновениями рук, как марсиане. Я насторожился. Это напоминало игру в шарады. Шесть юношей и девушек были связаны каким-то особым пониманием. У них не было обычной стеснительности друг перед другом. Наверное, они могли ходить голыми. Плоти как бы не существовало. Здесь была, видимо, чрезвычайная интенсивность внутренней жизни, утонченность, которой я завидовал. Здесь была такая степень договоренности, что для общения нужны были лишь знаки. И была значительность. То, на что мои прежние друзья не обращали внимания: легкий изгиб настроения, жест — приобретало особую значительность. Существовали какие-то сейсмографы. Каждый толчок настроения предполагал землетрясение. Поэтому жесты, слова, интонации были рассчитаны. Они переставали быть сами-

ми собой. Они стали иероглифами чего-то очень важного и внутреннего. Тогда я не понял, что это бугафория. Я принимал все за чистую монету. Впрочем, они сами находились в том же заблуждении. Каждый притворялся сам с собой, но верил в то, что другой не притворяется. Сила внешних проявлений была приравнена к внутренней значимости. И каждый удивлялся другому. Это была в общем напряженная жизнь. Она исключала возможность широкого общения. Честолюбие не позволяло признать в других те же внутренние возможности. Нужен был кружок, почти секта, почти ритуальное служение друг другу. Это сознание собственной исключительности требовало особого отношения к миру. Оно требовало особых, непохожих и утонченных проявлений. Но откуда это получалось? В чем заключалась исключительность этого кружка?

А исключительность была: страшный порок сердца, нездешнее западное утонченное воспитание, излом домашней жизни, княжеский титул. Наконец, те, кто не обладал этим, обладал неограниченным тщеславием или тайным пороком. Было какое-то физическое вырождение в этих людях. Я тогда не различал этого. Они любили блоковские «Пляски смерти». Я вдруг вспомнил об этом с ужасом:

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушен...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он.

Я попал к этим людям и поверил им. Они приняли меня охотно. Я был новинкой. Они придумали меня таким, каким я не был, каким я был им удобен. Я охотно откровенничал. Я не знал правды. Я искал ходов к стершимся школьным истинам, я искал романтики. Они мне предложили свою правду и свою романтику. После Павел Коган очень точно написал об этом в своей поэме: «Нас мало». Вот основной принцип. «Мы не похожи на других. Других удовлетворяют формулы, а нас нет. Социализм — это прекрасно, но он далек. А нас мало. Мы должны беречь себя для больших дел». О характере этих дел никто никогда не говорил. Их не было. Но я знаю, как поступили некоторые из этих людей в начале войны сорок первого года. Они так же продолжали беречь себя для больших дел. Я был восприимчив. Я быстро научился всем этим тонкостям внешнего поведения. Я научился эффектно грустить, очень томно описывать это в дневнике или в дружеской беседе, многозначительно молчать, ходить, гово-

рить, скучать, есть, пить. Меня считали цельной личностью, мечтателем. Я не должен был помышлять о деле. Я стал снова писать стихи. Ужасные и фальшивые. О любви, которой не знал, о чувствах, которых не испытывал, о вещах, которые мне были чужды. Я был уверен, что так надо. Я честно зарабатывал право на исключительность. Мой мозг изошрялся парадоксами. Я перечитал кучу книг. Как хорошо, что не с них я начал свое чтение. Французский декаданс, Андре Жид, символисты вошли в мой репертуар. Я был восприимчив и очень легко ими оперировал. Через полгода я уже знал все, что знают эти люди, знал, чем они живут, и в совершенстве владел сентиментальной азбукой жестов.

И тогда мне стало скучно.

Одно время я думал, что дети не отвечают за родителей. Может быть, только теперь, когда я думаю об этом периоде своей жизни, мне стало понятно, отчего я был неправ. Люди приходят в социализм, отягощенные пороками предков. Особенно мы, особенно интеллигенция. Наши дети уже не будут знать этих раскаленных клещей, которыми мы вырывали из сердца, из крови ржавые корешки декаданса. Себялюбие, тщеславие, чистоплюйство, кружковщина, рефлексия, пустословие, мещанская узость — вот наследие многих из нас. И на деле оно проявилось как трусость, как эгоизм, как желание обособить свою исключительность, сберечь ее, как презрение к общему делу, как бесплотное и суетное существование под голубой лампой среди горсточки таких ценителей прекрасного, как снисходительность к народу, к Республике, к родине.

Эти люди были слишком умны, чтобы не чувствовать всего этого. Они поняли и другое. Многие открыто ополчились против их мещанского самоопределения. Но это тоже была форма. Чтобы проявить свою исключительность. Эти последние кричали против интеллигентов. Они надевали сапоги, курили короткие матросские трубочки, плели небылицы и писали стихи о море, навеянные Грингом, или грубые поэмы, громящие уют и рассчитанные на эпатаж. Это был тот же декаданс, Васисуалий Лоханкин в матросских штанах. Эти тоже признавали только себя. Также были многословны и глупы. Они выросли в тех же квартирах и, очутившись на улице, когда их отцы были арестованы за контрреволюцию, вообразили, что они народ, и стали громить (в стихах, конечно) свои старые, уставленные тяжелой мебелью и академическими изданиями квартиры.

Первые были умнее. Они презирали вторых (может быть, завидовали их талантам). Они изобрели тончайшее средство: ин-

теллигентами оказались вторые. «Типичная рефлексия», — говорили они. Типичная сермяжная, посконная правда. Мелкобуржуазный анархизм, притом отработанный так грубо. Они отдали ниспровергателям свою долю интеллигентских пороков. И почувствовали облегчение.

Я не знаю, какая из двух разновидностей была хуже. Первая была умнее, вторая — забавнее.

Но все это не так важно...

Я исписал уже четыре больших листа бумаги. Нужно быть кратким, а это все еще предыстория.

С тех пор как я написал первую строчку этих заметок, прошло много дней. Во мне нет уже такой ясности мысли. Я видел Москву 16 октября. Это был день безвластия, день, о котором я еще напишу в своем месте. Я покидал Москву с болью и горечью в сердце. В трамваях открыто ругали советскую власть. В военкоматах никого не было. Власти молчали. Толпы людей ходили по улицам. Заводы не работали. Говорили, что ночью немцы будут в городе. Была тяжелая атмосфера ненависти. Не к кому было обратиться. В комитетах советовали уходить. Я уехал с последним пароходом. В Азию! В Азию! Собраться с мыслями. Пережить. Обдумать.

Я записываю все это в Куйбышеве, едва оправившись от болезни, свалившей меня здесь. Я медленно выздоравливаю телом и душой. Может быть, в Азии удастся все обдумать.

Сегодня 3 или 4 ноября. Я потерял счет числам. Скоро праздник. Так встречаем мы, люди сорокового года, 24-й год Революции.

30 июля¹ * На ходу, в строю, обдумываю «Эстетические принципы». Удастся ли когда-нибудь написать их хоть вчерне?

Ослаб от малярии, от жары. Видел кочевье в степи. Пяток плетеных юрт. Отдыхающие верблюды с мордой рептилий, бараны.

Капитан Леванда (Левада).

Маршал Буденный, при всех орденах, закопченный поро-
хом, без шапки, с усами, еще более черными от копоти, проехал
в открытом танке по передовой, что-то крича бойцам. Рядом на-
ходился молодой человек, говорили — его сын. Бойцы встретили
его криками «ура!».

5 августа * Никогда так не страдал физически от жары, жаж-
ды, усталости и болезни. На фронтах — дурно. И дни идут так: пя-
тое — к но-ге! шестое — на пле-чо!

Раздацбедин.

Горнези.

Лабутин.

10 августа * И вот что требуется показать. Как из тысячи не-
лестностей получается прекрасное устройство мира.

Видимо, отправляемся на фронт. Рядовыми. Все было бы не
так плохо, но я окончательно болен желудком — худшее, что мож-
ет быть у солдата. Мысли? Слишком трудно мыслить. Я равно-
душен к тому, что произойдет со мной. Но они, двое людей, жи-
вущих только мной! Я думаю лишь об этом. Моя гибель их убьет.

Как паровозная топка дымит и светит млечный путь.

Это тихий, интеллигентный мальчик. Он был бы учителем,
этот мальчик. Разве вы не видите, что он будет учителем, если ос-
танется жив?

Он добрый, интеллигентный мальчик. Смотрите, как он не
выговаривает «л». «Уожка», — говорит он. — «Пожавуста».

12 августа * Почему мне не сорок лет? Мне было бы легче умереть. Я сделал бы хоть часть того, что мог. А так, десяток стихов, стопочка заметок. Почти все это написано еще тогда, когда основные мысли были еще невзрачными зародышами.

О! Мне необходимо жить.

13 августа * Как я был прав в девятнадцать лет, когда хотел иметь сына! Я мог бы надеяться, что он сделает то, что хотел сделать я. Он утешил бы стариков. О, черт! Я пишу, как смертник.

У него было конфузливо-спешащее лицо, как у человека, которому необходимо в уборную, встретившего на дороге знакомого, с которым нельзя не остановиться.

Следует быть французом – писать дневник.

14 августа * Что еще? Немцы у Минвод.

В воздухе висит ощущение близости громадного события. Проклинают Англию и надеются на нее.

15 августа * У солдата нет возраста. Мы подстрижены, как школьники. Сорокалетние люди ссорятся из-за места, из-за еды, из-за пустяков и вздрагивают при окрике мальчишки-лейтенанта. Они лгут, как дети, и воруют друг у друга мелочи. Возраст по-является с чином.

После обеда мы тяжелеем. Мы лежим молча на земле и перевариваем солидно, как питоны.

16 августа * Я ем запрещенный виноград. Я кусаю сочную кисть и глотаю мягкие веточки. Я не гурман. Я не умею сосать по яголке. Так во всем. Нужно объесться. И пусть это больше тебя не трогает.

Нас ждет дорога фронтовая,
Донские степи и Кавказ,
Нас ждет винтовка боевая.
Ребята, слушайте, приказ.

Не птичий свист в лесной долине,
А пуля свистнет у села.

Мы предлагаем за счастье самую дорогую цену – жизнь. Может быть, мы уплатим эту цену, не получив ничего. Лишний до-

вод в пользу того, что устройство мира не имеет ничего общего с коммерцией.

Родина? Она стала нашей судьбой. Мы думаем о себе; это и есть мысли о родине.

17 августа * Мы курим.

– Дай закурить.

– Оставь сорок.

– Тридцать.

– Дай дернуть.

– Дай бросить. – Так просят те, кто давно обнищал. Они берут самые маленькие окурки, которые пора бросать. Они обжигают губы.

– Семья велика! – отвечаю я. – Уже четверо «заявили» на мою папироску.

Я Жюль Ренар² поневоле.

Двое ссорятся, употребляя фантастический мат, – предел идиотского воображения.

«Вырабатывают командный язык», – говорят остряки.

Мальчик, вы здешний или тутошний?

18 августа * Вчера вечером нас выстроили слушать выступление Александра,³ человека, должность которого – толкование.

Утром узнали о посещении Черчилля⁴. Многих это ободряет.

На час позже нам приказали чистить оружие. Мол, будет батальонная проверка. Зачем эта комедия? Мы знали, о чем идет речь. Мы даже не переглянулись. Итак, фронт.

19 августа * 12.00 сего дня мы покинули училище. Мы едем на фронт.

«Курсанты времен Сталина», – сказал полковник. Мы кричали «ура». Вот и все. Большинство держится молодцами.

Эшелон. Мечтаем загнать белье, чтобы купить фрукты.

20 августа * Ночью долго разговаривали с Л. Это рядовой рабочий. В нем есть многое, чего не хватает мне.

Говорят, едем в Москву.

23 августа * Уже пахнет Русью. Облака. Прохлада. Но вокруг еще степь.

Мы беспечны и не думаем о том, что будет завтра. Нас хорошо кормят. Дыни, арбузы мы меняем на портянки. Что еще?

26 августа * Мы едем медленно. Но, несмотря на это, контраст разительный. Ночью мы дрожим в наших байковых шинелях. На питательных пунктах кормят обильно, но они редки. Едим сухари и сухую рыбу. Население встречает нас дружелюбно, но табачок врозь. Дерут с нас неимоверно за хлеб и молоко. Впрочем, и у них ничего нет. Кроме... денег.

27 августа * Вот она, Россия, вывернула титьки и сидит. Разоренная земля.

Мне грустно. Но люди остаются людьми. Мы ехали вчетвером, нищие, как солдаты. Я продал свои портянки. Мы ели вчетвером. Затем продали — второй и третий. Мы ели вчетвером. Четвертый продал. Но дал нам лишь половину. Наконец повезло третьему. В Чкалове у родных он добыл хлеба и денег. Он дал нам лишь по маленькому кусочку. Откуда-то есть деньги и у второго; в результате я остался на пайке в 160 грамм сухарей и 25 грамм сахара в сутки.

Вот и все.

Нет, я не сдамся, не скисну, не потеряю веру в тот мир, за который пришел сюда! «Горе нам, — говорили мечтатели прошлых времен, — ведь мир противоречит нашей мечте!»

«Горе тому миру, — говорят люди сорокового года. — Горе тому миру, который противоречит нашей мечте!»

3 сентября * На пятнадцатый день пути прибыли в Тихвин. Проездом забегал в Москву⁵. Утром варили концентраты. Затем нас вывели за станцию: метрах в 400 — поле сражения. Неубранные трупы, каски, патроны, воронки, гранаты.

5 сентября * Вот мы в хвойном лесу. Место формирования. Волховский фронт. Нам объявили: нас посылают прорывать немецкую оборону вокруг Ленинграда. Видимо, большинство из нас погибнет.

Я спокоен, ибо душа чиста.

10 сентября * Вчера или, вернее, позавчера ночью совершили сорокакилометровый марш из запасного полка в 1-ю горнострелковую бригаду. Гор здесь, впрочем, нет. Вчерашний день

провели в болоте, сбоку от гати. Эти гати — единственные пути здесь. Вновь варим пшенку, мясные консервы. Километрах в шести бьет артиллерия. Бригада находится в обороне.

Ночью у штаба — кино. Женские голоса. Спали в бане.

Сегодня прибыли в часть. Северный зеленоватый рассвет. Собачьи костяки елей.

До передовой четыре километра. Немцы ведут обстрел нашего расположения. Я пишу это, сидя в блиндаже и кутаясь в свою мерзкую байковую шинелишку.

13 сентября * Прибыл на передовую. Назначен рядовым в пульрасчет сержанта Кабанова⁶.

20 сентября * Неделя на передовой. 600–800 метров — немцы. Сплю тут же, у пулемета. Время идет от еды до еды, от обстрела до обстрела.

Солдаты говорят о смерти, но как о чем-то постороннем. Уж и задали жару черти, как мы стояли в обороне.

Нет философии войны,
Есть философия страны.

Артельной, солдатской.

Артельщики-робинзоны.

Командир мечтает: вот бы воевали артиллерия с артиллерией, пехота с пехотой. Показал бы я им с нашим «максимом».

Мечтает о шапке-невидимке.

Сон: будто у нашей деревни сбили «мессершмитт». Подхожу я, а ребяташки подбирают там разные булки, пироги, ватрушки.

Белее белого коня.

Задеревенели, как долбленные.

Защелкали семечки.

Русское фаблио. *Mise en scène**: ночь, блиндаж, передовая, полно дыма от печурок, от сигарок. Свист и цоканье пуль. Рядом бьют минометы.

— Соврать что ли сказку.

— Да соври.

— Дай закурить. Да, так, значит, про солдата.

---

* Мизансцена (*фр.*)

— Про нас вроде.

— Солдат — жизнь минутная.

— Ну ладно. Идет солдат домой, как бы вроде мы. Пять лет отслужил. До дому не доходя километров 15—20 решил заночевать. Туда попросился, сюда — никто не пускает. Иди, говорят, вон там твои живут. Походит солдат к дому. Там хозяин с хозяйкой. В дом, говорят, не пустим. А хочешь, в горнице переночуй, только там у нас черти водятся.

«Ну что же, что черти, да я вам и чертей всех выведу, — говорит солдат. — Только давай, хозяин, водки».

Выпил он, это, водки и пошел спать. Только лег — чертенок: «Давай, солдат, водки». «Не дам», — говорит. Приходит старший черт: «Дай, солдат, водки». — «Не дам». Подумал черт: «Ладно, солдат, поучи ты нас тогда солдатскому делу». — «Это можно».

Солдат учит чертей делать повороты. А теперь, говорит, пойдем мы с вами в лагерь, как солдаты ходят. Тащите сюда колоду. Пошли черти за колодой, а солдат принес бурав да глины. Вот, говорит, крутите по дырке, а как я крикну: черти в лагере! — скорей туда залезайте.

Залезли черти туда, а он их глиной и замазал. Утром позвал хозяина и велел ту колоду свезти в болото.

Наградил его хозяин, погуляли, и пошел солдат дальше.

Пришел домой, пообстроился. Женился. Все как есть.

Так года два прошло. Пошли они с женой на базар километров за двадцать. А дорога тем самым болотом шла, куда колоду с чертями бросили. То ли она развалилась, то ли разрубил ее кто, только черти наружу повылазили. Увидали солдата, кричат: «Ага, солдат, сейчас мы тебя разорвем!» Ну, думает солдат, дело-то неладно. Да ничего, говорит жене, не бойся, становись-ка раком. И стал он у ей претензию опрашивать. Черти, как увидели, кричат: бежим, а то солдат снова нам лагеря вертит. Так и убежали.

А солдат пошел. На обратном пути зашел к хозяину, у которого чертей выгонял. Тот его узнал. Посмеялись они. Хозяин велел самовар поставить, водки. Закуски там разной. Погуляли они. И пошел солдат домой.

Следующая сказка — смех и горе.

— Тоже, как про нас, — смех и горе.

Сказка про глупого попа, ловкого мужика и распутную попадью. Сказка непристойная. Но рассказывается с деловитой непосредственностью.

Вскоре все засыпают.

Колхозник из Алтайского края получал в колхозе (С. Косов⁷): 3,5 тонны пшеницы, 2 цнт. меду, 120 цнт. сена и т. д. Деньгами около 1500 р. Дома имеет огород, корову, стельную телку, теленка, десяток овец, кур, двух свиней. Всем обеспечен. От этого всего оторвали его немцы.

Уважает свой колхоз: «У нас на 90 домохозяев 3 500 гектаров земли».

28 сентября * Я не «сильная личность», не ригорист, я сибарит и сластена. Но что делать! Мои убеждения сильнее меня, почти как у Тартарена.

Что лучше? Жара или холод? И холод, и жара. Если у тебя есть дом и у дома растет дерево.

Семь раз подумай, прежде чем спросить что-нибудь у друга. Не думай ни минуты, прежде чем исполнить его просьбу.

По обороне идут вести — узун-кулак — «длинное ухо». Убит тот-то, этот ранен. Уже погиб один из наших — писатель. Нет, едва ли я уйду отсюда живым!

После Семенова гром — осень долгая.

Конь тонкий, как рука, ножки вытягивает, как зайчик.

Яблоки — как сквозь колечко пропущены. Дорога — как яйцом накатана.

А мы в болоте жили недели,
Спали, не раздевая шинели,
Не снимая гранатной сумки,
Все думали солдатскую думку.

22 октября * Уже более месяца я на передовой. Живу, как простой солдат. Каждый день я могу умереть. Но эта мысль уже привычна. Она не трогает. У меня появились замашки жителя блиндажей. Часто спрашиваю себя: я ли это? Вчера выпал первый мокрый снежок. Улетают гуси.

Плевков длинный, как свист пули.

Вятский говорок: тамо-ко, туто-ко, значитя.

И не выйдет, простите, не знаю, как сказать, такого эффекту или дефекту.

Мерзли два солдатика
На посту придорожном.

Ветром покрыты,
Дождем огорожены.
Нам ружьишки – братишки,
Сабли востры – родны сестры.
Не верю я в тебя, Богородица.

ПЛАНЫ

I. Эстетика.

- 1) Эстетическое познание мира.
- 2) Прекрасное как свобода.
- 3) Эстетическая перестройка мира (соцреализм).

II. 3-я часть трилогии, роман «Поколение сорокового года».

III. Пьеса о подлеще. Современная постэстетическая трагедия.

IV. Поэма «Комедия страшного суда» (новый вариант).

V. Стихи о детстве.

VI. Цикл «Солдатские песни».

- 1) Хорватская песенка.
- 2) Баллада о человеке, несшем хлеб.
- 3) Дерево на заре.
- 4) Балагуры.
- 5) Баллада о двенадцати.
- 6) Стихи о Богородице и российских солдатах.

VII. Осень (элегия)⁸.

16 декабря * Сколько месяцев уже прошло? Дни идут быстро. Слишком быстро. Много ли их мне осталось? А между тем я полон планов и уверен в себе как никогда. Я, рядовой солдат, серая шинель, чувствую себя гениальным. Это ли не социализм?

Колхозник из Тульской области. Пятеро детей. Работает один. Имеет корову, подтелка, пару свиней, пять овец. Хлеб заходит год за год. Зарабатывает с женой около 700 трудодней. Хлеба 3–4 кг на трудодень, 50 кг меду. К колхозу привык.

Дед мой рассказывает. Где теперь наша деревня, леса были большущие. На дубы койки были прилажены. Там живорезы жили. Грабили тех, кто по большаку ехал, и убивали. После там пальцы находили отрезанные с кольцами. Крови столько пролили, что натекло целое озеро. После леса свели. С разных мест понаехали люди. Деревню построили. И назвали нашу деревню Красное озеро.

Однолучный ветер.

Сон: с отцом дрался – домой придерешь.

9 июня¹ * Так необходим собеседник! Нет рядом человека, который бы понял совершенно. Не с кем поделиться и четвертью замыслов. Э. Ч. — добра и верит в меня. Но у нее нет размаха. Она видит лишь нечто во мне. И даже не мыслит о просторе, перед которым я нахожусь.

11 июня * Может быть, потомки скажут, что мы нудим, что мы ригористы, что каждое наше третье слово — Россия. Что ж, лишь бы они были счастливы, как мы.

Здоровущая баба, пожиже развести — на целый батальон хватит.

Нечего собаке делать, если она х... лижет.

Жизня! Она не плошает, она все к лучшему идет.

Мораль классовая. Красота классовая. Это понималось — мораль относительна, красота относительна. Отсутствие норм — декаданс.

Дело в том, что и в морали, и в красоте есть момент абсолютный. Для нас есть нормы и в том и в другом.

Разговор в поезде:

— А вы откуда будете, мамаша?

— Мы родом с Северо-Западного.

Хорошо сказано. Уроженцы Северо-Западного фронта.

Штатское обмундирование.

Такой земля бурблуд (верблюду) ходит.

12 июня * Телеграмма «Поздравляю наградой “Боевые заслуги”. Желаю здоровья. Целую. Зоя». Это ошибка. Я не знаю никакой Зои. Но как приятно думать, что это правда.

Солдаты говорят о литературе.

— Маяковский из-за бабы покончил.

– Грамотный, а дурак. Я бы лучше ее застрелил.
– Пушкин тоже из-за бабы.
– Большой вред от них. У нас в гражданке механик был. Тот спился.

Сухие, лихорадочные звезды. И другие – новогодние, сахарные. И одинокая весенняя полевая звезда, печальная, как песня.

Мл. лейтенант обладал вместе с рядом достоинств чисто русским недостатком – неумением связывать слова.

– Под каким принципом работает пулемет?

Нужно было отвечать: «Под принципом отдачи пороховых газов и возвратной пружины».

Так, а не иначе.

Муж-от уходил, как из теста был сбит. А теперь от ветра шатает.

Присели, как цыпленки.

Мужик пашенку пахал
И с сохой туда попал,
И с сохой, и с бороной,
И с кобылой вороной.

(непристойная песня)

14 июня * Очень легко изображать неудачных политиков и побитых генералов дураками. Задача состоит в том, чтобы показать, что никакой ум, никакие таланты ничего не стоят, если политик антинароден, а генерал не считается с обстоятельствами.

Так нужно писать о Гамелене,² о Деладьё³.

16 июня * В общем, лежание в госпитале начинает меня раздражать. Я беру в руки карандаш, но мысли разбегаются. Один поет. Он целый день поет голосом кастрата. Другой подходит с вкрадчивым выражением лица. Ему нужно закурить. Свой табак он прячет. Закуривай! Но убери свою льстивую рожу. Он клязник и завистник. Я его терпеть не могу. Остальные – чудные ребята, но у каждого за пазухой есть вопрос ко мне. И как раз в тот момент, когда я собираюсь писать. Кроме всего, над ухом орет радио.

И почему-то нет писем от В. Может быть, это последняя моя фикция. Может быть, я слишком много от нее ожидаю.

Спрашиваешь, откуда табак пошел? Про это во какая история получается. Сотворил Бог небо и землю. Реки прорыл к оке-

анам, звезды приклеил и мелом надраил, чтоб блестели, засеял луга и леса засадил. Опрыснул росой. Слепил тварей — рыб и птиц. Дал им голоса. Сделал все, взошел на самую высокую гору отдохнуть, и все живое ему преклонилось.

Хорошо стало Богу. Только видит он: один непокорный росток тянется вверх, не хочет кланяться Богу, стоит перед ним, как ровня.

Рассердился тут Бог и сказал: «Гореть тебе в вечном огне, чертово зелье, пусть дым твой развевают люди своими устами, а пепел разносит ветер».

С тех пор и табак пошел. Только спросишь: причем здесь люди? Да ни при чем. В сердцах был Бог. А сгоряча, какая она справедливость?

Фурманов: «Все ли можно писать? Все. Только... В бурю гражданских битв пишешь об особенностях греческих ваз... Они красивы и достойны, а все-таки ты сукин сын: или по идиотизму, или по классовости».

Первый залп по натурализму, по позитивной уравниловке, по декадансу (где «все возможно»).

«Творить — легко. Писать — трудно». По-моему, наоборот.

«Детство Никиты». У Толстого нет лучшей книги. Вся, вся хороша до мельчайших деталей. «Никита проснулся от счастья». Это образец фразы.

Условности необходимы. Они вовсе не мешают понимать. Раньше в карикатурах рисовали голубя. И все понимали: это Лига Наций.

Туово. Омская область. Колхоз зерновой. Хлеба 5–10 кг на трудодень. Кроме того: мясо, шерсть, картошка. 700 трудодней. Деньгами 2–3 р. Молочная ферма. Сами держали двух коров. Не меньше десятка овец. Крепко жили.

Вспоминается Павка⁴. Весь угловатый, худощавый. Темные прямые волосы углом свисают над умным лбом; остренький холок на затылке, густые черные брови. Он сдвигает их, когда недоволен. Глаза карие, не улыбочивые; невыпуклые и недобродушные, как у большинства близоруких. Он чуть прищуривается, когда разглядывает дальние предметы и когда читает стихи.

Лицо узкое с резкими чертами. Нос с горбинкой, подвижный рот и вокруг него глубокие складочки.

Роста он среднего. Фигура жилистая, костистая, мальчишеская, точно вся в острых углах.

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал⁵.

Не могу рассказать день за днем историю нашей дружбы. Мало помню подлинных Павкиных слов. Голос помню. Громкий, резковатый, срывающийся на высоких нотах; всегда спорящий, негодующий, читающий стихи голос. Громкий смех, неожиданный и отрывистый. Любил петь, но слуха был лишен. Музыкален был по-блоковски — изнутри. И когда пел, то казалось странным — так громко, энергично и убежденно пел.

Это все — помню. А слова, поступки, разговоры — только отрывками. Потому что жили вместе. Многие его мысли, слова, поступки стали общими, моими, преобразились, сделались другими словами.

Тогда складывались убеждения. Он первый часто угадывал трепетанье новых идей и новых чувств. Другие подхватывали. Формулировали для себя. Потом забывали, кто первый это придумал. Да это было неважно. Каждый вносил свое. Результат был общий, наш. И мы гордились друг другом и тем, что мы вместе. Никто не настаивал на авторстве.

Поэтому, наверное, так мало запомнилось фраз, выражений. Но в том, чем мы теперь живем, очень много Павкиного.

Пишет Сергей [Наровчатов]: «Гибель Павла потеря непоправимая, но тем прочнее мы должны держаться вместе, тем дальше пройти по “широкой литературной дороге”».

Был он резкий, несговорчивый, упрямый, нетерпимый. В споре мог обидеть, рассориться. Потом, конечно, жалел. Но без спора жить не мог. Любил быть первым, вожаком, предводителем. И многие перед ним благоговели. Он мог создать себе кружок, где его чтители бы как Бога. Он этого не сделал. Он предпочел дружбу равных. И всегда был хранителем нашего равенства. Он умел ради общего дела многое побороть в себе. Хотя и было трудно. Он кричал, возмущался, но не рисковал нашей дружбой.

Б. как-то сказал: «Павел сделал сам себя. Ему очень трудно быть таким, как он есть. Он создал также И. Р.⁶ таким, каким Павел хотел бы быть сам».

Нужно вспомнить, по какому поводу это было сказано.

Он мыслил прямо, сильно, широко. Увлекался, развивая какую-нибудь идею. Говорил убедительно, хватался за мелочь, уходил в сторону и вновь возвращался к широкому, могучему обоб-

щению. Противника не жалел, умел подавить и разгромить. Когда увлекался, никому не давал вставить слово. Рубил воздух рукой, как бы перешибая возражения.

Ум был широкий, резкий, прямолинейный, стремительный, повороты резкие, тоже остроугольные. Это вечно движущаяся лавина ума создана была, чтобы сокрушать, а не колоть. Он был в жизни почти лишен остроумия, хитроумных изгибов ума. Когда острил, оглядывался на меня и Борьку: ну как? Мы сокрушались — плохо. И он первый смеялся над собой.

Против мелких колкостей, острот он был почти беспомощен. Борис легко «качал с него воду». Он не умел сражаться на малом пространстве. Принимал всерьез, не всегда улавливал иронию, сердился и сбивался с толку.

Но зато брал реванш в принципиальном споре. Громил без пощады.

Впрочем, мало кто решался над ним подшучивать. Разве только Борис, и то по-дружески.

Остальные боялись. Даже близкие — Львовский, хотя был остроумен.

Ум Павла был стратегический. Тактиком был Борька. «Административный гений», как мы его называли.

Помню, как писался «Владимир Рогов»⁷. Зимой 40-го года Павел писал мало. И все мы были чем-то в себе недовольны. Что-то новое вызревало и мучило. Но как-то еще не укладывалось в стихи.

Весной нас пригласили в Дом писателей на семинар тамошних молодых⁸. Наша цитадель была в «Художественной литературе». Мэтром — Сельвинский.

Из «тех» читали П. Железнов,⁹ Кедрин,¹⁰ А. Коган¹¹ — самый скверный поэт в Союзе. Стихи были так плохи, что решили их не обсуждать. Нас критиковали, но косясь на Сельвинского. Все понимали, что есть о чем говорить.

Там же, в Домписе, Павка завел нас в уголок и прочел отрывок: часть будущего монолога Олега. Он сам еще не знал, что из этого выйдет. Мы тоже как-то пропустили его мимо ушей.

Осенью была готова 1-я глава поэмы.

Павел был болен. Мы собрались вчетвером в крошечной комнатухе за кухней — И. Рабинович, Борис, Сергей, я. Кажется, кто-то еще. Павел лежал худой, небритый на диване.

Читал немного глуховато, рубя рукой. Очень понравилось. В следующие читки — еще больше. Это был катехизис. За лето

многое утряслось. Поэма была – внутренний спор в нас самих, вышедший наружу, ставший стихами.

Она положила начало какой-то новой серьезности. Мы почувствовали свою силу.

Читающие нас студенты приняли ее с восторгом. Еще не готовая, она по частям ходила в списках.

Сельвинский сказал: такие вещи пишутся раз в десятилетие. Хотел напечатать отрывки. Но не пустили.

Пишущая братия вообще приняла холоднее, кроме Зелинского,¹² Агапова,¹³ еще немногих.

На дебюте в Д[оме] п[исателей] поэма не понравилась¹⁴. Брики¹⁵ тоже не восторгались. Не было формальной заковыки.

Но у нас была и осталась чудная уверенность в себе. Мы вполне полагались друг на друга. И были рады лишь тогда, когда встречали одобрение у себя, среди «равных».

Не помню, кто первый сказал: «Мы – поколение сорокового года».

Это было после Финской войны и с тех пор стало термином, обозначающим «нас».

Слуцкий любит психологические эксперименты. Если бы кто-нибудь из нас умер, какую бы икону сотворили из него остальные, какую бы создали легенду!.. Ему как будто жалко, что никто из нас не умер, все-таки интересно, что из этого получится.

Из письма девушки: «По всей роще можно было проплыть на лодке, срывая рукой цветы черемухи».

Маленькая сестра на сероводородных ваннах. Ее зовут Серочка Водородовна.

У меня галоши есть,
Берегу их к лету.
А по совести скажу:
У меня их нету.

Стендаль: «Г-н де Траси говорил мне: правды можно достигнуть теперь только в романе. С каждым днем я все более убеждаюсь, что во всех других жанрах это пустая претензия».

Что-то – внутренняя сосредоточенность или внешняя устремленность – заставляла его не чувствовать иронии. Он всегда был или сосредоточен, или устремлен. Я не помню его добродушно отдыхающим, хотя часто он ничего не делал. Но таково

безделье поэта — он писал, обдумывал. Когда он не писал — он скучал и не умел ничем развлечься. Это бывало редко.

— Говоришь: старшина сахар ворует. Оно конешно. Но этот грех прямо считай — первородный. Возьмем к примеру у нас в -ском полку. Приехал майор, выстроил роту: ну как, говорит, товарищи, всем довольны?

Всем-то, говорим, всем. Да вот с сахаром дело неладно. Много полагается, да мало получается.

Ничего он не ответил. Взял ком земли да правофланговому подал: передай дальше. Так дошел ком до левого фланга, потерял весь. Чуть комочек остался. Стоим как бараны — ничего не пойдем.

Взял майор тот ком и говорит: «Через сколько он рук прошел? И вот что от него осталось. Так и сахар ваш».

И уехал. Больше ничего не сказал.

Рассказ пулеметчика. После боя комбат выносит благодарность пулемету.

22 июня * Благородная манера Стендаля покоряет меня совершенно.

Настоящее искусство несовместимо с пошлостью. Между тем большая часть того, что печатается сейчас в газетах из стихов, что поется по радио и записывается на пластинки, — пошлость. И об этом говорят как об искусстве. Можно сказать больше — это оказывает действие.

Искусство есть творчество, не только потому, что оно творимо, а потому что оно формирует характер.

Искусство легкое (ныне оно синоним пошлого) неспособно ничего внушить, оно не творит, а лишь следует за всем, что есть в душе, — дурным и хорошим. Оно потворствует нам, льстит. Не заставляет стремиться к лучшему. Оно свидетельство того, что человечество еще не совсем хорошо. Чем лучше будут люди сами по себе, тем лучше будет это пассивное следование их наклонностям. Может быть, со временем оно совсем станет похоже на высокое искусство. Тогда, когда человечество станет «эстетическим».

Мы не были сентиментальны. Атмосфера неясных чувств, разговоры взглядами и вздохами, рефлексия — было то, что нам уже надоело. Мы искали ясности. Но грубость «морских волков» считалась дурным тоном. Павел говорил: «Я не боюсь быть сен-

тиментальным». И был мил с друзьями. Мы целовались при встречах и расставаниях. Это было искренне, хотя Слуцкий морщился.

Никто не знает, как жестоки мы были к своим стихам и как это закалило наши характеры.

24 июня * Шамиль превосходный герой для драмы. До тридцати четырех лет он живет в мире мечтаний о духовном откровении, что не мешает ему неоднократно быть храбрым. Детская чистота его натуры, святость его веры поразительны.

Начать можно со штурма Ахульго, с громадного напряжения действия.

Завершение сделать философическим. Дать драме композицию горной реки, начинающейся водопадом, стремящейся через теснины, дробящей скалы и разливающейся по долине широко, спокойно и сильно¹⁶.

Письмо от Т. Ч., смутившее душу, и от В. Т., наполнившее грустью.

Ницше: «Что не убивает меня, то меня укрепляет».

25 июня * Упорядочить планы.

1. Роман «Поколение сорокового года».
2. Эстетика.
3. Маленькая трагедия (о подлце).
4. «Суды». Осюжетить? Вообще создать каркас.
5. Сцены Смутного времени.
6. Драма «Шамиль».
7. Слово о Богородице и солдатах.
8. Портрет Павла¹⁷.

Эпиграф. «На людях клеймо бегства». Вс. Иванов¹⁸.

Голик — голый веник. /ур[альское]/.

Пахать избу — мести.

Горлачик — кринка.

Пошли к именам (к ним) /ур[альское]/.

«Характер — это тот способ, которым человек проявляет свое стремление к совершенствованию». Голсуорси.

«Старые немецкие мастера» (ОГИЗ, 1936).

Искусство Средневековья лишней раз доказывает, что от натурализма до мистики — один шаг.

Натурализм, символизм, реализм — различные «дозы» прекрасного. Первые два содержат меньше «свободы». Истинно творческое — реализм.

Искусство Средневековья ремесленно, как и всякое искусство декаданса (даже все «измы» последнего декаданса).

Ремесленность снимается мастерством Ренессанса. В Германии черты ее яснее, чем в Италии.

Конрад Виц пытается обрести пространство и свет. Стремится вывести человека из состояния отрешенности в круг реальных проявлений («Улов Петра»).

Шонгауэр выводит искусство из сферы чисто религиозной. Но не идет дальше жанра. Область больших страстей еще абстрактна.

Дюрер уже универсален, как человек Возрождения. Он изображает человека не только таким, каков он есть (то есть грязный натурализм Средневековья), но и таким, каким он хочет его видеть («Автопортрет»). Разорванность уступает место композиции.

Никогда искусство не было столь человечно, как во времена Ренессанса. Даже философия почти не знает абстрактных настроений.

В Германии живопись не знает автономного по содержанию натюрморта.

Грюневальд натуралистичнее Дюрера и ближе к сатире. Некоторые считают, что он — противоположность Дюреру.

Ученики Д[юрера] — Бегами, Пенч — утрачивают многие ценные черты его искусства.

«Это уже не маньеризм, но уже манера».

Девио. *Qeschichte deutschen kunst** (1919—1926, т. 3).

Вольфлин. Искусство Италии и Германии эпохи Возрождения. М., 1934.

М. Дворжак. Очерки по искусству Средневековья. 1934.

Портреты Дюрера. Спокойствие, но не успокоенность. Углубление в себя («Автопортрет»), но не отрешенность. Везде в человеке подчеркивается нечто творческое. Глаза художника, мыслящего о творении («Автопортрет»).

Эразм, перечитывающий написанное, удовлетворенный созданием.

Острый и умный взгляд Хольцшюэра. Устремленность и воля Имхофа. Вместе с «Автопортретом» это самый притягательный образ, созданный Дюрером. Образ мастера («Св. Иероним»).

---

* История немецкого искусства (нем.)

2 июля * Снова томительное ожидание писем. И тоска, от которой опускаются руки.

Все-таки хочется друзей и чего-то домашнего. А особенно такого: сесть в кресло, закрыться ото всех и писать, вскакивая и бормоча строчки.

Мне легче думается на людях. Но писать — для этого требуется одиночество.

К. Державин. Театр Французской революции (Искусство, М.-Л., 1937.)

Маркс пишет о буржуазных революциях, что они быстрее всех прочих «стремятся от успеха к успеху. Их драматические эффекты внушительнее. Люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня. Но они быстротечны. Скоро достигают своего апогея, и продолжительная апатия похмелья охватывает общество, прежде чем оно успеваает трезво усвоить себе результаты периода бури и натиска».

Фр[анцузская] рев[олюция] — театральна, именно — зрелищна. В известном смысле (с точки зрения народа и искусства) она формальна. Ее искусство — театр как зрелище. Она не оставила драматургии. Остались имена актеров. Их слава.

Совпадало ли представление о красоте хотя бы у древних индусов с теми безобразными ликами, которые изображало их искусство?

Прекрасный образ греческого искусства деградировал до степени готического безобразия только как объективная художественная категория или так же, как представление о красоте? То есть насколько искусство как целое честнее человека как индивидуума? Проверить. Можно ли вообще ставить вопрос в такой плоскости?

Примета: грибов мало — война в этот год кончится.

Покойники снились — к дождю.

Вятский — кобылу в хомут загонял, корову на баню затаскивал, в портки прыгал.

«Вы говорите о смерти. Как будто она *зависит* (курсив — Д. С.) от нашего произвола».

«Да, — отвечал Гёте, — я часто позволяю себе так думать».

Тот же Гёте говорил: «Лучше несправедливость, чем беспорядок»¹⁹.

6 июля * Так это верно, что я награжден. Узнал из письма Э. Ч.²⁰

За месяц ок[оло] 250 стихотворных строк, кроме того — около 250 строк белых стихов.

В общей сложности 60 страничек вместе с прозаическими набросками и заметками. Все это не считая писем.

Основная беда — отрывочность работы. Да и сам я смотрю на нее как на нечто подготовительное.

В нормальных условиях продуктивность должна увеличиться. Можно добиться 250 хороших строк в месяц. Не считая отходов.

Прозы, для начала, может быть страниц 20 печатного текста, по мере увеличения опыта — больше.

А. Толстой. «Нравственные категории приобретают решающее значение в этой войне»²¹.

Мысль или чувство — что выше? Нелепый вопрос. У свободного человека мысль соразмерна чувству. В искусстве — не мысль и не чувство, а нечто третье — само искусство. Чувство поднимает мысль, дает ей размах и силу. Мысль превращает чувство в творческую энергию.

Те, кто умеет видеть в людях одно корыстолюбие, а во времени — одну жестокость, не знают для искусства иных путей, кроме изображения страшного. Что бы они сказали, если бы жили во времена Возрождения? И там среди людей господствовали ложь, разврат, корысть, и там свирепствовали войны, заговоры, убийства.

Искусство строилось не на этом. Оно вдруг ощутило простор творческой свободы, энергию, политическую страсть. Как бы ни было порочно человечество, его пороки были несравненно слабее его свободы.

10 июля * О яростные и нежные поцелуи солдата. Поцелуи у забора, закрыв глаза, чтобы было еще темнее.

11 июля * Вчерашние поцелуи девушки и сегодняшние — женщины. Нет. Вчера слаще. К ним не примешивается никакая горечь, никакие протесты совести. Пусть она считает меня идиотом — я не пошел дальше.

Диккенсовский талант сродни гоголевскому. Это сосуды одного сорта, но один из них расколот.

Как романист Д. уступает только Бальзаку. И то потому, что тот француз.

17 июля * У меня характер мономана. Любовь мешает мне творить, творчество мешает любить. Я должен быть увлечен совершенно. Иначе ничего не получается.

Уральские девушки с прохладными губами. Потомственные горнячки с плоскими лицами, маленькими носами и пепельными волосами. Их милый говор. Их глаза. Серые с синевой. Их смуглая и нежная кожа, сильное и стройное тело. Ни одной лишней краски, ни одной резкой линии, как в стихах хорошего поэта. Ни одной резкости, как и в этих горах, округлых и поросших лесом, как и в этих утрах, начинающихся задолго до зари.

Ничего мимолетного, сжигающего, сгорающего ослепительно и мгновенно. Зато какое спокойствие и свежесть. Какие плавные и чистые поцелуи. Слова, лишённые мелодраматической безвкусицы. Совсем простые слова. Без клятв, без просьб о клятвах. Без всякой сознательной любовной лжи. Даже без слова «люблю». Они знают, что это недолгая нежность, и не хотят обманывать себя и вас. И им грустно.

«Ты скоро уедешь», — говорят они, когда хотят сказать: люблю. Да, скоро.

1. Необходимость серьезной теории.
2. Неудовлетворительность нынешних литературоведческих установок:
  - а) социологи
  - б) гегельянцы
  - в) ползучие эмпирики (прочая скотина)
3. Разрушение идеала; губительная относительность искусства (натурализм — символизм-футуризм).
4. Необходимость положительной программы.
5. Содержание решает дело. В чем сила и новизна нашего содержания.
6. Требования, предъявленные к новому художественному мировоззрению.
  1. Эстетика — социальная наука.
  2. «Положительность».
  3. Отношение к традиции и новаторству.
7. Прекрасное есть свобода. Философская значительность этого определения.
8. О свободе и необходимости.
9. Марксистская теория познания.
10. Образ — орудие художественного познания. Активное содержание образа.

11. Идеальная структура образа.
- 11а. Вопрос о классическом искусстве. Формы реализма.
- 12а. Эпическое, трагическое, патетическое.
12. Три всемирно-исторические формы искусства (в противовес гегелевским!)
  1. Первобытная форма (формирование идеала греков).
  2. Критическая форма.
  3. Свободная (социалистическая).
13. Скачок из царства необходимости в царство свободы.
14. Этический и эстетический человек.
15. Патетическое искусство.
16. Первые ласточки новой классической эпохи (сильнее греков и Ренессанса).

25 июля * Я мало читаю и еще меньше пишу. Мои мысли опережают мою жизнь. Иногда нужно остановиться и осмотреться.

И в этом суровом бытие хочется чуточку нежности.

Быт маленького городка.

Здесь достаточно пройтись с девушкой, чтобы прослыть ее любовником. Может быть, чтобы стать им.

Но, в конечном счете, вся эта болтовня — от скуки. Никакого римского падения нравов нет. Просто бабья тоска по мужчинам.

27 июля * Конечно, война подготавливалась долго, не только извне, но и изнутри. Но осознание явилось позже. Растерявшийся в страстях и тревогах предвоенного года, я лишь зимой 42-го года встал перед внезапно открывшимся простором. Но даже тогда этот простор был только в мыслях. Свобода чувств настала поздней осенью 42-го года вместе с замыслом романа и привычкой к суровой жизни солдата.

28 июля * Ванда, полячка. Ей не нравится у нас, потому что нет собственности.

Наконец категория народности перестала быть для интеллигенции абстрактной. Появилась интеллигенция нового качества и новой гордости. Мы избавились от вековой мягкотелости и колебаний. Мы можем гордиться тем, что мы интеллигенты, не боясь стать снобами. Нам не нужно заискивать перед народом. Мы сами народ.

А мир так полон новизны,
Что лишь глаза протер,
Сияющей голубизны
Колышется простор.

2 августа * Еще поцелуй — и я уезжаю. Сегодня, завтра.

Я как будто читаю хорошую книгу: жаль расстаться с прочитанной страницей, и все же еще больше хочется знать: что же дальше?

9 августа * Сегодня я уезжаю, провожаемый поцелуями дружбы. Красноуральск был гостеприимен.

11 августа * Свердловск.

Девятого выбыл из госпиталя, провожаемый напутствиями доброго старика Я. Я. И.,²² грустью А. Н. и неподдельными слезами Петра Срослова²³.

В. Т-ва²⁴ позаботилась обо мне как сестра. Не думаю, чтобы она меня любила. Видно, есть в них, в женщинах, такое инстинктивное желание заботиться о мужчине.

Пяток носовых платков, воротнички, клубочек ниток и куча снеди, запиханные в мой мешок с таким радушием, что я не смел отказаться. Я уезжал, думая о ней и не чувствуя одиночества, с теплотой в сердце, но без тоски.

Вчера толчея и скука пересылки. В грязном клубе вповалку спят солдаты и новобранцы. Какой-то сукин сын надрезал мой мешок. Мы с внезапным приятелем-хохлом вышли во двор. Легли на лавках. Я заснул. Впрочем, со спокойной душой.

12 августа * Назначен в гвардейскую часть. Отправляемся сегодня.

Разговор с бывшим заключенным.

Спокоен, ибо вновь свободен, как птица. И все мое имущество — солдатский мешок.

Вновь матерятся солдаты
Со скуки и от тоски,
Усатые и рыжеватые
Российские мужики.

Совершенно новенький лейтенант. Он еще весь шуршит и поскрипывает. Филькинштейн.

13 августа * Четвертый раз пересекаю Россию.

14 августа * Дорожный роман. С нежностью вспоминаю В. Т-ву.

15 августа * Арзамас. Прощание с проводницами. Одна обнимает меня: «Некому тебя пожалеть, черненький, дай я пожалею».

«Вы — еврей? — сказал мне Пермьяк²⁵. — В это трудно поверить. В вас есть что-то русопетское».

Тысячи деталей, разговоров, лиц пропадают ежеминутно. Можно ли все это записывать? А между тем каждый из этих маленьких разговоров будет стоить многочасовых мук, потом, когда придется об этом писать.

Россия уже не та. Она веселей и богаче, чем год назад. Это общее впечатление.

Война все спешет. Обманул — спешет, украл — спешет.

Врете! Как был ты сукин сын, так и останешься. Ничего она не спешет.

Все убито и Бобик сдох. Поговорка рядовых идиотов.

— Барышня, зайдите на перекур.

— Пью за здоровье святого Иоргена.

16 августа * О римском падении нравов могут говорить только интеллигенты из породы поганых, у которых грех в мыслях, или старые перечницы.

Просто бабья тоска по мужчине, тоска девушек, не знавших первого поцелуя. Трагедия невест. Еще один роман. Мы гуляли ночью. Потом я поцеловал ее. Она подставила губы доверчиво и неловко.

На эфесе, ножки свеса.

17 августа * Горький.

Опять солдатские слова,
Что живы будем — не помрем.
Опять записаны права
Скрипучим писарским пером.

Опять походка рядовых
И черная людская лава,
И в этих муках родовых
В грязи родившаяся слава.

Перекур. Отрада солдатского сердца. Перекур на прощанье и при встрече. С радости и с горя. Перекур после минувшего несчастья и перед грядущей бедой. Молчаливый перекур. И даже если на смерть собирается русский солдат, сперва перекурит неторопливо с друзьями. Потом встанет, наденет мешок, протрет рукавом затуманенный штык — и пойдет.

Ночной вокзал. Редкие огни. Крутая перспектива черных составов. Лиловая мгла и лиловый дым маневровых паровозов.

18 августа * Марьяна роща под Горьким. Карантин. Окрики отъевшихся тыловых старшин. Нетрудная, но унижительная работа. Тоска!²⁶

Моя любовь, моя надежда!
Прости во что бы то ни стало,
Что я любил тебя небрежно,
Что дорожил тобою мало.

Равнодушие почти патологическое. Снова вымышленный мир романа становится для меня действительнее этого безрадостного бытия.

Вечер. Трехэтажные нары без подстилки. Спать! Спать!

20 августа * Ночь на пароходе. Я пускаю к себе на полку женщину лет тридцати. Утыкаюсь ей в плечо и засыпаю. Сквозь сон слышу, как она смеется грудным смехом и треплет меня по щеке. Красивая, стерва! Я обнимаю ее и сплю.

Бабка на тюках.
— Эй, мать, что у тебя за чудо?
— Три упокойника.

Пристань Лысково.

Пахнет ветром и землей
(Спи, моя любимая),
За Алатырем-горой
Море нелюдимое.

Белый Макарьевский монастырь на берегу Волги. Золотые главы лысковских церквей. Облака, как белые груди счастливых матерей. Уже вечер. Впереди тридцатикилометровый путь.

21 августа * Приволжские дубравы. Потом сосняк с елью. Ночевали в селе.

Выходим ранним утром.

Узбек поет:

Дом кончает.
Лес начинает.
Ветер дует,
Лес кончает.

Вшестером пошли вперед. Наше место — лесоразработки в 30 километрах от Волги.

Ощущение здоровья и радости.

22 августа * Ночь в поле с конями у старого молотильного сарая.

Сегодня опять Макарьевское и опять — лесоразработки. Я работаю на лошадях.

23 августа * Река Керженец. Шалаша, покрытые берестой. Сотня солдат варит в котелках ужин.

Мы подъехали вечером, промокшие насквозь, голодные и охрипшие от крика на уставших лошадей.

Несмотря на усталость, сманил приятеля в соседнюю деревню спать.

Узкая лесная тропа. Причудливая постройка ельника, березы с лишаями, похожими на рукомойки. Потом просвет и белая вода реки. В песчаных берегах, как бы вобравшая всю белизну и оставившая ночи всю темень.

Долго искали пристанище. Ночевали у рабочих-сплавщиков.

Думал о новелле в духе Мериме.

Для себя. Еще раз в этой чертовски неустроенной жизни: что не убивает меня — меня укрепляет.

Я перестал быть гурманом. Разговоры о еде раздражают.

Варю я так: кладу в котелок картошку, консервы, пшено, муку, льняное масло. Когда все сварится, перемешиваю и ем.

Может, будущему историку это будет интересно.

24 августа * Вчера частые дожди сквозь солнце. Ближе, совсем рукой достать — радуга. Работа в лесу.

Сегодня пасмурно. Ночевали в поселке. Жжем сучья. Трещит сырая хвоя. Клубы черного, белого и зеленого дыма низко стелются по лесу.

Живем — не маемся,
Помрем — не покаемся²⁷.

Я начал с избавления от интеллигентского предрассудка исключительности. Впрочем, романтика меня мало привлекала. Я узнал, что мое стремление делать большое обоснованно, ибо я умею делать простое и обычное так же, как и другие, и меня хватает еще и на большее. Это было временем потенциалов. Очень много созрело за этот год. Но сплошная потенция — довольствование своей внутренней силой — тоже декаданс, как и пустая кинетика.

Я требую больших прав, чем имею сейчас. Я их заслужил. Подаю рапорт командиру роты о направлении в училище средних командиров.

Что нужно.

В походе. Всегда быть на правом фланге. Пить с утра до отвала. Потом как можно меньше.

Вообще. Мыть котелок. Мыться ежедневно. Быть бритым. Подбадривать шуткой.

25 августа * «Вот больной, — говорят солдаты. — Помрет здесь, надо его в Горький». И верно. Он желт и тощ. Глаза ввалились. Он кашляет и поеживается, как от вшей. «Ничего, — говорит старшина. — Помрет — закопаем. Все равно никто не заплачет». — «А по тебе — заплачет?» — «Тоже, наверное», — говорит старшина. Потом он на минуту задумывается и добавляет серьезно: «Может, одна блядь заплачет. Заплачет, точно». Лицо его грустнеет и он уходит. «Больной пусть дневалит!» — кричит он издали.

26 августа * Вечером ушли с земляком в село. Незатейливая балалайка. Визгливые голоса девчат. Волжский окающий говор.

Полюбила лейтенанта
И ремни через плечо.
Тыщу двести получает
И целует горячо.

Мой миленочка военный,
И военный непростой,
Он на севере женатый,
А на юге холостой.

Этот дроля до зимы,
Расстаемся скоро мы.

Эх, моя подруга Оля
До чего достукалась —
Полюбила лейтенанта
И в ремнях запуталась.

Актриса*. Я сижу с ней рядом на крыльце, и говорить не хочется. Я целую ее. Она не противится.

Я цыганскую игру
Больше милого люблю.
Когда буду помирать,
Велю цыганочку сыграть.

— Сормача сыграй!

Колечками нанизывают слова:

Дроля, дроля, дролечка,
Не люблю нисколечко²⁸.

27 августа * Старая бабка постелила мне на полу и долго рассказывала о печальной своей жизни. «Мало было светлых дней. Одни черные».

Записывать бы, бабка, золотые твои слова.

Немой залопотал, прося у меня закурить. «И этот от войны занемел. Та война была, ерманская. Он у окна упал. Слуховые перепонки лопнули. Повезла я его к фершалу. Тот бает: будет он немой. Я плачу. А бабы бают: не плачь. Чай, он не бог. А он, вишь, бог. Зря не говорю. Настоящий бог».

Река. Утром прозрачная. Цвета раннего неба, светло-зеленая у берега, каждое облачко видать в ней. Потом темнеет, сохраняя зеленый отсвет. Днем — блестяще-синяя. Вечером, перед закатом — вся в красно-фиолетовых пятнах. Ночью — белая, не отличишь, где пляж, где вода. Под утро — черная, глубокая, смутная. Это в погожий день.

Нерусские названья: Ялокша, Люнда, Арья.

28 августа * Продукты не доставляют уже три дня. Мы питаемся грибами и ворованной картошкой. Никого из нас не возмущает, что она ворованная. В том числе и меня. Голод диктует свою мораль. Нужно же что-то есть.

Сгребают облака в кучи
длинными граблями.
Сушат мокрую звездную сеть
на белой яблоне.

---

* Эра Сулова. — Г. М.

Редкий час, когда солдаты сидят кучками и поют печально и тихо, давая грусти и воспоминаниям взять верх над мелочными заботами, окриками, всей скучной и тяжелой жизнью солдатской.

29 августа * Вечерний туман ползет с речки Ялокши. На небе спелые августовские звезды. Солдаты кучками сидят у костров и беседуют вполголоса. Казах сидит, поджавши ноги и полузакрыв глаза. Лицо его в свете костра неподвижно и странно. Только губы быстро шевелятся. Он не то поет, не то рассказывает что-то стремительным речитативом. Четверо других из моего отделения слушают, временами прерывая его и оживленно переговариваясь. «Можно к вам?» — говорю я. «Садись, командир». — «Что он рассказывает?» — «О! Старинная песня — Тюмен. Кыз-Жибек — слышал?»

Они теснятся, уступая мне место. А тот, помолчав минуту, опять закрывает глаза и продолжает степную историю о Кыз-Жибек.

30 августа * Вечером мы, аристократия, — унтера, мнс (младший начальственный состав. — Г. М.), — идем в поселок.

Девчонки неумоимо поют на один и тот же мотив частушки на всякий случай жизни. Поют они так. Сперва быстрым говорком — куплет, потом под тот же аккомпанемент, но в два раза медленнее, последние два стиха первого куплета и первые два второго, синкопируя начало.

Я выбираю получше — фельдшерицу. И брожу с ней, накрывшись одной шинелью до первых петухов. Вообще говоря, скучно и целоваться надоело. Но не хочется обижать девчонку.

Спаси нас, мати, от войны,
от сумы,
От неверного друга, от крепкой
тюрьмы.

Болит плечо от бревен. Я мог бы не работать, но это не то. Норму мы перевыполнили до обеда. И я ни разу никого не понукал. Это достижение.

31 августа * Толстой открыл прообраз социализма в структуре народной войны.

Основания эстетического человека лежат в той красоте и шире, с которой работает русский мужик.

Здоровая усталость — чувство блаженное.

Для педагога, с точки зрения эффективности его деятельности, самый губительный порок — тщеславие.

1 сентября * Сентябрьский дождичек. Весело валить столетние тридцатиметровые сосны. Есть какая-то древняя радость покорителя и хозяина земли, когда с треском и шелестом летит лесина, трепеща всеми ветками, и падает, заставляя дрожать землю. И долго качаются после этого соседние деревья и кружатся по ветру мелкие веточки, листья и ободранная нежная кора. И звон пилы, и стук топора, и влажный лесной окрик: «Эй, берегись!»

Нормы: спилить, раскряжевать, собрать сучья — 9 км на пилу. Колоть — 10 км (складывать в штабель). Носить (до 150 м) — 4 км.

3 сентября * Обращение к традиции (кадетские корпуса, офицеры, гвардия, женские и мужские школы и т. д.) означает не регресс, а вступление нашего государства в пору зрелости, в классический этап развития. Уже нет нужды в пышном отрицании. Мы и так слишком мало традиционны.

Поэзия, стихи! Мы пишем друг для друга. Кого знают? Маяковского понаслышке. Есенина уже забывают. Симонова. А из стариков. Пушкин, Лермонтов, тоже не по стихам, а по имени. Вот и все. Лучшее, чего может ожидать поэт, это если его поют, не зная имени автора, как несколько песен Некрасова, Никитина, Кольцова и десятка других.

Нужно переходить на прозу.

Усталость. Таскаем дрова на полкилометра через лес.

4 сентября * Старик плел лапти. Мы вошли, не снимая пилоток. «Здоров, отец. Можно к тебе?» — «Заходите».

Мы молча курим, следя за его работой. «Мордовские лапти плетет», — говорит Сашка²⁹. Мы снова молчим. Только ветер ударяет в стекло. «Низовой подул, архангельский, — говорит старик. — Спать здесь будете?» — «А позволишь — будем». — «Чай, места не жалко. Постели-ка им, мать».

Биография — половина поэта. Гомер — это спор семи городов. Тиртей³⁰ — это легенда о боевой песне. Рембо без биографии был бы половиной поэта (эх бы Паустовскому такую!).

Утро было пасмурное, и вода издала похожа на цинк. Потом холодный ветер разогнал тучи. Вода стала синяя, цвета холода, ветряная.

Дал письмо, отстукал телеграмму.

Сержант знает только одну песню и поет ее уныло и нудно, коверкая мотив.

Девушка красная, горем убитая,
Плачет, рыдает, грустит.
Мамочка милая, сердце разбитое,
Милый не хочет любить.

Это невыносимо.

Борщевка, дягилевка – съедобные травы.
Лаврентьев лист – лавровый.

5 сентября * Кипят и переливаются деревья в крошечной тьме. Старшина у костра рассказывает.

В сорок первом, когда немец подходил к Кашире, собрался партком на последнее заседание. Что делать: уходить или оставаться. Вдруг вызывают нашего секретаря к проводу. Сталин. Спрашивает: «Что, мол, делаете?» — «Да вот не знаем». — «Так вот знайте. Никуда не уходить. Кашира сдана не будет. Генерала Белова еще нет? Он прибывает с минуты на минуту. Я ему позволю». Минут через двадцать открывается дверь. Входит Белов. Маленький такой. «Иртышский казак», — добавляет кто-то. Да. Спрашивает: «Кто здесь советская власть?» Представились. Тут снова Сталин звонит. Вызывает Белова. Говорят. Тот отвечает: «Есть не сдавать Каширу. Через два часа начнем действовать». И не сдали.

Было это под Новый год, когда девки снег полют на раскрестке дорог.

В родовом обществе индивидуум ценится с точки зрения его общественного качества (ловкость, отвага), с точки зрения его «потребительской стоимости». Неравенство здесь непосредственно — качественное (этот — умнее, этот — опытнее, этот — искуснее).

Привкус качества остается в оценке индивидуума, выступая в виде права рождения.

При феодализме личность рассматривается уже исключительно с этой абстрактной точки зрения. Правда, «ноблес об-

лиж», но обязательства сами по себе формальны. Права личности уже почти исключительно основаны на заслугах рода (дворянского рода), достоящихся по наследству. И все же в феодальном обществе, хотя бы и в абстрагированном виде, выступает требование определенного качества (формального).

Буржуазная революция разрушает такого рода формальное неравенство, но создает взамен этого нечто худшее — формальное равенство. Формальное равенство выхолащивает прежде всего всякое понятие о «потребительской стоимости» всякого человека. Его права основаны уже не на непосредственной или даже опосредованной ценности, а на вещи отвлеченной — на деньгах.

Человек сам по себе бескачествен, его доблести, таланты и добродетели обмениваются, как любой товар, на деньги. То же происходит с искусством.

Суть пролетарской революции — возвращение человеку его общественно-качественного состояния, на высшей ступени извлеченной от забот о непосредственных нуждах, чего не могло дать и не давало родовое общество с его примитивной экономикой, — это и есть эстетическое состояние человека.

У меня никакая оружия от рук не отобьется.

Жене — любовь и ласка,
А винтовке — чистка и смазка.

6 сентября * Вечером река цвета тусклого серебра, вся в рябинках с желто-оранжевыми бликами. Она открывается с лесной тропы, стиснутой соснами и кустарником, внезапным простором.

«На что похоже?» — «На зарево, — говорит Сашка. — Когда горит далеко».

Утром первый иней.

Сны: зеленые яблоки — к слезам, вода проточная — к воле.

Вот мое отделение. Сашка Лебедкин, волгарь, веселый, здоровый работяга-парень. Сержант Ванька Козырев, юноша пухлый с отвислым животиком, нудный и ленивый обжора. Четверо казахов. Эти держатся отдельно. Но ребята славные. Сержант Кемесов, личность серая, всегда просит покурить. Малышев, вороватый мужичок. И еще один — Федорук. Молодой, седоватый, хромой, в общем, веселый парень.

Работа кончилась. Ребята пошли в расположение. А я все еще лежу на пне, усталый, без единой мысли, следя за небом, за солнцем, за соснами.

И грустно становится на душе.

7 сентября *

Как на камуш-камуш-камуш
Быстра реченька течет.
Как по берегу крутому
Добрый молодец идет. О-ца!

Молодые мои ноги
На угорья не идут.
Молодые мои годы
Без залеточки текут.

Из куля в рогожку.

Эстетика прежде всего касается качества. Может быть, и свободу можно определить как действительную иерархию качества.

Дети шли парами, разноцветные, как сыроежки.

И от смерти не откажись,
Как придет пора помереть.
Значит, ладно скроена жизнь,
Если на смерть легко смотреть.

Люблю повеселиться, особенно пожрать.

Один уруски шоловек с нам был.

9 сентября * Пасмурно. По реке идет караван. Полдня ничего не делали. Отдых.

Любители солнца и костра.

10 сентября * Поленья плывут, как стада во время всемирного потопа. Они тяжело ныряют с берега, налезая друг на друга.

Что-то с сердцем неладно. Утром водянистая припухлость под глазами. После работы долго не могу справиться с дыханием. Но это мелочи жизни.

Я шел с передовой на медпункт³¹. Обстрел немного утих. Незнакомый лейтенант со связным попался мне навстречу. Связного я знал. Ярош — белорус. Парень очень добрый. «Как там?» —

спросил лейтенант. Я рассказал. Нервы были напряжены и голос срывался, когда говорил о смерти товарищей. «Закурим», — сказал Ярош. Мы сели. «Сверни мне», — попросил я. Помолчали. Он вынул из кармана пачку бумаги, подал мне. «Вот, может, тебе пригодится письмо написать или так покурить. А мне еще, бог знает, пригодится ли». — «Пошли», — сказал лейтенант. Ярош обнял меня на прощанье и пошел вслед за лейтенантом туда, где снова разгоралась сухая возня перестрелки.

Лицо белое, невыразительное, как вареная картофелина.

11 сентября * Матерятся, ругают начальство, ругают самих себя, мол, солдат — баран. А потом идут и работают весело, яростно, разгораясь.

Потом оказывается, что еще нужно дожать кубометров двести. Опять шумят, матерятся. И опять идут. И опять работают зло, без отдыха, тяжело дыша, матерясь, будто на зло кому решили своротить горы. Потом сидят, отдыхая, куря, посветлевшие и подобревшие, как после бани перед светлым праздником. «Славно поработали!» И Сашка говорит задумчиво: «На то и начальство, чтоб погонять. А мы, чтоб работать».

Роман — тройная история.

1. История поколения.
2. История идей.
3. История времени (общества в целом).

Основное — вступление государства в классический этап развития.

Деревянные дудочки серых уток передразнивают колодезный ворот: ке-ке-ке-ке.

Прибыли на новое место — лесная заимка Холуянка. Тут пробудем дней пять.

12 сентября * Я проснулся вместе с птицами. Бабье лето. Пятнистые мхи. Лесная трава с капельками осенних ягод — куманики, брусники. Спелый шиповник на берегу. И уже легкий запах увяданья. Самая тихая, самая грустная пора между зеленым буйством лета и роскошеством осенних красок.

Лошадиная работа — таскать дрова за полтора километра. Лошадиная так лошадиная. Мы хватаем телегу. Наваливаем дрова и с гиком везем по дороге — эгей! Берегись!

Весело, черт дери.

Нет в русском работающем человеке ни грамма Иэху.

14 сентября * До полудня мы «жмем». После полудня спим, отдыхаем. К вечеру уходим с Сашкой куда-нибудь по лесной дороге, чтоб вернуться к подъему.

«Волка ноги кормят, — говорит Сашка. — Пошли».

И мы идем. Верхушки деревьев загорают, шарахаются в сторону сонные птицы.

Хуторок. Здесь нам рады. Люди бывают редко. А солдат все же знает новости. Лесник угощает табачком. Добрая лесничиха — молоком, картошкой, солеными грибочками. Мы едим и рассказываем. Семеро ребятишек слушают, разинув рот. Восьмой, самый маленький, играет с поросенком на полу. «Мам, я у него вошей поищу». Потом мы залезаем на печку и спим, пока не разбудит нас та же лесничиха на ранней заре: «Вставайте, мужики!»

Первые журавли улетели.

«Эй, вятский, расскажи, как у вас со среды на базар ехали!» И сам рассказывает: «Услыхали они, что люди со среды на базар собираются, затащили сани в избу и лесом полно навалили. Да. Сани-то в дверь не идут. Разобрали они простенку и поехали. Вот, говорят, мы теперь со среды на базар едем».

А потом смеются над ефрейтором: «Раз идут трое сержантов да ефрейтор. Стучатся в избу: “Эй, бабка, пусти ночевать!” — “Да много ли вас?” — “Нас трое сержантов да один ефрейтор”. — “Ладно, трое-то идите, а ефрейтора во дворе привяжите”. Дума-ла — собака».

15 сентября * Как быстро привыкаешь. Опять я спокоен, больше — безмятежен в этом лесу, с этими людьми. Мысли неторопливы и детальны. Не думается о большом. Даже роман предстает в виде маленьких отполированных отрывков. Ощущение здоровья и приятное ожидание усталости.

Сержант шел и свистел. А якут шел за ним, согнувшись, с мешком за плечами. Мы встретились на лесной дороге и остановились. «Какие новости?» — спросил сержант. — «Наши уходят на Ялокшу». Якут сел на корточки, высек огонь и закурил трубку. «А это кто?» — «Это мой якут, — сказал сержант, — ни хрена не знает по-русски. Табаку!» — сказал он якуту и показал на трубку. Якут вынул кисет, и мы закурили.

Станица гусей пролетела, громко крича. «Тицы», — сказал якут, глядя им вслед. «Мы пошли, — сказал Сашка. — Вставай, якут. До завтра».

Якут встал и пошел за сержантом покорно, как собака. Это был единственный человек, которого он любил, потому понимал. Сержант был веселый и грубый. Он часто ругался, но не обижал якута. И якут делал все, что он хотел.

19 сентября * Старик по прозвищу Сулейман. Живет он при бабе на заимке. Сам ходит по дорогам и мелет пустое — на той войне пришибло. Раздает табак и рассказывает про Перемышль, про плен, про великого князя Николая Николаевича. В общем — добрый старик.

Осыпается листва. Сохнут травы. Рыжеют кусты. Осень.

Молодого казаха они называют Кара-бола — Черный мальчик. Потом есть еще один — Кара-бабай. И третий Джайджай — Тихоня.

Наше дело — сделать тело, а душу черт вставит.

Федорук мне сказал: «Вы человек грамотный и, главное, еврей. А работаете здорово. И себя крепко держите. Ни разу вас кислым не видал. Это мне нравится. И вообще, вы всей повадкой теперь на мужика похожи».

20 сентября * День пасмурный, голубовато-белый, цвета снятого молока. И работа не ладится. То пила заедает, то застрянет сосна, то пойдет еловая чаща, где невыгодно валить. И ребята киснут.

21 сентября * Самое раздражающее в воинской жизни — таинственность. Солдат не знает, что думает офицер, офицер — что думает генерал. Где я буду завтра? Что мне велют сделать сегодня? Это угнетающая необходимость. И все же многое можно было не скрывать.

Здравствуйте, жители!

22 сентября * Вязкая усталость — нужно сделать усилие, чтобы поднять руку. И нестройные мысли и мечты о том, что могло бы быть.

Ясный день с чуть затуманенным небом. Желтый, еще не опавший березняк.

23 сентября * Бестолковый и утомительный день. Ломается слабый мост, и машина садится в трясину. Недообедав, бежим тащить. Толчая, ругань, шутки: «Вагу давай! Выше! Подваживай! Плаху! Плаху подкладывай, мать твою перемать! Раз-два, взяли!» Потом — аврал. Починка моста, где опять та же веселая, но чертовски утомительная бестолковщина.

В общем, русская натура это еще — аврал, раз-два взяли, дубинушка.

Классические условия:

1. Развивающаяся соц[иально]-эк[ономическая] формация.
2. Объективистская, монистическая система идеологии.
3. Состояние народной свободы.
4. Состояние национального расцвета.
5. Наличие культурной традиции.
6. Развитая художественная техника (подготовленная предшествующим декадансом).

Эпизод с пленными. Взят в плен лейтенант со связным. Связной ранен. Наши его перевязывают, обращаются по-солдатски дружелюбно. Смеются, мол, Гитлер капут. Тот улыбается: капут, капут.

Потом сообщают в штаб. Приказ: лейтенанта доставить, связного расстрелять. И те, кто шутил, расстреливают так же беззлобно. Даже жалеют: молодой, небось баба дома. Что ж — война. И садятся обедать.

26 сентября * Приснились строчки:

Был троекратный крик петуший,
А в избах свет еще не тушен.

Гуси выбегают, расправив крылья, на цыпочках, как балерины, раскланиваются.

Впечатления осени — вот на чем покоится сейчас душа моя. Я и так слишком много хочу. Боюсь, что сила этих желаний собьет меня с трудного пути. Я вглядываюсь в осень, чтобы перенять ее спокойствие. Теплый туманный день. Стада бревен оживляют зеленовато-бурую реку. Темнеют хвойные леса на том берегу, становясь почти черными на фоне глубоких желто-оранжевых красок еще не опавшей листвы.

Эх, сад-виноград, зеленая роща!
А кто виноват,

Жена или теща?
Теща виноватая.

Якут. У него прекрасный характер. Он не обижается, когда над ним шутят. И любит, когда с ним разговаривают. «Садись, якут», — говорю я. «Табаки нет. Отдыхай не надо. Работай мало-мало. Отдыхай нет». Наказанье.

Человек не свинья — все съест.

1. Каковы последние философские течения внутри церкви?
2. Какова пропагандистская политика церкви (сегодня)?
3. Отношение к государству.
4. Взгляд на будущее.
5. Как обстоит дело с кадрами священнослужителей.
6. Отношение к коммунизму.

Переговорить с осведомленными и заинтересованными (митрополитами Ал. или Н.).

28 сентября * Кончатся дни вольной жизни. Через пару суток — Горький. А там... Кто знает!

У якута есть самодельная трубка. Чубук вырезан в виде грубой физиономии, плоской и желтой, как сам якут. «Дай мне трубку», — прошу я. «Нет, — отвечает якут. — Это Ефим», — указывает он на чубук. И прячет трубку в карман.

Творчество есть форма проявления свободного человека. Результат творчества принадлежит творцу не как предмет, непосредственно удовлетворяющий его насущные нужды, а как нечто лишённое корысти. Всякий труд, если он лишён корыстного содержания и является сам по себе целью для индивидуума, есть творчество. Бетховен находит удовлетворение в самом творчестве, а не в гонорах, которые оно может дать.

30 сентября * Дни безоблачны и прохладны. Полуопавшие листья дубов, их оголенные ветви. Желтые, еще в листе березы. Работа закончена. По Керженцу прошел последний караван. Мы уходим на заимку и спим на солнышке или у костра, не думая о завтрашнем дне, беспечные, как беспечны только солдаты и бродяги.

1 октября * Приехал командир. Возможно, мы пробудем здесь всю зиму. С солдатской точки зрения неплохо. Но быть в стороне от всего!..

До поздней ночи беседовал с Б. Расспрашивал его о жизни и обычаях казахов. Казахи преданы мне и, кажется, доверяют. Я никогда на них не кричу.

6 октября * Неделю мы бездельничали, ожидая приказа вернуться в Горький или зимовать здесь. Эти два состояния — безделья и неопределенности — способны размагнитить, каждое порознь, вместе действуют угнетающе.

Эй, тетки-матренки,
Давайте тряпки-попонки!

8 октября * По пути в Горький. Вчерашнюю ночь ночевали в Волках у бывшего фронтовика, снабдившего нас хлебом и табаком. По дороге на Лысково раздобыли кочан капусты, морковь, луковичу — и вот готов солдатский борщ. В ожидании парохода подрядились грузить баржу. За это еще получили хлеба и пива. Такова солдатская жизнь.

Армейская педагогика строится на весьма простом принципе: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. При этом неумение часто расценивается как нехотение.

Российский солдат вынослив, беспечен, неприхотлив, мастер на все руки и убежденный фаталист. Это общие черты, делающие его непобедимым. Но вместе с тем он прозорлив, вороват, груб. Впрочем, в разных положениях он проявляется по-разному. Есть три основных состояния российского солдата.

Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель, грозитя и хвастает. Не прочь украсть, полениться, подрасться из-за мелочи.

Второе. При начальстве. Он смирен. Косноязычен. Легко соглашается. И вообще легко поддается на любое обещание. Расцветает от похвалы и готов искренне восхититься начальником, которого только что ругал за глаза.

И в первом, и во втором состояниях патетики не воспринимает вовсе.

Третье состояние. Чрезвычайное. Штурм, атака. Тогда — он герой. Его фатализм ему помогает. Он умирает спокойно и сдержанно. Без всякой рисовки. Тогда он не оставит друга в беде и умрет с ним плечо к плечу. Можно сказать, что он умирает деловито, по-мужички, как привык делать нужное артельное дело.

В артельной работе он прекрасен.

9 октября * Горький. Обычные казарменные процедуры: переключки, списки, баня, голые нары, стирка.

Вчера расстался с Сашкой. Вновь я один. Маршевая рота.

11 октября * Холодно. Занятия. С удовольствием чувствую себя здоровым. Настроение хорошее.

В ушах от усталости застучали кузнечики.

Против казармы в разрытом <нрзб>, загаженном солдатами, у полуразрушенной церкви могила Мельникова-Печерского. Железная ограда под деревом, заржавевший железный памятник с привязанной жестяной: «Писатель Павел Иванович Мельников-Печерский».

14 октября * Все то же. Занятия. Наряды. Мало сна. Мало пищи. И все же откуда-то берется жизнерадостность. Я чувствую, что вторично победил себя — победил свое дряблое интеллигентское тело. Не сдаваться!

15 октября * Ученья. Поход километров на 25. Я связным у командира роты. Холодный и солнечный осенний день. Даль закрыта туманной дымкой. Убранные голые поля, зеленая щетина озими.

16 октября * К ночи стало холодно. Солдаты топтались у костерков. Ночевать приказано в поле. Лейтенанты пошли в село. Мы — за ними. Нас приютила молодая вдова — старообрядка. Чистая высокая хата. Рядно на полу. Стены, как принято здесь везде, убраны циновками, где грубо изображены африканские львы посреди соломенной пустыни, львы с печальными иудейскими глазами. Бог весть кто завез их в эти места.

Старообрядка кормит нас пирогами с капустой, картошкой, огурцами, хлебом. Мы ложимся на полу, и она долго молится, голосом, полным просьбы и негодования. Это сильная, красивая женщина с властными движениями. Как это часто бывает, она пытается заглушить властные требования тела судорожными порывами святости.

Вообще, солдат любит быть на походе. В деревне его жалеют. Я иду далеко сзади. Я вольная птица — связной. Я могу заходить в хаты, шутить с бабами и принимать их радушные дары — картошку, пироги с капустой. Сегодня здесь престол, и везде есть эти пироги.

Бабы вздыхают: чай, и наши так маются. И кормят нас. А солдату хочется есть.

17 октября * Совещаются с митрополитами, награждают митрополитов³². Что это? Мы признали силу церкви или хотим сделать ее силой?

Писали о мелочности и скопидомстве русского мужика. Я этого не видел. Два месяца я общался с деревней самым тесным образом.

Живут неплохо. Большинство имеет скот. Картошки вдоволь. Хлеб, молоко, овощи. Не хватает растительного масла, сахара. Но без этого можно жить. В хороших колхозах дают до 10 кг картошки на трудодень.

Отчего солдат гладок — поел и на бок.

Черный бархатный дым из трубы парохода «Чкалов». Нефтяная радуга на воде. Когда же придет настоящее счастье?

Патетическое состояние человека и искусства есть переходное от «критического» или отрицательного к коммунистическому. В повседневной жизни мы еще не люди коммунизма. Мы станем ими лишь в исключительные минуты, когда снимается отрицательный характер повседневного бытия. Это и есть состояние патетическое. Оно доступно каждому (подвиг двадцати восьми гвардейцев). Оно складывается из преодоления некоммунистических, отрицательных черт характера.

С точки зрения искусства, патетическое близко к трагическому, но не столько по искомому содержанию, сколько формально. По содержанию оно скорее противоположно трагическому. И т. д.

Начальник строевой части, капитан, заметил меня в строю и подошел. «Какая у вас гражданская специальность?» — спросил он. «Литератор», — ответил я. Он спросил про мое образование и отошел.

Что полтинники выпятил?

Стоит ли заботиться о фабуле, об интриге? Роман — это чистая композиция, то есть соразмерность идей.

Нач[альник] строевой части, капитан Замбахидзе, — гроза всего полка. Он вбегает на кухню, бешено вращая круглыми карими, немного навывкате глазами, маленький, слегка сутулый, с темно-русыми усиками, и напускается на зава столовой. «Что это за суп?! — кричит он, коверкая слова. — Никакой острота! Копусто! Чистый копусто!» «Товарищ капитан», — оправдывается

тот. — «Я уже пять лет капитан и скоро буду майор!» — самоуверенно кричит Замбахидзе. Солдаты его любят.

18 октября * Солдат-фронтовик ненавидит тыловую жизнь. Здесь ему не дают ни сна, ни покоя. С ним обращаются как с преступником, обворовывают, заставляют делать самую черную работу и еще попрекают тем, что, мол, братья его проливают кровь на фронте. Способ действия самый иезуитский. Поэтому фронтовик стремится на фронт. Там он сыт и свободен. Его накормят, побоятся украсть, с ним нельзя обращаться грубо.

Сегодня — выгрузка дров. Ноги уже не ходят, но ты кладешь бревно и механически идешь за другим. Не хочется отставать.

Еврейтор.

Пулемет брызжет, как автоген.

21 октября * Можно привыкнуть к усталости, как привыкает к ней рабочая лошадь. Возникает своего рода второе сознание, как второе дыхание при беге. Ноги и руки производят движения механически, как бы без участия разума. А голова работает сама собой, тоже медленно. Мысли текут, как вода.

За изгородями соседей
Холмы наметаны стогами.
Течет за медленной беседой
Вино в граненые стаканы.

Благородное негодование — это уже прошло. Я предпочитаю отделаться шуткой.

22 октября * Нелепый спор о том, можно ли писать по горячим следам или должно переболеть, отойти в предание. Можно, можно! Дайте мне бумаги — и я это докажу.

23 октября * Строевой смотр. Сотня офицеров в хромовых сапогах, с золотыми погонами впереди пяти сотен плохо одетых, наскоро подправленных и подшитых солдат.

«Воробьи кричат — ветер будет», — сказал М. С.

И правда. Скоро ветер по-воробьиному защебетал в штыхах.

На плацу Замбахидзе ходил впереди рядов, подсчитывая и дирижируя руками. Заиграл оркестр, стало весело, как всегда когда много людей шагают под музыку.

Груженные сеном автомашины. Они похожи на ежей.

Шофера в кубанках, надвинутых на самые брови. Так носят только шофера.

25 октября * Письмо от Сергея. На минуточку почувствовал зависть. Но тут же возмущенная душа закричала во мне. Нет, так и нужно! Так я и буду жить!

Зачислен в учбат. Ст. лейтенант Сеницын. С усиками, пожилой, чертовски похожий на Тольку.

Что голову повесили, соколики,
Или выпить захотели, алкоголики?

26 октября * Холодный слякотный день. Мокрый снежок. В нетопленной казарме мы занимаемся пулеметом. Большинство — новички. А мне скучно. Я встретился с «максимом», как со старым знакомым. Я его знаю. Он меня знает. И говорить нам не о чем.

Ветер воев в проводах визгливо и монотонно, как сумасшедшая женщина.

28 октября * Вчера помогал печнику класть печку. Сегодня мыл уборную. Думал о «Солдате Полежаеве»³³.

Казарма. Особая армейская чистота. На стенах портреты вождей, плакаты с вырезками из газет, изречения Суворова, описания подвига рядового Матросова. Это ничего. Но в каждой комнате висит текст указа о дезертирстве и самовольных отлучках, как будто каждый из нас дезертир.

На деревянных нарах вырезано кем-то из предшествующего поколения курсантов, видимо, в назидание нам:

Кто не был, тот побудет,
Кто был, тот не забудет.
Учти! Горя хлебнете.

29 октября * Первый снег. Сразу потеплело.

Разговор с К., колхозником Хомутовского района Курской области.

Полтора года был в оккупации. Рассказывает. Колхозы немец разогнал. Землю поделил по душам. Сеять заставлял насильно. Хлеба оставлял по 4 кг на душу. Молодежь угнал.

Сильно развита партизанщина. Во времена Сталинграда ругань по адресу Жукова в газетах. С 7 ноября 42-го года по 8 марта 43-го года — полное безвластие. («Эх, пожили же! Одного самого-на сколько попили!» — добавляет он в скобках.)

30 октября * Неожиданно ударил мороз.

Эстетический человек, во-первых, творческий человек, во-вторых, человек долга. Это два главных его определения.

Х-ч — личность настолько мелкая, что он выдает себя за немца, лишь бы не попасть на передовую.

Человечек в противогазе, похожий на игрушечную овцу. Противогаз хрипит, и кажется, что он блеет.

1 ноября * Постепенно привыкаю к обстановке, к людям. Условия более-менее приличные: матрасы, одеяла. Что еще надо?

Канцлагерь.

2 ноября * Чехов писал: «по капле выдавливал из себя раба». Впервые ощущаю его импрессионистическую суть так остро. Случайно попавшийся томик составляет все мое развлечение («О драме» и пр.).

Это мелкий человечек, неожиданно вкусивший сладость власти. Он придирчив и зол.

У него маленькое бледное лицо. Красные веки без ресниц. Зеленоватые ядовитые глазки. Уши, прижатые к черепу. Одет он плохо и бедно, без всякого офицерского щегольства.

Кожух, короб, рама,
Шатун с мотылем,
Возвратная пружина,
Приемник с ползуном.

Голос резкий, как визжалка из сургуча и конского волоса, что продают китайцы.

Сказать, что лицо белое, как бумага, — штамп. А вот так можно: лицо, как промокательная бумага. Сразу чувствуется фактура.

3 ноября * Карпель — тощий еврей в очках, похожий на голодного волчонка, с сержантскими нашивками. Тоже из пишушей братии. В прежнее время я бы оскорбился, если б он принял ме-

ня за собрата. А теперь даже обрадовался. Обещал устроить меня в клуб.

А ну почитаем, что там рассказывает пленный немецкий ефрейтор.

Ого! Приехал генерал!
Скорее: пуговицы, петли,
Гляди, сержант, небритых нет ли.
Ну как? Ну, что?
Да поорал
Насчет постелей и матраца.
Да, он найдет, к чему придраться.

4 ноября * Начальник штаба, майор, сопровождаемый офицерами, проходит по коридору, где я мою пол.

«Сколько вам лет?», — говорит он, указывая на мои усы.

«Двадцать три», — говорю я, держа по швам грязные мокрые руки.

«А мне — сорок, — говорит он, оборачивая к офицерам полное бритое лицо. — Вы мальчишка. Сегодня же сбрить».

«Есть сбрить». — Хмурое выражение моего голоса задерживает внимание майора. — «Какое образование?» — спрашивает он. — «Четыре курса вуза». — «Что-о? — растягивает он, наклоняясь ко мне. — С таким образованием можно губернатором быть».

«Взгляните, с позволения сказать, советский интеллигент, а руки грязные», — говорит чей-то самодовольный голос. — «Я полы мою». — «Уборные его чистить», — говорит тот же голос.

В самом грязном углу двора, возле уборной — дырка в заборе, называемая Хитров рынок. Здесь солдаты продают тайком сахар и мыло горьковским спекулянтам и покупают хлеб, пироги с капустой и другую снедь. У дырки стоит часовой, но солдат он прогнать не в силах и только предупреждает, если идет начальство.

Я стою тут же, и душа моя смятена нищенской коммерцией. Если я, продав сахар, куплю пироги и хлеб на все деньги, не на что будет купить табак. А хлеб выглядит соблазнительно. Вот и решай!

Идет, сам синий, как куриный пупок. Как пупок!

Исторические предпосылки, условия — бесформенны. Форму им придает человеческий характер. Чем сильнее становится человек перед лицом природных потребностей, тем большее значение приобретает личность в ходе истории.

Может быть, никогда исторический характер не принимал столь четких форм, как у Сталина. Воссоздать его образ хоть сколько-нибудь детально — нелепость. Никогда еще изгибы характера настолько не совпадали с изгибами эпохи. И правда, последней приходилось иногда трещать.

7 ноября * Праздник. Получил благодарность по полку. Весть о взятии Киева. Открытие памятника Минину. Петр Заломов³⁴ — старичок в шапке-ушанке. Но речь чистая, четкая, не пейзажная.

Теперь бы ерша: кило черного да кило черствого.
Откровенно говоря, жрать охота.

Офицерский бал. Сначала все было чин чином. Майор произнес речь. Все слушали, поглядывая на водку. Потом заиграл духовой оркестр. Потом баян. Но вскоре все перепились. Офицерские девчонки визжали и блевали в углах. Майор, о котором позабыли, прошел, брезгливо улыбаясь, сквозь толпу и удалился.

Сталин. Никогда еще гениальность стратега не сочеталась так полно с проникновенным умом тактика.

Генеральные ходы истории с таким совершенством воплощены в нем, что содержание его жизни подобно художественному произведению. Но напрасно художник стал бы искать в ней деталей и слабостей, присущих даже недюжинному характеру иного рода. Он — герой патетического, может быть, вершина патетического.

Поэзия изобразит его точнее, чем проза; скульптура — точнее, чем поэзия. Это образ скульптурный. «Монумент без лишних деталей».

Подобно тому, как героическая эпоха греков была временем формирования классического идеала (а все последующие времена лишь его разрушением), так и наше время — время становления нового идеала, эпоха патетического.

Сформулировать суть нового идеального образа — задача эстетики.

11 ноября * Второй день идет мокрый снег. Хочется есть. Вечный разговор солдат о пище. Думаю о романе.

13 ноября * Как странно я живу! Все эти мелкие солдатские вопросы меня тревожат. Я возмущаюсь и негодую всерьез из-за пу-

стяка — лишний наряд, сказанная глупость, пайки хлеба. Но я всерьез живу другим — мыслями, романом. И порой сам не умею соразмерить эти два бытия.

14 ноября * Воспитание солдата наполовину заключается в том, что ему не следует давать покоя. У многих начальников (помельче) это становится чертой характера. Он не может видеть равнодушно сидящего солдата. Это чем-то оскорбляет его.

Критерий нравственного — поступок свободного человека.

Этика относится к эстетике, как стремление к идеалу. На определенной ступени — это одно и то же.

17 ноября * Письмо от Левки. Несколько покровительственное³⁵.

И прет на роту ПТР
Четырнадцать «пантер».

20 ноября * Позавчера нас «перегнали» в другой полк. Теперь я ПТРовец. Надолго ли? Все эти изменения судьбы уже не трогают. Каждый день головная боль.

В Ленуголке во всю стену картина. На фоне темно-вишневого пожара Чапаев с шашкой наголо на белой карусельной лошадке. Художник наивен и неумен. Но от лубочного вида этой картины становится беспричинно весело.

21 ноября * Из окна казармы видна Волга. Пристань, рыхлый ледок, медленно плывущий; тот берег, запудренный снегом, низкий и голый. Неуютно, холодно и скучно, до одурения, до комка в горле.

Мельников-Печерский. «Очерки поповщины». Раскольниковство — почва для нелепого фанатизма или для авантюризма типа Афиногена, Анфима³⁶.

Судьба первого любопытна.

23 ноября * Глупое и бестолковое существование, состоящее из мытья полов и заправки коек. Тошно без ощущения дела.

25 ноября * Волга стала. Неряшливое серое поле со снежными пробелинами.

26 ноября * Роман может ждать еще год, еще пять лет. Но эстетика. Она нужна, она необходима *сейчас*. Это мучает.

Я весь в невысказанных словах,
Как неразорвавшаяся граната,
Как съеденный ржавчиной замах
Наполненных ожиданием атомов.

Вечер в расположении. В большой комнате пусто. В темных уголках спят дневальные. На свету собрались сержанты. «Эй, славяне, хотите письмо прочту от бабенки», — говорит один. — «Читай, только от самой умной, по ней будем судить об остальных». — «Правильно. Посмотрим, достойна она быть женой сержанта Красной армии или нет».

Первый читает письмо от девушки, учительницы сельской школы, о ее друзьях, о желании ехать в освобожденные районы. Милая наивная болтовня, в которой много свежести, чистоты и бескорыстия. Остальные разочарованы. «Производственное письмо, — говорит кто-то. — Про любовь — ни слова. И потом не по форме: что за “Толька”? Надо Анатолий Петрович. Вот мне одна писала — это да!»

И все задумываются.

Интеллигентный юноша-писарь. Он мне сказал: «Трудно жить без убеждений. У меня их нет. В моей голове путаница. Голова представляется мне кладовой, где велосипед, и застёжки, и старая книга».

3 декабря * Все бело кругом. День низкий, уютный. Снег запорошил Волгу. Она стала ровным белым полем.

4 декабря * Редактирую историю полка. Неприятная казенщина. Нет! Лучше топтать.

7 декабря * Нашу эстетику признают скорей, чем нашу поэзию. Она запутанна и дышит тяжелой страстью неутолимого рассудка, сумевшего овладеть чувствами и повести за собой. Может быть, мы стали слишком холодны в своем стремлении дойти до сути вещей. Наше существование противоречиво и парадоксально. В бытии, разорванном бешеными страстями, мы выковали единство разума и сердца.

Мы отрелись от романтики и стали жить, как жили романтики в книгах; мы избавились от зависти и тщеславия, но остались чертовски самоуверенными. Мы начертали на своем знамени

ни утверждение, но продолжали отрицать очень многое; способные двигать горы, мы кидали камешки. Так живем мы.

Три декаданса: первобытный (не достигший индивид[уальности] и личности), средневековый, буржуазный.

Я, кажется, понял: у меня пламенный ум и холодное сердце.

12 декабря * В Ленкомнате у меня свой уголок: шкаф, стол. Здесь я корплю целый день над бумагами, отмахиваясь от назойливых курсантов. Мысли путаются у меня в голове, и я медленно зверею. Но это благо. Нет времени на «посторонние» мысли.

Комроты, молодой, миловидный старший лейтенант, относится ко мне хорошо. Я не знаю обычной армейской мелочности. Но все это стоит труда.

Сегодня воскресенье. Кто-то грустно пикирует на гармошке. Несколько голосов тихонько подпевают. Остальные слоняются без дела, ремонтируют старое оборудование. Во всем какая-то безмятежность, беспечность, бездумность, порождающая грусть.

Моей простреленной руке
Знакомо чувство непогоды.
Далеко на большой реке
Гудят в тумане пароходы.

24 декабря * Традиция, традиция... Новый гимн, «здравия желаю», в одном из институтов ввели карцер. Досадные опечатки эпохи? Лишнее доказательство, что историю делают люди, а люди способны увлекаться? Может быть. Но ужасно досадные опечатки.

25 декабря * Известность моя простирается вплоть до высшего начальства. Вызвали в ДК. Оформлять новогодний бал. Работа литературного негра. Воспользовавшись увольнительной, пытался найти Глазкова³⁷. Путешествие по горьковским трущобам.

26 декабря * Я пользуюсь свободой куртизанки – я продаюсь, и поэтому мне дозволено больше, чем другим.

Кривясь от отвращения, сочиняю новогодние вирши.
Л-нт Нестеровский³⁸. Удивительно хороший.

Свобода этического человека есть истинная, но недостаточная. Буржуазная революция лишь разрушает. Такие, как Гёте,

Бальзак, понимали это умом или чутьем. Чтобы создать прекрасное, они искали примирения. Они искали положительного в прошлом. Какие-то идиоты назвали их мировоззрение реакционным.

Гёте — великая скорбь примирения.

27 декабря * Нестеровский, жестоко скучающий в неудобной и скудной редакции бригадной газеты. Высокий, с лицом Черкасова, с большими нескладными руками. Хорошо знает современных французов и очень плохо современных русских.

Мы с ним сошлись, и я, проголодавшись по нежности, сразу ее почувствовал.

«О поэзии у меня особое мнение. Сейчас ее нет, — говорит он. — Симонов — мещанский писатель». Обо мне он отзывался, как и все другие: «Здорово, но слишком умно. Это — головная поэзия. И это не для всех». И попросил: «Прочтите что-нибудь другое, лирику».

29 декабря * Кончилось тем, что мне выдали новое обмундирование³⁹. Это за тысячу строк халтуры. Впрочем, творил я ее с беззаботной легкостью. Известность моя растет. Возможно, буду работать в редакции. Возможно, поеду в командировку в Москву. О, преимущества славы!

Кто не знает этого первого ощущения боя! Сперва что-то давит, как будто внутри и снаружи тебя разное давление. Каждый разрыв снаряда бросает тебя на землю, властно схватив за шиворот. Потом это проходит. Даже как будто весело становится. Тогда и совершаются подвиги, ибо страха уже нет.

Материалом эстетического чувства были такие первоначальные импульсы, как подражание и чувство симметрии. Оба они имеют общий источник в законе отражения.

31 декабря * Скука и бесплодность бытия. Нет! Эта работа не по мне.

Нестеровский уехал, единственный мой покровитель, а вместе с ним все надежды на Москву и на управление своей судьбой.

Что же делать? Я на пороге двадцати четырех лет. И ничего еще не сделано. Время уходит и вместе с ним надежды быть полезным. Двадцать четыре года! Для поэта это зрелость, для прозаика — молодость, для ученого — пленки. Но плоды дает нормальное детство. А я...

1 января * Встреча была бы нелепа, если бы не Ной. Я ушел к нему в редакцию, где мы распили бутылку и после беседовали «за жизнь». Этот человек будет за нас. Натурально я чувствую к нему нежность. Он тоже — искатель.

Часов в одиннадцать я лег спать, так и не поглядев на офицерский бал. Новый год пришел ко мне во сне.

«Кола Брюньон это Фома Смыслов»,¹ — говорит Н.

Две новеллы. О мальчишке-новобранце. И о старике-капитане, начальнике штаба полка, занявшего украинский городок, где когда-то жила любимая им девушка².

9 января * Неделями мне не удастся подумать о стихах, даже записать несколько строчек в записную книжку. Я растрчиваю себя на сидение взаперти над раздражающими бумагами. Кроме того, приходится брать на себя еще сотни мелких дел, заполняющих мозг: беседы, информации, стенгазеты.

Волгу я вижу только из окна. Она — белая, ровная плоскость.

«Я тверд, когда дело касается других», — говорит З.

14 января * К. нуден. То, что я делаю с легкостью, от избытка, составляет всю его жизнь. Ужасно скучен.

15 января * Вчера приятная болтовня с Нестеровским, томящимся от тоски в грязной комнате при типографии.

Есть кое-какие надежды на фронт. Да будет!

Холода. Неожиданные после гнилого начала зимы. Молочный, туманный день.

21 января * Во всяком цивилизованном государстве есть свой серый кардинал. В полку это старший писарь. Я был представлен ему Нестеровским, и мне обещана поездка в Москву.

Я постигаю науку мелких интриг. На пути к моей цели придется пройти целые дебри. Но я стал чертовски хитер.

О, здоровый, самодовольный от избытка здоровья человек. Физкультурник. У него любовница во Владимире, любовница в Ярославле, жена в Сибири. И еще любовница в Горьком. Он получает от всех письма. И счастлив.

28 января * Я то загораюсь надеждой, то падаю в безнадежность.

Меня сжигает жажда *видеть и делать*. Здесь я не вижу и не делаю. Жалкое тление.

30 января * Скоро ли после этой войны любовь к России сможет выражаться по-щедрински? Вероятно, законная гордость победителей и взывает, и обратится в бахвальство, и невежество задерет нос.

Рядом с политическим процессом «традиционализации» (стратегия или тактика?) это будет помехой *нашей* литературе. Ибо понимать умное на Руси можно лишь заставить «сверху». И гораздо больше добрых, чем умных. У нас, пожалуй, все «добрые», если позволят обстоятельства.

Как в средние века, все деяния политической доктрины, философские построения подкреплялись незыблемым авторитетом Рима, производились от римской государственности и римской философии, так и сейчас господствующей идеей является идея социализма. Рим был центральной идеей средневековья; социализм — центральная идея новейшей истории. Даже самая махровая реакция типа фашизма и та называет себя «национал-социализмом». Социализм — это Рим новейшего времени.

13 февраля * Москва. Почти до одурения — от визитов и констатации того, что все уже не те, а иных не хватает. Здесь был мир моей мечты, сохраненный в нетронутом виде. На деле ребенок стал корыстолюбивым юнцом. Здесь та же чуждость или духота. Но я радуюсь встречам не как возрождению духовной близости, а как напоминаниям о давно прошедшем³.

15 февраля * Настроение просто похабное. Во-первых, от хождения по инстанциям и от этой попытки «вырваться», где все еще неясно и может обернуться худо. Но как иначе, если не ва-банк? Во-вторых, блестящая скудость Москвы, где смятен-

ные и поломанные души не решают, не ищут, а прячутся под мышку.

Равнодушное радушие там, где ожидал увидеть теплоту понимания. Ни одного задушевного разговора «о принципах и принципах». Я здесь чужой. Друзья на войне. И жить придется совсем сначала.

21 февраля * В Горьком. Встречен как блудный сын. Но еще более тоскливо, чем прежде.

22 февраля * Ура! Откомандирован. Опять как в романе: перемена судьбы свершилась именно тогда, когда внутри необходимость ее назрела, как нарыв.

26 февраля * Я устал жить химерами.

3 апреля * Вырвавшись из одной дыры, я попал в другую⁴. Ни самостоятельности, ни интересной работы, ни возможности писать. Вероятно, Л. [Безыменский] выслал мне вызов, надеясь на неверность моего прибытия. Тяжкое разочарование.

Два дня метет буран. На улице сугробы. Закрыться с головой и спать, чтоб не мучили мысли.

Когда-то здесь был дом. Теперь стоит лишь печная труба. Вандомская колонна разрушения.

11 апреля * Сегодня-завтра покидаем Гомель. Л. уехал, даже не протрившись со мной. Письмо от Нестеровского, снова возбудившее нежность к этому милому Робинзону духа.

23 апреля * Хаты здесь бревенчатые, частью оштукатуренные и беленные мелом, с двумя-тремя крошечными окошками. Впрочем, они довольно просторны и светлы, так как тоже выбелены мелом. Убранство их составляют большая печь, затейливо сложенная, со множеством углублений для горшков и обуви, простой деревянный стол, пара широких грубых коек, лавки по стенам и несколько горшков с цветами на окнах. Пол иногда деревянный, чаще — земляной. Крыши — соломенные или тесовые.

В красном углу висят дешевые безвкусовые иконы, одинаковые во всех домах, Николы-угодника и утешительницы-богородицы.

Зато рушники, вышитые руками хозяйки — цветы и петухи — очень красивы.

Так же хороши самотканые пестрые ковры, висящие на стенах в некоторых домах.

Вот и вся утварь крестьянского дома.

Женщины, сиречь бабы, здесь красивы, но одеты в нелепые широкие и длинные юбки, делающие их похожими на старух.

Украинский говор их чрезвычайно приятен и рождает во мне представление о женщинах Древней Руси.

Вокруг деревни холмистые поля, кустарник, отдаленные мельницы, облака, близкий горизонт, а верстах в двух — лес, прибежище партизан.

3 мая * Все уехали на задание. Я слоняюсь по селу, наблюдая древние ремесла (нит, бёрдо — части ткацкого станка). После долгих месяцев художественное удовольствие от красивой мизансцены. Пятеро партизан в избе. Красивые ребята в мохнатых шапках, френчах с блестящими пуговицами, непомерными брюками и револьверами на боку.

Один играет на гитаре. Остальные поют. Хохлушка с ребенком на руках слушает на топчане.

9 мая * Вернулись с задания из района Ровно. Рассказывают весьма сбивчиво про банды бандеровцев и бульбовцев. Говорят, их до семидесяти пяти тысяч. Полагаю, что это сильно преувеличено.

Командир их — полковник — пойман. Население запугано или распропагандировано. Жалею, что пропустил интересную деталь истории.

15 мая * Кругом банды. Днем мы спим, ночью занимаем оборону вокруг села...

18 мая * Гантыры вблизи Овруча. Ясные дни. Цветут сады.

19 мая * Задание по борьбе с бандами. Шоссе, выложенное серым и бурым камнем. Изумрудная озимь, <нрзб> лес, белое цветение вишен. Деревеньки с белорусскими названиями. Беленные известью хаты под соломой. Старуха крестится нам вслед.

Потом деревни идут реже. Кустарник, луга... Мы беззаботно орем песни, радуясь неизвестно чему.

20 мая * Ночью проехали Н.-Волынск, утром – Межиричи, белый городок весь в цветущих садах. За Межиричами редко расставленные белые хаты, хорошо возделанные поля, желтые квадраты сурепицы. На перекрестках деревянные распятия с грубыми статуями Христа, с клещами и молотом на верхней перекладине. Польша. До отвала напились молока, которое здесь отдают за бесценнок.

Отдых в разрушенной усадьбе пана Валевского под Березно.

Существование мужика парадоксально. Будучи всегда большинством, всегда кормильцем, солдатом во время войн, безропотным плательщиком, настоящим источником жизни для государства, он никогда в истории не выражал генеральных исторических потребностей. Он всегда плохо выражает себя и никогда не умеет постоять за себя. Он – неорганизованная сила, вода в половеде.

Подсознательно он ощущает свою слабость и безропотно отдает себя государству на разграбление, а сынов своих на смерть.

21 мая * Заняли оборону на крутом берегу р. Случь, вблизи бумажной фабрики пана Валевского. Ночь проспал в зеленой ржи. Тихое, неяркое утро. Белая деревня. Аист на одной ноге. Все те же соломенные крыши и земляной пол. Все та же Русь кругом.

Суп из кур, украденных ночью.

22 мая * «Прочесывал» хутора. Несчастливая Украина! Украина в тифу, в бандитах, печальная, сраженная горем.

Мария жадно припадает к моим губам. Женщины здесь красивы.

Получил под команду десяток молодцов, совершенно пьяных. Целый день пытался установить революционный порядок.

24 мая * Здесь круговая порука. Все молчат и глядят на нас исподлобья.

«Где хозяин?» – «Умер под коляды», «Ваши забрали». Дети, крестным знаменем подтверждающие ложь. Украина затаившаяся, враждебная. Бандит Шпоняк. Сергей Шпоняк. Голова сельрады говорит, что он в армии. Жена – что он умер. Соседи молчат. Тем, кто не умеет молчать, – мстят.

Старик – сторож на бумажной фабрике.

Ночь. Караулы беспечно спят.

- 1 июня* * Мне двадцать четыре года. Для поэта это слишком много.
Безудержная летняя гроза завершает мой двадцать третий год.
Лес под Овручем.
- 6 июня* * Сегодня, через шесть дней после того как мне исполнилось двадцать четыре года, началось вторжение союзных армий на территорию Сев. Франции.
- 16 июня* * Командировка в Добруш за людьми. Мои спутники — мл. лейтенант и трое солдат. Ночь в телятнике.
Уже установились формы военного дорожного быта: быстро возникающие содружества, попутный порожняк, регулировочные пункты.
- 17 июня* * Пьянство в Речице, где у лейтенанта есть девчонка. Эрзац-семья, которую солдаты создают себе во время странствий. Мы приехали и сразу почувствовали себя дома. Когда водки не хватило, мы отобрали ее у двух самогонщиц. Фронтовых разведчиков задержать не посмели.
- 18 июня* * Гомель. Впервые бродил по центру города, некогда бывшего красивым. Сейчас сохранились одни сосны и куски надписей: «...остиница», «Пассаж».
«Запомни эти руины и отомсти!»
- 4 июля* * Хуторок Любарка, близ Народно, куда я направлен в командировку⁵. Глухой хуторок, где живут родители шофера Мишки Тушинского. Радушие стариков.
Катерина. Ей шестнадцать лет.
- 7 июля* * Полно дел. Сдал отчет — первый успех на поприще канцелярском. Теперь меня именуют нач. штаба.
- 8 июля* * Как давно я не думал о себе, не писал стихов, не грустил! А сегодня так.
Левка вернулся из Москвы. Там вести: умерла Э. Ч. Мало кто так любил и верил в меня.
У В. Т. ребенок.
И вот совсем не хочется в Москву.

23 июля * Апатия. Сколько-то дней не писал писем даже домой. А между тем я деятелен и кручусь весь день. И даже не безучастен, я ловлю впечатления и ищу их. Но все это как-то краем души. А остальная, «главная», душа не любит, не горит замыслами, не хочет стихов, даже не утешается мечтами.

Как давно я не оценивал себя. После смерти Э. Ч. никто меня к этому не побуждает. Все это доказывает, что жить постоянно «в себе» нельзя.

Дорога от Овруча на запад. Эшелонная жизнь. У меня полвагона, где штаб. И я люблю это неторопливое движение вперед.

26 июля * Едем малой скоростью в эшелоне.

Белокоровичи. Состав с госпиталем. Сестры из бывших студенток Киевского университета. Мы много болтаем. Приятная встреча с людьми поколения. Через час мы — друзья. Через два — мы расстались. Марина задерживает руку. Мне дарят книжонку о Репине, адреса — и мы расстаемся.

Балагурство с бабами в Олевске.

Интереснейший разговор с лейтенантом войск НКВД о бульбовцах и прочих. До прихода Советской власти в Полесье их ориентация (официально) была на Англию и Америку.

С 14 февраля они объединились под эгидой немцев против Советов.

Число их оценивают в семьдесят тысяч.

Говорят, что они враждуют между собой.

Бульбовцы, в руках которых некоторое время (при немцах) был Олевск — узкие украинские националисты. Сам Бульба, говорят, белогвардейский полковник. Возможно, что это лишь легенда.

Лозунги бандеровцев демократичнее. О Семене Бандере⁶ слухи расходятся. Одни утверждают, что он немец, другие, что студент Киевского университета.

Отряды Мельника,⁷ говорят, близки к анархизму.

Есть еще и «Вольные польские патриоты» Сикорского⁸.

Все эти разновидности в основном беспринципны и не имеют перспектив.

По составу, большинство — жители западных областей и дезертиры. Все действуют мелкими группами.

29 июля * Сгружаемся. Ст[анция] Стебло под Ковелем.

30 июля * Путь на машинах через Ковель, Ратно, Манорыту на Влодаву. По бокам дороги следы недавних боев.

В 6.50 утра переехали Зап. Буг. Польша. Лес под Влодавой. Хутора. Людей мало, зато бесконечное количество малины.

5 августа * Прямая лесная дорога ведет к имению графа Замоиского. Сухой сосновый лес, полный ягод и кафедральной тишины.

Белый двухэтажный дом возникает внезапно, за ним фруктовый сад, службы. Дом построен кольцом. Посередине круглый дворик. На внутреннем фасаде — герб графов Замоиских.

В комнатах следы солдатского постоя — здесь жили немцы. Остальное дотаскивали наши. Европейские большие комнаты перемежаются с небольшими залами, где каминные служат символом феодальных традиций.

В нижнем коридоре уцелели картины — портреты собак. В одной комнате нахожу репродукции с Ватто. Дальше портрет пожилого человека с конем, современного письма. Видимо, это сам граф. В другой комнате валяется гравюра — Ли Замоиский — коронный гетман, видимо, предок нынешних графов.

Книги и журналы — немецкие, французские, английские и польские. Латинский молитвенник. Я забираю курьезную книжицу «*Le mysteres efe la main*»*.

10 августа * В имении графа мне показывают место, где немцы, отступая, сожгли шестьсот трупов. Там трава не растет.

Убили четырех оленей.

13 августа * Рано утром снялись с лагеря. Путь от Влодавы в район Лукува. Конколевица. Воскресенье. Крестьянки в полосатых ярких юбках и одетые по-городскому. Панно из пригородов и хуторов чинно следуют в костел. За ними шествуют панно. Некоторые приподнимают фуражки, приветствуя нас. Многие идут босиком, держа обувь в руках.

Вспоминаю улыбку пани Халины.

1. Сдать формы в упродснаб.
2. Сдать сводку в ОСЧ.
3. Наряд на картошку.

---

* «Тайны руки» (фр.)

4. Наряд на горячее.

5. Талоны в военторг.

Первое впечатление о Польше. Мещанская идеология и отсутствие демократических традиций в сочетании с неудобным расположением на континенте всегда будут создавать здесь благополучную почву для всякого рода шовинистических доктрин.

«Мне не нравится, что у вас нет собственности», — говорит одна молодая пани.

«Там хорошо, где хорошо платят», — говорит пожилая пани.

Поляки ненавидят немцев, не любят и нас. Они не прочь были бы, чтобы мы завоевали Польшу до Одера и отдали в придачу западные области Украины и Белоруссии. Гонор их может сравниться разве что с *<нрзб>*.

Без даты * Польский городишко О. с обгоревшими окраинами, побитыми стеклами в пустых домах, неуютный, как всегда неуютен город после недавнего боя, — показался нам землей обетованной.

Мы выехали на северную окраину, где больше уцелело домов, загнали во двory броневики и «виллисы», выставили часовых и разошлись по хатам.

Без даты * Отвоцк. Несчастные поляки! Они возвращаются в родные места, как птицы к разоренным гнездам. К нам входит девушка из соседнего дома. Она ищет остатки своих вещей. Она маленькая, хрупкая, с кукольным хорошеньким личиком. Я иду с ней. В мрачной пустой и нетопленной комнате сидит слепая старуха-мать. Старик-отец в рваном пиджаке разводит руками и утешает мать и жену словами жалкой бодрости, от которой хочется плакать. Я спрашиваю, не хотят ли они есть. Да, они двое суток не ели. Я приношу им солдатского супу и хлеба, забавляю Хелену как умею.

Она ужасно устала! Она подходит ко мне и ложится рядом на матрас, брошенный на пол. Я накрываю ее своим тулупом. Она прижимается, обнимает меня за шею и засыпает сразу же у меня на плече. Так я и просидел всю ночь, держа ее на руках и слушая ее дыхание.

28 января * Отвоцк – Жерардув – Кутно.

Чертовски замерз. Трещит голова.

Прощание с Данугой в Жерардуве.

Солдатские бараки в Кутно. Идет снег и нам скучно от безделья и сырости.

Люди гораздо лучше, чем человечество. Иногда мне кажется, что я ненавижу человечество за пошлость и мелочность, которые в нем гнездятся.

2 февраля * Вчера путь Кутно–Коло–Конин–Гнезно. Дрянная погода, талый снег на дороге. За Конином польский пейзаж, черепичные острые крыши. Трупы коней и людей сбоку дороги, чуть прикрытые снегом.

Гнезно – славный городишко, еще не прибранный, но уже праздничный. Везде висят двухцветные польские флаги.

Наши хлопцы живут там как победители – жарят мясо, едят мед, пьют водку.

Я страшно был пьян и глуп.

Сегодня – Врешен под Гнезно.

4 февраля * Выбыли из Кутно. Пасмурный холодный день. Ночуем в бывшем немецком именьеце под Врешеном, налопавшись свинины и напившись вдосталь молока.

5 февраля * Пасмурный день, поля, не прикрытые снегом, кое-где разнообразящие пейзаж зелеными платями озими. Однообразные мелкие городишки с кирпичными домами, черепицей и площадью посередине. Почти русское разнообразие Зависелья сменилось немецким однообразием и гонорностью. Дома под большими крышами глядят как бы исподлобья. Большие деревни редки, все чаще хутора и фольварки, тоже кирпичные, тоже с черепичной крышей, построенные по одному плану.

Перед Рогозно продуманная линия укреплений, противотанковые рвы, аккуратные окопчики при дороге. Линии, впрочем, видимо, не оборонялись.

Дороги хороши, аккуратно обсажены деревьями и делят пейзаж на ровные загоны.

Поляки встречают нас приветливо, дети кричат и машут руками.

У всех на шапках и в петлицах двухцветные ленточки.

В Мендзыхуд (Бирнбаум) прибыли затемно. В пустых домах за городом, где мы должны расположиться, живут немцы, изгнанные из Мендзыхуда.

Одна из них — старуха — упорно не желает с нами говорить, не желает уходить из дома.

Остальные — подобострастны.

7 февраля * Имение под Мендзыхудом. Мы заняли, как и подобает завоевателям, роскошный дом с сорока комнатами самого различного назначения. Никто из нас не жил в подобной роскоши. Я поселился в каком-то будуаре с бесчисленным количеством предметов ненужных, но приятных. Здесь жил, видимо, прусский дворянин, ибо на стенах висят дурные портреты в рыцарском обличье, а шкафы наполнены книгами по генеалогии и жизнеописаниями различных Гогенцоллернов. Впрочем, потомок рыцарей любил современный комфорт. Здесь есть и электричество, и внутренний телефон, и благоустроенные уборные.

Огромный квадратный двор окружен разного рода постройками: хлевами, сараями, службами и венцом творенья — спиртозаводом.

Наши солдаты не предавались долгим размышлениям о судьбах благородного семейства, а прежде всего напились спирту.

Немецкая граница здесь всего в двух километрах. Немецкое влияние чувствуется здесь на каждом шагу. Вывески в магазинах, картавый говор познанских поляков, имена, манера говорить «ја» вместо «так».

Население здесь еще более принижено и запугано, чем за Вислой. Полячки не так красивы, а поляки напоминают покорных рабочих лошадей.

Два музыканта-немца, уже старички, их жены, из которых одна не может передвигаться. Ее возят в колясочке. Они остались, потому что не могли уйти. Мы говорили о музыке в чулане,

куда они переселились. Мы говорили о музыке не словами, ибо едва понимали друг друга, а обрывками мелодий — из Брамса, из Чайковского.

Потом им велели убраться. Они пошли, старомодные старики, худые, в шляпах и осенних пальто, везя за собой на тележке небрежно увязанные остатки скарба и большую старуху.

Горе Германии, заслуженное горе, прошло перед моими глазами, и я поклялся себе не обидеть жены и дитяти врага своего.

*10 февраля * Поездка в Гнезно и Вшесно.*

В штабе фронта говорят об оперативной паузе. Дальнейшее углубление клина опасно, ввиду удлинения линии фронта и обнажения флангов. Кроме того, Познань и Шнейдемюль сковывают силы. Важное значение имеют коммуникации, сильно растянутые, и необходимость подтянуть тылы. Познань расположена на одной из важнейших коммуникаций. Говорят о нехватке боеприпасов и горючего на переднем крае. Однако по дорогам сплошным потоком идут грузы.

Несмотря на близость Берлина и паническое отступление немцев, нет ощущения, что взятие Берлина означает конец войны. Гитлер сумел убедить население Германии, что приход русских означает его поголовную гибель. Нужно сказать, что наши солдаты не стараются опровергнуть это убеждение.

В штабе фронта говорят о попытках немцев подготовить удар на нашем правом фланге.

Нельзя считать это невероятным.

Основное сейчас — это очищение Прибалтики и Вост. Пруссии.

Страшный рассказ о лодзинском гетто. Там было сосредоточено до 60 тысяч евреев. Немцы считали это гетто образцовым, даже гордились им.

Фанатик Рунковский организовал там своеобразное государство сумасшедших. Там были школы, университет, чеканилась монета, работали две фабрики, был совет старейшин, суд и законы.

Все жители гетто были обречены на гибель. Ежедневно уничтожалось от ста до трехсот человек, иногда устраивались массовые истребления.

Каждый житель знал, что рано или поздно он будет убит, тем не менее шла своеобразная жизнь.

Сам Рунковский – старик, фанатик и сластолюбец. Он приходил в школы, выбирал понравившихся ему девочек и тут же, в соседнем помещении совокуплялся с ними.

К приходу наших войск в гетто осталось восемьсот человек жителей. Сам Рунковский был увезен или убит.

20 февраля * Мендзыхуд. Государство и корысть нераздельны. Государство – это форма, в которую облачается корысть.

Война стоит в том же ряду безобразий, однако она очищается при соприкосновении с высокой мыслью и с высоким чувством.

Популяризация войны посредством «посылочной компании» мне глубоко претит. Нужно ли, мстя подлецу, уподобляться ему?

21 февраля * Бирнбаум–Радегощ–Коплине, Мокритц (Мокшец)–Тиргартен–Ней-леси. Кукусмюле-леси. Вассерблятте.

Выехали по тревоге на уничтожение группы, прорвавшейся из Познани. 18.45.

26 февраля * Чувство скуки и одиночества. День похож на осенний, с резким ветром и холодным дождем. По дороге идут войска, разбрызгивая грязь, пролетают машины, ползут фуры, покрытые брезентом, тряпьем. На каждой фуре флаги – польские, французские, английские. Это идут бывшие германские пленники.

Обдумывал пьесу. Она может быть интересной. Но не с кем даже «сорозмовить» об этом.

2 марта * Андре штетхен, андре медхен*. Зося¹.

4 марта * Единственное развлечение – Зося. Уроки польского – я пишу ей по-русски, она мне – по-польски, потом, наоборот, я пытаюсь писать ей по-польски, она – по-русски. Все это смешано с шутовой влюбленностью и немного веселит в дни бессмысленного сиденья, где за окном туман, разлив Варты, редкие голые деревья, дождь.

14 марта * Давно не испытанное радостное пресыщение от сознания, что владеешь сердцем женщины.

---

* Другие города – другие девочки (нем.)

Я с обычной беззаботностью отдался этой шутливой влюбленности и с удивлением заметил, что *она* меня любит и, быть может, сильно. Или, может быть, только сильно ревнует: *wszystko jedno** — обе вещи стоят равного количества мучений.

16 марта * Пьеса Симонова «Так и будет».

Мне она показалась пошлостью и банальщиной. Я не умею разгадать этого человека. Кажется, и тема должна трогать, и в пьесе «не стреляют», и чувства у героев самые благородные, а между тем над всем этим есть неуловимый налет пошлости. Даже солдаты это замечают, говоря: «Это пьеса уже устарелая».

Уж очень много самодовольства во всех этих ненужных сентенциях, уж слишком сам автор навязывает нам свое собственное (герои — только повод) благородство; слишком ясно чувствуется, что писано все это не с самозабвением проповедника, а с тонким (и умным) расчетцем. Да! Это то, что я возненавидел в свое время, — интеллигентская рисовка. И в нем это еще противнее. Везде он любуется своим мирком и нигде не говорит об этом откровенно. «Те» хоть говорили.

Чувствую бесплодность своих отношений с З. Едва в шутке наметилося что-то серьезное, как мучительной стала разница взглядов на мир и на себя, существующая между нами.

18-го — документы по продовольствию за январь.

Бланки.

В цирке — карточки, склады. Бланки ГСМ.

19-го — созвать комсorghов.

Документы по продовольствию за январь.

Поставить печатки в ком. билеты.

Написать заявление (далее зачеркнуто. — Г. М.).

20-го — Протоколы. План работы. Смысл.

Комсorghи. Членские взносы.

21-го — Эпизоды!.. Схемы. Книги дежурств и пропусков.

22-го — Комсомольское собрание.

23-го — К 10.00 за Гладченко.

18 марта * Во всякой любви есть момент отвращения или разочарования.

Он неминуем, и преодоление его есть переход от мнимой любви, от мимолетной влюбленности к настоящему чувству, не боящемуся деталей.

---

* Все равно (*пол.*)

Влюбленность это жажда любви, постоянный и непрочный вымысел. Вторжение реальностей разрушает его. Стоптаный каблук или порванный чулок у любимой женщины. Влюбленность обща, она не знает сама себя, и между тем боится деталей, боится узнавания.

Влюбляются обычно в красивых, а любят великих.

Как только детали преодолены, начинается любовь. Она принимает все как нечто законное, она узаконивает неэстетичное в любимом человеке, ибо видит в нем истинное, ибо сама истинна. Как все свободное, она есть творчество. Она берет любимого человека как материал и творит из него нечто высшее.

20 марта * Разговор с местным ксендзом². Это молодой еще человек, некрасивый, с жидкими волосами, зачесанными так, что тонзуры не видно. Этот ксендз – идеалист. Мы толковали о политике, религии, философии и, конечно же, не дотолковались бы ни до чего, если бы я даже лучше знал польский язык.

Взгляды его наивны. Да они и не могут быть иными у «честного» ксендза.

22 марта * Бесплодное существование с тяжелыми приступами хандры.

Роман с 3. тоже бесплодный, как минутное солнце в осенний день.

Сюжет забавного рассказа. Правительство некоего острова объявляет войну Германии. Снаряжается корабль, и все мужчины отплывают на войну.

Проходит пять лет. На острове живут одни женщины. Маленькие девочки не знают даже, что такое мужчина.

И вдруг появляется мужчина. Один английский обыватель пять лет назад решил укрыться от войны. Он начал копать себе убежище. Пять лет он усердно копал землю, пока не прорыл насквозь земной шар и не вылез на противоположной его стороне.

Это маленький, плешивый, подслеповатый человечек. Однако на острове он производит фурор. В него влюбляются. Наконец он сам начинает считать себя чем-то небывалым.

26 марта * Вот оно, маленькое общество разворошенного войной городка: местный ксендз, местный редактор-демократ, начальник пристани, пекарь.

У них есть маленькие дела и маленькие сплетни. В воскресенье они выходят «на шпациер» и гуляют на единственной улице с женами и дочерьми.

Ванда, племянница пекаря. У нее детская русая головка и белые плечи цветущей женщины.

По вечерам я пропадаю у нее...

Она выходит меня провожать, и я целую ее маленькие губы. Она прикладывает мою руку к своим горячим щекам.

27 марта * У женщин более всего развито подражание. Стоило З. полюбить меня и мне сделать вид, что я ее люблю, как сразу у меня появились поклонницы и с ними репутация сердцеда. Нет ничего глупее этого положения. И самое глупое то, что я поддался на эту удочку. Я тоже влюбился во всех сразу и превратился в безвольный предмет, влекомый и перекатываемый волнами женского обожания.

Зося, Ванда, Эрика, сестра ксендза...

Я запутался!

31 марта * Приехала Ванда. Я узнал об этом со смущением. Как я буду смотреть в глаза З., которая любит меня и чертовски ревнует?

И все же непосредственность Ванды влечет меня и сводит с ума.

Я бросаю для этой девочки и тяжелую страсть Зоси, и игривую влюбленность Эрики.

Я тянусь к ней от всякой рефлексии в мир, где нет подозрений, сомнений, ревности, где есть только влечение, беззаботное счастье.

J co jeszcze potrzebne?*

1 апреля * Сегодня у поляков sweto — Пасха. И у меня кружится голова от вина, которое я выпил у Эрики, и от поцелуев Ванды.

Как отличаются они друг от друга! Влюбчивая и легкомысленная Эрика, хрупкая, черненькая, болтливая, как птица, с которой всегда легко и весело, даже когда она признается в любви, и пышная Ванда, практичная и наивная, которая в роли возлюбленной, сама еще ребенок, уже мыслит себя женой и матерью.

Мне легче с Эрикой, с ней я беззаботен, ласково небрежен, шутлив. И она знает цену хорошей шутке.

---

* И что еще нужно? (пол.)

Я гулял с ней на старом кладбище. Она прижималась ко мне и даже сказала, что пошла бы со мной на край света. Этой сестре ксендза безразлично, что я не верю в пана Христа.

И все же я ушел к Ванде. Завтра она уезжает. Она хочет узнать, люблю ли я ее. Я ей говорю, что люблю. И спрашиваю, могу ли я приехать к ней *po wojnie**.

Да, она бы этого хотела. Но она может быть моей только в том случае, *je li bedziesz katolikiem***.

Я едва удерживаюсь от улыбки и пытаюсь объяснить ей свое *kredo*.

Она не понимает. «*Nie chcesz by katolikiem dla mnie?*»***

Это говорится без всякого лукавства. Когда я вновь отказываюсь быть католиком, она говорит: «*Jezeli Ty nie bcziesz katolikiem, to musimy zrezygnowa z naszego postanowienia*»****.

Мы уедем в Россию, говорю я ей, там это безразлично. Этого она не может: «*Rodzice mi nie pozwol, i ja chciaabym zost tu*»*****.

Она задумывается, потом какие-то мысли приходят ей в голову. Она говорит: «Ты, наверное, еврей». Я не отрицаю. Она даже руку снимает с моего плеча. И минуту смотрит на меня не то с любопытством, не то с изумлением.

Черт дер! Однако какими поцелуями награждает на прощанье правоверная полячка еврея, не желающего знать благости Божьей!

2 апреля * Как ни ревнует меня З., она все же была рада, что я пришел. Я знаю, что она страдает по-прежнему, она уже думает о своих годах. Два дня назад ей исполнилось двадцать четыре. Она знает, что мне нравятся другие.

И мне грустно и жалко ее, когда она смотрит мне в глаза, ищет моей руки, спрашивает, отчего я переменялся к ней, или вдруг гордо отворачивается от меня. Она уже жалеет, что была строга, что не подарила мне ни одного поцелуя. Сейчас она готова не только на это.

Но я уже равнодушен.

8 апреля * Все то же пустейшее существование. Все эти романы развлекают меня только на минуту и в остальное время кажутся глупыми и отвратительными.

---

* После войны. (пол.)

** Если будешь католиком. (пол.)

*** Не хочешь быть католиком ради меня? (пол.)

**** Если ты не будешь католиком, я вынуждена отказаться от нашего решения. (пол.)

***** Родители мне не позволят, и я тогда хотела бы остаться здесь. (пол.)

И поцелуи Эрики, и письма Ванды, и верные глаза Зоси — как быстро это надоело.

К Эрике приехал «нажечёный». Она не хочет на него смотреть. Она просит, чтобы я приходил. Пускай я ее не люблю, она просто хочет видеть меня каждый день. Она не может меня не видеть.

Jezus-Maria, so mam robi !*

12 апреля * З. говорит: «Я знаю, что ты меня не любишь, и это меня бесит. И от этого я люблю тебя еще больше. Я хотела бы скрутить тебя в бараний рог. И я это сделаю. Дай нам только остаться одним. Ты не устоишь, ты еще не знаешь, что может сделать женщина».

12.04 в 16.00 лекция майора Гладченко «Партия Ленина—Сталина — организатор и руководитель комсомола».

13 апреля * Вновь дорога, вновь перелистана случайно открытая страница жизни.

Ландсберг. Прощание с З., ее поцелуи, жадные, женские, открытыми устами.

От Бирнбаума до Ландсберга ведет узкое, аккуратно обсаженное деревьями шоссе.

Не доезжая до Шверина широкий плакат поперек дороги: «Здесь была граница Германии». Здесь *была* Германия. Я невольно ощутил волнение, пересекая этот незримый рубеж. Черепичные крыши селений приветливо краснели среди яркой озими на блестящем и зеленом фоне весеннего утра. Безмятежность утра скрашивала пустоту сел и безобразие развалин. Она вносила некое простодушие в аккуратный и прибранный пейзаж, небольшие сосновые рощи, покатые холмы, ровные возделанные поля.

Проехали Шверин, где на стенах разбитых домов неровной рукой написаны большие буквы: «Гитлеру капут!», «Вперед, богатыри-гвардейцы!»

Ландсберг довольно большой и довольно красивый город с асфальтовыми улицами, разрушенным мостом и трамвайной линией. Впервые увидел немцев с белыми повязками на руках.

Мы поместились в обширной квартире на окраине города.

Поражает детальная налаженность быта, которая видна во всех мелочах обихода, в тысяче вещей и вещей, брошенных регалий и безделушек. И вместе с тем: как мало книг!

---

* Боже, что нам делать? (пол.)

На столе у меня старинные часы, которые беспрерывно вызывают что-то похожее на краковяк. Безвкусовые картины на стенах. Портреты людей в мундирах и без оных. Под одним из них надпись: «Gefallen fürs Vaterland olm 27 m rz 1918»*.

Надпись на кружке:

Der gr te Feind des Menschen
Das ist und bleibt der Wohl Alkohol
Doch in der Bibel steht geschrieben
Du sollst auch deine Feinde lieben!**

14 апреля * Ландсберг. Человек становится рабом вещей. Это старая истина. Но, может быть, в России было легче совершить революцию, потому что «вещь» никогда не была в ней владыкой.

Никогда, я думаю, в России не было такой детальности быта, такого засилья вещей.

Здесь вещь не просто предмет обихода. Нет! Вещи поучают, вещи имеют свою философию, вещи изрекают истины. О плоская, деревянная, самоуверенная философия вещей!

Их проповеди запечатлены ключом готическим шрифтом во всех углах немецкого жилища. Проповедуют полотенце, кружка, шкаф, стены, ночной горшок, тарелка. У них есть свои воззрения на счастье, на любовь.

Die Liebe ist,
wenn zwei Personen
auf Erde schon
in Himmel wohnen!***

Вещи сентиментальны и самодовольны. Такими же были и их владельцы. Они тоже были вещами в своих домах. И отданы на слом, как их дома, как безобразнейшая вещь в мире — Германия.

15 апреля * Везде говорят о скором сражении, может быть, самом решительном и последнем. По дорогам непрерывно летят машины с грузами.

Говорят, и мы поедем. Просился и я у капитана. Обещал взять.

Странно, но я не испытываю волнения.

---

* Погиб за отчизну 27 марта 1918 г. (нем.)

** Злейшим врагом человека была и остается тяга к алкоголю, но в Библии написано, что ты должен любить врагов своих. (нем.)

*** Любовь — это когда два человека, находясь на земле, живут на небесах. (нем.)

Вчера был в Мендзыхуде. Повидал З., повидал старика Генича, который, как всегда, сердечно был мне рад.

Все же остался там, на краю Польши, маленький кусочек душевной теплоты!

Письмо от Бор. Шахова. Страшное письмо!

16 апреля * Под утро слышна была канонада.

Небо дрожит от гула самолетов.

Может, и мы сегодня...

Ощущение беспричинной радости бытия.

17 апреля * Гитлеризм – философия озверевшего мещанина, дошедшего до маньячества в своем самомнении, самовлюбленности, ненавистничестве, зависти. Это какой-то пафос пошлости и ничтожества, чудовищное оголение инстинктов, любование грязью своего «я».

Это логический конец всякого мещанства. К этому неминуемо должен был прийти добропорядочный немецкий бюргер. И неминуемо придут все бюргеры мира, если мы их не раздавим, не сотрем с лица земли.

Мещанин не может быть велик. Он может достичь только непомерного ничтожества.

Он сентиментален и истеричен, как кухарка. Если добрый бюргер клеветает на соседей, Гитлер клеветает на весь мир, на прогресс, на человечество.

Бюргер ненавидит еврея-лавочника. Гитлер уничтожает всех евреев. Бюргер считает, что он и его жена самые добропорядочные бюргеры в мире. Гитлер кричит, что только нация бюргеров достойна жить на свете.

Один бюргер труслив, безобиден и смешон. Но бюргерство воплощенное, воинствующее, грозящее – это уже страшно.

Портрет самого большого бюргера, я сказал бы великого, если бы бюргер мог быть велик.

Трехгранный нос, довольно большой, выдающийся и стремящийся задраться кверху. Дряблая и брюзгливая нижняя губа, как у беззубого. Две унылые складки вокруг рта. Гладкие волосы зачесаны набок, прилизаны и выглядят простовато. Довольно большие уши, прижатые к черепу.

Эти бедные черты всегда подвергнуты попытке изобразить нечто значительное. На них всегда видно усилие. Вот сморщен

невзрачный лоб. Это должно выражать, что фюрер мыслит. Вот он улыбается. Вот он стоит, скрестив руки, — поза полководца. Вот он пожимает руку старухе.

Фюрер постоянно позирует. Он постоянно не то, что он есть на самом деле. Это чувствуется даже по фотографиям. У него обычная штатская фигура. Военный костюм сидит на нем скверно. Еще хуже сидит дипломатический фрак. Лучше всего ему в подтяжках. И ему, и Герингу.

Перечитал Гарина. Жалкое и несчастное поколение. Несчастное от сознания собственного бессилия и ничтожества. Карташев добр, умен... Чем он, собственно, умен, и кому тепло от его доброты?

Мы тоже стремимся, мучимся. Также хотим сделать что-то большое. И может быть, не сделаем. Не у всех хватит таланта, удачи.

И все же, что бы мы ни сделали, мы сделаем все, что можем.

Много ли, мало ли — мы никогда не будем несчастны, никогда не падем нравственно.

Ибо наше «большое» делается всеми и для всех. Это уже социализм, это уже новая черта духа — мыслить о том, что ты можешь дать делу, а не что дело может дать тебе.

Наша жизнь полна нашим делом. Она отдана ему безраздельно.

18 апреля * Ландсберг. 13.00. Выезжаем на задание. Задача мне неизвестна. Я еду в группе л-та К. В качестве неопределенном.

Ландсберг—Витц—Кюстрин—Ной-Харденберг, где должен находиться Штаб (Штаб армии. — Г. М.).

Поле жестокого боя. На много километров ни одного живою места, перепаханная земля, разбитые дома. Много подбитых танков. Запах трупов и битых кирпичей да едкая пыль.

Переправились через Одер.

Вот «настоящая Германия». Как она пуста!

Над Ной-Харденбергом воздушный бой. Небо гудит от самолетов.

Вчера, может быть, сегодня здесь был жесточайший бой. Вдали гул артиллерии. Где-то очень далеко.

Как ужасно все же!

В Ной-Харденберг не проедешь: на шоссе и на улицах в четыре ряда стоят грузовики, тягачи с тяжелыми пушками, обозы.

Здесь никто ничего не знает. Все это вместе под звуки гремящего где-то боя создает впечатление безнадежной неразберихи и бессмысленности.

Однако люди у машин спокойны, одни смеются, другие спят. Ходят неспешно чистенькие штабные офицеры. Улыбаются связистки.

И вскоре начинает казаться, что так оно и нужно, что ничего особенного нет.

19 апреля * Ночевали в полуразрушенном фольварке.

Вчера в Штарме встретил подполковника Д. На вопрос, как идут дела, он развел руками и сделал мину, из которой следовало, что дела идут не блестяще. «Но продвигаются?» — «Продвигаются. Но это не то, что на Висле». — «Говорят, две танковые армии подошли». — «Подошли, — неохотно сказал он. — Мешают переправе. Там все время пробки. И местность здесь — озера. Вот когда их пройдут...»

Ночью не умолкает грохот колоссальной машины боя. Бой мне представляется огромной машиной убийства.

Это чудится сквозь сон.

Надпись в разоренном доме:

La drau en die Sorgen,
Nur Gl ck bring herein.
Hier bist du geborgen,
Hier bist du daheim*.

20 апреля * В Штарме говорят солдаты, конвоирующие пленных, что правый фланг нашей армии прорвал оборону и сильно продвинулся.

Говорят, что Рокоссовский с северо-востока подходит к Берлину.

Если все это так, значит, и мы скоро пойдем.

Самое отвратное чувство на войне — чувство воздушной опасности. Ожидание налета — это нечто тупое, нервирующее, бессмысленное, где ты бессилён, где руководит тупой случай — нечто враждебное и не зависимое от твоей воли.

---

* Оставь заботы снаружи и внеси с собой только счастье. Здесь ты защищен, здесь ты дома. (нем.)

20 апреля * Ночью нас тревожили самолеты. Где-то близко строчил пулемет, бросили бомбу. Впрочем, мы скоро заснули под неприятное урчание моторов.

Я проснулся только в 10 утра.

В Штарме говорят. Противник отходит очень медленно, цепляясь за все рубежи. Нашим танкам оказывают сильное сопротивление. Вывозят артиллерия и «Катюши». Сегодня в р-не Илов противник трижды переходил в контратаку. Один раз ему удалось потеснить наших.

Положение было восстановлено артиллерией и пехотой.

За вчерашний день наши продвинулись на 7 км.

По пустому фольварку ходит оставленный бездомный скот. Старая хромя кобыла, облезлая и паршивая, с печальным выражением в глазах бродит без видимой цели по двору. Навстречу ей попадает коза в соломенной шляпе, которую ей нацепили солдаты. Они останавливаются друг перед другом и долго стоят, помахивая головами, как две знакомые старушки, как будто беседуют: «Плохо дело», — говорит кобыла, помахивая головой. «Переживем», — отвечает коза, двинув челюстью сбоку набок. И они расходятся.

Есть еще здесь корова, которую мы доим, и малюсенький кролик-сирота. Сирота прыгает, пугливо озираясь, и даже молока есть не хочет. Вчера целый день он прожил у меня за пазухой.

20 апреля * 15.00. Получил приказ начальника Р. О. фронта выдвинуться в р-н действий 3-й ударной армии (Вернойхен для захвата станции немцев /новое секретное оружие ПВО/).

За Н[ой-]Харденбергом более пересеченная местность, более отрядная. Однако следы боев здесь на каждом шагу.

Чертовская пыль. Мы черны как негры.

Проехали Илов, где сегодня были бои.

Деревушка П. (27 км от Берлина). Здесь Штарм 3-й ударной армии.

21 апреля * 1.30. Хиршенфельд. 16 км от Берлина. Штаб 27-го корпуса. Вернойхен уже взят. Завтра утром надеются быть в Берлине.

Значит, и мы будем.

По дорогам в три ряда идут машины. Поминутные пробки. Утомительное движение.

Тревожат самолеты.

10.30. Зеefeld. 10 км до Берлина. Противник, оказывая упорное сопротивление, отходит к Берлину.

Говорят, 5-я ударная армия уже в Берлине.

Из нор вылезают русские, украинцы, поляки, освобожденные нами.

12.00. Суматошный день. Обстрелы, бомбежки. Довольно скучно.

В деревушке, где мы стоим, немцы собрались в подвале. Солдаты «шуруют» их вещи.

Молодая девушка — Хельга. Семнадцать лет. Ее пять раз насиловали солдаты. Женщины просят, чтобы больше ее не трогали, — она не может.

Какой ужас! Она сама меня просит об этом.

Это хорошенькая брюнетка, похожая на Франческу Гааль³. Весь день я провозился со стариками, бабами, их детьми, охраняя их от всяких посягательств.

22 апреля * 8.00. Обстановка. Противник обороняет северо-восточную окраину Вейсензее прямой линией к северной окраине Марцан. Оказывает упорное сопротивление.

А. 1. Дозор. Сергейчев. Задача: разведать узлы сопротивления противника на северо-восточной окраине Вейсензее и какими силами он располагает, откуда ведет обстрел.

2. Взять пленного.

3. Уяснить пути и направления отхода главных сил противника.

Б. Никитин. В район Марцан с той же задачей.

Пауль Шайбке. Обер-инспектор железной дороги Берлин—Врицен. Семьдесят три года.

23 апреля * Находимся в предместье Берлина. Радиограмма Р. О. Перейти в распоряжение правофланговой армии (р-н Марцан, 14.00).

Говорят, наши войска (5-я армия) соединились в Берлине с союзниками и Берлин капитулировал. Однако недалеко бьет артиллерия. Видимо, справа идет бой.

Все чаще по дороге попадают люди. Идут украинцы, русские, голландцы, французы, опустив глаза, плетутся немцы с тележками.

Разговаривал с французами. Все они голодны, но неизменно веселы.

Немцы, наоборот, имеют вид ужасный. Однако, как они ни угнетены, они не забывают вещей и тащат их с муравьиным упорством.

Есть и хорошие немцы. Справки о том, что они «хорошие», выдают им угнетенные братья: «Етот немец Фриц Прант с женой разбомбленные Лихтенберг Ландборг шоссе. Пишет русская, которая жила в ево. Очень был хороший. Мое название Ковалева Оля»⁴.

Для забавы сообщаю немцам, что я еврей. Они ужасно рады, как будто я не еврей, а их богатый дядя, который к тому же собирается умереть.

Небольшая воздушная тревога.

Фалькенберг. На всех стенах написано: «Berlin bleibt deutsch»*. Говорят, он уже наш.

24 апреля * Беркенвердер. 13.00. Правый фланг фронта. Здесь действует польская армия. Разрушений меньше. Больше жителей. Больше порядка. Поляки, кажется, вежливее нас.

Городок почти не «раскурочен». Солдаты шляют по домам, наблюдая немецкий комфорт.

Удивительная встреча! Четверо живых евреев почти в центре Берлина. Разговаривал с ними. Судьба их ужасна. Однако живучесть евреев поразительна. Они говорят, что в окрестностях Берлина скрывается около 2 тыс. евреев.

До отвала наелся шоколада. Кажется, всю войну мечтал об этом.

25 апреля * Бод Фрейенвальде. Здесь Штарм 61. Чистенький городок, почти не разбитый. Встретил М. З. Красивая баба. Отдал ей аккордеон. Жалко!

27 апреля * Ночной путь в Беркенвердер. Пусто в полях. Равнина, порой холмы, изредка лес. И пусто, пусто в Германии.

Сегодня встретил еще одну еврейскую семью. Он немец, она еврейка. Носит желтую звезду с надписью «Jude». «Зачем?» — «Теперь это хорошо». Знак позора стал для них своеобразным паспортом.

---

* Берлин остается немецким. (нем.)

30 апреля * Штраусберг под Берлином.

Прекрасное озеро с лесистыми берегами. Солнечный ветреный день. Ощущение конца войны. И не радость, а растрепанные чувства. Еще большее отвращение к штабной писанине. Эти последние дни перед миром убийственно тягучи.

3 мая * Берлин капитулировал. Ходят разные слухи. Будто бы Гитлер застрелился, Геббельс отравился и отравил семью. Будто бы в наш штаб приехал генерал от немцев с предложениями.

Сегодня говорят о полной капитуляции.

Эти вести, будоражащие всех, не могут рассеять тяжелой тоски, охватившей меня. Кажется, можно свободно вздохнуть, кажется, скоро я буду независим, свободен делать все, что хочу.

Но и это не радует. Вся тоска этих лет, все опасности, ужасы, голод, подавленное самолюбие, вечное отречение от себя, от благ, от дела — все это выплыло из памяти и давит.

Где мои друзья и соратники? Где мои надежды? Мои стихи? Романы, трагедии? Прекрасные мысли?

Ничего этого нет. В двадцать пять лет я начну *жить* сначала. И видимо, трудно жить.

Много дней нет писем из дома. Что там?

7 мая * 10 ч. вечера. Штраусберг.

Говорят — победа.

Стрельба по городу. Ракеты.

9 мая * Первый день мира. День радости и новых сомнений.

Прежде думалось: буду ли я жить? Теперь — как я буду жить?

Рассказывают о подписании капитуляции.

Оно происходило в Штарме 5 при большом скоплении корреспондентов.

Когда собрались все наши, Жуков сказал: «Представители германского командования могут войти».

Они вошли. Им показали текст протокола. Они его подписали. После этого Жуков сказал: «Представители германского командования могут удалиться». Они вышли в полном молчании.

Без даты *

На 16 мая.

1. Реляции.

2. О водке.

3. Сведения в АВТУ!
  4. Наряды.
  5. Табель постов.
  6. Приказ о должностях и убывших в госпитали.
  7. Отметить членские взносы.
  8. Комсомольские дела!..
  9. Порядок на кухне.
  10. Взять Т. Т.
  11. О сапогах.
  12. Заехать в ОСЕ (об Н. З.)
- Ваське — разобрать и подшить документы.
Толбову — составить расходные ведомости (начерно!).

28 мая * Отвращение к работе, к себе, даже к планам на будущее. Мозг так устал от неинтересной, бессмысленной и нудной, высасывающей работы, что почти не способен мыслить и мгновенно погружаюсь в сон, как только проходит необходимость растративать его на тысячу мелких дел.

Разговоры с Левкой и Гецем⁵ тоже не рассеивают ипохондрии. Уж очень они все умные, уж очень боятся банальностей. Я чувствую себя с ними неловко и тягостно. Как ужасно!

Они уже успокоились. Они решили твердо, что Гегелями им не быть и так можно с этим примириться.

4 сентября * Много дней не записывал ни слова. За это время — поездка в Лейпциг, стремительный роман с Эвой-Марией, переезд из Берлина в Бабельсберг и маленькая Инге с большими голубыми глазами⁶.

Я ловлю себя на том, что все чаще думаю о женщинах. Иногда — в минуты скептики — к чему все это? А потом снова то же желание — нет, не обладать женщиной! — владеть ее сердцем, приходиться по ночам с душой, полной поцелуями.

25 декабря * Жизнь нужно делать, как художественное произведение. Плохо, если самое лучшее в ней метафоры. Неважно, если несколько фраз в ней будут неудачны. Вдохновение — вот самое главное.

Если бы я умер двадцати лет, сказали бы, что из меня мог бы получиться гениальный поэт. Стоит ли жить до шестидесяти, чтобы доказать обратное.

26 декабря * «Тип декабриста – это, прежде всего, тип человека совершенно цельного внутренне, с ясным, законченным определенным психическим складом человека, которому внутри себя совершенно нечего делать и который поэтому весь обращен наружу. Осознанное мировоззрение настойчиво требовало участия в жизни, и главным образом, разумеется, в общественной, которая так далеко отстала от него: вот почему эти люди *психологически* должны были стать политиками. Им лично, каждому в отдельности эта психическая насыщенность сообщала удивительный нравственный закал, и потому, когда жизнь поставила на пробу их личное мужество, они во тьме рудников засияли, как драгоценные камни» (Гершензон).

Совершенный тип человека нашего времени – тип декабриста; но декабриста, пришедшего к власти, дошедшего до переходного периода.

5 января * Вечер молодых поэтов. Тарасенков¹ причесал их и положил в ящик с названием «четвертое поколение». Так они себя и вели, даже руками не размахивали, не говоря уже о мыслях. Поэзия стала скучным эстрадным номером. Брали голосом. Больше всего понравились пародии.

Львовский спросил: «Как у тебя настроение?» Я сказал: «Хорошее». — «А у меня плохое. Каждый из них издал уже по книге». — «Что же, значит для этого не надо быть гением».

Литература «четвертого поколения» не стала поэзией. Гудзенко,² Урин,³ Межиров⁴ — все они талантливы. Но это лишний раз доказывает, что поэзия — это идейное движение. Был период Пушкина, Лермонтова. А следующего периода уже не было. Тогда стали Белинский, Грановский,⁵ Станкевич⁶.

Если у нас не будет поэзии, время будет названо по нашим мыслям.

Шакалы набросились на войну, как на труп лошади. Когда они все съедят, жить им будет нечем.

Мандель⁷ говорит: «Я хочу такой поэзии, где я был бы средним поэтом».

В. Ян — жизнерадостный старик, благородно думающий о смерти. Он сидит в кресле в черной шапочке, в бархатной блузе с бантом. Вокруг него благородные старики, пришедшие его поздравить. Бывалые старики, немного скептики, но готовые все понять.

Когда-нибудь и мы будем такими стариками.

9 января * Мы — поколение 40-х годов России — призваны быть светом в темном царстве послевоенной Европы.

Поколение безусловно честных, так должны нас называть.

24 января * Пришел Львов, одинокий, мучающийся и страстный. Он говорит о поэзии и поисках дружбы. Стихи его совершенны, просты и умны.

Он говорит: «Мы живем в век характера, в век сжатых человеческих судеб».

Разговор о Польше с Кузьменко.

Израилев⁸ спрашивает: «Как ты сумел остаться таким молодым и легким?»

С[ельвинский] говорит о Симонове: «Вот человек, который предал поэзию».

Какими тесными сплетениями сосудов и нервов привязаны мы, поэты, к своим биографиям. Как должны мы уметь жить, чтобы уметь писать!

15 февраля * Моя мысль очень проста. Единственный пафос поэзии наших дней — это самосознание целого поколения людей, ставших в войну движущим фактором государственной жизни.

Дураки брюзжат на цензуру. Не знаю. У нас нет поводов спорить с цензурой. Новая поэзия — это органическое принятие. Вне этого принятия — декаданс, гибель поэзии. Отрицающий герой XIX века давно погиб для искусства. Эта судьба ждет всех, кто будет тянуться к нему.

Не зная героя 40-х годов России, интеллигентствующая поэзия боится его психической несложности. Это заблуждение. Тип современного гражданина, который необходим народу так же, как и литературе — характер, в каком-то смысле Вильгельм-Майстеровский⁹. Эволюция его должна быть дана именно в таком роде.

С[ельвинский] очень бодр. Это человек большого масштаба. Может быть, поэтому он не слишком с нами считается. Старик решил свести счеты с Симоновым, взяв нас за ноги и размахивая нами. Может быть, он и расшибет голову С., но и нам не поздоровится.

Глупо. Единственный метод литературной борьбы в наше время — писание. Этого ждут. Декларации никому не нужны.

26 февраля * Мой первый вечер перед многими людьми на филологическом факультете. Первый успех.

Гудзенко был очень глуп. Урин — мальчишка. Бестия среди них — Межиров. Но как талантлив и обаятелен! Он весь соткан из софизмов. И все же я его люблю.

27 февраля * Сегодня самый трудный день моей любви. Впереди сутки мучений, адских, бесплодных.

11 марта * Читка в «Октябре». Единодушное мнение, что поэма не удалась¹⁰. И все же все оценивали мою «первую обойму» гораздо значительнее, чем я сам. Это первое, что мне необходимо было сказать. Неудача поэмы меня не огорчает.

Сельвинский говорил о поэзии очень высоких мерок. Как бы ни было слабо все, что я сделал, все они чувствуют силу прямолинейных принципов. Среди всех шатаний и хитроумных домыслов, среди этой звонкой игры словами, среди всех разговоров о трудностях времени, — я твердо провозгласил истину, что правда государства есть правда поэзии и что до нас никогда этого не было.

14 марта * Счастливейший день моей любви. Я помолвлен с прекраснейшей женщиной нашей планеты¹¹.

20 марта * Искусство, если оно не идет специфическими путями, а опирается на авторитет голого рассудка или факта, всегда доходит до обнажения этой своей специфической сущности. Так трагедия Корнеля вырождается в афоризм Ларошфуко и позитивный роман Золя во фразу или образ Ренара.

Открытие от Львова.

Мандель, талантливый мальчишка, одержимый стихами. В нем есть старинное сумасшествие хасидского святого, талмудические выверты рассудка и прекрасная непосредственность чувств. Идиоты, которые ему завидуют, убедили его в том, что поэт должен быть эксцентричен. Его перестали пускать в приличные дома. Одно заблуждение породило другое.

Привыкнув к нему, его начинают находить обаятельным в его сиротской курточке, с взъерошенными волосами, толстым носом, близорукого, с вытянутыми вперед губами и неуклюжей фигурой.

(Далее страница оборвана. — Г. М.)

30 марта * Свободный человек не нуждается в моральной философии. Ему не нужно преодолевать запреты и подавлять инстинкты. Запреты, которые ставит общество каждому, кто в нем живет, есть те внутренние границы, в которых развиваются стремления свободного человека. Ему незнакома рефлексия. Наукой о поведении становится эстетика, ибо всякий труд превращается в творчество.

В идеях интеллигентского «пафоса отречения» всегда есть неудовлетворенное тщеславие и обида продавца, невыгодно про-

изведшего сделку. Мятущийся интеллигент всегда считает в глубине души, что эпоха плохо платит ему за его исключительность. Он прощает эпохе, признавая это *ее* недостатком. И замыкается в тщеславном «отречении от благ». На самом деле, эта эффектная поза всего лишь социальная глупость. Рабское восприятие труда как чего-то, что должно оплачиваться извне. Недостаток бескорыстия. Атавизм. Неумение жить творчеством.

Производство не есть нечто независимое от человека, то, без чего люди могли бы жить. Ступени производства есть ступени познания. Состояние производства это состояние познания (=сознания). Человек не может познать мира, не изменяя и не подчиняя его. Человек вгрызается в мир — в этом суть познания. В этой деятельности покорения мира человечество обретает свободу. Орудие, с одной стороны, результат познания, с другой — средство познания. Человек обращает природные необходимости против природы. Орудие — результат *общественного сознания*. Вот почему общественное бытие (=состояние производства) определяет сознание. Человек видит мир глазами своих орудий, ибо в них воплощен познанный мир, опыт всего человечества.

Если бы мир непосредственно действовал на сознание человека, каждому из нас пришлось бы проделать сначала всю идейную эволюцию от обезьяны до наших дней. Индивидууму это не под силу. Производство — это накопленный всем человечеством опыт. Он проверяется в действии.

В процессе познания человечество становится свободным. Могущество человека проявляется в том, что познание его выходит за пределы удовлетворения насущных потребностей. Свойство познания не только воспринимать, но и излучать свою энергию в мир начинает проявляться как нечто лишенное корысти — как творчество. Свободная природа труда — начало искусства. Оно формируется как элемент труда (ритм!). Отсюда надо начинать эстетику.

2 апреля * Свойство Вольфа Мессинга¹² воспринимать чужие импульсы есть нечто родственное гениальности художника. В нем дышит бескорыстное счастье восприятия. Но это одна сторона гениальности, доведенная до сумасшедших, непомерных объемов. Это блуждающая, бессмысленная, бесформенная гениальность, запертая в глубине инстинктов, доводящая его до ненормальности, но не умеющая найти выражения.

4 апреля * Вечер поэтов в Колонном зале¹³. Старинное благородство поэты у Ахматовой. Пастернак, читающий стихи гнусавым голосом, который можно только нарочно придумать. Но это его голос. Сельвинский — человек больших заблуждений, размах которого виден в его заблуждениях. Он создает поэзию только на пути к крайностям.

Антокольский,¹⁴ который никогда не пишет плохих стихов. Он ведет себя в поэзии, как добрая проститутка. Любит всех из жалости. То, что настоящему поэту достается тысячей мук и страстей, он продает за три рубля. Вместо воплей и бормотания страсти — привычное умение проститутки.

Мандель пришел, размахивая японской тетрадкой. Молодые корифеи выставляют его в смешном виде. Я утешил его, и он с детской радостью показал мне переписанные крупным почерком шестиклассника стихи.

«У меня и оглавление есть, — сказал он с гордостью. — Теперь, если Сашка скажет, что у меня нет стихов, я посмотрю оглавление... Вот».

«Буйство грозы в коридоре», — называет он Межирова.

27 апреля * Первомайский вечер молодой поэзии в Университете. Всем хотелось танцевать, и мы провалились. Поэзию перешибает простой джаз. Может, и поэзия-то — одна дрянь.

20 августа * Я, может быть, не стал бы писать поэму сейчас, когда еще не улеглись страсти и сумрак не прояснился. Но приходится торопиться¹⁵. Идеальные этические схемы, которые, мне казалось, необходимо осуществляются в эту войну, оказались фикцией. Однако история идет своим путем. Сила нашего взгляда на вещи в том, что это взгляд исторический. Люди делают ошибки. История их выправляет.

Необходимость моей поэмы *именно сейчас* состоит в том, чтобы прояснить нынешний темный ход истории и поддержать колеблющихся, не ожидая, пока все прояснится само собой. Проясниться должно, но пройдет два-три-пять лет, за которые вырастет целое бледное поколение скептиков и релятивистов.

П. говорит: нужно поддержать пошатнувшуюся веру. Гениальное предсказание Ленина открыло мне глаза на многое, о чем политика не может не умалчивать. Кажущаяся нелепость времени есть кривая проекция исторического хода в душах людей с нетвердой верой.

28 августа * Интереснейший разговор с Сергеем Н[аровчатым].

Судя по ряду признаков, постановление ЦК о ленинградцах есть часть программы обширного идеологического поворота, связанного с нынешним положением¹⁶.

Период соглашения с «демократиями» неминуемо должен кончиться. В этом смысле наша твердость и правильное различение стратегии и тактики целиком оправдались.

Совершенно ясно, что послевоенный поворот в политике уже произошел. Литературное мещанство его не расчухало.

Европа стала провинцией. Дело, в конечном счете, решается англосаксами. У этих последних страшно воинственный дух в литературе против нас как единственного государства с «тоталитарным» режимом, как они говорят.

Отсюда резкое размежевание — подготовка следующей войны. Можно ожидать восстановления коминтерновских лозунгов, так дорогих нам.

Как всегда, литература отстала от политики. Решение ЦК спасает литературу от провинциального прозябания. Генеральный путь литературы — широкие политические страсти. Особенно сейчас, во время складывания коалиций для будущей войны.

Меня радует, что ход времени подтверждает мои поэтические предсказания (в поэме). Радует, что нас не сбила с пути международной революции никакая тактика.

Русопятские позиции неминуемо должны замениться прежними.

Передают — Сталин о Зощенко: «Если этот дурак ничего не понимает, то пусть идет к черту со своей обезьяной».

29 августа * Арнольд Л. — летчик, автор острых рассказов об авиации, человек журналистского склада ума. Приятен, как человек сходных взглядов.

Его тема летчика — тема характера, где физическое развитие и интеллект есть некое гармоническое сочетание.

Интересное замечание о гибели Гастелло¹⁷. Он утверждает, что в гибели его не было расчета. Героем следовало бы считать журналиста, который увидел во внешней ситуации внутренние возможности подвига и призвал на подвиг столько людей.

О технике Хемингуэя. Самое трудное в прозе — диалог. Прозаика мучит слово «сказал». Они пытаются его разнообразить —

«ответил», «обратился», «ухмыльнулся». И все равно каждое из этих слов торчит колом и режет слух.

Хемингуэй делает иначе. Он повторяет через строку: «он сказал», «она сказала». Сначала это мешает. Потом перестает замечаться, как имя действующего лица в хорошей пьесе.

«Автоматизация формалистов» идет здесь не против выразительности, а за нее.

12 сентября * Вчера приехал Слуцкий. Это замечательный политический ум.

Рассказывал об отце Кульчицкого, — в прошлом штабс-капитан, автор статей по вопросам заядлой офицерской морали. Затем — деникинский полковник. Статьи его были выкопаны во время этой войны и опубликованы в подчищенном виде.

Во время оккупации Харькова немцами — работал следователем. Затем был арестован, видимо за связь с антинемецкими кругами, и умер в тюрьме.

Мишка Кульчицкий не был фигурой аполитичной. Его Россия, при всей нечеткости мышления, была вещью с честными принципами. Но в нем никогда не было личной кристалльности, хотя это и поэтизируется Глазковым.

В моих стихах Слуцкий заметил [не только] определенную раскованность и «облик», но и замах на печатность. В них уже нет той независимости, что была в «Мамонте».

Вряд ли это верно. Просто государственная тенденция выражается во мне гораздо яснее и активная сторона поэзии стоит на первом плане.

О монологе Ленина¹⁸. Ленину не присуще было образное мышление типа марковского или сталинского. Он, скорее, отталкивался от него. Мысль спорная. Вероятно, поэт имеет право на поэтизацию такого рода.

Мерсье¹⁹ говорит о том, что Александр Македонский был малого роста, однако вполне естественно, когда в трагедии он изображается высоким и сильным.

Идейный поворот, начавшийся постановлением ЦК, продолжает расширяться и углубляться. Множество симптомов говорит за это. Хотя пока еще производится оборонительная работа — критика и хуление заблуждений, не всегда справедливая.

Гудзенко и Межиров недостойны полемики. Первый сказал обо мне: «Он хочет того же, что и я, но ему мешает эрудиция».

14 сентября * Украинский национализм неминуемо становится антирусским и антисоветским. Колебания у них происходят лишь между германской и англосаксонской ориентацией. Момент весьма существенный.

Совещание в МК комсомола о литературе.

Гудзенко говорит: «Я живу в промежутке между двумя войнами. Я воевал один раз. Собираюсь воевать еще. А теперь хочу хорошо жить. Больше ничего меня не интересует».

В поэзии это растиньячество²⁰ обречено на провал. С этим человеком мне не по дороге.

16 сентября * Больная и — в силе своей — изломанная Цветаева. И все же негодование не переплескивается в презрение к миру. Там, где поэзия пробивается через бабью лихую злость и позу гордой нищенки, там правда — бунт против пошлости Гаммельна,²¹ там тончайшая связь с революцией.

18 сентября * Сергей рассказал пару анекдотов о Кульчицком²².

В женщинах он был неразборчив и вообще как-то добродушно нагл, весело циничен, неопрятен и велик ростом. В нем чувствовалось что-то раблезианское.

Жил он одно время с ресторанной официанткой или что-то в этом роде. Затем решил с ней порвать. Они расстались. Этим бы и дело кончилось, если бы К. не распустил слух, что его бывшая возлюбленная — гермафродитка. Женщина была взбешена и грозила ему отомстить. А он говорил весело и небрежно: «Я же не мог сказать, что с ней жил. Разве можно компрометировать женщину?»

У профессора Тимофеева из Литинститута была кошка. Жирный, балованный кот, любимец семьи, часто гулявший по двору герценовского дома. Однажды (это было в начале войны) кот исчез.

Горю хромого профессора не было конца.

В это время Кульчицкий хотел сделать подарок одной своей знакомой (Миловидовой). Он подарил ей шкурку «туркестанского тушканчика», мех, по его словам, превосходный и редкий в наших местах.

Из тушканчика была сделана чудесная муфта, с которой де-вушка явилась на лекцию.

Тимофеев похаживал на костылях между партами, и вдруг все заметили, что взор его прикован к муфте. Он читал лекцию и неотступно, как прикованный, глядел на муфту. После лекции он подозвал Миловидову к себе. «Что за мех?» – спросил он. – «Это туркестанский тушканчик». – «А где вы его взяли?» – «Мне его подарили». – «Кто?»

Было наряжено следствие. Вызван Кульчицкий. Его взяли на арапа. «Ты съел кота!» – сказал ему один из комсомольских деятелей. «Съел, – отвечал смущенный Кульчицкий. – Но откуда тебе это известно?»

За каннибальство Кульчицкий был исключен из института, кажется, в третий раз (с формулировкой «за безнравственность»).

Один раз он был отчислен за продажу презервативов в баре № 4 на площади Пушкина.

Был у него друг, Ройтман, инвалид, человек сугубо ему преданный. Перед тем как ехать на фронт, К. у него жил. Они вместе продали скудное имущество хромого.

В день перед отъездом К. пришел к своему другу, нагруженный покупками. «Ты меня кормил, – сказал он, – теперь я решил накормить тебя на прощанье».

Друзья весело провели вечер. Под конец раздобревший К. обнял своего друга и сказал: «Дорогой, я должен перед тобой покаяться. Но я знаю, ты меня простишь. Уж очень мне хотелось угостить тебя напоследок. Я продал твою протезную обувь».

20 сентября * Рассказ о литературной мистификации.

Н. Воркунова, бывшая жена Наровчатова, числилась одно время наиболее подающей надежды молодой поэтессой. Ее весьма одобряла Л. Ю. Брик, холодно относившаяся к Сергею.

Самое забавное, что Воркунова ни одной строки не написала. Все приписываемое ей было создано Сергеем при участии Слуцкого²³. Она лишь весьма удачно играла роль. Более того, с этими стихами она поступила в Литинститут и окончила его как поэтесса.

Удача этой мистификации была в том, что она была персонифицирована, что отличает ее от всех других вещей того же рода.

1947

18 ноября * Не вести дневник — глупость или преступление. Во-первых, это вырабатывает стиль, во-вторых, освобождает человечество от бесплодных мучений. Писать дневник нужно хотя бы из сострадания к будущим историкам. Будут они гадать о том, что ты делал или о чем ты думал в такое-то время. А ты, оказывается, ни о чем не думал и ни черта не делал.

18 февраля * Тихоновы принимают меня радушно и... равнодушно. Для М. К. во мне мало российской голубой крови или российской же экзотики. Я для нее — «маран». Н. С. слишком занят собой. Это краснолицый пожилой человек с седыми короткими волосами. Фигура пышет здоровьем. Лицо, голос, речь — просты. Он мог бы быть приказчиком. Но, впрочем, есть что-то и поэтическое. Удивляют глаза — неестественно круглые голубые зрачки, прямые белесые ресницы. Такими мне представлялись глаза Павла I.

Дом у них открытый. Всегда поят водкой. Но гости преимущественно молчат. Хозяева болтливы, особенно М. К. Судя по ее рассказам, жизнь ее полна всяких случаев, невероятных и странных, встреч, полных значения и таинственности; впрочем, старуха любопытна и в потоках ее болтовни попадают сведения редкие и замечательные о людях, забытых нашим временем, но о которых могут вспомнить времена грядущие.

Вряд ли они меня считают человеком слишком талантливым. Уж слишком в разных местах ищем мы романтику нашего времени.

21 февраля * Отнес шесть стихотворений Тихонову, Вишневскому¹ и Тарасенкову. Стихи довольно банальны по замыслу, но свежи ритмически и являют собой попытку перевести ряд политических убеждений в ряд поэтических ощущений.

Я не жду от них большого успеха, но надеюсь, что они обратят на себя внимание при нынешнем бесстишье.

Был у Сашки Межирова. Его грузинские стихи — бесформенные груды таланта и поэтического труда с обманной страстью и без мысли. Отлично чувствуя фальшь словесную, образную; формальную, он культивирует фальшь духовную, что во много раз хуже. Как всегда, привлекает своей влюбленностью в слово. Как бы то ни было, его ложь обаятельна.

У С. М. познакомился с Гришей Левиным² — критиком. Умен, но с иудейской торопливостью мыслей, с иудейской бояз-

нюю телесного. Стихи его (все поэтические критики пишут стихи) плохи, малокровны. Суждения о стихах умны и искренни.

С. показывал стихотворное послание Глазкова. Стихи блестящего таланта и трагической искренности. Он чувствует страшный тупик, в который зашла «глазковщина».

Наше поэтическое развитие было ненормальным. Оно превалось в двадцать лет. Когда мы вернулись с войны, мы были двадцатипятилетними людьми и двадцатилетними поэтами. Опыт не укладывался в стихи. Человеческое развитие обогнало рост поэтического мастерства. Это объясняет многие недостатки, странную незрелость моих послевоенных стихов.

5 марта * Учиться мыслить, во многих отношениях, следует у шестидесятников. Какой простор, какое благородство, какое ощущение силы и достоинства!

А между тем идейные задачи нашего поколения мощней и шире их задач. Во времена Белинского, Герцена, Чернышевского общественное развитие России, в частности литература, достигли такой значительности, что необходимо было сызнова (или впервые!) взглянуть на русскую историю с новой точки зрения — отыскать в ней причины этой значительности. Русская история и история русской литературы предстают в новом, осмысленном, глубоком виде. Но тому поколению русских мыслителей было достаточно, чтобы Россия в глазах русских и в глазах Запада стала в один ряд с Францией, Германией, Англией. Они не отказываются от ученичества, хоть и отмечают с гордостью каждое самостоятельное движение русского ума. С этой точки зрения русская история действительно начинается для них с Петра I, т. е. там, где *сходятся* пути России и Запада.

При всем значении и глубине этих взглядов они уже недостаточны в наше время. Взгляд нашего поколения на историю России неминуемо начинается с более глубоких оснований — с пролетарской революции. То, что этот великий, небывалый всемирно-исторический поворот произошел в нашей стране, заставляет искать новое значение русской истории, и гораздо дальше и глубже, чем прежде. Уже и Иван Грозный, и вся русская государственность до Петра предстают в новом ярком свете. Уже Россия ощущается не «равной среди равных», а главнейшей силой новой истории, ее генеральной дорогой. Уже самые слабые ростки русского прогресса приобретают громадный смысл, потому что им

не суждено погибнуть, как прогрессу Англии, Франции, Германии, а суждено было развиваться в новую социальную формацию — в коммунизм.

Может быть, с этой точки зрения иконы Рублева важнее сейчас, чем живопись итальянцев, реформы Ивана глубже, чем кромвелевская революция, «Слово о полку» серьезнее «Песни о Роланде».

Это новая увлекательная задача времени. Если выполнять ее с уважением к великому, что сделано человечеством, она никогда не будет выглядеть как задача национального ограничения, наоборот, в решении ее будет огромный поучительный общечеловеческий смысл. Наоборот — решение ее приблизит революцию во всем мире.

Конечно, возможны и увлечения и перегибы. Много еще людей мелких и бесчестных, которые, прикрываясь задачей раскрытия русской истории, захотят возродить и все черное, что наложилось за множество ее веков.

Это не главное. Мерзость не живет долго.

У Чернышевского есть глубокое замечание о том, что для Полевого³ русский классицизм был гораздо более ненавистен, чем для Белинского, хотя Белинский гораздо дальше отстоит от Державина, чем Полевой. Для Полевого Державин — еще сегодняшний день литературы. Он вынужден бороться с ним со всей резкостью. Белинский уже способен видеть объективные заслуги Державина.

Для Суркова⁴ Пастернак — сегодняшний день нашей поэзии. Для нас и Сурков, и Пастернак — день вчерашний. Но Пастернак и не претендует быть днем сегодняшним. Бог с ним! Он сделал меньше, чем мог бы сделать. Отдадим дань уважения тому малому, что он принес в русскую поэзию. Сурков тщится быть сегодняшним днем поэзии. Это хуже. Он ничего не сделал вчера и ничего не сделает сегодня.

Для Карамзина еще не существовало русской истории. Он не чуял ее значения. Для него существовала лишь повесть о событиях, изложенная с минимальными историческими понятиями. Для Чернышевского уже существует настоящая история, начинаемая с Петра I. Более отдаленная история ему не нужна. Не нужна ему и литература, начинаемая раньше Кантемира. Этим кругом фактов он вполне объясняет все явления его времени.

Для нас открывается подлинная история России от древнейших времен и подлинная история нашей литературы.

Ленин первый поставил вопрос о всемирно-историческом значении русской литературы конца XIX в. в связи с всемирно-историческим значением русской революции.

«Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед *в художественном развитии всего человечества*».

«Неожиданный» взлет русской культуры был вестником великой революции. С высот нашего времени открываются тайны развития русской культуры и ее истинное значение. С этой точки зрения должна быть рассмотрена вся русская культура, вся русская история.

Мы уже пережили увлечение голыми социологическими схемами. Они оказались бесплодны, бессильны объяснить русскую историю. В них пропадал аромат и величие идей, яркость и разнообразие личностей и талантов.

Мы пережили и обратные увлечения. Некоторое время «инерция отталкивания» вводила нас в заблуждение. Мы были склонны выпячивать на первый план достоинства (настоящие или мнимые) отечественной истории, забывая ее недостатки. Появились произведения стилизаторские, пошлые, слащавые.

Истинная точка зрения на историю и культуру вытекает из самой истории и из того факта, что революция произошла именно в России, и, следовательно (упрощая), вся история была подготовкой этой революции.

Недавно на одной из философских дискуссий по книге «Энгельс и естествознание» Александров оспаривал наличие мировой науки, утверждал, что в каждую отдельную эпоху эта наука воплощается в какой-нибудь национальной культуре, например, XVIII век – это Франция, XIX – Германия, XX – Россия. Взгляд этот недалеко уехал от Гегеля. Стоит ли его оспаривать!

Метафизический ум всегда разделяет, не в силах соединить, всегда разрушает, не в силах воссоздать, всегда возвышает одно, умаляя другое.

Значение русской культуры не умаляется признанием других культур. Главенство и прогресс Советского Союза не оспариваются признанием достижений мировой науки. Стоит ли тратить силы на то, что уже открыто, только для того, чтобы заслужить

славу открывателя. Лучше воспользоваться результатами того, что известно, чтобы открыть нечто более значительное.

7 марта * «Сказание о земле Сибирской» – фильм приятный и доказательство тому, что у нас умеют делать вещи приятные. Хорош цвет, особенно в пейзажах (кроме патетических, где все фальшиво). Идея картины была бы совсем полезна, если бы воплотилась глубже и изображение ее было лишено многих штампов. Конечно, искусство «чайной», если оно трогает сердца, важнее и полезнее «высокого» искусства, если оно оставляет равнодушным. Но следует не опускаться его до «чайной», а поднять публику от чайной до консерватории. Это может сделать только *самое простое, но и самое высокое*, самое патетическое и глубоко-мысленное искусство. К сожалению, гонясь за доступностью, мы часто забываем о глубине, «возвращаемся в дураки», как говаривал Горький.

Раздражает игра главных актеров. Я много видел людских переживаний, они всегда выражаются сдержаннее. Актеры переживают так, как ссорятся в коммунальных квартирах – слишком громко.

Сильные страсти обаятельны, когда они сдержанны, когда выбиваются неожиданно и редко.

Благородство трогает и без крику. Ей богу, меня прошибла слеза в сцене Якова и Настеньки. Но я был совершенно равнодушен к главной коллизии. Тон ее не найден.

9 марта * Мещанская слабость XIX века (*fin de siècle**) не может импонировать сознанию европейской интеллигенции. Вдоволь насладившись всеми изменами, извращениями и безумствами декадентского искусства, европейский интеллигент очнулся с большой головой, с выхолощенными чувствами, с ощущением своего ничтожества и бессилия, с ясным сознанием невыполненной социальной миссии. Кроме того, нужно было решаться – рост пролетарского сознания, приближение революции выдвинули на первый план проблемы острой социальной значимости, интеллигенция по своему промежуточному положению должна была привыкнуть к пролетариату или оттолкнуться от него. Но патология индивидуализма, изломанная и бессильная личность не

---

* Конец века (*фр.*).

могли уже противостоять здоровому и молодому дуновению революции.

Стало ясно, что наступило время «сильной личности, сильной морали» в обеих противостоящих группировках.

Часть интеллигенции (особенно в России, где декаданс морали, искусства, социологии никогда не заходил так далеко) связала свою судьбу с революцией прямо и последовательно. Другая — небольшая сначала группа — прямо связала себя с реакцией, породив целую плеяду «певцов империализма» во всех странах (от Киплинга до Гумилёва). Отвратительней всего сложилась судьба промежуточного слоя интеллигенции. Эта группа начала с политического радикализма, с критики пороков и слабостей общества. Но это была критика с позиций индивидуализма, и новой чертой этой критики было создание чего-то похожего на идеал сильного и даже радикально настроенного героя. На первых порах это выразилось даже в сочувствии революции. Недаром Гамсун, Гауптман, Д'Анунцио числились на левом фланге искусства⁵.

В завершении их пути нет никакого парадокса. Фашизм тоже потребовал создания «сильной личности», которой противен буржуазный демократизм XIX в. Вот тогда-то и проявилось истинное нутро критики названных и многих других писателей вплоть до французов нашего времени (от Мальро⁶ до Ж. Ромена). Критика с позиций индивидуализма, нищезанятия, гамсуньянства оказалась защитой звериного облика фашистского «сверхчеловека», оказалась фальшивой монетой. Трогательный герой «Пана» и «Мистерий» оказался героем нюрнбергских «мистерий»⁷.

Стоит ли удивляться «предательству» большого числа немецких и французских писателей? Оно закономерно, оно, в сущности, является последовательным проведением индивидуалистической критики буржуазной демократии.

Эти отрывочные мысли пришли мне в голову при чтении воспоминаний Артура Голичера,⁸ где воскрешаются забытые фигуры конца века, вроде анархистов Фора, Грва, писателя П. Альтенберга, книжонку которого я недавно отбросил с великой скукой.

11 марта * Перечитывал стенограммы съезда писателей⁹. Это документ первостепенного интереса. «Попутнический» дух еще сильно веял в то время. Когда-то мне казалось это интересным. Б[ухарин] хотел увести поэзию от политики, все его оговорки пустая болтовня.

Прекрасное впечатление производит речь Суркова. За эту речь можно многое простить его поэзии. В конце концов, для поэзии будущего важнее те слабые и неудачные попытки, которые он защищает, чем все высоты «неофициальных корифеев». Наше время резкого размежевания — прекраснее и возвышеннее. В ближайшие годы поэзия или погибнет, или найдет в себе силы для величайшего взлета, иначе прогресс поэзии отодвинется еще на два поколения.

17 марта * Мой вечер в университете. Одни ждали скандала и надеялись, что я фрондер. Другие ничего не ждали, т. к. отвыкли чего-нибудь ждать от поэзии. Я не устроил ни тех, ни других. Ругнули формалистом, похлопали по плечу. Один Урин раскричался, что любит меня, и требовал, чтобы его примеру следовали остальные.

А все-таки читать на публику нужно! Плохих читателей нет, есть плохие писатели. В сущности, никто из хороших не считал публику душой. Сто дураков умней одного умного, как стол о четырех ножках устойчивей волчка.

Говоря языком военных, я сориентировался на местности, сверил свою поэтическую карту с местностью. Оказалось, что там, где прежде были колодцы с кристальной водой, их больше нет, что старые тропы заросли, а проезжая дорога уже не та, что прежде, и лежит она совсем в другом месте.

19 марта * Дважды герой Драгунский¹⁰ случайно встречает меня в ресторане.

— Почему вы без жены? Вы, видимо, скрываете ее от меня?

— Вы преувеличиваете, полковник, во-первых, свое обаяние, во-вторых — мою интуицию.

— Все же вы боитесь.

— Разрешаю вам поехать к моей жене, а меня оставить с вашей дамой. Посмотрим, кто будет удачливее.

Полковник лезет на рожон. Я говорю ему: «Наш разговор напоминает атаку разозленного танкового соединения на хорошую противотанковую оборону». И ухожу.

Фаблю о Драгунском. Его танковая бригада стояла в одном австрийском монастыре. Понадобилось олово для залива подшипников. Пришлось выплавить его из органа. Когда собирались тронуться дальше, пришел приказ из штаба маршала Рыбалко доставить акт о полной сохранности монастырского имущества.

Драгунский нашел выход. Он устроил шикарный пир, пригласив всю братию. Проголодавшиеся чернецы, умиленные жареной свининой и напившиеся буквально до положения риз, подписали акт следующего содержания: «Мы, братия такого-то монастыря, приняли от такой-то части все свое имущество в полном порядке. За время поста частью полковника Драгунского был произведен ремонт монастырских построек на сумму 39 тыс. марок. Для нужд армии было выплавлено олово из органа на сумму 9 тыс. марок. Таким образом, монастырь остается должен Красной армии 30 тыс. марок. Но армия прощает этот долг бедным монахам».

21 марта * Один писатель читает главы романа о плитках Иогансона. Черт знает, какое отношение к литературе имеют эти плитки. В романе один персонаж олицетворяет стахановское движение, другой — низкопоклонство перед Западом, третий — борьбу отсталой техники с новой. Все написано языком промкооперативной газеты. И все слушают. И делают вид, что интересно.

Неужели нельзя встать и сказать: «Дорогой мой, бросьте писать! Не может получиться роман о плитках, чайниках, жерновах, даже — домнах. Писать можно только о людях. А людей вы не любите, не знаете, не понимаете нового в них. Ступайте спать, мой дорогой!»

22 марта * В предвечерние часы, когда подмерзают сопки водосточных труб, так просторно и пустынно кажется в городе. Одна колючая звезда зацепилась за дерево. Луна встает новенькая, как яичный желток.

23 марта * Сер. Гец — толстый, пухлый, водянистый. В детстве был романтиком, обожал Паустовского. Теперь говорит: «Я лишен эмоционального восприятия». Невозможно ортодоксален и «идеен». Но на фронт не пошел¹¹. Это маленький водянистый Савонарола¹². Савонарола домашний, страшась жены. Добродушный инквизитор. Господа, будьте чуть менее принципиальными, но имейте сердца! Идеи это же все-таки не люди. Нельзя с людьми обращаться, как с идеями!

Большие идеи не становятся банальными от частого употребления. Как хлеб, их нужно есть каждый день. Дело художника — не дать им черстветь. Это он должен выпекать этот хлеб для

души, добавляя в муку соль, сахар, воду, формуя тесто. Нужно печь каждый день. Идеи должны быть свежи. Рассчитывать их бессмертные нельзя. Это все равно что печь хлеб на год вперед. Нужно печь каждый день и печатать в газетах. Не бояться повторений! Хлеб нужен каждый день!

Антисемит спрашивает у композитора Сигизм[унда] Каца, улыбаясь вежливо и откровенно: «А для чего вы дали вашей дочери русскую фамилию?» — «Для того, — отвечает Кац, — чтобы ваш сын не притеснял мою дочь».

Хлопья падают медленно, почти вертикально. Ветра нет. Из окна кажется, что снежная сетка стоит неподвижно, а дом медленно летит вверх, как лифт.

27 марта * Как много и нелепо я заблуждался эти два года! Какими витыми путями ходил. Какие крошечные истины находил, не замечая одной главной! Какое чудовищное донкихотство я совершил! Сколько лет уйдет на то, чтобы все это исправить!

Но у меня счастливая натура. Однажды утром я проснулся — проснулся зрячим. Старые стихи облетели, как сухая листва осенью. И я почувствовал на себе новые почки, как дерево весной.

А ведь истина была так проста: говорить самое простое, думать о самом главном, о том, о чем пишут в газетах, о том, чем живут каждый день. Людям нужно показывать, что это поэтично. Что любой партийный лозунг таит в себе поэзию, которую не видят мещане, которая добывается потом, муками творчества...

Уехать! Уехать туда, где люди строят, пашут, любят и не говорят о литературе, о свободе и необходимости, и о куче другого, не нужного мне.

28 марта * Ю. Капусто¹³ — автор повести «Наташа». Немощная, с чахоточным покашливанием, с выпирающими ключицами и торчащими зубами. Восторженная, некрасивая, с неярким интеллигентским умом.

В своей повести она изобразила себя такой, какой хотела бы себя видеть... Ей пишут письма — предлагают руку и сердце. Да, такие люди нужны! Нужны люди, верящие в романтическое устройство мира. Пусть не очень талантливые, но честные. Пусть зажигают свой огонек, к которому приходят греться усталые люди. Такие нужны — доктора, учителя, писатели, судьи. Такие должны быть в каждой деревне, в самой глуши. В сущности, и я бы хотел быть таким.

29 марта * Свидание с В. Сначала мне показалось, что она изменилась. Потом пригляделся — все та же. Спокойная, насмешливая снаружи. А внутри — как всегда, непонятная, но значительная для меня жизнь, которую я принимаю, как сигналы с Марса. И я испытал обычное волнение. И она — я чувствовал — волновалась. Я чувствовал это потому, что не замечал пустого разговора, который мы вели, а вел с ней какой-то другой разговор, марсианский.

Люблю ли? Любил ли я ее когда-нибудь? Не знаю. Знаю только, что, может быть, прочнее всех женщин засела она в моей биографии, что она нужна мне, не вблизи, а издали, и что — может быть — я также нужен ей.

Вечер у Виктора Некрасова¹⁴. Маленькая неряшливая комната где-то на Сивцевом Вражке. Облупленный рояль. Голландская печь. На изразцах переводные картинки. Нас встречает человек среднего роста, черноволосый. Лицо остроугольное — острая челка пересекает лоб, прямой красивый нос, острые редкие усики, острый подбородок, чуть оттопыренные уши. Он одет в бархатную коричневую блузу, такие же штаны. Выражение интеллигентское, мягкое. Хорошие вдумчивые глаза.

Мы мигом разговорились, заспорили. Обаятельный, честный, простой человек.

Нет! Такие не бывают удачливыми.

Мы идем с Бор. Шаховым от Некрасова. Неожиданный ветер со снегом слепит глаза. Лицо мокрое, но приятно. Через минуту — вся улица белая. Мы идем, оставляя следы.

Борис говорит: «На мне висит семья, брат, которого я не люблю, халтура, болезнь. И все-таки я люблю жизнь. Иногда спрашиваю себя: какой час самый лучший в сутках? Думаю — когда идешь спать, измучившись за день. А потом — нет! Самый лучший час — утро, когда встаешь. Вот и получается, что все часы хороши!»

30 марта * Слишком много дней пропадает бесплодно. Я не то чтобы ленив, скорее инертен. Сегодня весь день прошел в болтовне. Утром — Костя, потом — Борис, потом Сергей, пьяный и самодовольный.

Вечером «тяп» по поводу присвоения подполковника П. Г.¹⁵

Ел. Мих. В-ин¹⁶ — умная и острая баба. Говорит о Некрасове: «Инфантилен. Он умен и честен не как тридцатипятилетний, а как двадцати двух».

31 марта * Статья К. Зелинского в «Знамени» о Севке Багрицком¹⁷. Совсем недавняя юность становится историей. Вот уже есть биография, есть свои покойники, начинаются мемуары. Да, многое можно уже записать. Много хорошего было тогда. Много романтического, свежего, полного веры, страсти, честности.

Были Коган, Кульчицкий, Майоров,¹⁸ Смоленский,¹⁹ Молочко,²⁰ Лебский,²¹ Севка Багрицкий. Помню арбузовский театр,²² его наивное новаторство. Был я там однажды по приглашению. Читал стихи арбузовцам. Потом подошла ко мне одна студийка (Милочка Нимвицкая,²³ кажется): «Вы никогда не были беспризорником?» — «Нет. А почему?» — «Так. Мне показалось по стихам».

Писали мы тогда неважно. Лучше других — Кульчицкий, Майоров. Но верили друг в друга. Чувствовали — поднимается поколение. И насколько легче было бы идти сейчас, если бы все погибшие остались живы. Может быть, поэзия выглядела бы совсем иначе...

Жаль стариков. Мучительно бывать у них, видя их доброту, боль и страдание. Им кажется, что я неудачник. Это их тяготит.

2 апреля * Недостаток нашей литературы в том, что мы, литераторы, плохи, в том, что мы ведем два хозяйства, меряем двумя мерками.

У нас хорошие убеждения, мы все понимаем. Но наши убеждения похожи на очки — на ночь их снимают. И смотрим мы на мир не своими глазами, а через очки. Оттого и получается у нас холодно, примитивно, без вдохновенья.

Нас мучают мерки XIX века, нас сбивает с толку добродушие, мы подходим к людям с абстрактными критериями добра и зла. Мы понимаем, что коммунизм — это работа, ежедневный тяжелый труд. Но мы белоручки. Мы хотим только чистой работы.

Нужно отречься от этого. Нужно целиком отдать себя одной правде. Нужно жестоко воспитывать в себе прямоту партийного взгляда.

Мы живем во времена размежеванья.

Вот о чем я пишу в работе о современной прозе:

«Даже положительные качества (человека) потребовали переоценки. Стало важно не только их субъективное содержание, но и их мотивы...»

Для нашей литературы окончился период безусловного восхищения абстрактными человеческими достоинствами. В ней

невозможна «коллизия благородства» Симурдена и Лаптенака²⁴. От положительных величин характера требуется не только *величина*, но и *направление*. Они признаются *не возможными, а необходимыми* чертами характера, чертами органическими, вытекающими из глубокой сущности человека, из самих взаимоотношений советского человека с советским обществом».

Кажется, ясно. А когда приходит ко мне человек, я не умею его оценивать так. Я слишком мягок, слишком расплывчат. Я сбиваюсь на домашние оценки и говорю: «Хороший малый. Он не лжет, не крадет, не бранится, не сделает мне пакости, не обманывает жену, подает нищим, пишет диссертацию о Расине, потому что не может писать о Софронове...»²⁵ Хороший малый».

А на самом деле: кой черт его чистота, если он белоручка, если он пальцем не шевельнет для своих убеждений, если он отрекается от работы для народа, если он ищет легчайшего пути! Вот как бы надобно мне сказать. И выгнать его вон. Но я не скажу. Я сам немного такой...

3 апреля * Приходил С. Поделков,²⁶ с ним — М. Соболев²⁷. Поделков читал большую поэму, где на 2 тыс. строк рассказывается о подъеме домны. Производственная тема трудна, и совсем не найдена в нашей литературе. П. пошел по проторенному пути. При добротности поэтической материи отсутствует всякая увлекательность. Скучно! Описывать мы научились, а вот писать еще вовсе не умеем. Читателю скучно. Против этого факта не попрешь.

Читаю «Повесть» Полевого²⁸. Автор своему герою по бедру. А мог бы получиться второй Корчагин. Мало органического, советского, вошедшего в плоть. Слишком примитивная психика: воля, упрямство. А основания? А специфика? Ведь герой нашего времени уже сложнее Корчагина. У него «подтекст» больше.

6 апреля * Вчера — рождение у Геца. Чинное общество литературных чиновников — Аникст,²⁹ Паперный³⁰ с женами, еще пара каких-то. Самое любопытное, что они все время настойчиво выдают себя за людей широких мыслей. Они — составители передовиц и предисловий, — намекают, что думать по предисловиям плохо. Терпеть не могу этого подмигивания собственной совести!

Мои стихи о бабах³¹ Аниксту не понравились по идее. Эти стихи — своеобразный пошломер. Ни одному пошляку они не нравились.

Днем заходил Марк Соболев. Почитали стихов. Стихи его ясны, логичны. «Шестого чувства» маловато. А так – неглупый парень.

Читаю прозу Цветаевой – об искусстве, о Пушкине.

12 апреля * У Ел. Мих. Голышевой. Муж ее – Оттен,³² сын издателя «Сатирикона», – утонченный, картавящий, бледный.

На стене подлинные А. дель Сарто и Корреджо – наследство от старого Оттена.

Читаю стихи. Оттен: «Как будто написаны разными людьми. Неустоявшийся характер, неустоявшаяся форма».

Анекдот о Брик. К нему приносят сценарий под названием «Крылатые люди». «Крылатые люди? Это же – ангелы! У вас действительно нет людей – все ангелы».

Брик говорил: «Я всю жизнь делал то, что мне было приятно. Если мне за это платили, я был только благодарен».

Это был один из крупнейших умов в нашей литературе. Ум разрушительный, ничего не способный создать. Я видел его однажды. Моих стихов он не заметил.

15 апреля * В коктейль-холле³³.

Читаю стихи Светлову и актеру Гушанскому³⁴. Со своей доброй чудесной улыбкой Светлов говорит: «Вы расточительны. Вы бесхозяйственны... Зачем вы присутствуете в каждой строке? Это назойливо. Это все равно, если бы каменщик писал на каждом кирпиче свое имя... Стиху нужно служить. Нужно быть официанткой при нем...»

Приходит Родам, его жена³⁵. Очаровательная женщина – Медея. Грузинка с узкими глазами.

Я чувствую, как меня начинают увлекать женщины Востока.

Два дня лежал на диване, не в силах чем-нибудь заняться – читал «Трех мушкетеров».

Фаблио. Сельвинский и Брик – старые враги – встречаются на лестнице Литинститута. У обоих под мышкой стихи Суркова. Они останавливаются и минуту смотрят друг на друга. Потом Сельвинский открывает книгу и говорит: «Плохо. Рифма как-ка!» – «Плохо», – отвечает Брик. И старые враги расходятся.

У Оттена лежит драма Сельвинского о Лжедимитрии II. Эта драма написана перед самой войной. Лжедимитрий изображен в ней галицийским евреем. Это очень наглядно для историческо-

го чутья Сельвинского. Он, как Мериме, любит в истории анекдоты, но знает их значительно меньше. Стремясь схватить сущность исторических страстей, он почти никогда не проникает дальше плоти, стилизации, музейных вещей.

16 апреля * Сельвинский — настоящий новатор, огромный талант, чрезвычайно умный человек. А между тем он ничего не создал. Его творчество анекдотично. Его уважают поэты, даже завидуют ему. Но — самое страшное — читатели его не читают, да и читать его невозможно.

«Улялаевщина» при всем блеске почти ничего не дает ни уму, ни сердцу. «Пао-пао» и «Пушторг» безнадежно устарели. Исторические драмы кажутся блестящими стилизациями. Философская драма — смехотворное сочетание дерзания и невежества.

В чем дело? Почему так округлы маленький Тихонов и крошечный Антокольский?

В Сельвинском мало души. Он не умеет быть самим собой. Он — бутафория, блестящая, талантливая, но — бутафория.

Он замыслил себя громадным поэтом, замыслил себе облик не по плечу. Это ему не удалось. А честолюбие продолжает мучить...

21 апреля * Приходил Коля Глазков — в старой шубе на меху, в шляпе, напыленной на уши. Маленькие бегающие глаза. Оттопыренные губы. Беззубый рот. Реденькая щетинка на скулах и подбородке. Страшен.

Но когда к нему привыкаешь — даже мил.

Говорил, что хочет написать десять хороших стихов для печати.

«Когда я говорю, что я гениален, я не кривляюсь. Я твердо знаю, в чем я гениален, в чем я просто одарен, а в чем бездарен. Например, в детских стихах».

Под этой страшной шкурой шизофреника скрывается подлинная интеллигентность, ум, несомненный громадный талант.

Кажется, стихи мои одобрены Тихоновым. Вишневский, надеюсь, не будет против. Если пойдет четыре, три из шести, я буду рад до смерти. Дал бы Бог!

Это нужно не столько мне, сколько людям, которые меня любят — родителям, Ляле, друзьям.

23 апреля * Пришел Витюк³⁶. Страшен, подозрителен, неприятен. Разговор о Сартре. Его точка зрения: Сартр анархист по су-

ти. Анархизм наиболее часто выражает сущность капитализма и потому является первым идеологическим врагом.

Неверно. Гораздо опаснее политические и этические доктрины, которые проповедует капитализм под видом социальности, общности, этических норм коллективизма, служения долгу и т. д.

Массы не пойдут за анархизмом. Но пошли за Гаспери, могут пойти за де Голлем³⁷.

В наше время страшнее всего ханжеская лож социалистов, лейбористов и других поклонников демократии под кнутом.

Борьба против Сартра — это борьба за двести тыс. французских интеллигентов, а не за двадцать млн. французского народа.

30 — 2 мая. Праздники.

30-го — у Безыменских.

1-го — у Никифоровых³⁸.

2-го в ЦДРИ с Кириллом³⁹. «Синяя птичка»⁴⁰.

4 мая * В «Знамени». Шубин говорит, что из моих стихов три или четыре пойдут в июльском или августовском номере⁴¹. Я рад!

13 мая * Коктейль-холл — эдакий московский «клуб». Там можно встретить всю Москву, как говаривал граф Толстой. Светлов с лицом узким, как рюмка, с вечной улыбкой на длинных губах и с печалью во взоре. Актер Гушанский из театра Ермоловой, толстый Яншин,⁴² всегда пьяный Сашка Межиров, богатые адвокаты, бедные молодые актеры, пианист Оборин⁴³ с «женой» — старым развратником и наркоманом, Мартинсон⁴⁴ — чудесный актер с брезгливым лицом человека, нюхающего что-то неприятное. Какие-то писатели. Какие-то директора... Одним словом — вся Москва...

14 мая * Пришел С. Наровчатов, пьяный, потрепанный, добродушно-лживый, наивный и хитрый.

Я уложил его спать. Потом мы пошли получать за него деньги на радио, чтобы он их не пропил. Он пьет третий день, не являясь домой. Говорит о жене: «Она пользуется моей порядочностью. Я обещал ей не разводиться, поэтому она пилит меня ежедневно... Не боится, что я уйду».

Я хохочу. Он не обижается.

Заходил Гудзенко. Он человек порядочный и не желающий ссориться. С ним не нужно говорить только о высоких материях. Он мгновенно раздражается, ибо чувствует, что до настоящих

принципов ему далеко. Но, не имея твердых идей политических, он имеет твердые идеи моральные. А Сергей — наоборот. Честолюбие Сергея создает ему врагов. Если он пошатнется — мало кто протянет ему руку.

15 мая * Сегодня два года, как я женат. Вечером был пьян и счастлив. Было много народу. Неожиданно пришел Глазков.

16 мая * Возникло государство Израиль⁴⁵. В этом есть свое величие, которому вряд ли сочувствует все остальное человечество.

Говорит ли во мне голос крови? Где-то лепечет одними губами...

Если это государство уцелеет, может быть, нас станут немного больше уважать, но и считать иностранцами везде, где мы выросли уже тысячелетними корнями.

17 мая * В Литинституте о нашей довоенной компании ходят легенды. Наши старые стихи помнят.

18 мая * Если я по лени не напечатаю стихи и по легкомыслию не сдам экзамены — я потеряю всякую почву в глазах окружающих. Видимо, так и будет.

Никто не знает, как я ленив и легкомыслен! Дали бы мне жить, как я хочу, я уехал бы, уехал бы на год, куда угодно подальше от Москвы. Я поступил бы учителем в школу и писал бы книгу.. Хорошо бы!

Читал Державина. Удивительно талантлив!

20 мая * Израиль сражается превосходно. Но что поделает горстка людей с равнодушием мира!

Никто не понимает, насколько скучнее станет на нашей планете без этого кипучего и упрямого племени.

Видал Т. Черняева. От сознания, что такие люди существуют, становится легче жить. Это человек долга, долга внутреннего — самого трудного и прекрасного.

Статья в «Н[овом] мире», хулящая Хлебникова⁴⁶. Ненавижу этих шакалов, питающихся трупами! Таков Тарасенков. Ну что им дался бедный сумасшедший дервиш, объедками которого долго еще будет кормиться поэзия.

Литературу хотят сделать вещью условной, договориться: нужно писать об этом, нужно писать так, такими словами, такими размерами, такими рифмами. Все прочее – не литература!

Ничего подобного! Литературой станет именно «все прочее», то, что сделают гении, таланты.

А эти лгут на каждом шагу, извращают каждое слово партии и мнят себя солью земли.

Эпиграмма на Тарасенкова:

Готов продать отца и мать
И брата сделает калекой,
Готов поэзию продать,
Но... дорожит библиотекой.

Старики мои мучаются страшно. Нервы напряжены до крайности – из-за папиной болезни, безденежья, моего неустройства. Ужасно волнуюсь за них.

21 мая * Почти счастливый день. Был в «Знамени». Стихи идут в августовском номере.

П. Шубин правит стихи какого-то молодого. Тот угодлив. Шубин втолковывает ему, слегка заикаясь, что стихи плохи. Напротив сидит еще один с суконным рылом и в каком-то восторге слушает, время от времени вздергиваясь и неестественно громко вставляя свои замечания. Стихи написаны о нефти. Слушать их невыносимо скучно. Шубин говорит: «У тебя тут строчка: в пятнадцать минут приготовят обед... Нельзя же так мелко... Нефть. Проблема!.. А тут слишком утилитарно – обед... Нужно увидеть другое... Что-то значительное... Поэтическое...» – «Например, победу можно увидеть», – вздергивается восторженный. Молодой отвечает важно: «У меня про победу уже вставлено». Он спокоен. Он знает, что такое поэзия.

24 мая * Глазков затащил меня к себе. Подарил пару своих книжечек. Читал стихи о Белинском. Они печатны, но репутация Г. отталкивает редакторов.

Квартира у него старая, разваливающаяся. На стене фотографии: некрасивая полная женщина, мужчина бухгалтерской наружности, рядом – двое детишек. Один из них – Коля.

Показывал мне «два тома седьмого издания полного собрания стихов». Это – довоенные и военные стихи. Далеко не все,

что написано. В издание входит пять тыс. строк. Глазков уверяет, что они отжаты из тридцати тысяч. С каждым «изданием» он сжимает свои стихи, оставляя лишь самые лучшие, с его точки зрения, строки.

25 мая * В Коктейль-холле. Светлов говорит: «Декадентская манера — раздолье для людей малой одаренности. Стихи нужно лепить... строить... делать...»

Он человек без особой эрудиции, может быть, без широкого взгляда на поэзию вообще. Но у него очень точный взгляд на стихи. Здесь он редко ошибается...

26 мая * Занимаюсь фольклором. Былины наивны, но места в них есть прелестные. Нужно бы свести их воедино, в одну поэму, как сделали греки, германцы, финны. От этого характеры выиграли бы в полноте, предстали бы в полном величии.

Настоящее чудо — сказки, особенно бытовые, про мужиков, бар и попов — это самые русские сказки.

Язык русских сказок, пословиц, загадок всегда меня необычайно притягивает. Я не копирую его только из стеснения. Загадки — груды самых точных метафор, скопление метафорического мышления целого народа...

Фольклор наш плохо разработан, не связан воедино. Его плохо знают даже поэты.

27 мая * Государственные экзамены я не сдам⁴⁷. Успею и в будущем году. Самое трудное — сообщить об этом родным. Я сообщу — и уеду.

Университетский диплом ничего мне не даст. На будущий год я вступлю в группком и буду работать более продуктивно.

Читаю «Эмали и камеи» в переводе Гумилёва⁴⁸. Это одна из книг, которым повезло. Ее перехвалила история литературы. Мы до сих пор принимаем это на веру.

28 мая * Сергей принес сигнальный экземпляр своей книги⁴⁹. Название («Костер») слишком многое напоминает. Книга небезынтересна. В ней есть кое-какое «мышление». Впрочем, и доля подловатости. Зачем-то включен «Кульмский скрипач», стихотворение, называвшееся до войны «Дьявол» и переделанное весьма нелепо.

Славянский цикл написан с шиком, но с позиций аксаковских, — «быть на Одре славянским заставам, воевать им славу мечом». Любовной лирике не хочется верить.

Сергей рассказывает, что покойный Недогонов⁵⁰ никогда не жил в деревне. Его поэма — плод чистого воображения. Можно себе представить ярость Твардовского, который считает себя и Исаковского монополистами деревенской темы и с кулацким скопидомством обороняет ее ото всех.

29 мая * «Занимаюсь от скуки... славянским...»

Какая рутина царит в этой науке. По существу, нет ни одного современного труда. Как будто Марра⁵¹ и не было. Ошметки индогерманистики, завуалированные ссылки на «прославянские» и пр. корни. Глупость невозможная.

6 июня * Прочел книжку Межирова «Дорога далека»⁵². Впервые вижу его стихи на бумаге.

Он завораживает своим чтением. Переставешь слушать смысл, видишь, что перед тобой — поэт.

Своим вдохновением он заморозил и критику. Книга была критикована как неудача мастера. На самом деле она — чистое ученичество. Все неясности ее — от незрелости ума, от пренебрежения смыслом, от недостатка знаний, от мальчишеского увлечения звучаниями, перебивками ритма, «задыханиями» — всем, чему может научиться любая поэтическая шлюха, имитирующая страсть.

Это поэзия «глаза», пытающаяся казаться поэзией «сердца». В ней мало сердца, еще меньше ума, хотя сам Межиров человек умный и тонкий. В поэзии нельзя только *показывать* (этого хотят Межиров, Гудзенко, отчасти — Луконин⁵³), в ней необходимо *доказывать*.

Межиров ничего не доказывает. А показывает — человека, безмерно испуганного войной, но бодрящегося в каждом заключительном катрене.

«Нижний план» — метафоры, эпитеты и пр., то, чем тайно гордится Межиров и считает своей сильной стороной, — тоже однообразен и не слишком блестящ. На тридцать восемь стихов — пятьдесят дождей, тридцать девять ветров и шестьдесят семь дорог, путей, верст и кюветов. Скучно!

16 июня * Я убежден, что почти все умные дневники писаны «назавтра», например дневник Жюль Ренара.

Суворин умеет быть умным в «сегодняшнем» дневнике. Это заслуга почище!

В воспоминаниях харьковского художника Карпова, относящихся к середине прошлого века, есть упоминание о богатой помещице Нине Кульчицкой, бывшей талантливой художницей. Видимо, оттуда ведет свой буйный род Кульчицкий.

5 августа * В дороге. Четвертый день в пути, и нет еще тех ярких впечатлений, за которыми я, в сущности, тронулся в путь.

Нет! Я был счастливее во время войны, когда кочевал по земле с прекрасной верой в «потом».

И вот оно, это «потом». Еще ничего не сделано, запутаны мысли, я страшусь прямоты и привязан к мелочам. Очистить душу! Жить снова в большом мире, в котором жил, в котором блуждают до сих пор мысли моего романа.

Тревожусь о Л. Сумеет ли она выдержать трудности моего пути?

Планы мои велики и громоздки. Сумею ли осуществить их?

Роман, поэма о провинции, поэма о детстве Ленина, повесть о Пушкине и декабристах, эстетика.

Мне, как воздух, нужен *успех*. Я из тех, кто силен в удаче. Не обязательно во внешней удаче. Но давно у меня не было удач внутренних...

Да исполнится!

Читаю записки Смирновой-Россет⁵⁴. Очень умная и наблюдательная баба. Часто женское тщеславие портит ее заметки. Пушкина она любит горячо и искренне, поэтому хочет изобразить его с точки зрения *своих* идеалов. Очень сомнительны многие взгляды П. в ее изображении. Совсем не соответствует правде картина взаимоотношений П. с царем.

11 августа * Прибыл в Рубцовск, измучившись в дороге, и вдруг, внезапно, почувствовал себя счастливым.

Я — в чистой гостинице на мягкой постели. До этого безуспешно в пыльном городе искал Ф. Гончарова⁵⁵. Затем забрел в райком, где был принят хорошо. Оттуда — счастливая мысль! — в гостиницу.

С родителями. 1927 г.

Дом в деревне Шульгино — место летнего отдыха

Ф. Зигель, И. Пинскер, Г. Острецов,
Д. Самойлов (слева направо). 1935 г.

9-й класс образцово-показательной школы № 1 имени Горького.

Нижний ряд (слева направо): А. Черняев, Н. Станкевич,
Д. Самойлов, Н. Гегечкори, Л. Маркович (Лунгина).

В среднем ряду второй справа — Л. Безыменский.

Верхний ряд: второй справа — Ф. Зигель, пятый справа —
В. Бабичков. 1936/37 учебный год

Дом на площади Борьбы
(бывшая Александровская
площадь), где прошло почти
сорок пять лет жизни

С одноклассниками. Д. Самойлов внизу в центре.
10 июня 1938 г.

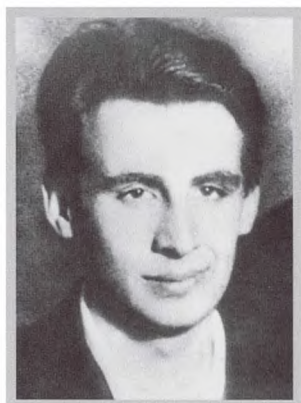
В ИФЛИ. Д. Самойлов на переднем плане справа

Михаил Кульчицкий. 1932 г.

Борис Слуцкий.
Лето 1939 г.

Павел Коган

Г. Белей, С. Наровчатов, К. Лашенко, М. Молочко (слева
направо). Лето 1938 г.

М. Кульчицкий (крайний слева) среди студентов
Литинститута — бойцов истребительного батальона.
Москва, сентябрь 1941 г.

На войне

С первой женой О. Л. Фогельсон

Д. Самойлов, Л. Безыменский, Р. З. Безыменская

Д. Самойлов, С. Фогельсон, Б. Слуцкий
(слева направо)

Дача в Мамонтовке

С мамой Ц. И. Кауфман

В Коктебеле. Справа — Н. Дубов

Д. Самойлов и С. Лунгин

За работой с Ю. Живовой

Николай Глазков

Анна Ахматова

Наум Коржавин

Д. Самойлов, Р. Орлова, Л. Копелев

В ЦДЛ. Слева — З. Богуславская

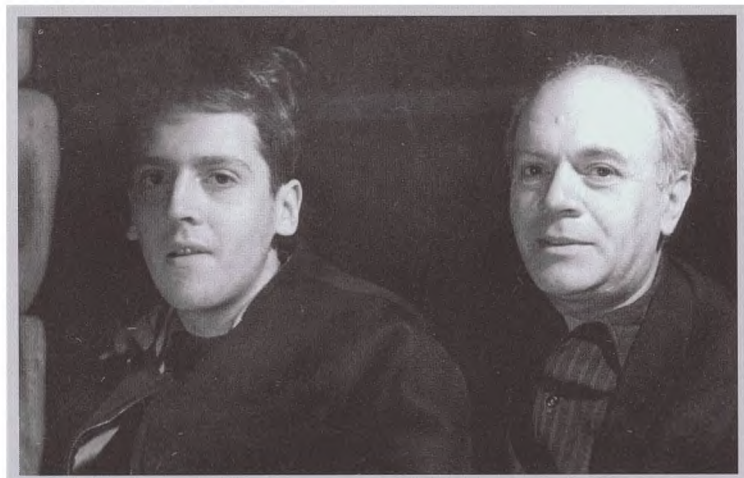
В. Тушнова (стоит), В. Левик, С. Кирсанов, Д. Самойлов

Леон Тоом

Д. Самойлов и Л. Разгон

С сыном Александром

С. Поликарпов, Я. Кросс, Д. Самойлов. Таллин, 1968 г.

С В. Огневым

Яков Смоленский

Д. Самойлов, М. Алигер, П. Антокольский

Виктор Некрасов

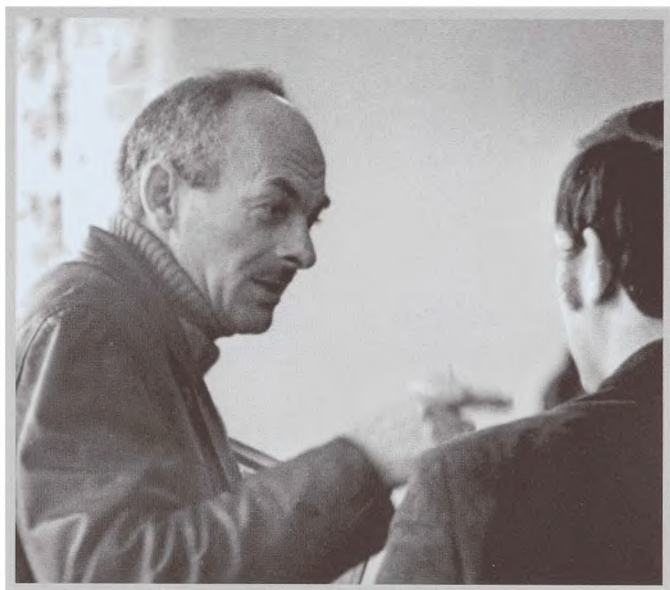
Исаак Крамов

Юлий Даниэль

С В. Сидуром

Буллат Окуджава. Софрино, ноябрь 1975 г.

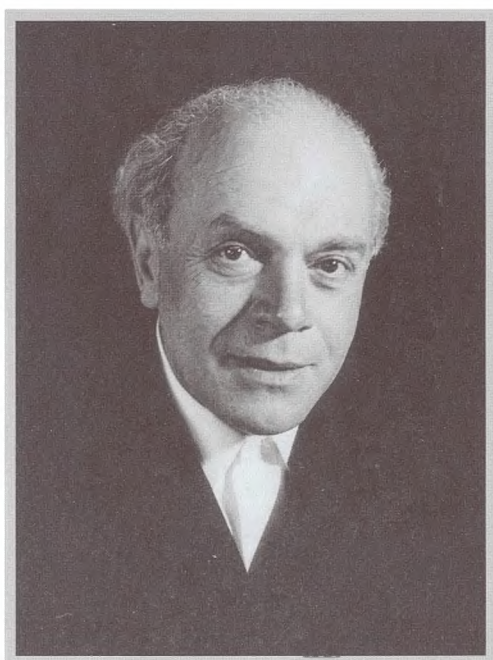
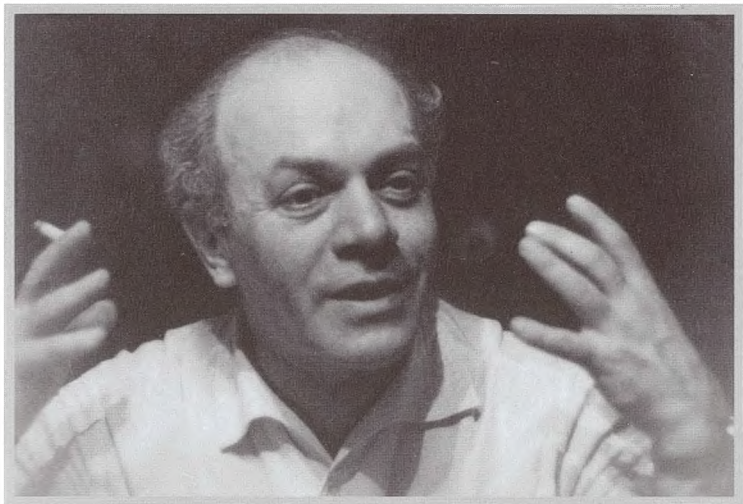

Лидия Чуковская

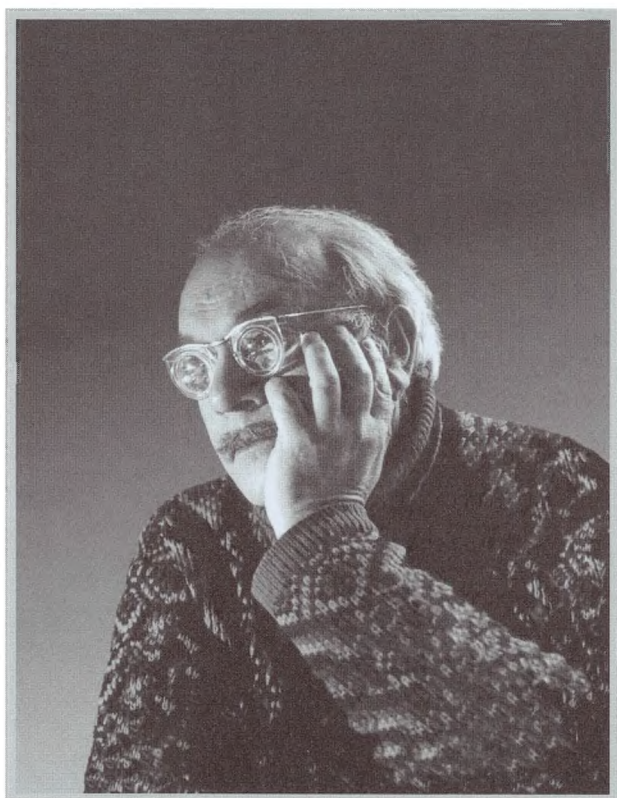

Д. Каминская и К. Симис в своем доме под Вашингтоном

Только что от меня ушел директор одной барнаульской МТС, энтузиаст, который, прослышав, что я писатель, взял с меня слово, что я буду у него через неделю.

21 августа * Барнаул. Второй день жду парохода на Новосибирск. Он будет не раньше 23-го. Я порядком устал – не от впечатлений – от мыслей. Мысли эти невеселы.

Я с ужасом думаю, что все мои стихи – бесплодны, в них нет того, что может интересовать людей.

От этого и тоска на сердце.

Да, мне нужно было сравнить поэзию с жизнью. Поэзия не устояла. Жизнь настоятельно требует другого.

Это я понял. И это тяжело.

Встреча с Марком Юдалевичем⁵⁶. Свой, хороший парень. Не очень талантливый, но честно делающий свое дело.

29 августа * Четвертый день торчу в Новосибирске без гроша денег. Жду перевода из Москвы. Стихи не пишутся. В голове туман.

Осмотрел город, который велик, довольно красив и, как все молодые города, еще сам не привык к своему виду.

Читаю все, что попадется, из библиотеки моей кухни. Одолею «Угрюм-реку». Книга сильная, красочная, местами – мастерская, но и неприятная. В подтексте ее нет настоящего *идеала*, сильной и светлой личности.

Перечитал «Накануне» Тургенева. В романе есть нечто неуловимо «симоновское». Тургенев, бесспорно, умел находить *новое*, умел поставить «заявочный столб», но никогда не мог до конца разработать золотоносную тему. Пожалуй, он пошловат (как и Симонов).

Чувствую себя немного больным и усталым. Усталым не от впечатлений, а от мыслей, от усиленной самооценки.

В поездке моей не было сильных впечатлений. Может быть, я не умел их найти. Скорей всего – не сумел преодолеть странной апатии, овладевшей мной, какой-то странной усталости духа. И все-таки поездка была мне необходима. Мне нужно было одиночество, размышление.

Чувствую себя, как после большой болезни, усталым, но и просветленным.

Хочется вернуться домой, отдохнуть, засесть за дело.

13 сентября * Больше недели я дома. Странной апатии как не бывало. Стихи напечатаны. Первый большой шаг сделан. Необычайно трогает радость друзей. Прекрасной была встреча с Лялей. Много мыслей и планов. Нужно только преодолеть исконную лень.

15 сентября * Читаю историю Византии. Приходит в голову мысль, что, может быть, мы всю историю представляем себе неправильно. Запад уверял нас в том, что до XIX века мы окопались где-то на задворках истории, а генеральный путь ее пролегал где-то там, через Западную Римскую империю Карла Великого, через скучное европейское средневековье, через историю Франции, Англии, Германии, Италии.

Может быть, с позиций Французской революции это было и верно. Но так ли это с позиций революции пролетарской? Неужели она возникла внезапно на задворках истории?

А не развивалась ли она в недрах русской нации, культуры, государственности?

Почему не предположить, что дорога истории шла через Восток? Ведь именно Византия сохранила в себе элементы культуры эллинов. История ее в средние века, вопреки нашему традиционному представлению, была полна внутреннего и внешнего движения. В этой истории можно отыскать личности и биографии, намного превосходящие по живости и значительности все, что могут дать первые десять веков нашей эры в Европе. Под внешней оболочкой самодержавия и произвола жила сильнейшая идея единой мировой культуры, государственности. Религиозные движения достигали размаха большего, чем знаменитая реформация. Варфоломеевская ночь — пустяк перед тем, что скрывает в своих недрах Восточный Рим. Наконец — широчайшие народные и национальные движения. Лица, выдвигавшиеся из низов в императоры. Богатейшая литература, искусство, зодчество! Европейское средневековье куда замкнутее, регламентированнее, закованнее в броню социальной и духовной иерархии.

И эту историю, богатейшую историю действительно мирового государства мы почти игнорировали! А между тем, с позиций новой Европы, Византия важнее для европейской истории, чем Западный Рим. Ее культура была шире. Не она ли дала образцы раннему Возрождению в Италии? Можно ли говорить о старческом угасании, когда она вдохнула огонь культуры в молодые славянские народы на Балканах и в России?

Необходимо внимательно изучить этот вопрос. Русская культура и государственность формировались под сильнейшим воздействием Византии. Именно *это*, а не крупницы западной культуры, попадавшие к нам до XVII века, определили судьбу России и своеобразие ее духовной и политической истории.

В этом аспекте Россия — прямая наследница эллинской культуры, сплавленной с культурой азиатского Востока.

19 сентября * Свадьба Л. Безыменского. Роскошное пиршество на 80 персон.

24 сентября * Акад. Ландау⁵⁷ — моложавый, седоватый, с отличными глазами сумасшедшего. Наивен, экстравагантен. Постоянно говорит глупости. Но мил. И, говорят, гений. Когда он сидел у нас, пришел Коля Глазков. Они поздоровались. «Дау? — спросил Коля равнодушным тоном. — А я сегодня был на Ваганьковском кладбище и видел там могилу генерала Мау». — «Это не я», — сказал Л., несколько озадаченный. — «Вы интеллигент?» — спросил Коля. «То есть в каком смысле? — спросил тот, — Если считать по социальной принадлежности, то — да». — «А я самый сильный из интеллигентов», — так же невозмутимо сообщил Коля.

Я с любопытством наблюдал разговор двух гениев.

25 сентября * Интервью у Ливанова⁵⁸. Он рассказывает о Тарханове и играет передо мной человека, предающегося горьким и блаженным воспоминаниям. «Да! Это был изумительный талант... Для меня он остается живым, только почему-то свободным в спектаклях».

Фраза ему нравится самому. Не меняя позы, он спрашивает совсем другим, деловитым голосом: «...только почему-то свободным в спектаклях... Хорошо?» — и продолжает прочувствованную речь.

26 октября * Познакомился с Юлианом Долгиным,⁵⁹ о котором слышал давно.

Вне нашей печатной литературы (поэзии) существует другая, которая когда-нибудь предстанет перед удивленным взором общества. Она насчитывает, может быть, десяток имен. Долгин —

один из интереснейших. Настоящий новатор, он скромно и с достоинством творит свое дело. Это поэт войны. Трагизм войны — его тема. Выпячивание трагической темы делает его нежелательным. В остальном это советский поэт.

Любопытен внешне — высокий, худощавый, тщательно одетый. Породистый нос на продолговатом лице, маленькие полные красивые губы. Благородство осанки несколько портят глаза — маленькие, с красноватыми веками.

6 ноября * У Долматовского. Д. говорит по телефону с Матусовским: «Кто это? Матусовский? Ах, да! Помню, помню. Это такой маленький, худощавый блондин, умный, талантливый, русский...»

Разговор между Долматовским и Матусовским.

Долматовский: «Нужно исправить строчку в твоей песне "Опустели мостовые". Это плохо».

Матусовский: «Откуда ты знаешь, что это плохо? Ты же не народ».

7 ноября * В Метрополе.

13 ноября * Пришел Сашка Межиров. Весь вечер читал стихи из новой книги «Коммунисты, вперед!». Это попытка заполнить добротной поэтической материей надоевшие каркасы. Ни одного поворота мысли. Многословно. С имитацией вдохновения. В какой-то мере все же — обаятельно.

Тарасенков — маран. Однажды он весь вечер хвалил грузинские стихи Межирова. Заставил его записать их. Через несколько дней на секретариате СП выступил с речью, где доказывал, что необходимо обратить внимание на Межирова, идущего по пути декаданса.

После этого.

Межиров: «Вы изменили мнение о моих стихах, прочтя их на бумаге?»

Тарасенков: «Нет, они мне так же нравятся».

Межиров: «Так почему же вы так выступали на секретариате?»

Тарасенков: «Не твоего ума дело».

14 ноября * Разговор со Слуцким.

Есть три типа поэтов: поэты идеологии, поэты темы, поэты ощущения.

Пушкин – поэт идеологии, Лермонтов – темы, Блок – ощущения.

Есть и плохие образцы: Симонов – идеологии, Гудзенко – темы, Северянин – ощущения.

В эпохи декаданса выдвигаются поэты ощущения: Блок, Бальмонт, Анненский, Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Есенин.

Даже поэты идеологии (Белый) и темы (Брюсов, Сологуб) притворяются поэтами ощущения.

Маяковский – типичный поэт идеологии.

Из западных Байрон, Гейне, Гого, Гёте, Шиллер – поэты идеологии. Киплинг, Готье, Бодлер – темы.

Сельвинский – поэт темы, мечтающий быть поэтом идеологии.

Межиров – поэт ощущения, выдающий себя за поэта темы (на идеологию не претендует).

В эпохи расцвета поэты темы и ощущения тянутся к идеологии – Кюхельбекер, Рылеев.

Первый тип поэтов – самый высокий. Наибольшее количество гениев дают они. Есть примеры гениальных поэтов и в двух других категориях.

О методах работы. Есть несколько способов взаимоотношений поэта с темой.

Стихотворением может стать извне пришедшее задание, силлогизм, который сознательно, без предварительной внутренней подготовки втискивается в форму поэзии. Есть хорошие образцы этого метода у позднего Пушкина, у Байрона, у Гейне, хотя ни для одного из них этот метод не характерен.

Второй способ, когда пришедшая извне тема попадает на сложившееся внутри поэта настроение. Наиболее результативный способ творчества. Так написаны наиболее страстные стихи Лермонтова.

Третий способ – вырастание стиха из внутреннего ощущения без явного соприкосновения с данной извне темой. «Как соловей поет». Способ, редко оправдывающий себя в других жанрах, кроме любовной лирики. Невозможный в поэме.

15 ноября * Вечер у Корнфельдов⁶⁰. Бонтонный, чуть претенциозный дом. Наташа – настоящая умница, из женщин, которые лепят своих мужей, как из глины.

Младшая — Татьяна,⁶¹ жена Е. Симонова, очаровательная. Ее я знал семилетней девочкой.

Знакомство с Василием Ажаевым,⁶² о романе которого говорят, как о лауреатском. Это скромный низкорослый человек, со светлыми волосами, лет тридцати пяти на вид. Одно веко всегда опущено, что придает ему выражение полусонное. Умен. Приятен. Прост.

Ярко талантлив Женя Симонов, с которым обменялся словами взаимной симпатии.

18 января * Есть люди, точно знающие границы любви. Есть люди страстей, для которых каждая любовь – последняя (Дон-Жуан). Для меня каждая любовь – первая. Я почти лишен *вожделений*, когда люблю.

21 января * Вчера поздно вечером пришел С. Турманидзе (Туманов). Очень яркий, тонкий, талантливый человек. Лицо интеллигентного слегка подвыпившего льва. Штуки, которые он выкидывал, уморительны и остры. За двадцать минут набросал мой портрет, очень похожий.

Новелла о немце, прекрасно рассказанная Т.

В штаб одной стрелковой бригады приводят пленного. Это настоящий волк. Два железных креста на груди. Унтер-офицерские нашивки. Голова повязана грязным бинтом. Висит плетью перебитая рука.

В противоположность другим пленным немцам, он держится без всяких признаков страха. «Сколько русских солдат вы истребили?» – спрашивает переводчик. Обычно этот вопрос не задавали. Он пугал пленных, делал их совершенно бестолковыми. Но этот просто потрогал значок за отличную стрельбу и сказал: «Я считался хорошим стрелком. Бил на большом расстоянии. Трудно определить, сколько раз я попадал. Думаю, что нередко».

«Помните, что вы в плену. Только чистосердечные показания могут облегчить вашу участь», – пугнул его переводчик. Тот выпрямился с простым солдатским достоинством: «Жизнь солдата настолько тяжела, что смерть может быть для него только облегчением». – «Что он сказал?» – спросил генерал-майор. И, узнав, сочувственно заматерился: мать-мать-мать.

Это был настоящий волк. Идеальный солдат. Просто солдат-смельчак. В общем, не похожий на скучные вереницы немецких пленных. Он просто и даже с азартом рассказал, как дрался с двумя нашими разведчиками, как только случай уберег одного из них от смерти. Он сожалел, что попался в плен. Но что же! Он развел руками – ваша взяла. Его попросили показать на

карте расположение. Быстро ориентируясь на карте с русскими названиями, он показал сосредоточение войск и артиллерии. Война была для него жестокой, азартной игрой. Он проиграл. Проиграл лично. И честно в этом признавался. Более высоких идей он не знал.

Допрос окончился. Пленный выпрямился, глядя прямо перед собой. Он был готов к смерти. «Крест, — сказал он. — Каюк». Вести его на пункт сбора было поздно. С разрешения генерала его положили спать в одном из штабных блиндажей.

«Хотите почитать?» — спросил его переводчик, подавая ему листовку политотдела, обращенную к немецким солдатам. Там говорилось о том, как Советская Армия обходится с военнопленными. Может быть, если бы эта листовка досталась ему там, у себя, он счел бы ее пропагандой. И не поверил. Даже не подумал бы о ней. Теперь он медленно читал слова о гуманизме русских. И видел, что это правда.

И волк заплакал. Может быть, за все семь лет службы он плакал впервые. Крупные слезы текли у него по щекам. Его оставили в покое. Он лежал на матрасе в углу штабного блиндажа. Прошло несколько времени. Вдруг волк приподнялся и сказал всхлипывающим жалким голосом: «Herr leutenant! Darf ich pipi machen?»*

---

* Господин лейтенант! Можно мне пописать? (нем.)

10 мая * Переводил Тувима,¹ одного из лучших поэтов первой половины нашего века. Его не успели коснуться прямолинейные страсти и подлость второй половины века.

Была К. Некрасова². Поэзия без всякого ума утомительна. Радуга не может заменить живопись, пение соловья — музыку.

13 мая * Самокритика в Китае. Если коммунист напьется пьяным, он выступает с самоосуждением перед жителями своей улицы, партийными и беспартийными. Подобные покаяния широко распространены. Каются помещики, купцы, фабриканты. Правдивость ценится высоко. Ложь жестоко наказывается.

Руководящие работники, даже крупные, получают столько же, сколько средний рабочий, т. е. очень мало. Быт их, питание, одежда не выходят за пределы низкого уровня. Средства на представительство отпускаются в случае необходимости.

14 мая * Поэзия не может обойтись без «вечных тем» и «вечных чувств». Она рождается на пересечении человеческого переживания, общего всем временам и народам, с живой современной действительностью. Точнее говоря, поэзия это современность, данная в форме человеческого чувства (современность чувств).

Никогда мораль не играла такой роли в общественной жизни, как сейчас. В обществе, где стихийные законы обузданы централизованным разумом, судьбы целых исторических периодов зависят от прихоти этого разума. Благородство современных королей, президентов, монстров капиталистического мира — категория субъективная. Черты мировоззрения наших руководителей немедленно претворяются в конкретные государственные мероприятия. Необходимость и случайность вступают между собой в опасную игру.

13 ноября * В поезде.

На рассвете 9-го числа выехал я автобусом «Кисловодск—Тбилиси»³. Самочувствие было гриппозное. Скрючив-

шись на заднем сиденье, отпихивая наползающие чемоданы, я дремал на плече моего соседа, маленького услужливого армянина.

Днем пересекли Крестовый перевал. Вечером прибыли в Тбилиси.

Отыскал Сашку Межирова, который поместил меня в своем номере гостиницы. Мазурин,⁴ редактор из уголовников. Добродушный силач, изнывающий по бабам.

Длинный разговор с М. о поэзии и прочем. «Я человек с перебитыми крыльями». Он любит жену Луконина. Полгода сидит в Тбилиси.

Город чудесный. Вид с горы Давида – церковь, где похоронены Грибоедов и Нина. «Ум твой и дела останутся в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя»⁵.

Поездка в Кахетию с Нонешвили. Алазанская долина из Сигнахи. Угощение в Карданахи. Цинандали. Ночные Гомбори. Край, созданный для поэзии. Хаши, хинкали. Ресторан «Фантазия». Выставка в Сигнахи. Водочные заводы. Музей.

У Гришашвили⁶. Милый старик. Библиотека Кето Джапаридзе⁷.

Хута Берулава⁸. Гия Маргвелашвили⁹. Стихи.

22 апреля * Жизнь общества сложна, противоречива. Понять ее трудно, если не начинать с самого простого.

Народ, о котором мы столько говорим, либо возвышая его до степени гегелевской идеи, либо понося его как темную, смутную и бездумную массу, на самом деле живет простым и понятным стремлением. Каждый из людей, составляющих общество, стремится, чтобы жизнь его стала лучше. Чем «проще», примитивней человек, тем проще это его представление о лучшем. Но оно свойственно всем.

Если общество, государство устроено так, чтобы удовлетворить, хотя бы понемногу, это простое стремление человека, если оно не входит в противоречие с этим стремлением, значит, это «хорошее», «правильное» общество.

Демократизм превращает государство из давящей абстракции в чуткий инструмент, служащий практическому осуществлению простого человеческого идеала. При демократическом устройстве общества государственная власть, которой свойственно особое тщеславие и самомнение власти, меньше всего способна поставить себе специальные цели, отличные от целей самого общества. Государственная власть осуществляется частью общества, выделившейся из основной массы, принявшей на себя руководство экономикой, политикой, образованием, искусством. Демократия обуздывает тщеславие и корыстолюбие правящего слоя, не дает ему обособиться в привилегированную касту.

Мощь современного общества настолько велика, что оно способно при демократическом распределении благ, в том числе и моральных благ, удовлетворить естественные стремления своих членов к лучшей жизни. Общество нашего времени не нуждается в тирании, которая всегда – порождение скудости, нищеты, неразвитости. События нашей истории наглядно доказывают это.

Русская тирания – дитя русской нищеты. Общественная потребность в ней порождалась скудостью экономики, необходимостью свершить жестокие и героические усилия для расширения общественного богатства.

Но диктатура, принятая обществом, сознательно или бессознательно, для того чтобы удовлетворить стремление его членов к лучшей жизни, вступила в противоречие с этим стремлением. Она:

1) Призвала к власти слой общества, наиболее соответствующий ее стремлениям, — выходцев из городского и сельского мещанства, прослойки с узким кругозором, подверженной наихудшим иллюзиям: корыстной, узколобой, безвкусной и т. д.

2) Создала определенные черты кастовой замкнутости, снабдив эту прослойку особыми привилегиями, подкупив ее деньгами, должностями, чинами и пр., ограждая ее всеми видами кадровых препон.

3) Отгородившись стеной всех видов бюрократии от истинных стремлений общества, власть вообразила себя единственным носителем общественной правды.

4) Создала мощный карательный и пропагандистский аппарат.

5) Пустила в ход все виды общественной фальши, заставив служить себе искусство, науку, печать.

6) Постаралась заменить истинный, простой идеал человека античеловеческими идеями шовинизма, вражды, подозрительности, человеконенавистничества. Простой человек, чьи идеалы никогда не мешают другому простому человеку, вдруг уверился в том, что его стремлению к лучшему мешают призраки, придуманные властью. Он возненавидел эти призраки.

23 апреля * Мысль о мещанском характере современной правящей прослойки очень важна. Это подспудная мысль всей нашей мало-мальски честной литературы.

С Борькой звонили Л. Все это похоже на восемнадцать лет. Она — характер слабый, заурядный. Мне глубоко близка и трогательна внутренняя неуверенность очень красивой женщины. От этой неуверенности она не дорожит собой. Я чувствую ее всеми нервами. Ощущение, близкое любви.

24 апреля * Наше начальство принято королевой Англии¹. Ей подарили соболий палантин и безделушки, коим нет цены. Принцессе привезли медвежонка. С ним были неприятности на демократической таможне. Казаки в полной форме ведут через Лондон призовых коней Маунтбеттену и принцу Чарльзу.

Пресса вежливо издевается, не замечая во всем лукавства.

Вспомнил воспоминания Черчилля (из VI тома) о посещении короля Ибн-Сауда.

25 апреля * Встреча с Пинским² после его освобождения. Стихи мои ему не понравились. Почти не расспросив его, ринулся в длинный спор о поэзии. Мысли П. удивительно неизменны: «модернизм» — господство беспардонной индивидуальности; не все предметы годны в поэзию; становление длительней упадка; век не создан для поэзии. Окостенелость этой схемы раздражает. Политические обстоятельства принимаются за имманентные законы искусства.

«Чайная»³ не нравится Слуцкому, нравится Е. Винокурову⁴.
Лучше всего верить себе.

26 апреля * М. Конева⁵, дочь маршала, чем-то удивительно привлекательная: губы, глаза.

7 мая * Настроение поганое. Умирает А. Л.,⁶ честнейший человек, мой большой друг.

Делать ничего не хочется. Тянет за город.

8 мая * Вчера подал заявление в Союз писателей⁷. Отвратительно. Ничтожества, вроде Долматовского, должны решать, писатель ли я. Отвращение к себе, ко всему.

Пишу детские стихи⁸.

Антисемитская сцена в трамвае. Мне всегда жаль этих озлобленных, по-детски жестоких, темных, ничтожных людей.

На днях разговор с Т. Черняевым, очень близким, полным подавленных страстей.

27 февраля * Вечер у старика Ладинского¹. Пришел человек средних лет, с полуседыми (серыми) прямыми волосами, острыми, быстрыми глазами, большеротый, забавный. Говорун, забияка. Это Алексей Эйсер,² автор поэмы «Конница». В 20-х годах он жил в Праге, занимался мытьем окон. В 36-м году сошелся с коммунистами. Воевал в Испании. Был еще бог знает где. Недавно объявился в Москве. Иронически удивлен, когда встречает людей, знающих «Конницу». Стихов не пишет и, кажется, вообще написал всего несколько штук. Пишет мемуары об Испании. Ругательски ругает Р. Азарх³ и ее писания.

Мы заспорили о Венгрии.

Поздно пришел Борис, которого ждали.

Говорить нам трудно, ибо уже между нами накопилось раздражение. Да и нужно ли говорить! Пусть идет своим путем, а я своим.

Ладинский, старик, стал читать стихи, потом расплакался. Он поэт настоящий, но прошел где-то сбоку и понадобится только в антологиях.

Эйсер стихи называет «стишками». Ему понравилось мое «Вступление» и «Иваны», кроме конца «Холопа»⁴. Говорит: «Хорошие стишки, сильные. Но конец не такой нужен. Надо, чтобы холоп отвечал: “Правда!”».

О себе говорит: хорошую книгу я не напишу, а интересную напишу.

Я говорю: может быть, это важнее. Олеша писал хорошо, а неинтересно. Например, «Зависть»⁵. Сейчас ее читать скучно.

28 февраля * Борис любит не литературу в себе, а себя в литературе.

— Ты для меня не идеолог, — сказал он еще летом⁶. Бог с ним!

Вчера работал мало. Чувствую себя больным. Даже мысли о смерти приходят.

Читал Маяковского 20–21-го гг. Много дурного, безвкусного. Но удивительная словесная силища прет. Смолоду мало кто пишет хорошие стихи. Даже раннего Пастернака читать сейчас трудно. Но *удивить* поэт должен рано.

Мысли, слова, образы – все это созревает потом. Но «удивительное» даже виднее в ранних стихах, не обросших опытом, мастерством.

Молодой поэт творит *удивительное* по неопытности, по незнанию. Часто, проходя науку поэзии, он уходит от себя и лишь позже, став самостоятельным, снова возвращается к своей природной *удивительности*, окончательно обретает себя в ней.

1 марта * Вчера с Колей⁷ ездил в Пахру. Учился водить машину.

Вечером в «Советской» встретил Межирова.

Спрашиваю, как дела?

– Ужасно! Ужасно!

Как он ловко умеет сочетать некое мистическое, потустороннее неблагополучие с посюсторонним процветанием!

Сегодня немного работал. Переводил, писал начало второй главы стихотворных записок⁸. Эта глава и еще варшавская уцелеют в наибольшей степени.

Читал Ключевского, первый том.

Скорей бы сбросить с себя поэму! Она, как забор, стоит передел мной. А мне нужно выйти куда-то в новое, просторное.

Все они кричат мне: надо выбиться! выбиться!

А куда выбиваться? В поэты я и так выбился. На деле получается, что выбиваться надо в жополизы. Вот они и выбиваются, и лижут, и приговаривают: а ведь жопа-то не так горька! А ежели им жопу медом смазать, они начинают и про ренессанс поэзии поговаривать.

А я в *поэзии* свободен и без свободы как поэт не существую.

2 марта * День бесплодный. Ездил в Мамонтовку⁹ на машине.

Пил коньяк с Грибановым¹⁰ и Колей.

Приходила Валя Мартемьянова,¹¹ молодая, свежая, очень славная.

3 марта * Одиноко мне на свете белом. Я со всеми связан, всем обязан, а мне никто ничего.

Один Сашка¹² у меня, маленький, глупый. Ему одному хуже будет, если умру.

16 марта * Вернулся из Кр[асной] Пахры¹³. Немного отошел от усталости, грустных мыслей.

В Москве кислые новости: Симонов, сукин сын, отрекся от Дудинцева¹⁴.

18–20 марта * В Пахре. Март. Солнце. Лыжи.

28 марта * В Пахре. Познакомился с Ю. Нагибиным.

29 марта * Вечер албанской поэзии в ВОКСе. Шефчет Мусарет,¹⁵ маленький, сухонький, с утомленным лицом рабочего. Очень скромный. Л. Пеньковский¹⁶ — обидчивый болван.

С. Михалков, доброжелательный ко мне.

30 марта * Коля затаскал меня по всяким ненужным местам. Днем пили в обществе чешского эстрадника Зденек Досталя. Потом поехали на концерт.

Говорил по телефону с Борисом Сл[уцким]. Разговор довольно холодный. Новости скучные. Женя Ласкина¹⁷ сказала, что Атаров¹⁸ хочет заключить со мной договор на поэму. Недурно бы.

Вечером заболел Сашка. Спит, разметавшись в жару.

4 апреля * Все дни занят был мелкими делами, разъездами. В «Москве» верстка стихов¹⁹.

Атаров готов заключить договор на поэму. Недели через две мои документы передадут в приемную комиссию Союза. Ни радости, ни волнения. Если бы мы жили не столь приблизительными моральными нормами, вступать в Союз не следовало бы. Какая радость в том, что два десятка прохвостов сочтут тебя достойным стать в их ряду.

Переводы Незвала²⁰ идут в «Иностр[анную] лит[ературу]».

Был дважды у Т. Грузиновой²¹. Сегодня долго гуляли с ней.

Вчера заходили к Крамовым. Славные, умные люди.

6 апреля * Сдал по настоянию Сякина книгу стихов в «Мол[одую] гв[ардию]». Шансы сомнительны²². В Сякине — темная достоевщина, темное неприятие. Не поймешь, что за человек.

Приходил молодой поэт Виленский читать стихи. Удивительно, как они похожи друг на друга, эти еврейские стихотворцы. Ум, переживания, национальная эмоциональность, одиночество, потребность выразиться — причина их поэзии, по большей

части малоталантливой, но достойной быть собранной и изданной большим томом как документ времени.

Заходил Куклес,²³ сообщивший мне, что в ближайшее время он произведет переворот в живописи. Показал какую-то беспредметную мазню, довольно веселую и бессмысленную, где кроме красок применен рис или пшено.

Я долго и резко ругал его. Он молод, любознателен, но рисовщик и пижон. А ему бы самая пора поучиться. Впрочем, кто их знает, этих гениев, может быть, так им следует поступать...

Где критерий? Должен ли художник работать «на толпу» или на «избранных»? Вечная проблема для художника.

В обоих случаях — недостаток гордости, любви к искусству. Художник должен работать «на правду», а она в разные времена — достояние разного количества людей, иногда «толпы», иногда «избранных».

8 апреля * Вчера ездили за город — к Тусе²⁴.

Вечером — рождение у Тимофеева²⁵. Развлекались по старинке. Были Соболи, Максимов,²⁶ Зак,²⁷ Кузнецов,²⁸ Тоомы,²⁹ Грибановы и пр.

Около часа выясняли отношения с Борисом [Слуцким]. Взаимные попреки. Он говорит, что, дескать, в последние два года, трудные для него, меньше всего помогали ближайшие друзья, я в том числе. Не может простить Пете Горелику, что тот несколько лет назад посоветовал Борису поступить на работу.

Я возражал. Говорил, что старые друзья вроде меня, Крамовых, Якова³⁰ и пр. подходят к нему с самыми высокими мерками. И с этой точки зрения и его стихи, и его успехи не слишком велики. Некогда он сам, Борис, тоже требовал от себя большего.

Разговор был горячий, но доброжелательный. Мы помирились и расцеловались.

Я люблю его.

Долго отчитывал Куклеса. Говорил о том, что художнику нужна внутренняя цель. А эта цель одна — познание жизни общества средствами искусства.

Социальные идеи его смутны. Тут и романтика 20-х годов, и левизна в искусстве, и газетный антикапитализм.

Говорил ему, что нельзя ориентировать общество на идеи прошлого, хотя бы и 20-х годов. Кстати, недостатки и достоинства годов 50-х целиком вырастают из идей и практики 20-х.

9 апреля * Слушал Stabat Mater Перголезе, замечательная вещь в трогательном исполнении хора мальчиков.

Жизнь веду глупую, бессодержательную. Работаю мало. Пора снова браться за дело.

Виделся с Гидашами³¹. Агнесса³² умница. Длинный разговор о Венгрии и прочем. Гидаш говорит смутно, м. б. по незнанию языка. Изредка умен.

11 апреля * Была С. Корытная³³ — умница, друг.

12 апреля * Утром приходила поэтесса Зина Миркина. Читала стихи. Талантливо, но не трогает. Поэт живет всеми нервами, чувствами, импульсами — с ног до головы. А это все — верхний этаж, предметный мир пропущен сквозь мясорубку. От цветка остается только одеколон. У людей, как она, — унижение паче гордости.

Днем встреча с чехами. Читали стихи — мы и они. Из наших Зенкевич³⁴ «Найденыша», Мартынов,³⁵ Слуцкий «Лошади в океане». Я — «Зрелость», «Солд[атскую песню]»³⁶. Лучше всех Заболоцкий. Читал «Некрасивую девочку» и «Журавли».

Когда я читал «Зрелость», Заболоцкий вдруг хихикнул и сказал:

— А я этих стихов не знал!

Долго, дружелюбно с ним разговаривали.

Вечером был у Ладинского.

Ходил в кино на глупейший фильм. Обедал со славяноведами — Асей Соловьевой, Шерлаимовой, Никольским³⁷.

Много пили.

Вчера вечером был Я. Кронрод. Он сейчас самый близкий по уму, по мыслям.

Переводы Незвала взял «Нов[ый] мир»³⁸.

14 апреля * Утром писал, переводил.

Обедал у Шуплецова³⁹ с милым художником Женей Коваленко и его женой.

Вечером у Симисов⁴⁰. Скука.

15 апреля * Был в «Мол[одой] гвардии» у Сякина. Ему явно не хочется высказываться о книге. Какие-то шансы, видимо, есть.

В «Н[овом] мире» просили стихов. Решил отдать «Чайную». Посмотрим, что выйдет.

Прием в албанском посольстве в честь Мемета Шеху и Энвера Ходжи⁴¹. Энвер молод, красив. Французский студент, преподаватель коллежа, ставший диктатором янычар.

Очень близко видели Н. Х[рущева], маленького, кургузого человечка, внешне — современного градоначальника, лысого, с маленькими глазками.

Невыразителен премьер и все остальные.

Н. Х. сказал речь. Я внимательно наблюдал за ним. Он стоял, сложив руки на животике, порой жестикулируя, улыбаясь якобы добродушно. Во всем некрасивом и лишенном величия облике — раскованность, уверенность в себе. Сбоку от правительственного стола — настороженные молодцы, пытающиеся сохранить светское выражение лица, — охрана.

Центральный пункт речи — отношения с Югославией, идея сосуществования, соревнования, полуугрозы.

Простецкий голос, простецкий юмор, не обаяние оратора, а чрезвычайная доходчивость. Не четкие формулы политика, а житейский здравый смысл.

— Вот тут, например, присутствует господин посол Норвегии, очень славный товарищ, а ведь он член НАТО...

Так вот он обращается с послами. Бесспорное чувство юмора, лукавство.

Болезненное лицо Маленкова, согласно кивающего головой.

Все вместе — политический балаган, обывательщина в форме государственных категорий.

Вчера просмотрел статью Теплица,⁴² поляка, о соцреализме. Плохо. Кетта — выше, умней, блестящей.

Стоит ли вести спор о терминах? Пусть соцреализмом называют то новое искусство, которое формировалось у нас после Октября. Новизна этого искусства несомненна. И если нужен термин, чтобы обозначить это, соцреализм не хуже других.

Мы ничего не знаем о своем искусстве, потому что ничего не знаем о своей жизни. Нельзя изучать искусство с точки зрения искусства, оно всегда функция действительности, всегда общественное самопознание. Можно ли познать познание, исключая объект познания?

А что знаем мы о социальной, экономической, политической и т. д. формах нашей жизни? Изучать надо именно это.

Прекрасное есть свобода.

17 апреля * В «Новом мире» разговор с Карагановой⁴³ о Слуцком. Все вокруг осуждают его заносчивую манеру.

– Если бы он не был так доброжелателен к чужим стихам, он был бы просто неприятен...

Смотрел с Верой французские короткометражки в Д[оме] кино. Очень хорош Марсо.

Вечером – у Лунгиных,⁴⁴ как обычно, приятно и близко.

19 апреля * Обедали с Кагарлицким,⁴⁵ Тимофеевым, Грибановым. Засвербило пьяной грустью.

Вчера виделись с Тышлером,⁴⁶ славнейшим человеком. Он мало что знает и мало что понимает, но удивительно честен, скромн, как художник. Говорил о том, что хотел бы уехать к морю, жить, писать, не работать в театре.

20 апреля * Вчерашний рецидив переполнил меня прежним, уже забытым чувством томительной, неудовлетворенной нежности, которую всегда возбуждала во мне эта женщина⁴⁷. Ее постоянная, осмысленная ирония отмечает все мелкое, все условное, скрывающееся под покровом словес, и заставляет посмотреть на себя с позиций *правды*. Это трудно, томительно, но и притягательно. В ней ничего от нормативной морали, от утешительной рефлексии. В ней только одно внутреннее требование: как бы я ни поступила, я всегда знаю цену моим поступкам и никогда не солгу перед самой собой.

Весь день хожу под впечатлением вчерашнего, думаю о ней. Я хотел от нее жертвы, хотел лжи внутренней.

Она этого не могла. Она любила меня так, как умеет любить, – без иллюзий. И м. б., правда то, что она сказала вчера:

– Тебя никто не будет любить так, как я любила...

Вправе ли я начинать снова? Ведь все равно я никогда не смогу поступать так, как нужно ей. И вместе с тем – счастливей ли она сейчас, без меня?..

Пишется плохо, как всегда весной.

Читал статьи Энгельса о панславизме 1848 года. Удивительно недоброжелательное презрение к славянам. Югославы и чехи лишь через сто лет доказали, что Энгельс был не прав.

Одна точнейшая мысль – объединяются слабые.

21 апреля * Чем дальше эта женщина от глаз, тем ближе она сердцу. Ни в кого я так не умел воплощаться, как в нее. Ее одиночество томит меня физической болью, м. б., больше, чем мое собственное. Я хотел бы ей мужа, любовника, друзей, для того чтобы не чувствовать, что я предаю ее каждый раз, когда уйду от нее.

Противоречие между личностью поэта, его содержанием и наличными формами поэзии, т. е. тем *главным*, что ему представляет традиция, история, практика людского восприятия.

Поэт не в силах преодолеть эти готовые формы, которые включают в готовое русло его особенность, его индивидуальность и личность. Если же он силой воображения ломает эти формы, он теряет контакт с читателями, как радист, потерявший волну, на которую настроен принимающий аппарат.

Если поэт хочет вкусить славы у своих современников, пусть он не посягает на ломку готовых форм восприятия (кантовских категорий).

Если он внутренне раскован настолько, что не влезает в готовые формы, его удел — одиночество, разочарование. Этого не избежали ни поздний Пушкин, ни поздний Маяковский, ни поздний Блок.

Толстяк Кагер говорит: снобы — это либо провинциалы, либо те, кто не любит советской власти.

Перевожу «Крещение» Гавличка-Боровского⁴⁸. В чешской поэзии нет вершины вроде Мицкевича или Петефи. Эти двое придали величие поэзии поляков и мадьяр, в них поэтическая, революционная энергия переплеснулась за рамки нации. Революции XIX века, когда формировалась великая поэзия Вост[очной] Европы, миновали чехов. Их национализм скуден и мелок. Не сформулировав идей всеобщих, чешская поэзия сразу перешла к тонкости, нервозности буржуазного модернизма, так и не подышав высокогорным воздухом революций. В ней много поэтов добротных, талантливых — Маха,⁴⁹ Врхлицкий,⁵⁰ Библ,⁵¹ Незвал — и нет великого или даже высокого.

22 апреля * Вчера ездил в Мамонтовку. Сильный весенний ветер. Березы, откинув тонкие ветки, летят против ветра по серому небу.

Вечером были у старух Гиссен,⁵² коим исполнилось по шестьдесят восемь лет. Это последние люди уходящего поколения, знакомые Короленко и Горького, которые знают, сколько пиджаков было у Максима-сына в 19-м году, какое вино любил Бедный и тысячи других вещей, которые уйдут вместе с ними. Добрые, славные старухи.

Видел у них дочку Гарина-Михайловского, актрису Кореневу и др.

Читал в «Правде» статью из «Жэньминь жибао» о противоречии внутри народа.⁵³ Статья ставит вопрос о том явлении, которое и мы и они именуем бюрократизмом, а на деле является вопросом о социальной структуре общества, совершившего революцию. Любопытно, что они уже ставят этот вопрос, я думаю, один из самых коренных и самых не изученных нашей теорией государства. Мы хотим свести к субъективному явлению «бюрократизма» некую сложную проблему о составе нашего общества и о взаимоотношениях внутри него. Уроки Польши и Венгрии никак не отражены в этой теории, а полностью смазаны нашей пропагандой. Между тем это коренной общественный вопрос. Недаром наша литература уже с 20-х гг. трактует фигуру Победоносиковых, а в последние годы, так или иначе, полностью строит конфликт на взаимоотношениях «бюрократа» с обществом. Как бы мы не клеймили «бюрократа» и «чиновника», даже с щедриной силой, мы ни на йоту не продвинемся в изучении сложного процесса социальных новообразований, которым даны лишь клички, а не названия.

Китайцы, по крайней мере, ставят вопрос. Они даже надеются найти выход из противоречий между массами и руководителями. Это — демократизация.

Действительно, это единственный выход. Но демократизация «сверху» — дело сложное и не может быть проведено одним махом. Этапы ее, как мне кажется, следующие:

1. Демократизация печати, ибо только печать может быть действительным органом общественной самокритики и аккумулятором общественного мнения.

2. Демократизация партии. Сюда включается и свободная внутрипартийная дискуссия. И ограничение материального благосостояния руководителей всех степеней. И коллективность решений, и многое другое.

3. Гласность судопроизводства на всех ступенях, контроль общественности над органами госбезопасности, постановка их под партийный контроль, смена кадров.

4. Демократизация промышленности и сельского хозяйства. Совхозизация последнего.

Вечером были Ладинский, Яков, В. Малкин⁵⁴.

23 апреля * Был в Гослите, в «Москве».

Снова заезжал к Кл. — дважды, не застал дома. Оставил записку, что буду в пятницу.

30 апреля * Последние дни:

26-го заезжал к Кл. — не застал дома, получил записку с телефоном театра. Звонить не захотелось.

28-го — у Бори Шуплецова рождение. Были супруги Коваленко, очень славные художники из театра Пушкина, славяновед Злыднев,⁵⁵ болгарин Попов.

27-го — вечер в Детгизе. Начало романа с «девушками из предместья».

Сегодня обедали с ними. Удивительная, трогательная и бескорыстная готовность «прилепиться к мужчине», быть подругой, любовницей, сестрой.

Все дни писал, переводил. Читал Лиддел Гарта «Стратегию»,⁵⁶ скверного Цвейга, Франса по-французски.

Говорят, что все ожидаемые реформы отложены. Я уверен, что гора родит мышь. Выше головы не прыгнешь...

1 мая * Весь день дома. Вечером у Шкунаевых⁵⁷.

Форма современного брака изжила себя. Она держится на реликтах имущественных интересов (в состоятельных слоях общества) и, главное, на необходимости воспитывать детей. Изжитая форма, впрочем, не заменилась покуда ничем иным. Тем не менее сентиментальные предрассудки в отношениях людей ушли в прошлое. Адюльтер — массовое явление, не осуждаемое общественным мнением. Новые общественные формы, в частности равноправие женщины в производстве, неминуемо породят новые формы брака.

Как только государство сможет взять на себя воспитание детей, современный брак рухнет, ибо полностью лишится содержания. Он заменится свободными и, следовательно, чистейшими отношениями молодых людей и будет складываться в пору зрелости как тихое дружеское сожительство, не отягощенное имущественными и матримониальными интересами. Любовь к детям

неминуемо станет чувством общественным, и следовательно, будет изжита трагическая тема семейных взаимоотношений между поколениями.

2 мая * Самая свирепая цензура не может уничтожить литературу. Литературу убивает отсутствие общественной потребности в самопознании и самокритике.

Литература — всегда литература господствующего класса, ибо только он может выделить силы для духовного производства или обеспечить выходцам из других классов возможность посвящать себя исключительно духовной деятельности. Таково свойство общественного разделения труда и результат бедности человечества, которое покуда не имеет возможности гармонически развивать разные задатки индивидуума.

Но порождая художника или, вернее, выдавая ему часть своих благ, необходимых для чистой духовной деятельности, господствующий класс до известной степени противопоставляет художников себе. Художник или идеолог вообще призван быть органом общественного самопознания с позиций данного класса, призван быть тончайшим прибором, определяющим тенденции в развитии общества. До известного времени господствующий класс пользуется этим инструментом, особенно в периоды становления этого класса.

Но пропасть между художником и его классом возникает и неминуемо расширяется, ибо художник не может не выполнять своей истинной функции — функции общественного самопознания и самокритики.

Специализируясь в этом, он обгоняет реальное самосознание того класса, который обслуживает. Укрепившийся класс начинает рассматривать себя как важную общественную силу и не желает слушать приборы, открывающие ему истину о развитии общества, о подлинном положении дел.

Господствующий класс, породивший художника, начинает рассматривать его как врага в силу ложной самооценки. Художник, отвергнутый своим классом, начинает полагать, что его позиция есть позиция «народа». Сама структура творчества не позволяет ему заблуждаться об истинном состоянии дел в обществе. Так возникает конфликт художника со <нрзб> с классом, породившим его.

Историческая слепота господствующего класса убивает искусство, создает трагический разрыв между *функцией* искусства и *потребностью* в нем.

3 мая * Днем писал поэму. Вечером с Ашотом Граши⁵⁸ и Б. Руниным⁵⁹ ужинали в «Праге». Потом завернули к Тоомам. У них была Вероника Тушнова,⁶⁰ Тимофеев, Слуцкий.

Какой-то молодой поэт, протеже Бориса, читал стихи, талантливые и противные. Долго и горячо спорили. Вероника, Тоом, Юра, Рунин — за меня. Борис и прочие — против.

Все труднее находить общий язык с Борисом. Он отчаянно хочет быть «непечатным».

Пьяный Олеша в Клубе писателей кричит:

— Кто такой Поповский? (Поповкин?)⁶¹. Он обокрал Поля де Крюи!⁶² И эти люди имеют право управлять литературой?

— Литературой управляют ваши книги, — говорит восточный поэт, Ашот Граши.

— Прекрасно! — вопит какой-то пьяный еврей.

А у молодого поэта — превосходное стихотворение «Бабыя деревня»⁶³.

4 мая * Занимался «Чешской антологией», которая уже обрыдла.

Заезжал к Слуцкому. Говорили о несущественном.

Вечером Куклес привел двух молодых ленинградских поэтов. Л. Лифшиц⁶⁴ пишет славные стихи, но дыхания настоящего нет.

Евгений Рейн⁶⁵ — умный, уверенный, приятный. Стихи несколько рациональные, экспериментаторские. Одно («Котов») весьма интересное. Из него может и толк выйти.

Читая им стихи, чувствовал длинноты и недостатки «Чайной». Людям *очень* хорошего вкуса она не должна нравиться. Поэма — серьезнее, важнее, хотя в ней много *несовершенного*.

5 мая * Был на венском «Айс-ревю». Приятное разноцветное зрелище.

У Лунгиных видел Некрасова, приехавшего из Италии, и его неизменную старушку-маму, глуховатую, оживленную, удивительную старушку лет 80 от роду.

6 мая * Милан Лайчак — пресс-атташе чешского посольства, словацкий поэт. Приятен, довольно умен. Длинный разговор.

7 мая * Весь вечер с Кл. Тяжелейший разговор. Душа болела физически. Мне трудно, почти невозможно с ней разговаривать. Она свободна от *всего*, что связывает меня, и ничего другого, кроме *этой* свободы, от меня не хочет. И вместе с тем она любит меня и не может меня прогнать.

Поздно вечером, вымученный, зашел к Борису. У него день рождения. Были Тоом, Володя Корнилов,⁶⁶ Россельс⁶⁷.

Горячо спорили о литературе. Все они, кроме Тоома, тешат себя дурацкими иллюзиями, делая вид, что все в порядке.

Россельс сказал, что у меня интеллигентская истерика. Я и впрямь был близок к этому, но по другим причинам.

Под утро бродили по городу с Тоомом, умным, хорошим, настоящим.

8 мая * С Ашотом Граши был в гостях у секретаря карабахского обкома. Любопытная порода азиатских чиновников, разговаривающих так, как говорят в дурных фильмах. Непонятно даже, глуп ли он или слишком хитер. Гостеприимен по-восточному.

11 мая * Вчера вечером был у Кл. Снова тяжелый разговор, кажется последний. Мне трудно, невозможно говорить с ней, все мои доводы – ничто перед ее простой и законной для человека правдой.

И в этом тяжелом, мучительном разговоре вдруг улыбка, ирония – надо мной, над собой. То, что мне так в ней дорого и близко...

Сегодня разбитый, неспавший, слоняюсь по дому, пытаюсь читать Джона Рида.

Видел Луговского, Ладинского. Тысяча мелких дел. Ничего не успеваю. Редакции негодуют.

Заходил на днях Мандель, смешной, умный и необразованный.

У С. Корытной познакомился с милейшим и умнейшим археологом Федоровым, мужем славной М. Рошаль.

15 мая * Беспутные, бесплодные дни.

«Децентрализация» – очередная нелепица⁶⁸. Она имела бы смысл, если бы подрывала основы могущества «бюрократов», создавая «полицентризм», приводила в порядок экономику.

Гора родила мышь. Из всех возможных вариантов избран наихудший. Злой рок тяготеет над Россией.

Вчера в Союзе пис[ателей] – рассказы о выступлении Хр[ущева]. Новый удар по иллюзиям. Подтверждение тому, что говорил я год тому назад, в пору либеральных иллюзий. Ждать нечего!..

Вчера с Колей ездили по чудному Подмосквью с какими-то девочками, славными, простыми. Кажется, только с ними мне по-настоящему хорошо.

16 мая * Истина дается мне с трудом, даже истина чувств. Я лишен того, что называют нормами морали, т. е. у меня нет заданного отвращения к тому или иному. Постигание морали приходит ко мне через «грехопадения», через испытания. И только так некий принцип становится для меня *внутренней* нормой.

Это о вчерашнем.

Прочитал замечательную книгу Рида.

Духовная энергия человечества — величина определенная для каждой эпохи. Человечество XX века вложило свою энергию в великие революции в России и на Востоке, в две мировые войны, в небывалые достижения атомной науки и технического прогресса. Этого достаточно, чтобы считать наш век одним из величайших в истории людей.

Но энергия, направленная в сферу политики и в сферу научного познания, была вложена за счет *самопознания*. Аналитическое, разрушительное начало явно преобладает над синтетическим художественным и философским.

Двадцатый век не создал великой поэзии и великой философии.

В первой трети его отцвели последние гении старого реализма. Последним из них в России был Шолохов.

Первостепенной задачей человечества стали политика и наука.

Уже Наполеон назвал политику фатумом современного человека. Мощные социальные слои сдвинулись с места, как бурный поток, сметая с пути индивидуалиста XIX века. Захваченное этой мощной волной искусство либо погибло, лишась необходимой доли «свободы», либо поставило себя на службу политике.

Политический фатум вновь погубил искусство, как некогда в пору эллинизма. Служение политической идее вошло в резкое противоречие со свойствами художественного познания. Искусство корректирует политику, рисуя картину *истинных* отношений в обществе, тончайше отражая истинные жизненные процессы. Политике нет дела до истины. Истиной для нее является внешняя цель, порой противоречащая внутренним законам развития человечества.

Став частью политики, искусство погибло. Погибло не потому, что «политика» лежит за его гранью. Наоборот, во все лучшие эпохи искусство тесно соприкасалось с политикой. Но отождествление его с политикой смертельно для искусства.

Слепые социальные силы бушуют в XX веке. Эти силы страшны, ибо владеют грозными достижениями науки и техники. Цели науки и политики странным образом совпали, и политика «разрешает» науке находить истину. Но близка та грань, за которой человечеству вновь потребуется оглядеть себя, узнать правду о себе и своей жизни.

Наступит новая эпоха «синтеза», эпоха искусства и философии, которая обуздает слепые, губительные силы века.

Это будет искусство возвращения к «человеческому», к истинным потребностям человека, к человеческой морали.

Это искусство выйдет за рамки «науки» и «традиции», двух призраков, которыми политика задурманивает голову людям художественного труда.

Первые ростки этого нового искусства я вижу в последних романах Хемингуэя, в музыке Шостаковича, в произведениях итало-французского неореализма.

Думал о романе-поэме⁶⁹.

20 мая * В Союзе пис[ателей]. Настроение подавленное. Сволочь поднимает голову.

Говорят, что Начальство выразилось так:

«Если бы вовремя расстреляли десяток писателей, не было бы венгерских событий».

Впрочем, никто из писателей не посмел возразить против этой мысли. А молчание, как известно, знак согласия. Полагаю, что для России эта мера слишком крутая. Нашим писателям достаточно погрозить пальцем, чтобы никаких событий не произошло. Однако фраза была слишком крепкой, даже на вкус Начальства. Вчера поэтому состоялась встреча, поданная в газете как акт благолепия и «любви»⁷⁰.

С очевидцами я еще не беседовал.

Мой вечер состоится, хотя обстановка весьма неблагоприятная. Посмотрим, каково будет...

Я грешу не из чувственности, а из любопытства или жалости.

В. — девчонка-агроном, донская казачка. Она по-девичьи неловко влюблена в меня. Не умеет этого скрыть, не умеет и проявлять.

С ней просто и не подло, потому что нет лжи, нет словес...

Сергей [Наровчатов] говорит: надоел скептицизм, надоело неприятие. А что можно предложить взамен? Человечество разделено на две части. И нет «третьей» позиции.

Это ясно по Польше. Последняя речь Гомулки⁷¹ полностью определяет рамки произошедшего переворота. Он не снял ни одной из проблем, стоящих перед обществом, совершил экспроприацию средств производства методом однопартийной диктатуры.

Процесс складывания такого рода государственных организмов – главное, что происходит сейчас в мире.

Мы еще мало знаем о характере этого процесса. Он требует внимательного изучения.

Роман-поэма должен быть об этом.

23 мая * Вчера был мой вечер в Союзе писателей. Накануне друзья отговаривали меня от выступления, другие советовали не читать «Ивана», даже «Чайную».

Все же вечер состоялся. Народу набралось много (вместо обычных двадцати – человек сто пятьдесят). Пришлось перейти в нижний зал. Были многие из молодых – Боков,⁷² Слуцкий, Межиров, Евтушенко,⁷³ Винокуров, Львов,⁷⁴ Окунев, Левитанский,⁷⁵ Виноградов,⁷⁶ Субботин⁷⁷ и пр., и пр. Большое количество студентов Литинститута. Стариков не было. Со страху забились в норы – «ушли в предынфарктное состояние», как сказал кто-то.

Человек тридцать было друзей.

Председательствовал Коваленков,⁷⁸ странный человек, говорят, весьма дурной.

Я читал около часа. Потом было обсуждение в тонах юбилейных. С критикой выступил один Фоломин⁷⁹. И это было весьма к месту.

Боков сказал: «Мудрый старичок из “Чайной” присутствует во всем творчестве поэта».

Межиров: «В стихах С. мне всегда чего-то не хватало. Сегодня я понял, что не хватало понимания – понимания общего».

Евтушенко: «Настоящий поэт редок, как генерал в троллейбусе... Прав Межиров, говоря, что Самойлову ближе эпос. Непосредственных лирических удивлений у него меньше».

Восторженно выступал Аким⁸⁰.

Хвалил Борис Сл.

Эмоциональную речь произнес Г. Левин.

После вечера пошли выпить в «Арагви».

Друзья считают, что успех явный. Не обольщайтесь его масштабами.

«Широкая популярность в узком кругу», — как сказал некогда Слуцкий.

24 мая * Множество слухов о приеме писателей на даче. Я полагал, что прием задуман, чтобы сгладить впечатление от произнесенного накануне. Кажется, вышло все наоборот.

И это неплохо. Писателей наших учить надо. И чем строже, тем лучше.

Шолохов, Твардовский отмалчивались. Это раздражает Начальство. Оно понимает, что что-то не так.

На дворе ночь, дождь. Затопил печку. Хорошо одному.

1 июня * Сегодня мне тридцать семь лет. Вечером пришли Яков, Сергей, Безыменские, Рая, Тимофеев с Тушиновой, Женя Ласкина, Грибановы, Лунгины. Приятно, мило посидели.

Вышел пятый номер «Москвы». По существу, первая моя публикация. Передавали мне добрый отзыв Заболоцкого.

Мартынов утверждает, что ничего не знал о моем вечере. Борис, впрочем, говорил, что он знал, но был болен. Мартынову что-то во мне не нравится, что-то раздражает.

Масса всякой работы. Кажется, начал входить в колею. Объялся суетой и прочим.

Во мне нет идеи «греха» и потому нет стремления к «очищению». Мое очищение — это труд и знание. «Грех» для меня не то, что запрещено какими-либо нормами, а лишь то, что приносит вред, горе другому человеку или людям вообще.

Моральное это то, что полезно людям, аморальное то, что вредно им. Других норм нет, а если и есть, то они лишь вредны человеку, искажают его человеческую сущность, создают уродливый характер, предрассудки.

Наше общество судорожно хватается за старые нормы морали. А они, по существу, разрушены. Адюльтер, например, морален или аморален лишь постольку, поскольку он приносит счастье или горе кому-либо.

2 июня * Опубликованы новые правила приема в вузы. Если этим хотят уничтожить фрондерский дух молодежи, то скорее добьются обратного. Интеллигентская молодежь пойдет на заводы,

где интеллектуальное фрондерство превратится в социальное. С другой стороны — рабочие придут в вузы и сомкнутся с интеллигенцией там. База фрондерства расширится, изоляция интеллигенции уменьшится.

4 июня * Достаточно ли сказать, что морально то, что полезно? Ведь тогда «полезно» может быть и отрицательное — ложь например. Если говорить так, то нужно определить, что такое *полезное*. Польза бывает мелкая, случайная.

В морали должно быть *высокое*.

5 июня *

План работы на лето:

1. Книга стихов для «Сов[етского] пис[ателя]»⁸¹. Окончательно отделать поэму.
2. Книга Тувима⁸².
3. Албанские поэмы.
4. Переводы из Араня⁸³.
5. Статья о переводе.
6. Кредо.
7. План поэмы-романа.

А[гнесса Кун] рассказала мне о судьбе замечательного поэта Дьюлы Ийеша. Он в сумасшедшем доме...⁸⁴ Я видел его несколько лет назад в Москве.

Может быть, это лучший из поэтов, живущих сейчас в Европе. Будут ли когда-нибудь поэты умирать спокойно!

6 июня * Умер Луговской, славный человек, хороший поэт, очень добрый ко мне. Мы знали друг друга слишком мало, чтобы стать друзьями, но теплая симпатия связывала нас последние пару лет его жизни. Он был одним из уходящего поколения поэтов, которые при всех недостатках своих, при всей растерянности перед лицом времени были талантливы и умели ценить в людях незаурядность, талант, поэзию.

Они, эти люди — тоненькая цепочка, связывающая нашу скудную поэзию, наших измельчавших поэтов с великой русской традицией — с Блоком, Маяковским, Есениным.

Очень горько думать о его смерти...

7 июня * Вчера был у меня Алексис Парнис, талантливый греческий поэт. Небольшого роста, черноволосый, с прямым носом,

узким лицом. Типичный представитель старинной средиземноморской расы, не перемешанной с северными и южными варварами. Маркс говорил, что наиболее чистый тип эллина сохранился на Крите и в <нрзб>. Парнис происходит от критян. У него лицо простонародное, его древняя раса делает тонкими даже простые лица.

Эмоциональный, честный человек. Настоящий коммунист.

Вечером был у Гидашей. Умные, работающие люди.

Много работы... и страстей...

27 июня * Много работы. Множество необязательных дел, встреч, попоек с людьми, которые не нужны, не интересны. Тревога, разбросанность чувств. А чаще даже и не чувства, а утомительная, опустошающая игра в чувства.

Все это не нужно, вредно мне.

Но чтобы переменить это, нужно резко, решительно порвать с тем, что окружает...

Перевожу Тувима, разочаровываясь в нем.

В городе слухи о внеочередном пленуме ЦК⁸⁵. Видимо, «бунт» старых окончательно сломлен. Можно ожидать, что они будут выведены из состава Президиума.

4 июля * Событие, последствия которого неисчислимы, произошло. Оно не было неожиданным для тех, кто понимает ход нашей общественной деформации. Президиум как источник власти был уничтожен еще стариком. Короткое время после его смерти он функционировал как результат компромисса, но, будучи лишен подлинных рычагов власти, должен был отмереть.

Борьба, завершившаяся на пленуме, не была борьбой идеологической и не отражала настроений широких слоев народа. Это была борьба внутри сложившегося правящего новообразования. Значение этой борьбы в том, что она является важным этапом социального самосознания этой прослойки, победой его наиболее организованного, активного крыла — партийного аппарата.

«Фракционеры» (а их большинство!) не были поддержаны именно потому, что несли в себе традицию прежнего Политбюро, стоявшего над классом аппаратчиков. Такого рода орган нужен бы в период складывания диктатуры и не нужен в пору сложившегося самосознания.

Наличие в группе «фракционеров» Кагановича придает пикантный оттенок всей группе.

Низы партии встретили сообщение о пленуме с недоумением, кое-кто с неприязнью.

Один человек рассказывал, что в том месте письма, где сообщалось о плане «фракционеров» сделать Н. Х[рущева]. министром сельского хозяйства, раздались аплодисменты. Это было в рабочей аудитории.

12 июля * Живу нелепо, бесплодно, разгульно. А ввевшиеся десять заповедей торчат колом в горле, мучают раскаянием. И все это ложится тяжелым грузом на душу, делает меня тупым к стихам, к жизни.

Моя жизнь — серия компромиссов. И я привык к ним, примирился с ними. Даже выдумал философию, что морально то, что не вредит другим людям. Но в основе где-то, в самом главном, компромисс для меня невозможен.

Мне нужно умереть или начать жизнь иную, сосредоточенную, суровую.

У меня нет страха перед «безвременьем», действительность не разрушила моей веры в возможность существования свободного и счастливого. Нужно отдать себя жизни народа, познать ее, познать и внутренние законы, сказать правду о ней.

15 июля * Был в Тарусе у Гидашей. Чудесные два дня. Там живут Паустовский, <нрзб>, Арк. Штейнберг,⁸⁶ Заболоцкий.

Последний произвел на меня громадное впечатление⁸⁷. Он помещается в миленьком домишке, откуда открывается вид на Оку, на заокские леса. Живет замкнуто и одиноко. При нем милая молоденькая дочь, которую он очень любит.

Заболоцкий — человек, в котором нет ничего показного, внешнего — ни в словах, ни в облике. Гольшева сказала даже, что он говорит одни банальности. Для тех, кто ждет от поэта, чтобы он «отмочил штуку», Н. А. и вправду скучен.

Сидит он большей частью дома, <нрзб> болезнью. Изредка гуляет в сером полотняном костюме, в летней соломенной шляпе, опрятный, сдержанный, похожий, на первый взгляд, на пожилого главбуха.

Мы долго сидели вдвоем на берегу Оки в местном парке, переговариваясь неторопливо, и я постигал удивительное обаяние и мудрость этого чудесного поэта.

— Вон у вас лицо какое, — говорил Заболоцкий, — сразу видно — кукситесь. А вам работать надо. Работать, и все. Про меня пишут — вторая молодость. Какая там молодость. Я печатаю стихи двадцатилетней давности. Когда поэта не печатают, в этом тоже есть польза. Вон поглядите на Мартынова — он что напишет, то и напечатает. И ведь не очень хорошо получается.

Я гляжу на него и вижу, что лицо вовсе не бухгалтерское, в нем грусть, и мудрость, и добрая улыбка.

Вечером мы сидим и пьем «Телиани», и он читает наизусть стихи Мандельштама о Грузии. Потом говорит, что поэтов нынешнего века губит отсутствие культуры, даже талантливых вроде Есенина.

Рассказывает о том, как переводит грузин.

И мне с ним очень хорошо, потому что он не суетен, как все, а собран, прост, прекрасен.

Мы пьем вторую бутылку. Ему пить нельзя и курить тоже. Но сказать, напомнить об этом не решаюсь.

— Вот, поглядите, что я читаю. — Он показывает старый дореволюционный «Огонек». На стенах маленьких комнат висят мещанские картинки.

И мне очень грустно глядеть на него больного, одинокого, удивительно хорошего. И я боюсь, что он скоро умрет.

24 июля * Всю неделю переводил Тувима.

Вчера ездил на дачу к Ю. Кагарлицкому, у него день рождения. С Борисом встретились холодно. Он понимает, что по существу мой взгляд на вещи серьезней и правдивей, он даже умом разделяет его, но только умом.

Л. Карелин⁸⁸ — неприятный человек, перепившийся более всех.

Сами Кагеры — милые ребята.

25 июля * Приезжал Яков. С ним разговаривать мне интересней, чем со всеми. Он понимает все, что происходит в России, понимает серьезно и глубоко.

Нужно расчистить душу, побыть одному, не допускать в себя никого, как в комнату, где происходит дезинфекция.

30 июля * В Москве — фестиваль⁸⁹. «Красочное зрелище», как принято говорить. Толпы людей стоят на площадях, шляются

по улицам, окружают фестивальных негров. Негров и арабов в Москве любят. Не любят израильтцев, опасаются американцев.

На эстрадах разноплеменные люди поют о мире и клянутся в дружбе. Эти же люди при случае будут стрелять друг в друга. Последняя интернациональная и коммунистическая эпопея была Испания. На пороге Второй мировой войны государственный эгоизм стал побеждать. Идеология истинного интернационализма выродилась во фразеологию.

Нынешние лозунги пацифизма — лозунги политической тактики — не способны заменить истинную идеологию. Нельзя сплотить человечество на компромиссе, на идеях, формирующих отрицательно: не воевать, не угнетать, не... и т. д.

Voх рорuli* — пьяный старикашка на улице говорит: «Царя я уважал, Ленина любил, Сталина боялся. А теперь я никого не боюсь, никого не люблю и никого не уважаю».

Последние события выдвинули на первый план фигуру Жукова. Он решил дело. В нем растет будущий диктатор России.

31 июля * Женщины труднее, чем мы, мужчины, отказываются от привычных форм человеческих отношений. И актриса, и официантка говорят одно и то же: я не хочу ни с кем делиться. То есть, по существу, способствуя развалу современных семейных отношений, они стремятся по привычке создать их снова. Очень редко женщины сознательно служат адюльтеру. Для большинства из них адюльтер — источник моральных мучений и постоянной неудовлетворенности. Это происходит частично от того, что женщины еще экономически зависят от семьи, а главным образом от того, что они являются носительницами единственной «вечной» категории брака — деторождения, воспитания детей.

Идея «греха» тем меньше во мне, чем меньше ее в той, с кем совершается этот «грех». Мне всегда жаль женщину, ибо для меня она всегда предмет «познания», отвлеченный от чувства собственности. А для нее я всегда предмет «обладания», хотя никогда именно эту потребность женщины я удовлетворить не могу. Я всегда «сам по себе», и моя функция — «уходить», а ее потребность — чтобы я «остался».

---

* Глас народа (лат.)

2 августа * Приезжал Борис Сл., сидели над албанскими поэмами, играли в пинг-понг, долго разговаривали.

Отказываясь от политического взгляда на жизнь, который он в себе культивировал многие годы, которым гордился и к которому он, по существу, более всего приспособлен по складу ума, — отказываясь от этого взгляда и стараясь принять «поэтический», мартыновский взгляд, Борис много теряет. Его мысли о другом плоски, неинтересны. Да и сама его поэзия возвращена политикой, а не голубыми туманами лирических переживаний.

«Политический успех он принял за поэтический», — сказал о Борисе Межиров.

Пресса бурно возвращается на позиции 52–51-го гг. Что ж! Чем хуже, тем лучше. Чем меньше иллюзий, тем лучше. Чем больше пинков получает интеллигент, тем лучше.

3 августа * Возвратиться к Ленину мало. Нужно вернуться к Марксу, рассматривавшему коммунизм как следствие пролетарской революции.

Великий блеф XX века подтвердил теорию Маркса. Человечество приняло национальные, крестьянские, колониальные революции за эру социалистических революций. Социализмом можно назвать разное — даже гитлеризм.

Октябрь был великим подъемом. Форму всеобщего интереса ему придала мировая война и всечеловеческое нежелание воевать.

9 августа * Фестиваль продолжается, произносятся одни и те же речи, восторженные юнцы разных наций обнимают и лобызают друг друга. Но те, что поумнее, кажется, не верят друг другу, не любят друг друга и связаны лишь чем-то внешним — зрелищем. Продлись фестиваль месяц, поживи все эти люди друг с другом — они наверняка передерутся.

За фейерверками и балами под маскарадным одеяньем ползет червь недоверия и сомнений.

Милицейские торчат на карнавалах, 16 тыс. студентов работают осодмильцами; в кустах вблизи гостиниц, где живут иностранцы, устраивают облавы и девчонкам, пожелавшим отдаться какому-нибудь негритосу, дают по десять суток за «мелкое хулиганство»; израильцы дерутся с египтянами; египтяне откровенно

не любят коммунистов; американцы окружены недоверием; финны хулиганят; Сурков отчитывает польских писателей, и «лучшие умы» утверждают соцреализм перед двадцатитрехлетним шенком Теплицем. И т. д., и т. п.

А рядом с фестивалем, где цветут все цветы, банда негодяев издает «Литгазету» в духе 52-го года⁹⁰.

Говорят, Твардовский был дважды принят Хр[ушевым]. Держался достойно и с остроумием. Передают его фразу о том, что писатели, подобно птицам, делятся на певчих и ловчих.

1 с е н т я б р я * Две недели болел. Пробыл почти в полном одиночестве. План романа, его концепция все более укрепляются во мне.

В романе главное — всеобщий взгляд на вещи. Последние два настоящих романа в России, после Толстого, были «Тихий Дон» и «Клим Самгин». Это не случайно. Два этих романа по-разному отразили *главное событие* русской жизни — революцию в ее главном и *непредвзятом аспекте*.

Современный, новый роман невозможен без переоценки этого *главного события* с высот его сорокалетней истории.

На этот счет существует в литературе несколько взглядов, одинаково неплодотворных.

1) Взгляд либерального интеллигента, приспособившегося к режиму, боящегося *социального одиночества* и потому цепляющегося за старую фразеологию, делающего вид, что «ничего не произошло», что «революция продолжается» закономерно и т. д. Эта часть литераторов более всего сеет ложь и неправомерные иллюзии. Они не являются «худшими» субъективно, но по существу они вреднейшие, ибо более всех запуганы, более всех готовы прикрыть своим еще не в конец растраченным авторитетом любую подлость, любое беззаконие.

2) Более честная часть либералов схожа с предыдущими в том, что тоже рассматривает исторический процесс субъективно, ищет субъективных причин для «восторжествовавшего зла». Если первые надеются на добро «сверху», на добрую волю начальства, то вторые смотрят на дело более трезво. Они считают, что от *данного* начальства добра не будет. Но они полагают, что убеждением и *словом* можно чего-то достичь. Это люди типа Паустовского, Тендрякова,⁹¹ м. б., Дудинцева.

3) Ортодоксы. Это сложившаяся узкая <нрзб> каста, примыкающая к бюрократии, по существу шовинисты, черносотенцы и контрреволюционеры. Они очень сплоченны, точно знают, чего хотят. В их руках все организационные позиции. Они теснейше привязаны к режиму, боятся народа, льстят ему, играют на темных инстинктах толпы, на невежестве.

Ввиду того что они выражают реакционные тенденции в нашей общественной жизни, им тоже не под силу оценить, осознать истинный исторический процесс. Из этой среды тоже романа не выйдет.

Ни реакционеры, ни пессимисты, ни трусливые либералы не способны возродить нашу литературу, дать ей новый толчок, новое значение.

Между тем — момент для *нового* искусства настал...

Вчера приезжал Борис, привез только что вышедшую книгу⁹². Факт выхода ее — положительный. Но события обогнали эту книгу. Общественное размежевание зашло слишком далеко. Книга устарела, выглядит типичным произведением «либерала».

Напрасно мы жалуемся на жизнь. Жизнь России велика, необъятна, ей предстоят великие дела. Никто не зальет ее душу салом, не уложит на боковую. Ей еще долго выстрадывать свою правду, и покуда она будет выстрадывать — будет в ней литература, будем *мы*.

4 сентября * Сегодня написал первую страницу романа.

14 сентября * В девять часов вечера скончался папа.

3 октября * Три недели прошли как во сне. Каждый день просыпаюсь с болью, вспоминая бедного папу, ощущая невозвратимость утраты. Кидаюсь на все, что могло бы утихомирить боль, заполнить пустоту. Но все тщетно. И я уже не могу отличить боль по нему от другой, беспредметной, охватывающей с ног до головы.

4 октября * Борис уезжает в Италию. Доволен.

Прочитал мои последние стихи. Говорит: это внутренняя эмиграция⁹³. Я еще не достиг этого.

27 октября * Три-четыре дня назад был созван «актив» Министерства обороны <нрзб>⁹⁴. Проводили «актив» Хр[ущев]

и Ф[урцева]. Кроме генералов, присутствовали средние и высшие офицеры. Неожиданно было сообщено о бонапартизме Жукова, о его намерении установить военную диктатуру и пр. Главное обвинение — игнорир[ование] партийного руководства в армии.

«Подхалимствующие маршалы».

Жуков съеден.

30 октября — 30 ноября * В Сочи. Отдых, отрешенность.

3 декабря * Дни суеты. Безрадостные вести. «Реакция» бьет «либералов» по всем швам. «Незабываемый сорок девятый год в немом варианте», — говорят остряки.

И все же страха почему-то нет.

Видел Якова, Сергея, Гидашей, Тоомов, Лунгиных, Некрасова, Шуплецова и прочих.

8 декабря * Нужно писать. Время создано для этого. Окончилась великая эпоха. Подведены итоги. Разрушились иллюзии.

Свои стихи не нравятся. Нужно новое, более значительное, совершенно свободное.

Стабилизация власти. На год-два. Положение в литературе идет вразрез со стабилизацией. Пассивность народа.

9 декабря * Виделся с Гидашами. Агн. много рассказывала о Венгрии. Ругает Мартынова за стихи, за трусость. Ругает Бориса.

11 декабря * Познакомился с Кетлинской⁹⁵ и ее сестрой-критикессой Трифоновой⁹⁶. Обе не понравились. Первая — развязная литературная бабенка, переполненная собой.

14 декабря * Вечер у Крамовых. Познакомился с В. Тендряковым. Чудесный, умный, думающий человек. Разговор о Бабеле.

Читал много стихов.

16 декабря * Много, глупо пью. Работа ни с места. Хороший разговор с Яковым.

Сукин сын Софронов зарвался. Его писания не нравятся даже «реакции».

Кочетов⁹⁷ сказал: «Еще лет пятнадцать можно не ждать послаблений».

Солоухин⁹⁸ добавил: «Даже Кочетов не считает, что это навсегда».

Муть, дрянь не трогает сердце. Надо засесть за дело.

18 декабря * Умные люди говорят о «стабилизации».

Очень умные «стабилизацию» отрицают. Я присоединяюсь к последним.

1958

2 января * Новый год встречал у Л. Безыменского. Беспорядочно, скучно. Райка — одна отрада. Люблю ее.

5 января * Т. Грузинова — лучшая из всех, кого знаю.

10 января * Много работы. Душа сонная и невосприимчивая ни к чему.

17 января * Спокойно. Много работы. Покой.

29 января * Прочитал «Доктора Живаго». Значение этой книги много выше ее достоинств. Пленительная независимость мыслей и серьезность в решении важнейших вопросов бытия. В остальном — проза не очень высокого класса. Автор не знает жизни народа, все это слабо. Нет ни одного образа.

6 февраля * Вечер у Н. М. Любимова¹. Быстро нарастающая дружба.

15 февраля * День рождения Сашки.

18 февраля * Подробности о процессе историков². Важнейшее историческое событие последних лет. Надо записать об этом.

19 февраля * Похороны Ксении Некрасовой, замечательной русской поэтессы. Пятнадцать человек — Наровчатов, Слуцкий, Гончаров,³ Левин, Тушнова и др. — провожали нищий гроб Ксении, одетой в пестрый халатик, облагороженный смертью.

20 февраля * Были Крамов, Лена, Кардины⁴.

5 марта * Последнее свидание с Кл. Мне кажется, что мы нужны друг другу именно так.

- 9 марта* * Был в Переделкине у Гидашей. Провел несколько часов у Всеволода Иванова. Читал стихи. Была Л. Ю. Брик. Очень понравился мне младший Иванов – Кома,⁵ умный, сердечный, честный человек, похожий на Пьера Безухова.
- 11 марта* * Провел вечер у Ильи Френкеля⁶. Забавные рассказы миленькой его жены.
- 13 марта* * Вечер у Любимовых. Н. М. читал перевод «Монны Ванны»⁷. Это блестящий талант.
- 14 марта* * Пили с Бор. Грибановым и Бор. Шуплецовым.
- 15 марта* * Вышел номер «Москвы» с моими стихами⁸. Звонил Заболоцкому. Все эти дни много работаю. Написал несколько стихов. Вечером – у Жени Ласкиной.
- 16 марта* * У Левки Безым. Познакомился с А. Галичем. Читал стихи. Галич дал мне почитать последнюю свою пьесу – «Матросская тишина»⁹.

6 ноября * Обедал у Симисов. Разговор с В. Самсоновым, главой московской адвокатуры¹. Интересный рассказ о Краснопевцеве², о его нечаевских замашках. Не является ли «нечаевщина» свойством каждого «человека действия», человека «концентрации», в отличие от революционного философа, человека мысли. Тут любопытное противоречие: «деятель», человек, действующий совместно с массой, — неминуемо становится индивидуалистом, презирающим тех, ради кого он действует. И наоборот, «индивидуалист», «философ» неминуемо становится демократом. Интересно, как это удивительно сочеталось в Ленине.

7 ноября * Весь день дома. Хорошие отношения с Лялей.

Вечером скучноватое питье у Сапожниковых. Федор любопытный человек. В нем и широта взгляда талантливой натуры, и скованность чиновника, и исконная любовь к природе крестьянского паренька.

8 ноября * Ездили с Копелевым³ к Всеволоду Иванову в Переделькино. Старик как всегда мил. Я его очень люблю. Восхищался выдержкой Т. В.,⁴ которая — стержень этого сложного семейства.

Чудесно было у Саши Каменского,⁵ где были Сарабьяновы,⁶ Рудницкие⁷ и еще кое-кто. Пели песни, и я испытывал чувство умиленного умиротворения и любви ко всем этим близким и хорошим людям.

12 ноября * Читал новые стихи у Ивана Дмитриевича Рожанского⁸. Хорошо говорили с Комой Ивановым. Копелев относится ко мне восторженно, и я всегда чувствую себя при нем шарлатаном, которому воздают не по заслугам.

13 ноября * Читал пьесу⁹ Каменскому, Рудницкому, Геворку Эмину,¹⁰ Сарабьяновым.

Кажется, всем им сильно понравилось. До трех часов ночи беседовал с Геворком.

14 ноября * Усталый и неспривавшийся мотался весь день. Утром выступал в ЦДРИ перед клубными работниками.

Потом сидел в «Арарате» с Борисом Гр[ибановым] и Зенкевичем.

Полдня провел у Клавы. Очень хорошо и чисто. Она — сестра.

Вечером был на телевидении. Встретился с Бор. Чайковским¹¹. Разговор о том, что между 35—40 годами в человеке происходит перелом, который выражается как болезнь.

Видимо, это свойственно всем людям в разной степени. У натур нервических это проявляется как тяжелая болезнь.

У меня это произошло весной этого года.

17 ноября * Сегодня неожиданно пришла Светл.¹² и... бросила мне перчатку. Утром в очередной раз я по телефону пытался избежать разговора с ней. Разговаривать мне так же трудно, как преодолеть болезнь или написать поэму. Она, как обычно, совершила поступок принцессы — явилась ко мне и бросила на стол перчатки, томик Случевского и старый георгиевский крест — жалкие сувениры моего увлечения.

Лишь впоследствии можно оценить трогательную нелепость ее поступков, продиктованных силой чувства, буйным отцовским темпераментом и одиночеством. В самый момент испытываешь сложное чувство жалости, восхищения и негодования. Она — рабыня чувства, а в рабе всегда заложен тиран. Целиком покоряясь стихии, она и тебя старается сделать игрушкой той же стихии.

Никогда в жизни я не был так непосредственно потрясен и захвачен чужой трагедией. И никогда у меня не было такого страстного желания бежать от человека, из круга его неразрешимой и душной трагедии.

Когда кончаются любовные волнения, остается идиллия или пустота — безмерное обладание или ничто.

Все женщины, которые думали, что я принадлежу им, внезапно постигали, что я принадлежу лишь самому себе. Таким образом, идиллии не получалось. Раздражение или печаль спасали их от пустоты.

18 ноября * Любить умеют только заурядные женщины или мужчины, о которых говорят, что они лишены характера. Все остальное — борьба, а это значит — рабство.

Св. позвонила мне.

19 ноября * Вознесенский¹³ сказал мне, что английский журналист Маршак опубликовал в Лондоне мои стихи. Какова мораль западного журналиста! Они не понимают, что мы не желаем ссориться с родиной. Все, что нам не нравится, — внутреннее дело. И никому не дозволено в это вмешиваться!

22 ноября * Были у Лили¹⁴. Золотухин¹⁵ о Слуцком: на свадьбе он думает, что он жених, а на похоронах, что он покойник.

23 ноября * Были у Чайковских.

26 ноября * Были у Симисов. Дружественно.

27 ноября * У Левы Безыменского.

28 ноября * С Тоомом дали большой загул.

Вероятно, я скоро умру.

Тупость мозгов. Нужно уехать.

Книга моя — явно плоха.

23 сентября * Был у Шаламова¹. Две тетради со стихами он переправил из ссылки Пастернаку.

Вечером — у Ахматовой (с Лидией Корнеевной)².

Ахм.:

— Когда поэт много печатается, он перестает принадлежать себе и что-то утрачивает.

О Фросте,³ посетившем ее:

— Милый прадедушка или уже прабабушка... Много от фермера... У него столько наград и отличий, сколько у меня несчастий.

Нике⁴ о моих стихах:

— Стихи хорошие и горькие.

Хвалит И. Бродского и Наташу Горбаневскую⁵.

24 сентября * Встреча с Анатолом Стерном⁶ и его женой в «Пекине».

Поляки почти не провинциальны. Стерн — неглупый, бывалый и чуть занудливый.

Англичанин-коммунист, фабрикант шампуня. Смешное общение.

25 сентября * Похороны Казакевича⁷.

26 сентября * Вечером. Ленинградские ребята — Бобышев,⁸ Рейн, Найман,⁹ Бродский.

Бродский — настоящий талант. Зрелость его для двадцати двух лет поразительна. Читал замечательную поэму «Холмы»¹⁰. Простодушен и слегка безумен, как и подобает. Во всем его облике, рыжеватом, картавом, косноязычном, дергающемся, — неприспособленность к отлившимся формам общественного существования и предназначенность к страданию.

Дай бог ему сохраниться физически, ибо помочь ему, спасти его *нельзя*.

27 сентября * Был милый Жора Лепский¹¹. Пел старые свои песни — «Бригантину», «Холодину», «Роб Роя»¹².

Удивительно, как не пропадает ни одна крупница человеческого духа!

28 сентября * Пленум Союза, посвященный «молодым». Доклад Смелякова¹³.

Здесь они и кончились.

29 сентября * Был у Лидии Корнеевны. Взял ее повесть¹⁴. С ней хорошо говорить.

Говорили об изобилии новых талантов. Потребность самовыражения в России огромна.

Вечером у Туси во Фрязине. Очень люблю Володю Корнилова.

30 сентября * Провожал Стерна.

Был у Ивановых в Переделкине. Старик болен. Немного развлекал его.

Читал повесть Л. К. «Софья Павловна». Литература средняя, но страшно. Как мы все не сошли с ума? Или мы сходили с ума и десять лет были безумны?

Я прозрел в 48-м году (по стихам судя — раньше).

1 октября * Встреча с Бёллем¹⁵. Рано постаревший, с мешками под глазами, с редкими волосами человек вдумчиво, не на публику говорит. Как будто говорит для себя, разбирается в себе.

Я написал ему записку: «Бёлль, мы, кажется, воевали на одном фронте с разных сторон. Очень рад, что промахнулся. Надеюсь, нам не придется больше стрелять друг в друга».

Кожевников записку огласил, получилось глупо.

Он сказал: в 39-м году немецкая молодежь не хотела войны, не желала воевать. Но ей пришлось идти и воевать. Это наводит на грустные размышления.

Ахматова сказала Юле¹⁶: «Поэзия 60-х годов — это Тарковский¹⁷ и Самойлов». Слова эти подтвердили Лидия Корнеевна и Петровых¹⁸.

2 октября * Был у Лид. Корн. Разговор о ее повести.

Ей понравился мой отрывочек о Заболоцком¹⁹. Говорит, что это проза. Я не слишком в этом уверен.

- 3 октября * День, туго набитый людьми. Утром — Н. Воронель²⁰, потом Кудинов²¹.
У Воронель стихи сухие и жесткие, как брикеты. Кудинов — увы! — всего лишь переводчик. Стиха не понимает и потому хулит «молодых».
- Днем был у М. С. Петровых. Читал ей стихи.
- Вечером Андрей Ясенский давал банкет по поводу выхода книги Бруно²². Я спьяну и по ошибке обидел прогрессивного критика Анненского²³. День рождения у Наровчатова. Сергей трезв и мил.
- Умный Дудинцев рассуждает.
- 4 октября * Хороший вечер с Ник. Мих. Любимовым и Бор. Вас. Гольдом²⁴ у меня. Стихи, веселые разговоры.
- 5 октября * Встреча с венграми (Гарай,²⁵ Киш).
Вечером — в гостях у С. Маркиша²⁶. Очень славные Кажданы,²⁷ Кипса²⁸ и т. д.
- 7 октября * У Николаевой²⁹. Чехи — Ржига, Кубка, Грубин, Пиларж³⁰.
Луконин милый.
- 8 октября * Дикая усталость от людей.
Вечером в ЦДЛ разговор с Ирвингом Стоуном...³¹
- 9 октября * Утром — Ревич³² со стихами громогласными и пустыми.
Днем в «И[ностранной] л[итературе]» те же венгры.
Вечером у Димы Бахмутского,³³ компания интеллигентная и непьющая.
- 10 октября * От природы я мало талантлив. Моя поэзия — работа ума и характера. Никогда я не умел точно выразить то, что хотел.
- 11 октября * Весь день дома. Приходили Юнна Мориц³⁴ и Тоом. В ней что-то раздражающее, м. б., нервозность, угловатость. С ней и Тоом раздражает.

Он человек большого ума и дарования. Но талант его *слабый*, текучий. В нем нет характера.

12 октября * Молодой поэт из Ленинграда. Подвывая и задевая строфой за строфу, читает стихи. Стихи смутны и слишком возвышенны. Поэт не должен угнетать читателя своим превосходством. Впрочем, у настоящего таланта этого быть не может. Он — дитя, и потому понятен, а если и непонятен, то мил и вызывает в читателе бережное умиление. Он говорит о дурном устройстве мира, но не о своем дурном устройстве в мире.

Сколько их, этих мальчиков, завывающих стихи! Они не желают вступать в *реальные отношения* с окружающим. И сами уверены, что это от честности, а на самом деле — от слабости, от неверия в свой талант и, м. б., от заносчивости. Они хотят, чтобы общество признало их сразу, за добрые намерения. А общество равнодушно к намерениям, оно предпочитает несовершенные дела самым совершенным намерениям.

Вечером — в ЦДЛ с Юлей и Марией Ивашкевич³⁵.

13 октября * Тихий день. Ничего не делал, спал, думал. Приходил переводчик Федорин³⁶.

14 октября * Вечером у Каждана. Милые люди, беспорядочный треп. Были Кипса, Сима Маркиш с Наташей, которая вроде жены, и бестактный Тоом с Юнной Морич.

15 октября * Тоска сердечная. Тупость ума.

Вечером — у Б. Бродского,³⁷ который умен и в чем-то не первосортен.

16 октября * У старика³⁸. Скульптор Азгур,³⁹ веселый еврей.

Тоом сорвался с якорей и избрал поведение «сверхчеловеческое». Беспардонная свобода действий в данном случае ничего не имеет общего со свободой духа и гораздо хуже и губительней, чем самоограничение. Самоограничение — необходимый элемент творчества. Своеволие бесплодно, как и всякий вид рабства. Творчество рождается в реальных отношениях независимой личности с окружающим и т. д.

17 октября * Выступал в Институте органич[еской] химии.
Приятно.

18 октября * Выступал перед школьниками одиннадцатых классов в поселке ЗИЛ.

Задали мне перцу эти ребята. У них совершенно незадуренные мозги и полное презрение к поколениям, стерпевшим сталинизм.

Войну они ненавидят и не видят в ней никаких гражданственных оснований. В них — залог будущего.

19 октября * Открытие выставки Гофмейстера⁴⁰.

Чтение стихов у Кардиных.

Хороший вечер у Жени Ласкиной с актерами Заманским⁴¹ и Никулиным⁴² из «Современника».

Говорят — очень худо со стариком Ивановым.

20 октября * Разговор с Гофмейстером. Он — старомодный «левый», из левых 20—30-х гг., которым нынешняя молодежь не очень понятна, но в целом симпатична.

Вечером — у И. Крамова.

21 октября * Ездили на могилу Сергея⁴³.

Днем — в Шереметьеве⁴⁴. Булат,⁴⁵ которому поднадоели собственные песни. И все же это новое искусство — свежее, но не крупное. Отвергая все прежнее, оно отмечает и серьезные критерии.

Ночью поехал к маме. Она больна.

22 октября * Повесть «День ЗК»⁴⁶ будут печатать в «Новом мире». Это большое событие в нашей литературе на пути к правде. Через месяц автор повести станет писателем с мировым именем.

Как странен путь русской литературы к правде за последние годы! Он начинался красивой ложью Эренбурга, фельдфебельской верностью Слуцкого, успокоительными баснями Мартынова. И — наконец — новое поколение. Хлипкие косточки Евтушенко и Вознесенского, которыми они поневоле вымостили этот путь...

И все же есть надежда!

Вечером — у Лили, годовщина смерти Сережи.

23 октября * Литовцы предлагают переводить большую поэму Марцинкявичуса⁴⁷. Заманчиво. Можно будет на пару месяцев улизнуть из надоевшего дома.

Мартынов подарил книгу⁴⁸. Он глуп и самодоволен, хотя и мил.

Скучная встреча с венграми. Сидение с Левитанским, Поляковым⁴⁹ в ЦДЛ.

Ужасно надоела вся эта литературная возня вокруг молодых. Все, к чему прикасается пресса, становится пошло, глупо, подло. И это уже отработанный номер. И болтовня вокруг пуста. А я слаб...

Уйти! Отрешиться! Держаться своего!

Рассказ Киша о том, как он перебежал к нам в плен.

24 октября * Прескучный прием в венгерском посольстве. Выступление в Энергетическом институте. Очень хорошо. Удивительного обаяния человек Володя Максимов⁵⁰.

25 октября * Всеволоду сделали операцию⁵¹. Дело, кажется, очень худо.

26 октября * Приехала Агнесса. Длинный, как всегда интересный разговор. В ней даже недостатки значительны и свидетельствуют сильную личность.

Вечером у Шупа.

27 октября * Шереметьево. Приехали В. Аграновский⁵² с В. Фроловым⁵³. Застольный треп. Песни.

Вечером — у Витьки Фогельсона⁵⁴. Рождение.

29 октября * Работал у Агнессы над осточертевшим Йежефом⁵⁵.

Сереза Артамонов⁵⁶ привел ленинградскую поэтессу Лену Купман, очень милое, несильное дарование. Стихи, где даже не чувства, а одни ощущения. Ноты, но не музыка. Редкая звездная материя, не сложившаяся в планетную систему, потому что нет центров тяготения.

31 октября * Гослит, Агнесса. Вопр[осы] лит[ерату]ры.

Беседа с Тоомом. Уговаривал его не жениться на Ю. Мориц. Вполне безуспешно.

4 ноября * В Шереметьеве. Один. Писал статью о Глазкове.

5 ноября * Встреча с Натальей Галчинской⁵⁷, милой, очень польской женщиной, полугрузинкой.

Вечером с В. Некрасовым, Изей, Лелей Волынским⁵⁸, Сашей Лебедевым⁵⁹ ужинали в ЦДЛ. Потом поехали к Жене Герасимову⁶⁰ на рождение. Сильно пили, читали стихи.

Книга Глазкова ничтожна⁶¹. Зачем он разрешает так себя мордовать? Как мало стало в нем достоинства и веры в поэзию!

7 ноября * Приходили Толя Якобсон⁶² с женой. Толя – чистый, совестливый, очень эмоциональный человек. Прелестная натура.

Майя⁶³ – одна из участниц дела, которое мы называли «Юные ленинцы». Видимо, «Ю. л.» не было вовсе, а было два или три дела, сведения о которых у нас перепутались и свелись в одно.

Все же была *организация*, партия из шестнадцати человек в возрасте семнадцати-девятнадцати лет. Трое из них расстреляны. Они именовали себя организацией революционеров, стояли на почве марксизма и хотели восстановить чистоту революционной власти. У них был гектограф, пара пистолетов.

Сама М. считает это все наивным и уже неинтересным. Идеи уже изменились. Она – вегетарианка.

И все же это не меньше дела петрашевцев, хотя почти не сыграло роли в развитии нашей молодежи. Но духовная энергия и смелость не пропадают. М. б., этому делу еще придется сыграть свою роль в духовной жизни России.

У Толи – прекрасное стихотворение, посвященное Ахматовой⁶⁴.

8 ноября * Обедали с Ежи Загурским⁶⁵ и Натальей Галчинской.

Ляля уехала в Баку, потом в Тбилиси.

С Н. Галчинской были у Ахматовой, как всегда умной и удивительной. Анна Андреевна читала последние стихи. Показывала книгу Гумилёва, изданную в Нью-Йорке⁶⁶. С удивительной холодностью.

Наталья тонка и прекрасна.

Анне Андреевне почему-то не понравилось, что Толя показал мне стихи о ней. Между тем показала мне стихи Бродского о ней⁶⁷. Поэт удивительный.

Сказала: «Вас скоро узнают все».

Рассказывала, что приходил к ней Солженицын (Рязанский) и читал стихи. Она: «Через два месяца вы будете один из самых известных людей в мире. Вот это пережить трудно». Он (подумав): «Ничего. У меня крепкие нервы».

9 ноября * Утром возился с машиной.

Работали с Майей Коневой над книгой Ружеви́ча⁶⁸. Излишняя раскованность ему мешает быть поэтом великолепным. Виною тому – свободный стих. Надо иметь много силы воли, чтобы в пределах свободного стиха не растерять самодисциплины, без которой нет стихотворения.

Потом пили коньяк с милым летчиком-испытателем Петей, прекрасно слушавшим стихи.

10 ноября * Любопытная баба из Харькова – Рахлина⁶⁹ – читала стихи, добрые и слабые.

11 ноября * Несколько часов хорошо говорили с Агнессой о разном, о нравственных задачах литературы, о «молодых», о Мартынове, о Борисе, который все глупее.

Писались стихи.

12 ноября * Провожал Агнессу.

Мартынов ужасно глупый.

Умная, остроумная Муха⁷⁰.

Паперный с Лерой.

13 ноября * Пренеприятный разговор с Юнной Мориц, выламывающейся, с женским комплексом неполноценности, потому самоутверждающейся раздражительно и настойчиво.

Слушал «Сказку о солдате» Стравинского⁷¹. Отлично, блестяще, почти гениально и намного ниже настоящей музыки.

Отвратное безденежье.

14 ноября * Работал над Ружеви́чем.

Был у Коли Глазкова. Он в худом состоянии. Окружен подонками. Говорит, что старые друзья его предали. Начинаешь бояться, что его обычная поза перестала быть лукавством, а стала натурой. Дурацкий колпак прирос к голове.

Стихи (я прочел его книжицы с 56-го до 62-го года) очень плохи, мелки. Редко встретится сильная строчка. Он беден и, кажется, глубоко несчастен. Укатали сивку...

Жестокая мысль: если бы Коля погиб в тридцать лет, казалось бы, что он осуществился мало. Теперь ему за сорок. Поэт в нем иссякает.

Вечером проводил Галчинскую.

Держаться, писать, не думая о славе! Учитывать лишь успехи *внутренние!*

15 ноября * В ЦДЛ, где противно, хороший разговор с Сережей Наровчатовым о том, не пора ли заговорить о нашей довоенной *партии* и о предательстве Слуцкого в 48 году.

С Егором Исаевым⁷². Я: Вы издадите лишь ту книгу, которую я хочу. Иного мне не надо.

16 ноября * У Музы Павловой⁷³ и Бурича⁷⁴. Работали над Ружевичем.

Бурич дал мне свою книжку свободных стихов. Растиньяк всегда провинциален и всегда по последней моде. Тщеславие и потребность самоутверждения — черта парвеню. И всегда находятся такие же провинциалы, которые это поднимают, и честные технические интеллигенты, которые подхватывают восторги. А по существу все это жалко, убого и бессодержательно. В поэзии *новой* может быть только *личность*, которой наплевать на форму как таковую, она ищет форму для своего воплощения, и ей не надо никого эпатировать.

Здесь личности нет, есть только жалкие потуги провинциала. Любопытно, что «западный» Эренбург тоже провинциал. А о Слуцком и говорить нечего.

17 ноября * Вечер поэтов в зале Чайковского. Наибольший успех, конечно, у Булата. Но и у ничтожества Кобзева⁷⁵ тоже. Долматовский читает стихи против Сталина. Хорош Тарковский. Он один. Меня никто не знал. Читал с успехом.

Надо быть подальше от этого. Но изредка надо сверяться и с этим.

19 ноября * Семинар переводчиков.

Сильные и неизвестно куда ведущие стихи Сережи Поликарпова⁷⁶. Талантливые и недостаточные – Н. Горской⁷⁷. Энергичное и ничтожное самоутверждение Олева⁷⁸.

20 ноября * Тысяча мелких дел. Бегодня по городу, утомительная и угнетающая.

Вышел «Нов[ый] мир» с повестью Солженицына.

Весь вечер провозился с пьяным ничтожеством Светом Придворовым⁷⁹. Это грубая, глупая, запойная скотина. Жена его, цыганка Вера, беззаботна и мила, как птица. Из-за нее я и таскался с ним.

Домой прибрел ночью, прогуляв деньги, нужные весьма.

21–22 ноября * В Шереметьеве. Просыпался ночью от счастья. Так тихо, блаженно и свободно. Я был один. Читал только поэму Володи Корнилова, удивительно талантливую⁸⁰. С ним пил вино... Спал остальное время.

Вышла повесть Солженицына. Это настоящая большая литература. Но что будет с этим писателем? При нерасчлененности нашей общественной жизни, при грубом ее разделении – я с ним. А что будет потом? Есть в этом и неприятные нотки. И будут вокруг интеллигентские слюни. Дай Бог ему это все пережить.

23 ноября * С Антокольским выступали перед физиками где-то в Крюкове. (Воронели⁸¹). Какой заученный и пустой темперамент!

В ЦДЛ с Сережей Наровчатовым. Он, несмотря ни на что, близок, понятен.

24 ноября * Обедал с Сережей Поликарповым.

День рождения у Любимова. Очень хорошо. Бор. Вас. Гольд, Пуришев, Михайловский⁸².

Чудные дети Любимова. Лелька, совершенно взрослая.

Н. М. – пятьдесят лет.

27 ноября * С утра скучные посетители – Инна Лиснянская с мужем,⁸³ начинающий поэт Миша Шлаин.

28 ноября * Во мне есть радость *общения*. Эта радость передается людям, и потому они тянутся ко мне. Но напрасно ждать от

меня большего. Радости *отношений* во мне нет. Ибо отношения требуют обязательств. А каждое обязательство для меня тяжело, оно урывает нечто от внутренней свободы, необходимой для писания. Радость отношений свойственна жертвенным натурам, которые в этой радости и выражают свое содержание.

Радость общения — влюбленность. Радость отношений — любовь. Я влюблен почти всегда, и почти никогда — люблю.

29–30 ноября * В Шереметьеве. Сбежал из города. Идет снег. Тишина. Весь день *блаженно*. Написал стихи «Когда мне наконец сказали...»⁸⁴.

Встреча с Федецким,⁸⁵ умным левым поляком. Слишком умным и левым.

1 декабря * Обедал с Федецким и Володей Фроловым, добрым неглупым человеком. С. Поликарпов, переполненный собой.

Хорошее выступление в Медицинском институте с Коржавиным, Турковым,⁸⁶ Булатом. Плохи, неприятны стихи Ник. Панченко⁸⁷. Правду не следует путать с патологией.

Вечером заходил к Фейгиным⁸⁸.

Настроение смутное.

2 декабря * Утром переводил.

Навестил Анну Андреевну. Она хворает. Были Кома и Таня Ивановы⁸⁹. Хороший, ясный разговор хороших людей, с которыми думаешь одинаково и ни о чем не надо договариваться. Говорили о Солженицыне, который А. А. сильно нравится.

А. А. читала стихи удивительные («Реквием» — вступление и еще несколько)⁹⁰.

Опять предстоит суетная трудная неделя. Выступить мне хватит! Это уже вредно. После «Дня поэзии» баста!

4 декабря * Невыспавшийся, сомнамбулический. Семинар. Сергей Смирнов⁹¹ (обо мне): «Во, поэт! Но только никому не говорите!»

5 декабря * Весь день с Сашкой.

У Федецкого познакомился с замечательным актером Войтеком С.⁹² Я влюбился в него мгновенно и бесповоротно до того, как он начал читать. Человеческое обаяние его ни с чем не сравнимо.

Вместе поехали к Марьямову,⁹³ где Войтек гениально читал Бабеля, Блока, Галчинского и народные польские баллады. После Яхонтова я такого чтения не слышал.

Он сказал мне, что, когда он читает, для него важнее всего литература, а не актерская игра. Этой игре он нашел удивительную меру.

У нас с ним можно сравнивать одного Смоктуновского.

6 декабря * Как я только ноги таскаю! Обедал с Войтеком Семеном.

Выступал на семинаре о новаторстве. Пил.

С Войтеком, его приятелем журналистом Ежи Яруземским и его женой поехали к Ахматовой.

Войтек снова гениально читал стихи, особенно народные. А. А. важно им внимала. Потом читала сама. Войтек глядел на нее влюбленно и говорил: «Я раб поэтов».

А. А. мне: «Когда вы придете один?»

Потом поехали к Мацкиным⁹⁴. Войтек читал еще лучше — Галчинского, Блока, Тувима.

7 декабря * Днем бродили по городу с Войтеком. Он собирает коллекцию петухов. Обедали у меня. Читали Галчинского.

Вечером на спектакле «Воскресение Христа»⁹⁵. Очень интересно. Семен превосходен. Публика приняла холодно.

После спектакля у меня — Пеца⁹⁶. Потом Саша Володин⁹⁷. Войтек говорит: Ружевич создал новый польский стих — стих твердый.

Солженицын — важное явление литературы. К политике он отношения не имеет. В нем важна художественная концепция, необычайно современная. Государство отвратительно и бесчеловечно, но человек всегда остается человеком. Самое важное — достоинство. Не люди те, кто подлизывает миски. Человек счастлив лишь «в себе».

8 декабря * Катались на машине с Войтеком Семеном и Андреем Ясенским.

Выступал на вечере Аттилы Йежефа. Довольно много народу, посольство и т. д.

9 декабря * Бродили с сыном.

Был у Алисы Берман⁹⁸ по делу, мило повспоминали ИФЛИ. Обедали у Шуплецова.

Вечером — встреча с польским театром в ЦДЛ. Войтек Семен на высоте.

Домой опять пришел около трех ночи.

Устал чертовски от этой жизни. Ляля не едет. Дом заброшен.

11 декабря * С утра с Войтеком Семеном и прелестной Ханной Зембжуской шлялись по Новодевичьему монастырю, потом по выставке Рублева и реставрационным мастерским Андроникова монастыря.

Обедал в ЦДЛ.

Потом — спектакль «Слово о Якубе Шеле»⁹⁹. Деймек¹⁰⁰ подарил мне альбом театра.

Взволнованный Андрей Ясенский.

С молодым поэтом и редактором из Чехии Антонином Бросеком пили коньяк у меня до ночи.

Устал.

12 декабря * Был у милых Гольдов с Любимовым. Очень люблю этих людей. Ник. Мих. человек большого ума, таланта и прямоты. В натуре его нет ничего от современного интеллигентского либерализма. Я горжусь его дружбой.

13 декабря * С Войтеком работали над Галчинским.

Грустно, грустно с ним расставаться. На вокзал я не поехал. Ненавижу проводы. Не люблю, когда провожают, даже на войну.

Видел Женю Евтушенко. Прочитал ему «Матадора»¹⁰¹. Он в ответ прочел стихи оправдательные — «Золушка»¹⁰². Я предложил напечатать оба рядом. И все же я его люблю.

Пора сократиться, собраться, жить несуетно.

14 декабря * Обедал с Фейгиными.

Приходил Толя Найман, показывал любопытную «Сентябрьскую поэму»¹⁰³. Поэтам часто вредит диспропорция между потребностью самовыражения и потребностью самоутверждения. Хорошо говорили.

16 декабря * День поэзии. Дурацкое чтение в магазине на Кузнецком. Приехал Мусик — физик из Харькова. Весь день были с ним, его сестрой чудной Зоей и Юрой Семеновым¹⁰⁴.

Пить надоело.

17 декабря * Анна Андреевна позвонила, позвала к себе. «Я вас буду эксплуатировать», — сказала она и дала мне прочитать свой «Реквием» — цикл стихов, написанных в 35–40-х годах и записанных только недавно.

Эти стихи слагаются в небольшую поэму, замечательную тем, что материнское чувство в ней — эмоциональная основа гражданственности. (Как плох рядом с этим «Сын» Антокольского¹⁰⁵.)

Попросила меня читать стихи. Сказала задумчиво фразу, которую я слышал от других: «Вот это и есть поэзия 60-х годов двадцатого века. Но пока все это еще закрыто на переучет...»

На прощанье сказала: «Вы сегодня хороший, а я — нет. Не метили?»

А. А. о Мартынове: «Хорошо продуманная мания преследования». О стихотворении Новеллы Матвеевой «Солнечный зайчик»¹⁰⁶: «Нельзя так долго быть зайчиком. Пушкин никогда бы не написал о себе: я — зайчик».

18 декабря * Различные рассказы о вчерашнем приеме. Прекрасный удар по иллюзиям всех этих болванов¹⁰⁷.

Искусство должно жить само по себе.

Ляля приезжает 20-го. Отвык от обязательств.

«День поэзии» прескверный¹⁰⁸. Изредка — человеческий голос: Белла,¹⁰⁹ Володя Корнилов.

Говорят: Женя Евтушенко молодец. Почему-то я ему верю.

19 декабря * Все скисли. Спрашивают: как? Я говорю — хорошо. Искусству не нужны теплицы.

Прием в венгерском посольстве в честь Илку — министра культуры. Он славный малый.

Эльза. В ее официальных глазах бегают чертики.

В остальном — скука.

Вечер в честь 60-летия Рафаэля Альберти¹¹⁰. Эренбург, нарочито спокойный и даже веселоватый. А на деле – старенький, прозрачный, опытный.

Экзальтированная И. Тынянова¹¹¹. Тоже скука порядочная. Они – кроме Эренбурга – все это принимают всерьез.

Милая, хорошая М. С. Петровых.

Короткий треп с Яшей Смоленским¹¹². Я: я хороший, порядочный, умный, работающий и т. д. У меня есть лишь одна ахиллесова пята: я чудовищно люблю баб – и всех без разбора.

21 декабря * Вечер памяти погибших поэтов в Литмузее. Хороший тон. Выступали Болховитинов,¹¹³ Львовский, Паперный.

С милым Мусиком Кагановым заезжали к Окуджавам, потом у нас болтали до ночи.

23 декабря * Часа три сидел у Маршака. Он совсем слабый, легкий. Но голова работает, и этой работой он преодолевает смерть.

Опять встретил меня словами, что я похож на Уильяма Блейка. Думал, что, как и в прошлый раз, он станет говорить о Блейке. Но он заговорил о другом, и я подивился сходству наших понятий. Это сходство было так приятно нам обоим, что не хотелось расставаться, и возникло ощущение доброй теплоты.

Память и ясность ума у него удивительны.

Говорил, что ему ближе пушкинское начало прошлого века, когда было общество и идей литературы была честь. Потом пришла идея совести у Толстого и Достоевского, т. е. дисгармония, разлад и длинноты.

Лермонтов уже провинциален. У него нет столицы, а есть кавказский Печорин.

Говорили о молодых, из коих ему больше всех по душе Новелла Матвеева. У Юнны Мориц есть характер, но мало доброты.

Я читал ему стихи. Они, видимо, понравились, особенно «Старик Державин», «Красная осень», «Слова», «И снова будут дробить суставы...»¹¹⁴.

Умно, хорошо говорил. Подарил мне две книги с хорошими надписями. На прощанье обнялись.

К этим старикам не следует обращаться с просьбами. Это их обижает. Им хочется, чтобы с ними общались без корысти. (Нотка подозрительности у Маршака в адрес Винокурова.)

24 декабря * Стихи с лета.

Наташа

«Музыка, закрученная туго...»

«Странно стариться...»

Старик Державин

«Я рано встал...»

«О Господи, конечно, все мы грешны...»

«Я друзей не виню...»

Магадор

Ночная гроза

Красная осень

«Напряженный, как шкура бубна...»

«Как объяснить тебе...»

«Непонятны нам сыновья и дочери...»

«И снова будут дробить суставы...»

«Давай поедem в город...»

Письмо

«Становлюсь постепенно поэтом...»

«Не верь ученикам...»¹¹⁵

26 декабря * Вечер памяти Цветаевой. Эренбург, как всегда, ищет повода для своей пикассирующей оппозиции.

Белла Ахмадулина, играющая сомнамбулу и лепечущая о том, что поэт – дитя и беззащитен.

Мое выступление понравилось, ибо мне удалось не говорить о себе, а просто прочитать стихи Пастернака памяти Цветаевой.

Все же вечер был неплох.

Помирился со Слуцким. Нам в ссоре быть не подобает.

27 декабря * Югослав из Словении, поэт. Приходил ко мне утром. Он составляет русскую антологию XX века (Павчек¹¹⁶) (Приписано другими чернилами. – Г. М.)

Потом уехал в Шереметьево. Ура! Ура!

Тихо! Свободно!

28 декабря * Гулял долго – километров двенадцать.

Читал стихи Корнилову.

Ужинал со Световым¹¹⁷ и с Зоей¹¹⁸.

Светов – милый, добрый, неглупый человек. Читал стихи ему и Зое. Прекрасное одиночество.

29 декабря * Что происходит?

1. Еще один удар по интеллигентско-либеральным иллюзиям о возможности «гармонии» между властью и искусством.

2. Отрезвляющий удар по «молодым» и, в конечном счете, разоблачение всей этой шумихи. «Молодые» должны ясно определить свою позицию: быть «помощниками» или не быть.

Популярность тех, кто решит «быть», немедленно потерпит крушение.

3. Все происходящее с искусством — проявление неясности и неустойчивости официальной идеологии.

Удар по абстракционизму и одновременная официализация Солженицына — акты эмоциональные. По существу, следует (с «их» позиции) разрешить формализм и бить по реализму.

4. Ясно становится, что процесс художественного самопознания в нашей стране может быть прерван и побежден только карательными мерами.

Это страшная опасность для искусства. И она не исключена. Но это будет актом политического авантюризма, чрезвычайно губительным для государства.

5. Пока власть пытается «уговорить» художников, обещая забвение прошлого. Они ощущают пассивное сопротивление интеллигенции.

Сплю, гуляю, читаю. Чудная жизнь!

К вечеру приехал Грибанов. Славно.

30 декабря * Поздравлял с Новым годом Гослит.

С Сашкой был у мамы.

Вечером с Лялей были у Слуцкого. Оба мы, кажется, довольны примирением. Борис был мил и остроумен. Острых тем не касались.

Писал поздравительные письма.

Зверев¹⁹ — замечательный художник. Слуцкий показывал мне его рисунки. Удивительная рука!

Предсказал Слуцкому, что Евтушенко и К° в глазах читающей публики жизни не более чем два года. События их подкосили.

31 декабря * Целый день занимался письменными и телефонными поздравлениями.

Навестил Анну Андреевну. Как всегда, хороший, умный разговор. Прочитала строфу о своей суетности.

Читал ей «Давай поедem в город...» и «Становлюсь постепенно поэтом...»

Сказала: «Большие стихи. В них нет внешних трагедий. И все же они трагичны».

Пришел Корнилов, умный и весело злой.

Заезжал к Фейгиным.

Встречали Новый год у Саши Каменского. Народу было немало, но очень славно посидели.

1 января * Поехали в Переделкино к Ивановым. Хорошо и добро, как дома. Старик, слава Богу, хорошо выглядит и в хорошем тоне. Т. В. — молодец, как всегда.

Вс. Вяч. рассказывал о Есенине, Пильняке и многом другом. Пересказывал замысел рассказа о космонавте — лукавый. Он может только задумывать, а писать уже не может.

Очень люблю его и Кому.

Евтушенко и остальные выразили потребность общественного самосознания. Они были точками приложения аморфного гражданского чувства, назревшего в обществе. За это честь им и хвала. Но *удовлетворить* эту потребность они не могли. Для этого нужна поэзия *мыслящая*, которая принесет новую гражданскую идею.

Это задача трудная в наше время, когда гражданские понятия скомпрометированы в глазах молодежи и господствует скептический индивидуализм.

Возвращение к гражданским понятиям у нас возможно лишь через идею морального усовершенствования и восстановление ценности личности.

2 января * С Сашкой и Борей Любимовым уехал в Шереметьево. Болтовня с Винокуровым, который, несмотря на свои габариты, никогда не хвалит ближних.

3 января * В Шереметьеве.

Погожий, добрый зимний день.

Интонация — точка схождения всех элементов стиха, где каждый из них перестает существовать сам по себе. Естественность интонации — дар Божий. Даже у некоторых талантливых поэтов ее нет, и в стихе замечается некое смещение в сторону ритма, рифмы, метафоры или смысла. Что-то преобладает, и точка превращается в смутное пятно.

Корнилову от природы дан этот дар интонации, который порой выше ума.

6 января * Славный день. Долгий завтрак с Володей Фроловым. Потом такой же долгий обед — приехали Лешка Симонов¹ и Влад Заманский.

Милый треп, чтение стихов. Гостевая жизнь, колобродство — то, что я люблю.

7 января * Та же блаженная жизнь. Часа четыре бродил на лыжах. Долго обедали.

Приехали Артамонов и Кушнер². Болтали, читали стихи.

Кушнер — талант чистый, дистиллированный. Много тонкости и нет силы. Мир его подробен и любовно оборудован деталями. Он поэт приятный. Гротеск его и ирония тоже приятны, хорошо воспитаны.

И человек он весьма приятный, доброго ума.

8 января * Выступал в издательстве Академии наук с Астафевой³, поэтессой добрых намерений. Стихи ее плохи. Впрочем, принимали нас дружелюбно.

9 января * Вернулся в Шереметьево.

На душе погано.

Вечером у Винокуровых. Приятный Сарнов⁴. Бьющий, кипящий, человеческий талант Корнилова — где-то от предстательной железы.

Объединяться умеют одни негодяи. Возвышенные натуры спорят, потому их бьют поодиночке.

10 января * Приехал в Москву. Дела. Семинар переводчиков. Долго ужинали с Комой, Таней и Борисом Грибановым.

Хороший разговор.

13 января * День рождения у Дуси. Славный и умный Вася Самсонов. Прелесть — Ирина Карташова⁵.

14 января * И вообще где-то сидит во мне это странное веселье — не от французских ли кровей?

Межиров невыносимо выламывается, делает из себя тонкую натуру. Все это от внутренней пустоты, лжи.

16 января * Юбилей Смелякова. Я, впрочем, в зале не был, а сидел в ресторане, сперва с Акимом и В. Липатовым,⁶ потом с Тимофеевым, Бруни⁷ и С. Б.⁸

17 января * Весь день дома. Безделье. Приходила Юнна Мориц. Поначалу раздражающая – потом хороший разговор о Тооме и прочем. Очень точно живописала продажу Евтушенко и Неизвестного.

Вечером – Женя Рейн и Леша Лившиц. Треп.

19 января * Тяжкое, убийственное настроение. Ощущение надорванности и тоски.

Уехал в Шереметьево.

20 января * Полдня пили и трепались с Володей Корниловым и Найденовым⁹. Чуть полегчало.

К вечеру поехал в Москву. У Кипсы день рождения. Славный, добрый, растерянный Антокольский.

23 января * Выступал в Доме ученых с Кирсановым, Левиком¹⁰, Вероникой. Принимали хорошо.

Кирсановский темперамент смешноват.

Друнина¹¹ – бездарное говно.

28 января * В ЦДЛ с Карло Каладзе¹² и Гюльнаррой, его женой. Выставка Пиросманишвили.

Володя Соколов¹³ читал хорошие стихи.

Пьяный старик Антокольский, влюбленный в Лилян Стефанову¹⁴ и старчески беспомощный.

29 января * Почти весь день у Любимова. Работали над книгой¹⁵. Долго разговаривали. Он читал мне начало мемуаров, от лично написанных¹⁶. Русская мысль не помещается в модернизм. (М. б., и немецкая тоже – Томас Манн выше Хемингуэя). Я читал Ник. Мих-у «День с Заболоцким».

Хорошо было.

4 февраля * Множество людей мешает работать. Сашке подбили глаз в школе. Возил его в больницу.

Никак не могу засесть за дело. Каждый день что-нибудь мешает.

Бродят мысли о пьесе. Не рождается интонация.

5 февраля * Проводил Лялю в Ереван.

Приехала Светлана Евсеева¹⁷ с мужем. Радость для меня.

В Союзе вечер моих переводов. Довольно много народу для такого вечера. Я читал хорошо. Дружественно и даже хвалебно выступали Любимов (он вел вечер), Борис Слуцкий, Толя Якобсон, Копелев.

Кисло хвалили меня Левик и Тарковский.

6 февраля * Весь день со Светланой и Артуром, ее мужем, славным, порядочным малым.

Утром у них пили пиво. Читали стихи.

Стихи Светланы огорчительны. Ее поэзия – открытая рана. А здесь рана подзатынулась. Уже не та ясная боль. Лишь иногда неясно ноет.

Сказал ей об этом.

Днем обедали в ЦДЛ. Там и просидели до ночи.

Пьяный Наровчатов: «Я в этой игре не участвую. Пусть я лучше умру с репутацией честного пьяницы».

8 февраля * Разговор с молодым венгерским поэтом Дьердем Д. о венгерском восстании и прочем.

9 февраля * С утра скучные литературные люди, которым от меня что-то нужно, а добыв то, что нужно, они сидят и с ними надо говорить – с бездарным поэтом, с придурковатой художницей, со способной детской поэтессой.

Днем приходила Светлана. Как всегда разговор был и труден и очень хорош. Очень близка она мне и очень дорога. Мы удивительно понимаем друг друга и обладаем одинаковым свойством – просыпаться безгрешными, а потом скверно жить целый день.

11 февраля * Выступал в клубе Комитета по экон[омическим] связям. Потом в «Бригантине».

В обоих случаях – средне. Эстрада раздражает. В редкие минуты подъема и при совпадении множества обстоятельств я чув-

ствую себя хорошо. Обычно — чувство нервной скуки и желание, чтобы все это скорей окончилось.

13 февраля * Весь день дома. Не работается. Настроение поганое.

Позвонила Анна Андреевна. Позвала к себе на Ордынку. Долгие разговоры. Она подтянутая и важная. Читала статью о Пушкине, замысел которой поэтичен, а идея актуальна — о могилах¹⁸.

15 февраля * Видел Слуцкого в Гослите. Даже он настроен пессимистически. Прогнозы скверные. Настроение поганое.

Сашке сегодня десять лет. Когда он родился, настроение было похуже. Все же существует прогресс.

Кажется, будут мои стихи в четвертой «Москве»¹⁹.

18 февраля * Утром работа.

Потом долгое сидение в ЦДЛ. Питье и прочее. Грустно и пропаще.

Слухи разные — о Твардовском, Эренбурге. Разговор с Ю. Боровым,²⁰ потом долгое (так в оригинале. — Г. М.) с Ал. Вас. Западным²¹.

С Гоги Мазуриным приехали ко мне. Звонили в Тбилиси, где пятьдесят лет Фейгину.

19 февраля * Выступал в Текстильном институте. Хорошо.

Заезжал в «Современник», где просмотр новой пьесы Володина²². Потолкался среди знакомых и уехал.

Каждый день меня выхолащивает суета, просители, переводчики, коньяк, женщины. А от другой жизни я отвык.

Все это — самоубийство.

20 февраля * В «Москве» подписал верстку.

Бедняга Анциферов²³.

Разговор с Гатовым²⁴ — еду в Польшу.

Обедал с Юрой Левитанским.

Белла Ахмадулина читала стихи о дожде — замечательные²⁵. Нервы ее и ум утончены до предела. Удивительна она и трагична, и жаль ее, свершающую самоубийство. Нежно люблю Беллу.

- 24 февраля * В Риге. Официальные встречи. Скука. Мало искренности. Открытие недели русского искусства в оперном театре. Вечером поехал к Абызовым²⁶. Любовно собранная поэзия. Прелесть Жанны.
- 25 февраля * Поехали в Даугавпилс. Чудная встреча с детьми. Неплохое выступление перед студентами.
- 1 марта * Сигулда и окрестности. Банкет. Ресторан «Астория». Глупое мещанство и реклама. Странная Таня Самойлова. «Надо внутри себя отступить на шаг, для самосохранения».
- 4 марта * Прилетел в Москву. Поздно поехали к Кагарлицкому. У него новоселье. Володя Корнилов, Олег Ефремов, Миша Козаков²⁷, Кваша и др.
- 6 марта * В гостях у актера Миши Глузского.
- 7 марта * В ЦДЛ. Слухи о сегодняшнем совещании. Все распарены и довольны, как после долгого чаепития. Начальство было добродушно, не грозило и не поносило. Искусство было полно достоинства и покаяния. Оно просило доверия и обещало это доверие оправдать. Мир на земле, в человеках благоволение²⁸.
- 13 марта * Обсуждение «Польской антологии»²⁹. Ничего примечательного. В Союзе идет рубка лозы. Ничего хорошего не предстоит. И все это понимают. Стихи не пишутся. Работать нет охоты. И при всем нет денег.
- 15 марта * Ник. Мих. Любимов читал мне новые отрывки из воспоминаний. Это большая проза с великой болью за Россию, с библейским размахом любви. Эмоционально мне очень близка его концепция русской культуры и русского характера. В прозе Н. М. есть истинно вселенская любовь к человечеству, так свойственная глубинам русского характера. Ник. Мих. — единственный в своем роде писатель нынешних времен. В нем почвенность заоблачна.

Выступал с Жориком Лепским на вечере памяти Павла в каком-то НИИ.

17 марта * С Лялей и Сашей ездили в Переделкино к Ивановым.

Старик хорош, мил и, слава Богу, здоров. Впрочем, ему дела ни до чего нет. И он по долгой своей привычке медленно проводит время и нехотя пописывает.

После обеда Копелев приволок целую компанию – Любу Кабо,³⁰ Сашу Яшина³¹.

Яшин очень мне нравится. И его достойная манера держаться, и лицо, северно-русское без татарщины, и вологодский говор. Долго читали письма, полученные им от земляков и от разных людей из разных мест по поводу «Вологодской свадьбы». Впечатление огромное. Видно, какую школу воспитания прошел наш народ, как велика его потребность в правде, как он умеет мыслить и выражать мысли, как велико его уважение к праведнику.

Письма эти – бунт. Они – прекрасный комментарий к последним речам.

Мужицкий бунт – начало русской прозы...³²

Эренбург, говорят, совсем плох, погружен в нервную депрессию. Мне жаль его как старика, но не как писателя. Непривычка к независимости, отсутствие достоинства сказались в нем тогда, когда достоинство могло бы стать гражданским подвигом, пускай последним.

Да и что ему грозит? Даже не гражданская казнь Чернышевского, не ссылка на Кавказ. Подумаешь, хозяева обидели старого слугу! Сюжет печальный, вроде «Муму» Тургенева.

С художником, в котором сильны гражданские начала, воплощенные в личном достоинстве, никто ничего сделать не может. Его можно убить или уморить голодом. И сделать героем для будущих поколений.

18 марта * Совещание писателей в МК³³. Москвичами недовольны. Раболепничаем мало и, главное, без души.

Даже Щипачев³⁴ и Мальцев³⁵ не уловили и недосмотрели, а тоже приняли всерьез борьбу с культом и прочее. Щипачев в меру своих понятий был на высокой высоте. Гражданственность всегда возвышенна.

Вся муть лезла и вопияла с яростью. Слово «талант» оказалось бранным.

Хуже всех был искренний еврей Константин Финн³⁶.

«Они» одержали победу. Но победа эта мнимая.

Сталин побеждал, истребляя и покупая. И знал, кого стоит покупать.

Возможно ли истребление? Возможно. Но оно сделает истребляемых героями и мучениками в глазах общества и, может быть, повысит авторитет нашей литературы, навязав ей гражданский подвиг.

Мудрецы говорят — это на два года... Все российские чаяния не простирались далее двух лет.

20 марта * Читаю книгу об Эйнштейне, укрепляясь духом. Настроение все лучше.

21 марта * Были у нас Гидаши, Яков, Маневич³⁷ и Сарновы.

Поспорил с Агнессой о Вознесенском и Мартынове. Их она ставит выше Ахматовой.

Эмоциональная сторона ее характера, редкостно цельного, без остатка отдана любви. Во всем остальном она натура рациональная и поэтому ищет в поэзии «алогического» и «парадоксального», как некоей компенсации.

Я нередко наблюдал натуры логические, которые именно так смотрели на поэзию, отыскивая в ней недостающий им «идиотизм». Но, как люди, лишённые интуитивного, «божественного» начала, они легко путают парадоксальность формальную, истинное безмыслие с поэтической глубиной. По существу, поэтическая глубина мысли им не нужна, ибо они и так живут в сфере мысли. Между тем Блок, самый интуитивный поэт, говорил, что поэзия начинается с мысли. А рациональный Бальмонт написал «Поэзию как волшебство».

1 апреля * Болею. Читаю Чехова том за томом.

Приходил Толя Найман. Показывал превосходную «Большую элегию» Бродского³⁸. Растет большой поэт.

2 апреля * Прибыла верстка моей книги³⁹. Прочитал ее с величайшей холодностью.

Неважнецкий я поэт.

- 3 апреля* * Работать не хочется. Приятно медленно и подробно мыслить. В Польшу мы не едем.
- 9 апреля* * Приходил Бор. Слуцкий. Года два у нас не был. Рассказывал об Эренбурге и прочем. Старый слуга обижен до шока.
Твардовский о пленуме правления ССП: «Похоже на ебло слепых в крапиве».
- 11 апреля* * У мамы. Пасхальный вечер, который так любил мой отец.
- 17 апреля* * В «Современнике». Пьеса Саши Володина «Назначение». Не очень плохо. Люблю этого человека.
Обсуждение. Мы – Аксенов,⁴⁰ Заманский, Евстигнеев, спрятавшись в маленькой каморке рабочего сцены, пили коньяк.
- 18 апреля* * Поздно пришел Саша Володин. Длинный разговор.
Я: мы живем во времена, когда честь важнее, чем совесть.
- 19 апреля* * Зреет мысль о чести.
Честь в наше время важнее, чем совесть. Совесть – непрочное и раздвоенное.
Честь – пушкинское, точное начало.
Единственный молодец – Вика Некрасов – человек чести.
В «Н[овом] мире» – хорошее настроение. Надежды на лучшее.
Прогноз: если не будет карательных мер, то к осени все это сникнет.
Иначе им нельзя.
- 20 апреля* * Были Гидаши и Яков Кронрод. Говорили долго и интересно о современном состоянии марксизма, об истинной идеологии общества и о фразеологии. Яков считает, что истинный корень наших расхождений с косоглазым марксизмом в том, что они являются сторонниками «эгалитарного социализма» и реально проводят его в жизнь. Мы же чрезвычайно далеки от этого.
- 21 апреля* * Ездил в Шереметьево. Тоска по лесу, полю, небу, деревьям, всегда возникающая весной.

Я мало работаю. Не получаю первозданных острых потрясений, из которых создаются стихи. Давно не находился в состоянии самоуглубленности и покоя. Мои волнения тяжелы, антипоэтичны.

22 апреля * У дверей ЦДЛ. Меня и Винокурова встретила пьяная Белла. Заставила нас ехать к ней, покупать водку и пить.

Я очень люблю ее ум и талант, но когда она пьяна, лезет наружу сытая богема, в которой она живет, и становится тошно.

Отвратительно все в этой дивной, красивой и тонкой женщине – и ее фальшивый дружеский тон с шофером, и безразличные восторги по поводу скучных стихов Винокурова, и ужимки, и дурные слова, и манера разговаривать с мужем.

Даже стихи она читала вяло и все рвалась пить и ехать куда-то, где, видимо, находился нужный ей человек.

Каждый поэт выбирает свой способ самоубийства. Ее способ – один из самых противных.

Заходил ко мне Петрос Антеос,⁴¹ греческий поэт, кажется добрый и честный и наверняка скромный человек.

28 апреля * По дому литераторов ходит Светлов. Он очень худ, небрит, пьян. Таков он всегда. Но когда встречает приятного человека, лицо его становится добрым и он грустно острит: «Знаете, что такое смерть? Это присоединение к большинству».

За одним из столов собралась скверная компания. Меня окликает Бор. Ив. Соловьев⁴²: «Прочитайте рассказ “Алеша Горшок” Толстого. Тогда поговорим».

Чудится, что он смеется надо мной, ибо в рассказе этом нет ничего, что относилось бы к нашему спору. А может, он и есть этот Алеша Горшок, который «слушает и не обижает». Слушать-то он слушает, но и обидеть, кажется, готов.

Смотрел итальянский фильм «Обгон». Превосходные актеры⁴³.

29 апреля * Первомайский вечер в ЦДЛ. Сурков рассказывает Гидашу и мне: «В Польше меня прижали. Спрашивают: почему Н. С. Х[рущев] может руководить Евтушенкой, а Евтушенко не может руководить государством? Пришлось спустить на них всех собак демагогии».

Вечером у Любимова.

Читаю «Хаджи-Мурата». Толстой не заботится о правильности языка. Его интересует только точная передача смысла. Он удивительно точно *знает* все, о чем пишет.

2 мая * Ездили во Фрязино к Тусе — мы и Найденовы.

В. рассказывал о статье какого-то американца, серьезного знатока нашей поэзии. Там сказано: через десять лет Евтушенко будут знать только как первого мужа Беллы Ахмадулиной.

8 мая * Совещание молодых. Приличная поэтесса Нонна Слепкова⁴⁴.

18 мая * Молодой польский поэт Чеслав Куриата. Середняк.

У Фраткина встреча со Стефаном Хермлином⁴⁵. Красавец, полуангличанин-полуеврей, пишущий по-немецки. Поэзия его суховата и нарочито усложнена. В основе он банален и мало поэтичен.

Маленький Лева Гинзбург⁴⁶.

Любопытный Костя Богатырев⁴⁷.

23 мая * Заходил И. Крамов. Как всегда хорошо говорили. Он один из пяти-шести человек, с которыми связывает близость мыслей и даль биографии.

28 мая * Репетиция «Чудотворной» в «Современнике»⁴⁸. Пьеса плоха, да и театр нехорош. Это театр добрых намерений и дозволенных идей. Он выражает то же самое, что в литературе Евтушенко и Аксенов. И конечно, он все же живее, искреннее и приятнее всех прочих московских театров. В будущем ему уготована тихая гибель, потому что сознание московской молодежи быстро перерастает намерения театра, потому что нет репертуара, на котором могут расти актеры, потому что чиновники сильнее.

29 мая * Звонила Анна Андреевна. Ее тянет в Москву, где у нее подобие «двора» и подобие литературной школы. Она как-то сказала Копелеву, что Гумилев школы не создал, а она создала.

Среди своих продолжателей она числит меня и Бродского. Отчасти (и внешне) это верно.

Второй раз мне показалось, что у нее идет внутренний спор с Гумилевым.

Впрочем, живет она уже в мире мнимом. «Двор» ею тяготится, дела, на которые она ссылается, несущественны, школа прозрачна. За всем этим — одинокая старуха, мужественно несущая непомерный груз стихов.

31 мая * Прохладное утро в Мамонтовке. Спокойное, трудовое настроение. Толстой где-то говорит о свойстве человеческой души забывать, но, добавляет он, это свойственно людям со слабой духовной жизнью.

Вчера из издательства сообщили, что пришла корректура книги. Любопытно, как ее будут кастрировать.

1 июня * День моего рождения. Вечером пришли Изя с Леной, Костя с Дусей, Грибановы, Шуплецовы, Заманские, Кипса, Виктор [Фогельсон] с Лилей⁴⁹ — все милые мне, приятные люди.

2 июня * Мамонтовка. Воскресенье. Холодно. Дождь. Читаю верстку своей книги. В ней пяток стихотворений, написанных по вдохновению и потому непонятных мне самому. Остальное чисто, сдержанно и скучно. Я равнодушен, как будто читаю чужого и чуждого поэта. Книга эта, пока она не вышла, чем-то мешает мне.

3 июня * В одночасье умер Хикмет⁵⁰.

Последний раз я видел его 9 мая. В Доме литераторов он пил вино. Подозвал меня и рассказывал, как умирал. Незвал. А потом рассказывал о Куртаде⁵¹. Тот сказал Хикмету: береги себя. Уехал. И умер. «А я вот живой», — сказал Назым. Я звал его посмотреть фильм в Дом кино. А он не хотел и сидел и пил вино.

Потом мы пошли смотреть фильм. И сидели рядом. И он говорил турецкие комплименты Наташе Климовой⁵², героине фильма.

Мы никогда с ним не были близки. Только последнее время он проявлял ко мне симпатию, то ли почувствовав во мне женолюба, то ли, со слов Эренбурга, уверовав, что я хорошо его перевожу.

Увидел я его впервые года три назад на даче в Переделкине, где он лежал умирающий, не в силах произнести слово. А потом

недели через две я узнал, что он сбежал с дачи и женился на Вере Туляковой, красивой и молодой — «солома волос и глаз синева».

Стихи его давно мне не нравились. Но лейпцигский цикл чем-то меня тронул. Я его перевел.

Последние годы виделись мы несколько раз у него дома и на вечерах, где я читал переводы.

Хикмет мне нравился.

Он принадлежал к поколению 20-х годов, у которого были идеалы, и растерянность, и истинная любовь к новизне, и наивность, и защитительная ложь.

Это были люди, учившие жить, любившие жизнь, женщин, вино, революцию, понимавшие многое, преданные лжи — живые люди. Жаль Хикмета.

Он в том же ряду, что и Лорка, Неруда, Тувим, Незвал, Элюар.

Мы знаем им цену. И любим. И презираем их раскованность, и завидуем ей.

Хикмет умер, как праведник, — в одно мгновение. Он и был праведник.

Праведник наивный.

Мир праху его.

Надо написать стихи о том, что человек видит последний раз и не ведает, что больше этого не увидит.

4 июня * Был у Анны Андреевны на Ордынке. Как всегда приняла меня ласково и обрадовалась стихам, посвященным ей⁵³.

Рассказывала, что писала стихи с одиннадцати лет, но чем старше, тем хуже. Когда вышла замуж за Гумилева, он ей советовал стихи бросить и заняться танцами. Только прочитав Анненского, внезапно почувствовала перелом и написала «Вечер».

Потом начала читать стихи в ивановской «башне» и быстро вошла в славу.

Она говорит, что только Хлебникову и ей не пришлось завоевывать репутацию талантов. «Словно была вакансия, меня ожидавшая». С неприязнью отзывалась о Белом. «В его мемуарах ни слова правды».

Неодобрительно говорила об эмигрантских мемуарах. «Вам повезло, что ваши друзья не в эмиграции».

Потом сказала: «А это раздел — Ахматова хвалится». Показывала старую рецензию Ходасевича на «Вечер»⁵⁴, говорила о своих зарубежных изданиях.

Рассказала о Вознесенском, подарившем ей книгу с надписью: «Вы — моя совесть и бог». — «Потом подумал и приписал — “единственный”. — Совсем, как Карамазов Грушеньке, — “и цыпленочка”».

«За пятьдесят лет русская поэзия была популярна трижды — в 10-е годы, во время войны и сейчас».

«Я родилась в 89-м году и 90-е годы помню. Надсона я не читала».

Хвалила «Процесс» Кафки.

О разговорах Стравинского с Крафтом⁵⁵: многие вещи в этих разговорах любопытны, но их не хотелось бы узнавать от Стравинского.

Процитировала слова какого-то американца: «Русский дух полней всего выразился в поэзии».

5 и ю н я * Похороны Назыма. С точки зрения субординации, они не по первому разряду. Впрочем, народу много, немало плачущих женщин. Как всегда, неувязки — панихида откладывается: ждут [первую] жену и сына из Варшавы.

Публика разбредается, кое-кто уходит обедать в ресторан, другие шатаются без дела. Я постоял в карауле и тоже пошел обедать.

На панихиду опоздал, все, что было на кладбище, видел хорошо, потому что стоял в изголовье гроба.

Величественное впечатление производит жена Назыма. Лицо не совсем восточное, с крупными чертами, с красными глазами, умными и грустными.

Волосы седые.

Она спокойна. Даже утвердительно покачивает головой, когда понимает надгробные речи. С превосходной выдержкой смотрит на жалкие мелодрамы, поочередно выданные Галей и Верой.

Я внимательно глядывался в лицо Назыма. Заметил, что на его горбатом восточном носу веснушки, ресницы — короткие и прямые — рыжеваты. Лоб высокий. Мало морщин. Некоторые люди после смерти хорошеют. О нем этого не скажешь. Живой он был лучше.

Чудесный мальчик его сын. Мать заботливо поглядывала на него. Но он тоже держался превосходно.

После похорон я попросил представить меня жене Назыма. Удостоен был поцеловать ей руку и трижды облобызался с Мететом.

22 июня * Во время последнего загула, дней десять назад, творил немало чудес, а заодно потерял дневничок за несколько месяцев. (Впоследствии дневник нашелся. См. дальнейшие записи. — Г. М.) Жаль. Там записано несколько встреч — с Анной Андреевной, похороны Назыма. Плохо, что в дневничке есть и мысли недозволённые, не дай Бог, попадетсЯ в дурные руки!

Несколько дней сижу на даче. Перевожу, как хорошая машина, — строк по сто в день. Настроение спокойное, тихо показанное.

Корнилов сказал: «Всем положено писать стихи хорошие и плохие. Слуцкий каждый день садится за стол и пишет. А Самойлов свои плохие просиживает в ЦДЛ».

23 июня * Секреты мастерства знают только средние поэты. Крупные знают лишь один секрет — умение доверять вдохновению.

27 июня * Приехал в Вильнюс. Хорошо встречен Алисой Берман.

Вечером в «Неринге» — Межелайтис,⁵⁶ Марцинкявичус, Малдонис⁵⁷ с женами. Межелайтис непьющ и мрачен. Говорят — сильно испугался. Честолюбие государственное убивает поэта. Все трое честолюбцы. Самый скромный — Малдонис.

28 июня * В кафе сидят командировочные врачи, чем-то похожие на артистов. Сходные явления рождаются в сходных обстоятельствах: и врачи, и артисты в обычное время людям не нужны.

30 июня * Бродил по городу. Город красив и зелен.

Вечером сидели с Малдонисом в кафе. Хороший разговор с человеком, который все понимает.

Хмельные отправились к Межелайтису допивать. Жаль его. Он мучается и не знает, что лучше: уйти или приложить руку. Все же его рука будет помягче. Люблю этого человека и хорошо понимаю.

3 июля * Вчера ночью писались стихи. Днём спал. Вечером читал стихи на даче у Алисы.

4 июля * Выступал по телевидению.

7 июля * Утро провел на море с Межелайтисом.

Встретил И. Зверева⁵⁸ разговорчивого, осведомленного, неглупого и прогрессивного — типичный литератор нашего времени.

«Обсралис» — объединенный союз работников литературы и искусства.

10 июля * К вечеру приехал в Екобпилс.

13 июля * Как в том латышском Миргороде образуются люди вроде Тони или Саши Лалова? В них есть огромная жажда духовной жизни, точное чутье истинных ценностей, способность воспринимать прекрасное, бескорыстие, стремление к дружбе. Московские неврастеники воспринимают лишь трагизм бытия, потому что пресыщены процессом жизни. А эти люди мало думают о своем *месте* в жизни, они стараются украсить это место своими душевными достоинствами и всеми радостями, которые может доставить природа, искусство, общение с людьми.

14 июля * Поездка в Стабуладзу — к скале над Даугавой. Это место паломничества, оваянное национальной легендой и действительно исполненное дивной красоты. Здесь происходят ежегодные певческие праздники. Через год все это будет затоплено в связи со строительством ГЭС. Скала Стабуладзы плачет последними слезами.

17 июля * Весь день отсыпался в Мамонтовке.

Приезжал Виктор [Фогельсон]. Моя книга пропущена цензурой⁵⁹.

Володя Корнилов безумствует. Узнаю себя.

19 июля * Обстоятельства неустойчивые и меняющиеся. На протяжении времени видно, что посещение Манежа было лишь поводом и последующие события были импровизацией лишь по форме. Не думаю, чтобы был серьезный замысел или план, но в обстановке политической изоляции и внутренних трудностей надо было приструнить единственную прослойку, способную аккумулировать и выражать общественные настроения, — творческую интеллигенцию.

Любопытно, что удар пришелся не по самым оппозиционным, а по самым популярным.

Весь вопрос о поколениях состоит из проблемы *ответственности*, которую не обойти.

Конфликт с китайцами может привести к политической изоляции и «круговой обороне» в области идеологии. Тогда восторжествует кочетовщина. Вариант возможный.

Но это будет идеологическая диктатура очень узкой и бездарной группы.

Результаты этого неисчислимы и в обстановке обострения м[огут] б[ыть] положительны.

Впрочем, возмо[жен] другой вариант — смягчение отношений с Западом. Это вариант более либеральной политики в области идей. Он означает *status quo* в руководстве искусством и, следовательно, провал кочетовских атак. Символ этого варианта — Сурков.

Кочетовцы мечтают о маленьком 37-м годе, ибо понимают, что люди ортодоксального либерализма избивать будут жалеючи.

Нам повезло, что китайцы не отреклись от сталинизма и т. д.

23 июля * Долго и мирно разговаривал со Слуцким.

Он трезвее обычного оценивает обстановку. Жалуется на дурное самочувствие. И все никак не может избавиться от рефлекса деятельности.

Рассказывал о наследстве Хикмета. Бор. предлагает гонорары за стихи, посвященные Вере, выплачивать ей. Симонов резонно отвечает, что по этому принципу гонорары за стихи, посвященные Серовой, должны были бы доставаться ей. Он возражает.

Похороны Асеева⁶⁰ были малолюдны и скромны. Говорят, смертельно болен Всеволод Иванов. Старики уходят, потеряв надежду.

24 июля * Читал в «Новом мире» дневники и письма покойного Марка Щеглова⁶¹. Захотелось вновь думать о важном, главном, отряхнуть пыль с души и ума.

Давно не испытывал я сильного, острого чувства любви.

25 июля * Читал весь день Стейнбека⁶². Очень хорошо.

28 июля * Приезжал Яша Аким, славный, сбаятельный. Он то, к чему я иду, — приятельство, женщины, вино, полусон ума и чувств.

10 августа * В Мамонтовке. Полдня разговаривал с Сашей Межировым. Разговор его странен, причудлив и увлекателен. Читал ему стихи. Он: ты пишешь все лучше. Я не верю его общим оценкам, но очень доверяю мнению о *стихе*, о строчке. Стихи, которые он мне читал, закованны и пустоваты.

11 августа * Приезжали Любимовы и Гольды. Хороший день с неустанными разговорами. Ник. Мих. читал новую главу воспоминаний – произведение удивительное по материалу (о церковной музыке и пении) и написанное отличной прозой в манере, идущей от второй половины XIX века.

15 августа * Умер Всеволод Иванов. С Лялей поехали в Переделкино.

16 августа * Ездил в ЗАГС получать свидетельство о смерти. По паспорту ему семьдесят один год. В газетах пишут – шестьдесят девять⁶³.

Кома много рассказывал о последних днях Всеволода. Он умирал долго и сознательно. Подводил итоги. Ему снились сны, где он разговаривал с Богом. Трагическая судьба писателя заканчивалась оправданием перед Богом. Один из последних снов – трогательная фантазия о конгрессе писателей в Афинах и об Ахматовой.

Сны Всеволода и последние разговоры с ним Кома записал.

Кома – человек замечательного благородства и ума. Горе свое он переносит с огромным достоинством.

К вечеру со скульптором Слонимом⁶⁴ ездил снимать маску и слепок руки.

17 августа * Похороны Всеволода Иванова.

Поначалу мало народу. Часам к двенадцати начали прибывать люди. К гробу подошел Федин⁶⁵. Пальцы его рук извивались, как черви. Оксман⁶⁶ низко поклонился гробу.

Выжившая из ума старуха.

Бедная Маша – дочь Всеволода – неловко несла венки. Л. Ю. Брик, Ек. П. Пешкова,⁶⁷ Чуковский.

Федин втолковывает жене Паустовского, что читать письмо неудобно (Паустовский болен).

Речь Федина, чуть актерская. Тихонов. Хорошо говорил Асмус⁶⁸. С антресолей старого зала запел Козловский. Ту же песню пел он на похоронах Михоэлса.

На кладбище выступали Ираклий, Шкловский, Вашенцев⁶⁹. Прочитал я короткое стихотворение.

Было невыразимо грустно. Всеволода я очень любил. И очень люблю Кому.

20 августа * Новый рассказ Солженицына в «Н[овом] мире». Сильный. Растянутая и скучная поэма Твардовского⁷⁰. Что это? В опубликовании этих вещей есть привкус провокации. Все недоумевают. Кажется, все уже понимают, что дела плохи. Но нет сильной идеи, нет свежей души. И все притворяются, подличают и говорят слова, лишённые содержания.

Какая тоска!

2 сентября * В Коктебеле.

Здесь солнце, море. Множество знакомых.

7 сентября * Приходили Володя Лемпорт⁷¹ и Коля Силис⁷². Читал стихи. Они пели допоздна. Коля невероятно обаятелен.

9 сентября * Отличная погода. Чудное море. Живём рядом с Костей Рудницким и Таней Бачелис⁷³ дружным обществом. Постоянный треп.

10 сентября * У Коли Каретникова⁷⁴ слушал музыку XVI—XVII вв., потом бате в исполнении Диннера и Фишера. Веберна⁷⁵ я не понял.

14 сентября * Познакомился у Гольдов с Габричевскими. А. Г.⁷⁶ — простодушен, прекрасен, удивителен в своей безмерной человеческой доброте.

18 сентября * Встретил Аню Наль⁷⁷. Долго разговаривали с ней. Как умна эта девочка. Мало с кем я разговариваю с таким чувством полного понимания и поэтического единомыслия. В ней есть подлинная внутренняя сила и самоуглубленность поэта. Страсти расшатывают ее, но бессильны против нутра. Стихи ее кажутся мне замечательными. Корнилов, Бродский и она — истинные поэты нового поколения.

Есть еще Светлана, если не уйдет, не расплывется в благополучии.

Нет, этого не может быть!

20 сентября * С Гольдами и И. А. Кривошеиным⁷⁸ ходили на Кара-Даг.

21 сентября * Снова был у Габричевских. Старик чудесен. Таких больше нет. Вечером — у Мирели⁷⁹, где Понтекорво⁸⁰. Судьба его мне непонятна. Она — архаизм, или отчаяние современного гуманиста. Бог знает.

26 сентября * Разговор с Даниным⁸¹ о моих стихах. Он изображает человека, объевшегося поэзией. Впрочем, замечания по строчкам дельные.

30 сентября * Приехал домой. Сашка вырос. Красив и своенволен.

1 октября * Видел свою книгу⁸². Она мила.

2 октября * Два замысла: один давний, другой новый⁸³. Сцены о Пушкине и декабристах.

1. Пушкин и Пестель в Кишиневе.

2. Пушкин в Каменке. (Почему декабристы его «не взяли».)

3. Пушкин после казни дек[абристов].

Попробуй-ка подумать за Пушкина!..

Пьеса о 37-м годе, а по существу, о политическом опыте нашего поколения. Одно из лиц — нашего возраста, мы предвоенные и готовящиеся к эпопее, откладывающие счета «на после». Другое лицо — тоже мы, но уже с нынешним опытом (ему за сорок в 37-м году). Мы нынешние, но перенесенные в те времена. (Отец первого.)

Женщина (мать первого) — нравственные (м. б., религиозные) искания.

Партиец (догматик, еврей. Теория щепки. По сути несимпатичен. Жертва).

Кобозев — деятель нового типа. Стукач. Тот, кому 37-й нужен.

Говорили с Юрой Тимофеевым о нравственных исканиях современного человека. Сов[ременный] чел[овек] начинает понимать, что великим можно быть не на форуме, а дома.

Поиски религии и философии.

- 3 октября* * Русский интеллигент, вероятно, вновь вернется к богоискательству, а может быть, и к православию.
Пастернак пытался в 30-х гг. принять современность, а кончил «Доктором Живаго».
- 6 октября* * Исторический опыт нашего поколения огромен. Идея нравственного усовершенствования и духовной независимости выстрадана нами. Особенность этой идеи в нас состоит в том, что мы не утратили чувства гражданских обязанностей.
- 10 октября* * С Яном Speваком⁸⁴ и несколькими поляками ездил в Загорск.
Церковь богата. Но она не отбирает богатство у слабых сих, подобно государству, а приобщает их к своему богатству, через материальное (обряды) вводит в духовный мир. Государство же, отбирая богатство от человека, вместе с тем делает материальное идеалом, ибо духовное начало ему чуждо.
- 11 октября* * Читаю «Дневник писателя» за 77-й год. Немало отвратительного юродства. Но и гениальные прозрения в будущее России, боязнь победы «жидовства».
- 17 октября* * Приходила Наташа Горбаневская, маленькая замурзанная поэтесса, покровительствуемая Анной Андреевной. Рассказывала, как ездила в Ленинград, и читала стихи, подвывая, как Бродский, и делая рулады, как Ахмадулина.
В ее стихах, довольно талантливых, неприятное понятие о чрезвычайной ценности своей личности (внутреннее зазнайство). Это преувеличенное понятие ведет к ассоциативному кокетству. Слушая, старался, чтобы стихи мне понравились, но по-настоящему этого не достиг.
- 19 октября* * Приходили Виктор Соснора⁸⁵ и Миша Кулаков,⁸⁶ живописец.
Есть поэты духа и поэты материи.
Соснора — талантливый представитель второго. В нем много слов, но мысль плоска и прямолинейна, ассоциации внешние, нет трепетного силового поля, поэтому Сосноре противопоказана простота.
Впрочем, слушать его интересно.

Кулаков – настоящий художник, мужественно отстаивающий левую форму. Его гомеровский цикл чудесен.

Слушал песни Булата. Снова убедился, что это очень хорошо и намного выше всего интеллигентского фольклора.

23 октября * Приехал в Вильнюс с Тamarой Жирмунской,⁸⁷ Сергеем Поликарповым и пр.

Ездили в Тракай. Красота. Замок. Караимские домишки.

24 октября * Выступали в университете. Очень симпатично.

Пили с комсомольскими работниками. Они такие же, как вся молодежь, но похуже.

Читаю Вийона. Это не просто бунт плоти против средневековья. Это бунт духа против слабости, непрочности, тленности материи.

26 октября * Вести дневник стоит, только если ты абсолютно правдив.

27 октября * Шяуляй. Приятно выступали в очень хорошей школе. Молодые спорят о Солженицыне и спрашивают о Евтушенко.

2 ноября * Мешают работать. Поганое настроение. Поликарпов читал штук сто стихотворений, написанных за год. В нем много сил, и ему полезно писать много, полезно, как кровопускание. В стихах хорошее слово, темноватая стихия. В кристаллы выпадает редко. Все же мне он симпатичен. Пока он мужчина – он поэт.

3 ноября * Непроходящая простуда. Раздражительное состояние.

Звонил Борис, высказывался о книге. Драма ему не нравится по языку⁸⁸. Стихи за то, что относятся к «вечной поэзии». Нет, нам с ним не сговориться. В его игры я давно уже не играю.

Он: стихи написаны человеком, сбежавшим с уроков. А урок это наша поэзия.

Довольно точно.

Вечером поехали к Юре Кагану⁸⁹. У него – Кипса, физик Смородинский⁹⁰.

Познакомился с Кириллом Кондрашиным⁹¹ и его женой. В ней сразу почувствовал те же начала, что и во мне.

5 ноября * С Володей Огневом,⁹² Левитанским и Шуплецовым ездили в Переделкино. Были на могиле Пастернака. У нее вид заброшенный, может быть, потому что осень.

Обедали в ЦДЛ. Нежно встретился с Женей Евтушенко. Немного говорили с Казаковым⁹³ и Аксеновым. Оба по-разному мне симпатичны.

Я говорил, что у меня больше ума и характера, чем таланта. Кажется, Аксенов с этим бестактно соглашался.

9 ноября * Звонил Ник. Мих. Говорил о книге. «Цензор»⁹⁴ ему не нравится, пьеса, видимо, тоже. Об остальном говорил хорошо, даже хвалебно, сравнивая книгу с «Ранними поездками»⁹⁵.

Открытка от Сельвинского. Книжка «очень своя, очень свежая, а если пахнет чуть-чуть Пастернаком, то как лесной хвоей».

Все отсчитывают от Пастернака.

В раздражении на Бориса писал стихотворение «Емелька»⁹⁶.

12 ноября * Целый день в бегах. Вечер в «Современнике». Виделся с Булатом. Вышла книга переводов⁹⁷.

14 ноября * Был на «Бронепоезде» Иванова во МХАТе. Мертвый спектакль. Мертвый театр.

Ощущение надвигающихся событий. Страшновато.

15 ноября * Мрачное, давящее настроение. Стихи не пишутся. Вечером у Бориса Слуцкого.

Славный Межелайтис: «Они меня вытеснят в поэзию...»

Всем, всем пора так!

17 ноября * Ходил по книжным магазинам с Сашкой и Бор. Гр. Выступал с молодой поэтессой Кашежевой⁹⁸ в Доме учителя. Она способная, очень молодая, похожа стихами на Юнну Мориц. Аудитория любит молодых.

Был в гостях у Юры Тимофеева. Хорошая еда, славный разговор о религии и церкви.

Милая Ира Янская⁹⁹.

Юра окончит религией и пищей.

18 ноября * Читал добрую хорошую книгу Юры Левитанского¹⁰⁰.

Неловко и даже неприятно, когда хвалят мою книгу. Хочется провалиться под пол.

- 21 ноября* * С Юрой поехали к Межелайтису. Он в тяжком запое. Остался с ним.
- 22 ноября* * День в тумане с Межелайтисом. Приходят разные люди. Мы пьем. Эдуардас пьяный, добрый, потусторонний. Пьянством зарабатывает странное своей поэзии. Нутра нет. Честолюбив. И все же мил, порядочен.
- Приходила Белла, очень милая, блестящая как всегда. Потом — Юра. Поздно вечером с дикой головной болью приехал домой. Убит Кеннеди.
- 23 ноября* * Несостоявшийся вечер в МОСХе. Из МОСХа поехали к Силису и Лемпорту. Юра читал пародии. Булат спел несколько песен. Стихи его плохи.
- Звонила Ахматова.
- 26 ноября* * Пытался отправить Межелайтиса самолетом в Вильнюс. Нелетная погода, нелегкая работа...
- Вечером у Слуцкого — Петя [Горелик], Лена [Ржевская], Крамов. Дружественно и тепло. Говорили о расхожем вкусе XX века, который так же бессодержателен, как любой мещанский вкус.
- 27 ноября* * Дома. Работал.
- 28 ноября* * Отправили Межелайтиса в Вильнюс. Большой, в красивом берете, внешне импозантный. В отрешенных глазах, водянисто-голубых, — безумие.
- 29 ноября* * Анна Андреевна у Западовых. Прихварывает. Отвез ей книгу. Разговаривали часа три.
- Ум ее и остроумие несравненны. Я немного к ней по привычке, и говорить стало легко.
- Развивали ту же мысль о бессодержательном буйстве ассоциаций в искусстве XX века — буйстве от бедности и от страха.
- 30 ноября* * Утром были Бродский и Найман. Первый — крупное явление поэзии, правда, очень чуждое мне.
- Я говорил, что поэты классической поры осмеливались писать лишь в состоянии ясности духа. Поэты нашего века, эгоцентрики и сверхчеловеки, не стремятся к ясности духа, боятся ее, потому что в ясности обнаруживается нищета.

Бродский говорил, что мир реальный есть проявление мира ирреального. Что его потрясает сама беспорядочность образов, рождающихся в сознании поэта.

Едва ли мы поняли друг друга. Опасны его мысли, что поэзия ничего общего не имеет с областью *нравственного*. Конечно, мораль и поэзия не тождественны. Поэзия шире, чем мораль, и, может быть, где-то в идеале способна заменить мораль. Но отрицание связи между ними — та же степень неблагодарности, как отрицание связи между солнцем и светом, хотя понятие последнего гораздо шире и «всеобщее», чем понятие солнца.

2 декабря * Семинар переводчиков. Ю. Айхенвальд читал перевод Ростана¹⁰¹. Это порой лучше Щепкиной,¹⁰² но нет нового качества.

Читал Бродский, которого мучительно жалко, ибо в нем обреченность поэта.

4 декабря * Уехал в Кишинев с Поликарповым.

6 декабря * Полдня ехали автобусом в Бельцы по скользкой дороге. Чудное молдавское вино. Думал о Пушкине и Пестеле. Снег. Уютные домики молдаван. Мглистый свет.

Выступали с Сережей в Бельцах перед студентами.

Завтра тяжкий день.

Странная гостиница в Бельцах, где в коридорах спят старухи на раскладушках. Похоже на холерный барак.

8 декабря * Я впервые увидел Анну Ковальджи¹⁰³. Я отыскал ее случайно, хотя надежда увидеть ее была одной из главных причин поездки.

Великий дар откровенности, родственный таланту, снова пленил и глубоко тронул меня. Она говорила о себе просто, немного скорбно и удивительно ясно.

В который раз в жизни я ощутил беспомощность своих порывов и неумение дарить людям счастье.

10 декабря * С трудом выколотив деньги на телевидении, выехали из Кишинева. Провожали нас Бусуйок¹⁰⁴ и Балцан¹⁰⁵.

11 декабря * Приехал домой. Сашка плачет — подход бурундук. Все волнуются, ибо оказывается, что завтра я еду в Польшу. Корнилов читал замечательную поэму¹⁰⁶.

13 декабря * С опозданием прибыли в Варшаву — Ник. Корневич,¹⁰⁷ Павлычко,¹⁰⁸ Свяцкий,¹⁰⁹ Борисов¹¹⁰.

Было уже темно, когда пересекли Буг. Вошли пограничники, я услышал польскую речь. Она всегда волнует и пленяет.

Видел в окно станцию Седлец, которую не мог узнать¹¹¹. Варшава видна издалека по огням. Нас встречали Малиновский, Виталий Озеров,¹¹² находящийся здесь, и еще кто-то.

За ужином Озеров говорил, что время крикливых поэтов прошло, настает пора поэтов вроде Винокурова и меня.

Впервые ложусь спать в маленьком славном номере «Европейской гостиницы» в Варшаве.

14 декабря * Утром нас повезли в посольство, где чиновник, который едва ли годится в начальники пожарной охраны, давал нам инструкции.

Потом — в Союзе писателей. Малиновский, Левин¹¹³ и пр.

Тепло встретился с Земовитом и Федецким. Он хоть пижон, но неглуп, неплохо знает нашу поэзию.

В театре СТС видел забавный спектакль с Войтеком Семе-ном в главной роли. С удовольствием повидал его за кулисами несколько минут.

Вечером с Федецким отправились в тот же театр, где собирается нечто вроде клуба. Приятно, чуть провинциально (под Запад). Забавные любительские фильмы. Очень вкусный чай. Так я и не повидал Варшаву в первый день.

15 декабря * Сегодня утром в музее выставка Линке. Вторичное, босховское рациональное сумасшествие. Но талантливо. Несколько картин запоминаются и мучают.

С Павлычко были у славного Северина Поляка¹¹⁴.

Потом обедали у Стерна. Чудная, умная баба — Алиция¹¹⁵. Пришел Ольга¹¹⁶ с женой. Веселый треп. Позже был у Наталии Галчинской, уже пьяноватой и веселой. Наталья Модзалевская,¹¹⁷ дочь Галчинского Кира — некрасивая, прелестная.

За мной заехал Миша Геллер¹¹⁸. Впервые шли по городу.

У Миши в Праге.

16 декабря * Утром треп во «Вспулчесности». Потом телевидение.

С Дравичем¹¹⁹ пошли поглядеть жушевскую эстраду с программой из Галчинского.

На улице нагнали нас Слободняки¹²⁰ и замучили разговорами о Слободняках.

Впрочем, спектакль был очень славный, свежий, талантливый. Похож на хороший капустник, как многое здесь в Польше.

Мы с Павлычко с удовольствием поцеловали ручки стесняющимся примадоннам.

Павлычко – тип. Его раздирают тысячи страстей, и он неглуп.

Днем ходили по городу. Поздно выезжаем в Краков.

Во «Вспулч[есности]» познакомился с Гроховяком¹²¹. Встретился с Магушевским¹²².

*17 декабря * Краков.*

В 7 утра нас разбудил проводник. Вагон стоял на путях. Пешком мы вошли в Краков. Серый рассвет, графика заснеженных деревьев. Все это создало особое настроение, которое важнее для искусства, чем прочие впечатления.

Днем ходили по Вавельскому замку. Это ренессансное строение под снегом кажется странным и прекрасным. Внутри – превосходные гобелены.

Сверху, с холма, – черная, незамерзшая Висла. Белые берега и крыши.

Все остальное не нужно.

*18 декабря * Утром бродили по площади рынка. У собора продают новогодние елки, толкуются стаи сизых голубей. Каждый час трубач играет мелодию, прерванную татарской стрелой.*

Город запушен, заснежен.

В соборе роскошные витражи и алтарь гениального Вита Ствоша¹²³.

Вполголоса молится ксендз. Негромко играет орган. Холодно. Встреча с «Жицем литератским». Все хитрят. Честен один Рышард Новаковский¹²⁴.

Приемчик в местном Союзе писателей. Вечером – дурацкая оперетка.

*19 декабря * Ночью маялся сердцем. Сегодня торчу в гостинице.*

Приходил пожилой поэт Фрасик,¹²⁵ из бывших аутентистов (крестьянский скамандер).

Затем — Рышард Новаковский. Этот производит очень хорошее впечатление. Следы неизлечимой болезни и правдолюбие накладывают на него венец обреченности. Крестьянский сын, он умен, образован и порядочен.

Мои коллеги по делегации — честолюбцы. Николай Корневич, умный, образованный и осторожный. Типичный «спец».

Павлычко — темпераментный, яркий, талантливый. Плюс национальное честолюбие и грубая уязвимость украинца.

Озеров — либеральный деятель («после XX съезда»).

Свяцкий — ленинградский студент из первых учеников. Он много ест и лишен чувства юмора. Честолюбия, видно, тоже лишен, потому неинтересен.

20 декабря * Рано утром вернулись в Варшаву.

Обедали с Борисовым у славного Ольхи.

Вечером Миша Геллер заехал за мной и отвез к Виктору Ворошильскому¹²⁶.

Виктор, видимо, обрадовался мне. Я очень хотел его видеть. Он мало изменился. На милом его лице печать грусти, а в манере держаться — некая привычка к ответственности.

Он один из умнейших, честнейших и твердых людей здесь.

Очень хорошо поговорили.

21 декабря * Утром скучнейшее обсуждение вопросов переводческого искусства. Да и есть ли эти вопросы? С одной стороны, они — политика: что переводить. С другой — талант и опыт: как переводить.

Дикое количество встреч, разговоров, обедов и т. д.

Вечером у милого и скромнейшего Загурского.

Смертельно устал.

22 декабря * Опять множество встреч.

Интереснейший разговор с сыном Натальи Модзалевской — Каролом¹²⁷. Мыслящий трезвый молодой человек из марксистов новой, очень перспективной формации.

Любопытный спектакль в СТС — «30 миллионов». Славный, остроумный и талантливый театр — лучшее выражение всепольского капустника.

Ужинал у Стернов.

23 декабря * Мелкие дела. Со Спевакон — в «Искрах».

Интересный разговор с Дравичем во время обеда. Дравич — умный и, кажется, добрый человек.

Невероятное количество разговоров. Мы нарасхват.

Меня, кажется, покупают: Ермилов хвалит в «Лит[ературной] газете»¹²⁸. Не выйдет.

25 декабря * Приехал домой. Радость.

27 декабря * Выступали с Булатом и Юрой в Музее изобразительных искусств.

31 декабря * Новый год у Каменских. Пел песни трагический Лева Костин¹²⁹.

1 января * Вечером уехал в Ленинград.

2 января * Встреча со Светланой Евсеевой.

После выступления поехали с ней и с Пецей к актеру Гаю,¹ где чудесно пел еврейский болгарин (сефард) испанские и балканские песни.

Удивительное и прекрасное ощущение, заставляющее забывать о болезни и близкой смерти.

3 января * Целый день пробыл у меня Женя Евтушенко. Он талантлив, и в нем много сил. Читал очень яркие стихи. Он неглупая натура, но чуткая и необычайно щедрая. Пижонство его простодушно и не вызывает раздражения. Он с величайшим удовольствием несет бремя славы. (Заказывает Москву по телефону — «для Евтушенко», еду в ресторане «для Евтушенко»).

Эта жадность — неистребимая часть его характера, и не самая худшая, ибо жажда славы есть и часть его поэзии и является частью его жажды справедливости.

Наивность его гражданских понятий была бы ужасна, если бы не исправлялась необычайной эмоциональностью и словесным дарованием.

В общем, он мне понравился.

На литературном вечере чувствовали себя одинокими со Светланой среди Доризо² и Рождественских,³ плоских, самоуверенных и пошлых. Впрочем, Роберт добрый малый. Потребность выступать и срывать овации для него (и для Жени) род наркоманства.

Меня принимают хорошо.

16 января * Был у Анны Андреевны.

Я исправил ей строчку, а она подарила мне копию тышлеровского рисунка.

Говорила, что ценит четырех поэтов — Тарковского, Бродского, Липкина⁴ и меня.

Много говорили о Бродском и о его личных трагедиях.

24 января * Уехал в Шереметьево.

Днем приезжал Толя Якобсон.

Вечером — Шуплецов.

Долго и уютно сидели.

Недаром я говорю: одиночество легче переносить в компании.

25 января * Читаю дневники Блока удивительной, пронзительной точности, незнания (умственного) как жить и знания сердечного, осознания ничтожества окружения — и своей линии. Страх перед народом, и любовь, и ожидание, и мужественная жертвенность во всем: в политике, в любви, в здоровье. Великий дар откровенности. И мысль — правду (одну) говорят лишь таланты. А гениям доступна и неправда. (Возвышенный, а порой и унижительный обман, как у него с пьянством, с бабами и пр.)

26 января * Солнечный, ясный, холодный день. Небо чистое, но откуда-то летит редкий снежок.

С утра работал (с отвращением).

Ночью совсем разболелся. Сердце, трудно дышать. Болен я, видно, сильно. Пить нельзя, курить, может быть, вообще жить нельзя.

29 января * Литературный вечер с литовцами в университете.

Потом поехали в ЦДЛ. Ужинали с милым Малдонисом, Эдуардасом и Марцинкявичусом. Все они приятные люди.

Эдуардас не понимает, что поэзия его все более разжижается и становится пошлой, ложной и провинциальной.

31 января * Литературный вечер в Зале Чайковского. Море пошлости — Друнина, Кобзев, Поделков. Аудитория, которая все съедает (кроме Поделкова, впрочем).

Мы с Юрой, однако, прошли хорошо. Много записок.

Надо ли выступать? Впрочем, это единственная форма полемики с *этими*. И у меня нет никакого презрения к публике. В ней еще можно пробудить «чувства добрые» и, может быть, надо пробуждать.

5 февраля * Вечером приходил Юра Кнабе. Мы не разговаривали двадцать три года.

Он умный и вначале был предубежден, потому что думал увидеть во мне сытого и благополучного деятеля. Разговор был хороший. О двух «верхних» слоях общества — аппарате и цензовой интеллигенции. Оба слоя ненавидят друг друга и словно переплетены друг с другом и с народом. Боятся друг друга, но еще больше народа, пугачевщины.

6 февраля * Прочитал рассказы Кафки в «ИЛ»⁵. Я был подготовлен к восхищению, но это рациональное безумие, методическое выворачивание души и убийство в человеке гордости и достоинства мне неприятны. Поглядим, что такое «Процесс».

7 февраля * Прочитал поэму Беллы в «Юности»⁶. Как можно это ругать, одновременно вознося Новеллу Матвееву! Поэма эта («Родословная»), может быть, и не сильнее прочего, но в ней есть неисчерпанные резервы (и неисчерпаемые), тонкости сложного ума, трепетное живое пространство и щемящая любовь к людям.

Белла — очень большая поэтесса.

В связи с этим думал о себе. Как мало у меня осталось сил, как жесток, неартистичен мой стих, как коротко дыхание.

Бог знает что творят с Бродским! Его преследует милиция, блюстители нравов, фельетонисты. Он полубезумен, издерган, несчастен и способен только к одному проявлению — писать стихи. А от него требуют, угрожают, убивают... Чувство бессилия при виде его. Ибо он не может *внять совету*, не умеет владеть собой. И уже отчасти избалован идеей «избранности».

8 февраля * Солженицын пришел и сразу художественно обозначил новое поэтическое мировоззрение, которое лишь смутно брезжило во многих из нас. Нужен был этот гений, чтобы литература перешла в новый период своего развития, период, к которому принадлежу и я, вернее, всегда мечтал принадлежать и в нем хотел *начаться*.

Это литература, преодолевшая разочарование человека в формах общественной организации и потому психологически независимая от политической возни и не страшась угнетения, не угнетенная. Она не полемизирует с государством и не тратит себя на борьбу с его институтами или деталями. И не служит, не прославляет его.

Это литература чести и достоинства и, следовательно, надежды. Пора восстановить в человеке чувство независимости перед угнетением и бесстрашие перед духовным пленом. (После этих слов приписка Д. С., датированная 2 июля 1976 г.: «Так это же “Доктор Живаго”!» — Г. М.) Человек ценен в человеческих проявлениях, то есть в чести, достоинстве, уважении к ближнему, любви к детям и родителям. Через *нормальность* чести в обществе, потерявшем нормы, он возвращается к морали, следовательно, к ясности и свободе духа.

За ним остается свобода познания, счастье мышления и глубокое удовлетворение ощущением в себе моральных, человеческих начал. Обо всем этом и должна быть моя повесть. Она должна внушать *радостное* ощущение жизни.

(В Солженицыне только первая ступень — честь, независимость. Дальше идет — радость!)

Радость потому, что человек независим от смерти и угнетения. Вечные начала нравственности и познания, заложенные в нем, сильнее, чем временность его общественных условий. Принадлежа нравственности, он не боится временного и не чувствует себя обездоленным в рамках государственной субординации.

10 февраля * Холодно. Солнце сквозь морозную дымку. Блестит слюдяная пыль. Хорошо, что я за городом и один.

Переводил романсеро.

Читал «Новый мир». Рассказ Некрасова «Новичок» надуман и неправдив. Остальное — необязательно. Некрасов давно уже не писатель, а функция. В нашей литературе поведение стоит произведения. То же и о Паустовском — его мемуары пустая болтовня.

Но мы так грубо размежеваны, что можем принадлежать либо к «тому» либо к «этому» расплывчатому, куда принадлежит и провинциальный политикан-эстет Эренбург, и не менее провинциальный Боря, и фильм «Тишина», и великая Ахматова, и бездарный Роберт Рождественский, и Сурков, и Холин.

Есть еще третье — народ, которого боятся и те и другие.

Вечером Т. рассказывала ужасное о Холине⁷ и Сапгире⁸. «Те» уже настолько разложились и сами не верят, что Холин ходит в гости к Ермилову, а Ермилов устраивает на дому выставки лян-нозовских художников⁹.

Сытая интеллигенция в погоне за остротой (рокфор) чтит в Холине чуть ли не гения. За талант, за искусство принимают все, что так или иначе «непохоже» — даже грязь, чудовищный ци-

низм. Это потому, что им не нужно главного, что есть в искусстве, — надежды и познания.

12 февраля * Спор о путях и пр. Гидаш и Агнесса хотят, чтобы их идеал коммуниста сорокалетней давности был идеалом и для Солженицына. Не понимают *нравственного* значения этого писателя.

Гидаш набросился на меня за мысль о том, что на данном этапе общество должно преодолеть духовный плен, духовную зависимость, а потом уже оно сможет бороться за политическую свободу. Недооценивает демократические традиции, начала, столь мало развитые в России и т. д.

14 февраля * Читаю Станислава Лема¹⁰. У него маловато «фактуры», но умен.

Ю. показывала поэму Бродского о женщине, которая его оставила¹¹. Талант сумасшедший, раздражающий, избалованный и раздраженный, отрешенный от «меня», не желающий знать «меня», только лишь «свое», каркающий, свистящий поптычьему, — вот-вот обернется ведьмой и улетит на помеле.

Раздражение и жалость к нему. Я понимаю страдание, но в нем больше ценю стыдливость (тютчевское), чем несдержанность. Распушенность страдания. Страдание, которое сближает с человечеством (божеское), и дьявольское, отделяющее страдание уже не духовное, а физическое.

Человек, страдающий физически, уже только страшен. (Это и на фронте — тяжело раненные. Для повести!)

Думал о поэме. Она постепенно выстраивается. Пора, пора!

20 февраля * В повести нужна мысль: идеал нужно искать в будущем, а не в прошлом. Напр[имер], попытка вернуть к типу «комиссара Гражданской войны» — пустой романтизм и, в конечном счете, бутафория, ложь. Идеальное есть в сегодняшнем типе человека.

24 февраля * Бродский арестован. Бессмысленная и подлая жестокость. Настроение похабное.

Для успокоения писал воспоминания о Всеволоде Иванове.

27 февраля * Придумал рассказ о похищении Александра I марсианами — в духе Всеволода Иванова¹².

Тяжко из-за Бродского.

12 марта * Читал Казакова.

Это писатель настоящий, очень большой. Думал, как внешний облик не совпадает с тем, что содержится в книгах. Это и современников Пушкина сбивало с толку. А дело в том, что писатель должен читать в себе и в себе вычитывать весь мир. Каков он в общезнании, для него не важно. А когда важно, получается Слуцкий или Евтушенко. Талант — это умение точно воспроизвести свое *состояние* в его человеческой (значит, и всечеловеческой) сути. Этому только и следует учиться. Это умеет Казаков.

14 марта * На сцены о Пушкине и декабристах у меня терпения не хватит. Нужно написать короткий рассказ о Пушкине и Пестеле. В него можно уложить все главное — что Пушкин умнее Пестеля и противоречивее, и точнее его.

17 марта * У парикмахера Моисея Михайловича¹³ в кресле сидит Сурков. Он — явно на меня — рассказывает о суде над Бродским с возмущением. Потом:

— Меня считают убийцей Пастернака, а ведь я не голосовал за его исключение. Я вообще был против этого, хотя он и написал антисоветский роман. Это вы все голосовали, — говорит Сурков. Он явно отставлен от власти.

18 марта * Приходила жена ленинградского поэта Друскина¹⁴. Рассказывала о суде над Бродским. Типичный российский суд хамства и самовластия над поэтом.

Бродский держался с достоинством.

3 апреля * Конец прошлого и начало нашего века были временем резкого разделения философии. Одни философы, которые четверть века назад еще казались нам упадочными и вымирающими, а по существу, пророчески предвидели будущее, жили предощущением мировой катастрофы. Их предвидение порой паразитально.

«Вымирание государственно-правового и народно-правового сознания, бесправие и нивелирование индивида, террор внутри и войны вовне. — Грозно переплетается в грядущем современный кризис со страшными войнами между народами. — Спасение может прийти лишь из внутреннего мира человека». (Буркгардт¹⁵. 1905!).

Эта философия была чужда и презиралась людьми действия, революционерами, верившими в то, что искусственно, «сверху», путем совершенствования власти можно сделать человечество счастливым. Эти люди были сильны своей действенностью и бесстрашием перед народной стихией, энергию которой они надеялись направить в русло разумного преобразования общества. Они тоже были учеными и интеллигентами. Их бесстрашие обаятельно, хотя страх других, часто отталкивающий и мистический, нес в себе больше провидения и понимания путей истории.

Революционеры, как и впоследствии ученые-физики, надеялись заставить взрыв служить созиданию. История имеет свои непреложные законы и созидает медленно, готовя будущее и вынашивая его не только в экономической и политической сферах, но и в психологии человека. Революционеры незрелый плод принимали за зрелый. Философы страха видели в нем только яд.

Два человека сумели в России преодолеть страх и видеть будущее — это Толстой и Блок.

Первый раньше всех увидел нравственные пути спасения. Второй, предвидя катастрофы, умел быть бесстрашен перед народной стихией, чувствовал ее нравственные основания и был глубже революционеров тем, что, в отличие от них, не верил в конструктивные возможности любого государства.

5 апреля * Читал стихи Кульчицкого. Остались от него строфы, фрагменты.

Многого я не знал прежде. Душевной близости у нас не было. Хотя были мы в одной тесной компании, подчинялись одной дисциплине и я в него верил, а может, и он в меня.

Удивительный поэт рос. Он все чувствовал шкурой, и образ его пронзительно осязателен. Его образ зреее, и точнее, и трагичнее его смысла. Мы тогда еще верили государству и трагедию понимали как трагедию долга. Кульчицкий и в стихе многое открыл из того, что потом сделали Евтушенко и Вознесенский. По форме — он первый поэт новой школы, сделавшей органической интонацией эксперимент 20-х годов.

18 апреля * У мамы обнаружен инфаркт.

Все это тяжело.

Дикая усталость.

21 апреля * Был на «Добром человеке из Сезуана». Славный молодой спектакль с очаровательной героиней¹⁶. Потребность энергии и молодости в театре.

23 апреля * Хорошо выступал с Володей Соколовым в Ин-те языкознания.

28 апреля * Разговаривал в театре с Ю. Любимовым¹⁷ о нашей с Булатом комедии¹⁸.

Спор с молодым Коваленковым, обвинявшим наше поколение в узком профессионализме.

2 мая * Сидел дома, писал стихи. Хочется очень немногого: сидеть дома и писать стихи.

7 мая * Сдал книгу стихов в Гослит¹⁹.

Обедал с Юрой Давыдовым²⁰ на бегах. Хорошо говорили об истории русской революции и прочем.

Был в «Современнике» на пьесе Розова²¹ «В день свадьбы». Сентиментальная пошлятина с намеками. В сущности, весь театр в этом барахтается.

Очень хороша одна Оля Фомичева²². Сказал ей об этом и, кажется, обрадовал.

9 мая * Выступал по случаю Дня Победы в полупустом зале с бездарями. Сказал: может быть, и хорошо, что этот зал пуст. Мы слишком привыкли гордиться тем, что были на войне. Были, были. Если бы вам пришлось, вы бы тоже воевали...

Вечером — у Юры Левитанского. Звонили Булату в Ленинград, поздравили с днем рождения.

10 мая * Слушал магнитофонную запись миниатюр Солженицына. Читает он замечательно. По кругу идей и гражданскому темпераменту он ближе всего к Любимову. Слушая его, понимаешь, какая чепуха — модернизм и все эти формальные штучки и поиски. Почерк очень большого писателя. Огромное впечатление. Он один из немногих, с кем хочется говорить. Все остальные уязвлены, суетны и мелки. В нашей литературе есть, кажется, только Ахматова, он и Любимов.

13 мая * Читал запись процесса Бродского, одно из учебных пособий нашего времени²³.

Читал письмо Ф. Раскольникова Сталину²⁴.

14 мая * Прием в венгерском посольстве в честь Мештерхази²⁵.
Разговор с послом. С Мештерхази поехали к Рожанским слушать
музыку. Ранний Шёнберг²⁶.

15 мая * У Ляли операция. Сегодня восемнадцать лет со дня на-
шей свадьбы. Отвез ей цветы.

Вечером — Шуплецовы и Бор. Чайковский. Хорошо сидели.

23 мая * Вечером с Юрой [Левитанским] были у Ии Саввиной,
славной, неумной. В Юрке бездна скрытого, наивного, неудовле-
творенного тщеславия. После — в мастерской у Димы Сидура²⁷ —
какие-то чехи...

Возвращался ранним утром, когда город прекрасен и поют
птицы.

25 мая * Скверно с сердцем. Задыхаюсь весь день.

27 мая * Немного полегчало. Приходил Костя Богатырев. Мно-
го рассказывал о Романе Якобсоне,²⁸ которого считает гением.
Читал хорошие переводы из Рильке. Приятно и долго сидели.

Остальное время писал предисловие к книге Тувима²⁹. Он
поэт настоящий, но чем больше его познаешь, тем яснее его исто-
ки и его границы. В нем есть темперамент, ум, остроумие, сло-
весный дар, умение — и мало божественного, того, что у Пушки-
на есть даже в пустяках.

30 мая * Весь день неважно. Переводил Тагора, постепенно им
увлекся³⁰.

Приходил Влад, потом Шура Свири³¹.

Был Чайковский по поводу песенки. Все они славные.

Когда нет гостей, голова работает беспрерывно. Сколько бы
я сделал, если бы не любил долго обедать и пить коньяк!

Сегодня был вечер Ахматовой в музее Маяковского. А. А. не
присутствовала. Звонил Володя, который выступал. Говорил, что
Озеров всех занудил, что народу было мало. Писатели пошли на
Марлен Дитрих.

31 мая * Утром заезжал Чайковский. Он отказывается писать му-
зыку к сценарию Гранина, узнав о поведении его в деле Бродско-
го³². Всем бы следовало так поступать.

Борис человек образцовой порядочности и правил. Давно его люблю.

Со Слуцким поехали к Ляле. Она поправляется и совсем уже хороша.

Слуцкий довольно мил, пока не политиканствует. В частности, он старается преуменьшить дело Бродского, утверждая, что таких дел много. Чепуха.

Важно не только за что судят, но *кого* судят.

2 июня * Вечером фильм Лунгина и Нусинова – славный, первый у них³³.

После выпивали. Не знаю, что за человек режиссер Климов. Приятен. Очень понравился грузин Иоселиани³⁴ умным тостом.

Множество людей в ЦДЛ.

Хорошо работается все дни болезни, хотя и плохо дышится.

Постепенно увлекаюсь Тагором, чувствуя и познавая его величие и независимость от смерти.

6 июня * Приходил художник Зверев, талант замечательный.

Пил вечером с Левитанским и Смоленским в ВТО.

7 июня * Очень скверно дышу. Ощущение смерти.

Был у Ляли.

10 июня * Читаю Светониеву жизнь цезарей³⁵. Похоже.

11 июня * Пришел Чайковский. Шутя сочиняли песенку.

Думал о преодолении одиночества. Одиночество преодолевается в чувстве – любовь, вера в Бога (обряд), бой. Оно преодолевается, когда один или несколько выделяются из множества (любовь, цех, церковь, каста).

14 июня * В «Современнике» встретил Борю Любимова, затащил к себе. Потом пришли Влад, Наташа и Лиля Журкина³⁶. Шура тоже был.

Игорь Ицков³⁷ отлично импровизировал стихи на заданную тему. Любопытный малый. Проворен, как многие, но когда импровизирует, лицо становится отвлеченным, сумасшедшим.

9 июля * Похороны Маршака. Уйма народу. Он в гробу, на сцене, маленький, непохожий. Плачущий Твардовский.

13 – 20 июля * Довольно бесплодная неделя.

Стихи не пишутся. Суета. Семейные обязанности раздражают. Я приучил их всех к тому, что поэзия на последнем месте.

23 июля *

Нужно:

1) Перевести Антеоса (он был сегодня)

2) Молдаван

3) Путинаса³⁸

4) Межелайтиса

5) Тувима

6) Написать предисловие

7) Закончить воспоминания о Всеволоде Иванове.

Все до первого.

Коненков³⁹ говорит: «Искусство – место неогороженное, всяк туда лезет».

10 августа * Ужасная смерть Маши Кнорре⁴⁰.

12 августа * В жутком настроении уехал с молдаванами в Чебоксары.

Маша не выходит из головы.

16 августа * Вернулся в Москву после утомительной, пьяной и ничтожной поездки. Начальству я не понравился независимостью поведения. Больше я не участвую в этом идиотском фарсе.

17 августа * Неприятные объяснения по поводу моего поведения в Чебоксарах.

Ехал домой вечером. За рулем стало дурно. Теряя сознание, довел машину до дачи. Иногда кажется, что волевым усилием можно заставить себя не умереть.

5 сентября * Приехал в Коктебель. Множество знакомых. Побывал у Габричевских.

6 сентября * Заболел. По форме это простуда, а по существу – невероятная усталость, апатия и отказ от сопротивления.

14 сентября * Мучает тяжелая, непроходимая, нарастающая тоска, от которой некуда деться. Этой тоской только и питается

моя иссякающая поэзия. Полгода длится этот мучительный кризис, и нет сил с ним справиться, потому что для этого нужно сделать что-то решительное и важное, а я опутан, как Гулливер, делами, страстями, отношениями.

Хочется бежать.

22 сентября * Евтушенко дал мне новую книгу Межирова⁴¹. Саша умеет точно и убедительно изобразить придуманное состояние: взамен того, что было на самом деле. Это расхолаживает.

24 сентября * Все утро хорошо говорили с Сережей Наровчатовым.

25 сентября * Вчера — у Мананы Андрониковой⁴². Сегодня полдня с Мананой. Я читал ей отрывок о Всеволоде Иванове. Она говорила сначала об этом, потом о себе.

С острой грустью я думал о том, что никогда в жизни у меня не было интенсивных и проникновенных отношений с женщиной, что я всегда был один. Как бы то ни было, я был лишен того главного, что необходимо мне, и потому пьянствовал и блудил, и до всего доходил сам, и уже бессильный и растроченный пришел к стихам, которых написать не смогу.

26 сентября * Женя Евтушенко читал мне три стихотворения, пустых и метафорических. Он согласился с тем, что я сказал о них.

Тышлер, милый и наивный, как дитя, показывал замечательные рисунки о расстреле голубя и казни ангела, где он интуитивно и гениально угадывает суть всего.

14 октября * Две недели в Москве. Сделано мало. Уйма работы, с которой справиться я не в силах. Денег катастрофически нет.

Из всех многочисленных встреч только свидание с Комой порадовало. Остальное все известно.

23 октября * Писались стихи и прояснялось настроение. Произошла смена правительства⁴³. Какого она характера, никто не знает. Интеллигенция страшится, народ безмолвствует или матерится. Россия проходит свой заочный курс демократического воспитания.

24 октября * «Огни рампы» Чаплина. Одно из сильнейших впечатлений от искусства. Понимаешь, что прогресс формы — только подробность, только улучшение вкуса и совершенствование деталей. Главное — это прогресс сути искусства, т. е. внедрение в глубь исконно человеческих понятий. Целая эпоха может быть названа чаплинской. Его человечность питает и неореализм. Ни философия нашего времени, ни социология, ни — даже — литература не выразили так ясно, пронзительно и доступно для всех идею доброты и человеческого сопротивления мертвым нормам государства. Эта идея овладела огромным кругом художников, но, ратуя за маленького человека, они слишком тонки, чтобы быть ему понятными. Чаплинский смех и его грусть глубоко и художественно демократичны. Он — образцовый художник нашего времени.

25 октября * Поэтические книги, которые я прочел за последнее время, свидетельствуют, что предыдущий период поэзии окончился. Потуги Слуцкого и его ретроспективный пафос — скучны и жалковаты. Булат неумен. Вознесенский холоден и пац. Все они тшятся доказать, что что-то знают и стараются подмигнуть читателю.

Надо же ясно и прямо сказать, что мы ничего не знаем и в том равны с читателем.

Единственный способ писать стихи — это лечь на диван и прислушаться к тому, что происходит в тебе. И наиболее точно и просто изложить свое состояние. Оно и есть состояние человечества, если ты принадлежишь ему и не сбит с толку предубеждением, тщеславием или идеей субординации.

20 ноября * Утром с Леной Малыхиной⁴⁴ прилетели в Будапешт. Дурные предчувствия мучили меня, но все, кажется, благополучно.

Агнесса и Мартынов встречали нас. Весь день отсыпался, почти счастливый, что никто не мешает быть одному, что все дела остались в Москве. Вечером — скучноватый банкет. Неимоверно пошлый и отвратительный Лесючевский⁴⁵. Очень славный Гидаш. Родственно мил Мартынов. Мы как-то стали с ним ближе последнее время.

21 ноября * Утром гулял по городу, впервые чувствуя его не музеем, а обиталищем. Мештерхази живет в древнем доме, в ста-

ринном и прекраснейшем уголке Буды. Дому его лет триста, а то и больше. Даже кошки во дворе там особенные. Впрочем, хозяин, ласково нас встречавший, высказывал мысли современные, а порой и странные. В частности, он утверждал, что присутствие наших войск благотельно для Венгрии, ибо позволяет ей меньше издерживаться на военные нужды. Говорил он еще, что голову поднимают «левые». Оказалось, что это прокитайские элементы в партии. Разговор не был особенно откровенным, хотя Лайош довольно подробно и со знанием рассказывал о жизни разных слоев венгерского общества. Пятьдесят процентов коллективов в деревне живут прилично. В некоторых хозяйствах вблизи Будапешта доход отдельных семей составляет до 100 тыс. форинтов. Нет бегства в город.

Рабочий в среднем получает 1000—1200 форинтов. Для молодых и малосемейных это достаточно. Богаты врачи. Бедны учителя. Среди ремесленников и мелких торговцев есть весьма богатые. Наличие частного сектора — одна из причин коррупции и т. д.

Вечером у Гидашей большой спор о воспоминаниях Антала о Фадееве. Я довольно резко высказался о них. Гидаш и, особенно, Агнесса подробно объяснили мне, что в них сказана правда о времени, до сих пор никем не сказанная. Преувеличение значения Гидаша и глубокая занятость собой им свойственны. Взаимное восхищение связывает их с Мартыновым. Впрочем, они не дурные люди, умные, но с большим грузом политических и человеческих связей, преувеличенное понятие о которых часто мешает им прямо и честно взглянуть на себя.

Спор наш, весьма горячий, не окончился ссорой.

Мы мирно отправились с Мартыновым домой — пешком по дунайскому мосту. Дунай тускло и серо светился внизу. В спину нам дул сильный и влажный западный ветер.

22 ноября * На каждой маленькой площади памятник великому человеку. В Венгрии, видно, было очень много великих людей.

Россия своих великих людей ценит меньше. Вся ее история — ломка, отказ от вчерашнего: Петр Великий, революция. Вчерашнее мы ломаем. Поэтому в Москве, городе с 800-летней историей, старина есть только в Кремле. Церкви разрушены или рушатся, ансамбли прошлых веков исчезают. Маленькие нации берегут свое прошлое, как доказательство своего права на существование.

Вечером был у Гидашей. Гидаш и Мартынов, как обычно, не поинтересовались моими стихами. Агнесса согласилась их послушать, когда они ушли в театр.

Мы снова врезались в спор политический. В политических спорах с Гидашами я всегда ощущаю не желание добиться истины, а некую систему самооправдания. Понимая все, когда речь идет об истории или о других людях, они не желают честно глядеть на себя. Все же мы не поссорились. Ссориться начали с Агнессой уже по телефону. Она упрекала меня, что я ношу шлейф Ахматовой. Может быть, но я делаю это раз в год. И это все же лучше, чем носить мартыновский анализ мочи.

23 ноября * Сегодня снова гуляли мы с Леной по городу. По новому мосту, легкому и красивому, перешли в Буду, где святой Геллерт, некогда сброшенный с горы за верность своим убеждениям, «встретил» нас. Мы пошли по набережной, поднялись на Рыбачий бастион, откуда в дыму виден весь нижний город. В соборе Святого Иштвана пусто и холодно. Есть улица Святого Иштвана и площадь Святого Иштвана. Рядом улица Ленина. Мы бродили по Буде, где три четверти зданий охраняются как сокровища архитектуры. Рядом с ними, не портя ансамбля, встроены современные особнячки. В старых зданиях живут. Там продается мебель. Красоты это все необычайной. Мы пообедали с Леной в плохонькой столовой, где подают бульон с лапшой и мозги, где обедают школьники и [куда] бедные старухи приходят с судками за едой.

К вечеру пришел Иштван Шимон,⁴⁶ очень славный. Мы отправились в корчму «Орион», где ели цыганское жаркое на деревянной тарелке, прибитой к подносу, и пили пиво, палинку и вино.

Пьяная шлюшка Ибике подседа к нам, и мы пили с ней. Потом подседа военные, и мы пили с ними. Потом поехали в кафе, где еще состоялось множество полезных знакомств.

За один вечер мы лучше узнали Будапешт, чем Гидаш за пять лет.

27 ноября * В кондитерской, устроенной в подвале бывшего здания ГБ, беспорядочный спор Мартынова, Ийеша, Гидаша, в котором я принимал малое участие, будучи по настроению скорей на стороне Ийеша. Он разумно утверждал, что любые «измы» преувеличивают один какой-нибудь принцип Аристотелевой эстетики. Дальнейшее утверждение: что нынешняя поэзия по характеру не должна быть лирической и самовыражающейся (такая

изжила себя в Верлене, Рембо и Малларме), а должна быть выражением коллективного сознания.

Мартынов требовал предельной искренности, имея в виду себя. Я сказал, что в условиях современного общества поэт, желающий участвовать в реальном общественном процессе, не может быть стопроцентно правдив, но зато *обязан* сознавать всю меру неправды, которую несет его поэзия. Не должно быть самообмана. Каждый говорил о своем.

28 ноября * В Институте связей нас принимала прелестная Эльза, у которой сквозь любезную непроницаемость глаз вдруг мелькают женственные искорки.

Вечером в «М vOz» ужинали с Ференцем Юхасом,⁴⁷ Ласло Надем,⁴⁸ главным редактором «Европы», и их женами.

С Юхасом, при полной взаимной немоте, мне приятно, потому что я его понимаю и ощущаю.

Вообще же все они бывшие деревенские паренки, ставшие городскими неврастениками, почти безумцами, переполненными самыми различными комплексами, и задыхающиеся в атмосфере национальной самообороны (мы — маленькая нация!), уязвленности, страха перед катаклизмами, гордыни и прочего.

Воздух Москвы кажется вольным и просторным здесь, в большой столице маленькой страны.

Все же, несмотря на комплексы, мне нравятся и Юхас, и Эржбет, его жена какой-то отрешенностью от корысти и подлинной поэтической гордостью — всем тем, что связывает меня с каждым подлинным поэтом узами особого космополитического родства.

На этот раз в Будапеште я научился видеть венгерских писателей собственными глазами, а не глазами Агнессы. И понял, что дом Гидашей тоже заражен уймой комплексов. Если бы я был романистом, я описал бы этот дом, где целеустремленная воля Агнессы перекраивает, а порой и ломает характеры в безудержной мании самоутверждения, порождающего ложь, сочетающуюся со страхом, завистью, зазнайством, слепотой, умом, искренностью и Бог знает чем еще.

Все это воплощено в характере ярком, талантливым, в уме сильным и ясным.

2 декабря * Приехали в Москву, просидевши в Одессе и в Киеве, — поездом. Знакомство с Норой Шомоди и Одиссеем Ахилле-совичем Димитриади⁴⁹.

- 14 декабря* * Таня Каменская⁵⁰ позвонила: «Мы все хихикаем. А должны быть счастливы, что живем рядом с тобой». До слез.
- 19 декабря* * Очнулся, словно вышел из тумана. У М.С. Петровых работал над Тувимом⁵¹.
Обедал с Борей Грибановым.
Вечером – у Симисов, где Стефан Кленович,⁵² привезший письмо от Виктора⁵³.
- 20 декабря* * День поэзии. Два выступления (в МИИТе и ЦСУ). Оскоми́на от стихов.
Чуть легче. Внутренняя тошнота разделяется на слои, из общей смутности откристаллизовывается и проясняет причины.
- 26 декабря* * Наконец уехал в Таллин, по существу бросив все дела и без достаточных денег. Мама меня поняла и одобрила внутренне.
Перед этим были все те же мутные дни.
Интересное – разговор с Ал. Яшиным у меня, после выступления. Это человек выдающегося чувства правды, необычайно тонкая натура, подлинный самородок. Я все более ценю его и начинаю любить лично. Он пуповину свою перегрызает сам.
Вчера пятидесятилетие у Жени Ласкиной, где было пестро, но много людей, мне приятных: Женя с Галей, Хароны⁵⁴ и Лешка Симонов. Женя – чудесная, мужественная и добрая натура.
- 27 декабря* * В Таллине. Меня встретил Яан Кросс,⁵⁵ с которым сразу заговорили, как будто виделись вчера. Снова обнадеживающее чувство населенности земли поэтами. Яан – умный, благородный и собранный человек.
Заходил Уно Лахт,⁵⁶ англоман, очень собой занятый, в сущности, провинциальный, усердно организующий себе духовную жизнь. С ним – общение.
- 28 декабря* * Рано утром звонил домой. Очень скверно, подорванно чувствую себя.
Уно повел меня на генеральную репетицию «Вестсайдской истории» Бернстайна⁵⁷. Это образцовая современная опера, прекрасно поставленная учеником Пансо⁵⁸. Много мыслей о молодежи, о том, что, не питаясь большой идеей, они склонны к восприятию ненависти. Порой эта ненависть слепа, но честна.

Читал воспоминания о Лермонтове. Захотелось написать о его дуэли и смерти.

К вечеру пошел в гости к Кроссам. Эллен⁵⁹ – милая, добрая. Чудные дети – Томас и Мария. У них отдыхал душой, отгаивал, чувствовал себя у своих.

Бернстайн написал современную «Ромео и Джульетту». Там, у Шекспира, ведь тоже крик о бессмысленности ненависти.

29 декабря * Читаю воспоминания о Лермонтове. Он – анти-под Пушкина. Поэзия Лермонтова – всегда молитва, мольба, исповедь или обличение. Она поэтому всегда к кому-то обращена. Его одиночество, которое всегда рядилось в независимость, по существу, зависимо от того, к кому обращено.

Поэзия Пушкина есть чистое выражение духовного опыта, опыта чувств и мыслей. Он зависим, когда этот опыт накапливается, он не может его не накапливать, ибо рожден его выражать. Но выражая, он независим. Он ни к кому не обращается с жалобой или с мольбой. В нем богоравное достоинство творца.

Целый день трудился над письмом к А. Пэну,⁶⁰ бездарному израильскому стихотворцу.

Обедал с Кроссами.

Настроение чуть проясняется. Раздражение проходит. На дне его – дурное самочувствие и род раскаяния.

30 декабря * Трудился. Стало лучше.

Обдумывал эссе об Ахматовой.

КОММЕНТАРИИ

В. И. Тумаркин при участии М. В. Ефремовой

Дневник, который Давид Самойлов вел на протяжении всей жизни, оказался востребован автором. При работе над книгой автобиографической прозы «Памятные записки» сделанные много лет назад записи стали бесценным подспорьем. То, что поэт серьезно работал с дневником, подтверждают не только прямая ссылка — глава «Из дневника восьмого класса» — но и отдельные выражения из других мест, целиком перенесенные в книгу. О многих людях и событиях, описанных в дневнике, в книге рассказано достаточно подробно. Ни пересказывать самойловский текст своими словами, ни цитировать «Памятные записки» в комментариях не представляется целесообразным, однако большое количество отсылок к книге неизбежно.

При подготовке комментариев почерпнута информация из изданий:

глава «Самойлов» библиографического указателя «Русские писатели. Поэты. Т. 22» (СПб.: РНБ, 1999);

комментарии Л. К. Чуковской к книге «Записки об Анне Ахматовой» (М.: Согласие, 1997);

указатель имен Л. А. Абрамовой при участии Е. Ц. Чуковской и Д. Г. Юрсова к дневнику К. И. Чуковского 1930—1969 (М.: Совр. писатель, 1995);

комментарий А. Ю. Даниэля к книге писем из заключения и стихов Юлия Даниэля «Я все сбиваюсь на литературу...» (М.: Об-во «Мемориал»; изд-во «Звенья», 2000);

справочник «Писатели Москвы» (М.: Моск. рабочий, 1987);

биографический словарь «Русские писатели 20 века» (М.: Большая Рос. энциклопедия; Рандеву—А.М., 2000);

Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия (компьютерное издание, 2001).

Использованы также отдельные примечания Н. П. Мирской к публикациям отрывков из дневников в журналах «Литературное обозрение» (1990, № 11 и 1992, №№ 5—6 и 7—9) и «Знамя» (1995, №№ 2 и 3).

Однако комментарии были бы гораздо беднее без помощи и консультаций многих неравнодушных к Самойлову людей. Это составители книги Г. И. Медведева и А. Давыдов, И. З. Белобровцева, И. А. и Ю. В. Богдановы, В. И. Глоцер, Ю. П. Гусев, А. Ю. Даниэль, О. С. Дзюбинская, Г. И. Ефремов, Ю. М. Живова, Н. А. Котова, Н. Р. Малиновская, Е. И. Малыгина, С. Л. Новикова, Е. М. Ржевская, А. В. Сивцов, К. Я. Старосельская, С. Г. Тихоцкий, В. А. Хорев, А. С. Черняев, С. А. Шерлаимова... список можно продолжать и продолжать. Всем им сердечная благодарность.

Использованные сокращения:

- Д. С. – Давид Самойлов.
- АСП – *Солженицын А.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996.
- ЗАА – *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В трех томах. М.: Согласие, 1997.
- ВЛ – журнал «Вопросы литературы».
- ДН – журнал «Дружба народов».
- ИЛ – журнал «Иностранная литература».
- ИП – *Самойлов Д.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
- ЛА – *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Вильнюс-М.: Весть, 1992.
- ЛГ – Литературная газета.
- ЛО – журнал «Литературное обозрение».
- НМ – журнал «Новый мир».
- ОК – *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. М.: Книга, 1980.
- ПЗ – *Самойлов Д.* Памятные записки. М.: Междунар. отношения, 1995.
- ПИ – *Чуковская Л.* Процесс исключения. М., Междунар. ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990.
- ПС – *Якобсон А.* Почва и судьба. Вильнюс-Москва, 1992.
- СИБ1 – Сочинения Иосифа Бродского. Т. I. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.
- СИБ2 – Сочинения Иосифа Бродского. Т. II. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.
- ТГУ – Тартуский Государственный университет.

ПОДЕННЫЕ ЗАПИСИ

1934

- ¹ *Острецов Георгий Васильевич, далее Жорка, Жоржик, Джорж и т. д.* (1919–1984) – друг Д. С. еще с дошкольных времен, профессор. Подробнее о нем см. ПЗ, с. 96–100.
- ² *Виноградов Федор Федорович* – учитель математики в школе № 19. Более полно о нем см. запись в дневнике 14 января 1935.
- ³ *Люська – Дорошенко Елена Алексеевна* (1920–1998) – подруга Д. С. с детских лет, д. ист. н., востоковед, соседка по дому на Александровской площади (ныне пл. Борьбы). О ее семье см. ПЗ, с. 29.
- ⁴ *Тямкина Марфа Ефимовна (1890?–1974)* – домработница. Пришла в семью Кауфманов в 20-х годах и прожила в доме почти пятьдесят лет, став членом семьи.
- ⁵ О своих родственниках Д. С. написал в ПЗ (главы «Квартира» и «Сны об отце»).
Отец – *Кауфман Самуил Абрамович* (1891–1957) – врач-венеролог.
Мать – *Кауфман Цецилия Израилевна* (1895–1986). *Тетя Лидия* – старшая сестра матери Д. С. В 1921 г. после окончания войны с Польшей уехала с мужем и детьми в Варшаву, оставив квартиру Кауфманам. Погибла в Литве во время войны.
- ⁶ *Софья Ивановна* – учительница французского языка.
- ⁷ *Пукерман Григорий Соломонович* – двоюродный брат Д. С., живший с ним в одной квартире.
- ⁸ ...к старой знакомой, в тот дом и квартиру, где я некогда родился. – Речь идет о Надежде Николаевне Кокушкиной, хозяйке квартиры на Старой Божedomке (ныне ул. Дурова), см. ПЗ, с. 17–19.
- ⁹ *Светлов Михаил Аркадьевич* (1903–1964) – поэт. Цитируется стихотворение «Лирический управдел» (1926):
...Ах, это, поверьте, не отблеск камина –
Теплушечный дым над степями заплывал.
Пред нами встает боевая равнина
Огромною комнатой смерти и славы.
Артиллерийская ночь наготове,
Ждет, неприятеля подозревая...
Атака! Я снова тобой арестован,
Тебя вспоминая в теплушке трамвая.

Об отношении к Светлову зрелого Д. С. см. в рецензии «Последняя книга Михаила Светлова» (ЛГ, 08.12.1966) и в заметке к 80-летию Светлова «Стих надо холить и лелеять...» (Пионер, 1983, № 6).

- ¹⁰ *Зигель Феликс Юрьевич (1920–1988)* – друг Д. С. со школьных времен, астроном. Его памяти посвящено стихотворение «Вот еще один ушел...» (26.11.1988).

- ¹¹ *Елизавета Ивановна* — учительница истории в школе № 19.
- ¹² *Вероятно*, имеется в виду Илья Григорьевич Кривошапкин, писатель и педагог, автор работы «Литературное творчество детей среднего и старшего возраста» (М., 1945).

1935

- ¹ *Наташа* — Корнфельд (в замужестве Матвеева) Наталия Яковлевна, (р. 1921) — подруга Д. С. со школьных лет, архитектор. О ее семье см. ПЗ, с. 95–96.
- ² *Вовочка* — Рожнов Владимир Евгеньевич (1918–1998), друг Д. С. со школьных лет, профессор-психотерапевт. О нем см. ПЗ, с. 89–90.
- ³ *Червик* — Алексей Червинский, школьный товарищ Д. С. О его судьбе см. ПЗ, с. 88–89.
- ⁴ Стихотворение не сохранилось.
- ⁵ *В. Г-ич* — Ян (настоящая фамилия Янчевецкий) Василий Григорьевич (1874/75–1954), прозаик, друг семьи Кауфманов. О нем см. главу ПЗ «Василий Григорьевич».
- ⁶ *Шенгели Георгий Аркадьевич* (1894–1954) — поэт, переводчик, автор исследований по теории стиха.
- ⁷ Из исторической поэмы «Жакерия» сохранился отрывок. Не опубликован.
- ⁸ *Шепелев Александр* — одноклассник Д. С. в школе № 19. О нем см. ПЗ, с. 95.
- ⁹ Стихотворение «Песня о Чапаеве» не сохранилось.
- ¹⁰ Д. С. принял за редактора консультанта Мееровича (см. ПЗ, с. 86).
- ¹¹ *Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873–1945) — прозаик, драматург. Повесть «Странники» до 1935 г. была издана в Ленинграде с подзаголовком «Роман» в 1931 и 1932 гг.
- ¹² Романтическое стихотворение «Сон» не сохранилось.
- ¹³ «*Только грядущее — область поэта*» — строка из стихотворения В. Брюсова «Юному поэту» (1896). Д. С. писал, что это стихотворение он «полагал обращенным именно к себе и наивно отвечал: «Ты мне, учитель, даешь три совета, // Первый приму, а с двумя не согласен» (см. ПЗ, с.18).
- ¹⁴ С этой записи начинается сохранившаяся часть следующей тетради дневника. Первые страницы тетради вырваны.
- ¹⁵ *Джерманетто Джованни* (1885–1959) — итальянский писатель, коммунист, избирался в ЦК ИКП. В 1930–1946 гг. жил в СССР. «Записки цирюльника» (1930) — автобиографическая повесть.
- ¹⁶ По седьмой класс Д. С. учился в 19-й трудовой школе-семилетке им. В. Г. Короленко (Б. Каретный пер., 18). Затем он перешел в школу №24 на Садово-Самотечной улице (на ее месте находится сейчас Театр кукол

им. С. Образцова). Острецов и Зигель ушли в образцово-показательную школу № 1 им. Горького в Вадковском переулке (ныне 204-я — на углу Тихвинской ул. и Сушевского вала), куда через год переманили и Д. С.

- ¹⁷ *Пуццлло Владимир Петрович* (1920—1995) — товарищ Д. С. в школе № 24, инженер, педагог, к. т. н.
- ¹⁸ *Беркли Джордж* (1685—1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма. В «Трактате о началах человеческого знания» (1710) утверждал, что внешний мир не существует независимо от восприятия и мышления: бытие вещей состоит из их воспринимаемости.
- ¹⁹ «*Два друга у меня...*» — Д. С. имеет в виду Г. Острецова и Ф. Зигеля.
- ²⁰ *Черкез Наталия Михайловна* — генетик.
- ²¹ ...*специальное место*. — Речь идет о тетради с выписками из философских и научных трудов, а также художественных произведений, сохранившейся в архиве.
- ²² Звания в армии были введены на Седьмом съезде Советов СССР в 1935 г.
- ²³ *Тихоцкий Сергей Геннадиевич* (военный инженер) и *Курбатов Борис Александрович* (врач) — одноклассники Д. С. в школе № 24.
- ²⁴ *Уеда* — школьная кличка Бориса Уединова, соученика Д. С. в 19-й и 24-й школах. О нем см. ПЗ, с. 92—93. Впоследствии он был главным механиком бутырского дорхимзавода.
- ²⁵ Как следует из шутливой автобиографии Д. С. в книге «В кругу себя» (Вильнюс; Москва: ВИМО, 1993), речь идет о Татьяне Циколовской, далее Т. Ц.
- ²⁶ ...*две девочки*. — Ольга Воскресенская и Нина Строева.
- ²⁷ *Гиришфельд Герман* — студент МАДИ, вожатый в школе № 24.
- ²⁸ *Разуваева Маргарита*, далее *Ритка* — одноклассница Д. С. в школе № 24.
- ²⁹ Отражение — одно из основных понятий материалистической теории познания.
- ³⁰ *Троицкий Владимир* — одноклассник Д. С., в школе № 24, геолог.
- ³¹ «Светлый ручей» — балет Д. Д. Шостаковича.

1 9 3 6

- ¹ «Чарли» — брюки, чрезмерно расширенные снизу.
- ² *Введенский Александр Иванович* (1888—1946) — идеолог и митрополит русской обновленческой церкви. Публичные диспуты наркома просвещения А. В. Луначарского с Введенским на тему религии устраивались во второй половине 20-х годов и неизменно собирали полные аудитории. Атмосферу этих диспутов хорошо передал В. Шаламов в «Четвертой Вологде» (См. Шаламов В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. С. 105—111.).
- ³ *Слепян Виктор* — одноклассник Д. С. в школе № 24, генерал-майор, служил в комендатуре г. Москвы.

- 4 *Е. В.* — Можаровская Евгения Васильевна, приемная дочь В. Г. Яна, театровед, приятельница семьи Кауфманов. О ней см. ПЗ, с. 101–102.
- 5 *Семенов Ярополк* — поэт, критик. Об этой и последующих встречах с ним см. ПЗ, с. 102–104.
- 6 «Спартак» — драма в стихах, переделка одноименной повести В. Яна. Сохранившийся отрывок не опубликован.
- 7 Стихотворение «Блуждания» не сохранилось.
- 8 *Кирсанов Семен Исаакович* (1906–1972) — поэт, ученик Маяковского, входил в «Леф». Д. С. познакомился с ним уже после войны (см. главу «Кирсанов» в ПЗ).
- 9 Книги древнегреческих историков Ксенофонта и Полибия Д. С. нашел на книжной этажерке Острецовых (см. ПЗ, с. 99).
- 10 *Шлегель Виктор Андреевич* — учитель физики в школе № 24. Писал стихи и пьесы, которые ставились в школе. В конце учебного года был изгнан за пьянство.
- 11 *Менделе Мойшер-Сфорим* (1836–1917) — классик еврейской литературы (на идише).
- 12 Строительство Центрального театра Советской Армии на пл. Коммуны было завершено в 1940 г.
- 13 *Крындиевская Анастасия Романовна* (1865–1938) — писательница, автор книги «“Ничтожные” и другие рассказы» (М., 1905).
- 14 *Я с радостью покидаю эту школу.* — Д. С. собрался переходить в образцово-показательную школу № 1 им. Горького.
- 15 «Эстетические отношения искусства к действительности» (С-Пб., 1855) — магистерская диссертация Н. Г. Чернышевского.
- 16 *Любочка* — Никитина Любовь Владимировна, учительница литературы в школе № 24.
- 17 Николаевский Б. И. *Конец Азефа*. Л.: Госиздат, 1926.
- 18 *Говен* — персонаж романа В. Гюго «Девяносто третий год».
- 19 Текст новой конституции опубликован в «Правде» 12.06.1936.
- 20 *Безыменский Лев Александрович* (р. 1920) — друг Д. С. со школьных времен. Ифлиец, участник войны, к. ист. н., журналист-международник, прозаик, публицист.
- 21 *Маркович (в замужестве Лунгина) Лилиана Зиновьевна, далее Лиля, Лилька* (1920–1998) — подруга Д. С. со школьных лет, организатор регулярных сборов одноклассников, переводчица.
- 22 *Чириковер Эсфирь, далее Эська* (1920–1944) — подруга Д. С., одноклассница в школе № 1. В архиве Д. С. сохранились ее стихи.
- 23 *...сижу у дядюшки на даче.* — Брат матери Д. С. Моисей Израилевич Цукерман имел дачу в Лианозово.
- 24 *Только с Пуццлло я не разойдусь...* — Общение продолжалось менее года (см. запись в дневнике от 2 марта 1937 г.). По свидетельству С. Г. Тихоц-

- кого, о том, что их одноклассник Дезик Кауфман и поэт Давид Самойлов — одно и то же лицо, они узнали только после смерти Д. С.
- ²⁵ *Нахожусь у другого моего дядюшки в Серпухове...* — Брат матери Д. С. Соломон Израилевич Цукерман (дядя Зяма), жил в одной квартире с Кауфманами (о нем см. ПЗ, с. 43–45).
- ²⁶ *Шахов Борис* (ум. 1987) — одноклассник Д. С. в школе № 19, художник. О нем см. ПЗ, с. 90–92.
- ²⁷ В этот день опубликован приговор по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра».
- ²⁸ В переводе А. В. Кривцовой и Евг. Ланна персонаж «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса читается как м-с Клаппинс.
- ³⁰ *...за естественный факультет меня ругают дураком.* — Д. С. собирался заниматься химией. Считалось, в том числе и в результате определения профориентации, что именно в этой области он сможет достичь наибольших успехов.
- ³¹ *Элька* — Нусинов Илья Исаакович (1920–1970), драматург, киносценарист.
- ³² *Юрка* — Шаховской Юрий, участник «пятых дней» — регулярных встреч на дому у Л. Маркович «для чтения стихов и душевных разговоров» (см. ПЗ, с. 101). Впоследствии ушел добровольцем на фронт, пережил плен, после войны оказался в Америке, где и умер.
- ³³ *Сельвинский Илья Львович* (1899–1968) — поэт, драматург, участник Гражданской войны. Лидер созданного в 1925 г. и разгромленного в начале 30-х объединения конструктивистов. Оказал большое влияние на молодых поэтов предвоенной поры, в том числе и на Д. С., посещавших семинар молодых поэтов при Гослитиздате и поэтический семинар в Литинституте, которыми руководил Сельвинский (см. главу «В мастерской стиха» в ПЗ). В 1966 г. Д. С. опубликовал рецензию на книги Сельвинского «Лирика» и «Театр поэта» (Масштаб эксперимента // ЛГ, 23 авг.)
- ³⁴ *Луговской Владимир Александрович* (1901–1957) — поэт, входил в «Литературный центр конструктивистов». К концу 1936 г. был автором семи книг. В 1940–1941 гг. Д. С. вместе с другими молодыми поэтами посещал семинар Луговского в Литинституте.
- ³⁵ *Багрицкий Эдуард Григорьевич* (1895–1934) — поэт. Д. С. называл его одним из своих учителей (см. ПЗ, с. 177).
- ³⁶ *Станкевич Наталия* — одноклассница Д. С. в школе № 1. О ее судьбе рассказано в книге А. С. Черняева «Моя жизнь и мое время» (М.: Междунар. отношения, 1995).
- ³⁷ «Разбойник Бойтре» — спектакль С. Михоэлса по пьесе М. Кульбака в Московском Государственном еврейском театре (1936 г.)
- ³⁸ *Черняев Анатолий Сергеевич, далее Толя, Т. Ч.* (р. 1921) — друг Д. С. со школьных лет, историк-международник. Автор нескольких книг, в том числе «1991 год. Дневник помощника президента СССР» (М.: Терра; Республика, 1997). В настоящий момент — руководитель проекта в Фонде Горбачева.

- ³⁹ *Леонтьев Борис Иванович* — учитель истории в школе № 1.
- ⁴⁰ *Тихонов Николай Семенович* (1896—1979) — поэт, прозаик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Д. С. называл его одним из своих учителей (см. ПЗ, с. 177).
- «Ты мне нравишься больше собаки...» (1919) — стихотворение Н. Тихонова из книги «Орда».

1937

- ¹ С 23 по 30 января 1937 г. в Москве проходил процесс по делу «антисоветского троцкистского центра» (Пятаков, Радек, Сокольников и др.). В числе подсудимых был Я. А. Лившиц.
- ² В тексте стихотворения Багрицкого «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» (1927) — «...Тихонов, Сельвинский, Пастернак».
- ³ «Праздничный, веселый, бесноватый...» (1920) — стихотворение Н. Тихонова.
- ⁴ «И в каждой капле спал потоп...» — строка из стихотворения Н. Тихонова «Огонь, веревка, пуля и топор...» (1920).
- ⁵ «Жизнь учила веслом и винтовкой...» — строка из стихотворения Н. Тихонова «Посмотри на ненужные доски...» (между 1917 и 1920).
- ⁶ «Мы не знаем, кто наш вожатый...» — строка из стихотворения Н. Тихонова «Наши комнаты стали фургонами...» (1921).
- Все перечисленные стихотворения из книги «Орда».
- ⁷ Отношение Д. С. к И. Г. Эренбургу, а также участие Эренбурга в отправке Д. С. на фронт в 1944 г. описано в ПЗ в главе «Эренбург и прочие обстоятельства».
- ⁸ *Бабичков Вадим Абрамович* (1920—1984) — друг Д. С. со школьных лет, к. т. н., литератор. Ему посвящено стихотворение «И ветра вольный горн...» (1975).
- ⁹ *Рождественский Борис* — поэт, погиб на войне. К сожалению, ни его стихов, ни информации о нем, кроме дневниковых записей Д. С., разыскать не удалось. По всей видимости, к нему можно отнести строки Д. С., сказанные о другом поэте:
- И сгинул он. На белом свете
Он не оставил ничего,
И мы не судим о поэте
Как будто не было его.
- (Памяти А. Р.)
- ¹⁰ Спектакль «Ромео и Джульетта» поставлен в 1935 г. в Театре Революции режиссером А. Поповым. Джульетту играла М. И. Бабанова.
- ¹¹ *Нордау Макс* (1849—1923) — немецкий писатель.
- ¹² «Фальшивомонетки» — роман Андре Жид.
- ¹³ *Янчевецкий Михаил* — сын В. Г. Яна.

- ¹⁴ *Адалис Аделина Ефимовна* (1900–1969) — поэтесса. Одно время жила на Божедомке в той же квартире, что и Кауфманы, куда к ней приходил В. Брюсов. По семейной легенде, как-то Брюсов взял младенца Д. С. на руки, и тот тут же испортил ему брюки. Адалис — автор рецензии в «Литературной газете» на публикацию в журнале «Октябрь» (1941, № 3) подборки «Стихи студентов Москвы». В эту подборку вошли стихи участников семинара И. Л. Сельвинского, в том числе стихотворение Д. С. «Охота на мамонта».
- ¹⁵ «Дети солнца» М. Горького в Камерном театре в 1937 г. поставил А. Я. Таиров.
- ¹⁶ «*Я покидаю старую кровать...*» — окончание стихотворения Э. Багрицкого «Происхождение» (1930).
- ¹⁷ «*Свирель запела на мосту...*» — стихотворение А. Блока из цикла «Арфы и скрипки».
- ¹⁸ *Польстер Людмила* (1919–1980-е) — подруга Л. Маркович, участница «пятых дней».
- ¹⁹ *Ватагин Василий Алексеевич* (1883/84–1969) — скульптор и график.
- ²⁰ *Перловка* — бытовое название дачного поселка при станции «Перловская» Ярославской ж/д. Ныне — часть г. Мытищи.

1938

- ¹ По окончании школы Д. С. поступил в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ).
- ² *Марк Бершадский и Евгений Остерман* — ифлийцы, погибшие на войне. О Бершадском см. ПЗ, с. 120–121.
- ³ *Борькины стихи.* — Имеются в виду стихи Б. Рождественского.
- ⁴ «Пастух», «Чуваш» — стихотворение «Пастух в Чувашии». Впервые опубликовано в подборке ранних стихов в книге «Залив» (1981).
- ⁵ *...идти по пути Твардовского.* — Твардовский относился к старшему поколению ифлийских поэтов, уже вошедших в официальную литературу. Основная тема полемики «младших» со «старшими» — воспевать время или совершать его? По воспоминаниям Д. С., на вечере Твардовского с обсуждением его стихов Коган и Наровчатов задиристо выступали по поводу поэмы «Страна Муравия».
- ⁶ *Штирнер Макс* (1806–1856) — немецкий философ-младогегельянец. Цитируется его сочинение «Единственный и его достойные» (1845).
- ⁷ *Кнабе Георгий Степанович* (р. 1920) — ифлиец, историк античности, культуролог, д. филол. н., профессор.
- ⁸ *Седин (наст. фамилия Шейдин) Лев Максимович* (1915–1970-е) — ифлиец, журналист-международник.
- ⁹ «Падение города» (Мангазея) — стихи не опубликованы.
- ¹⁰ *Леонтьев Алексей Павлович* (1916–1991) — писатель, журналист-международник, обозреватель «Красной звезды».

- ¹¹ «Годами когда-нибудь...» (1931) – стихотворение Б. Пастернака из книги «Второе рождение».
- ¹² «Конец Казановы» – третье действие пьесы М. Цветаевой «Феникс» (1919). Напечатано отдельным изданием в Москве в 1922 г. в издательстве «Созвездие».

1939

- ¹ *Коган Лев* (1920–1943) – ифлиец, погиб на войне. Несколько строк Д. С. о нем см. ПЗ, с. 118.
- ² *Поджио Александр Викторович* (1798–1873) – декабрист, автор «Записок декабриста».
- ³ Осенью 1939 г. сложилась поэтическая компания, в которую вошли П. Коган, С. Наровчатов, Б. Слуцкий, М. Кульчицкий, Д. С. и М. Львовский. Все они участвовали в семинаре И. Л. Сельвинского при Гослитиздате.

Коган Павел Давидович (1918–1942) – поэт, студент ИФЛИ, а с 1940 г. – Литинститута, лидер компании. Погиб под Новороссийском. Начало воспоминаний Д. С. о Когане – в дневниковой записи 16 июня 1943. О нем см. главу ПЗ «Есть в наших днях такая точность...». Одно из ранних стихотворений Д. С. «Павлу Когану» опубликовано в журнале «Россия», 1998, № 7.

Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) – поэт, прозаик, литературовед, в предвоенные годы учился одновременно в трех вузах, включая ИФЛИ и Литинститут. Участник Финской и Великой Отечественной войн. С 1965 г. входил в руководящие органы СП. Герой Соц. Труда. Главный редактор «Нового мира» (с 1974 г.). О нем см. главу ПЗ «Попытка воспоминаний». Наровчатову посвящены стихотворения Д. С. «Скрепляют болезни и смерти...» (1979), «Нет слова ужасней, чем это...» (1980) и «Я был не слишком добрым...». Наровчатов – автор предисловия к книге Д. С. «Линия руки» (М.: Дет. лит., 1981).

Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) – поэт, учился сначала в юридическом, а с 1940 г. в Литинституте. Участник войны. О нем см. главу ПЗ «Друг и соперник». Слуцкому посвящены стихи Д. С. «Я все время ждал морозов...» (1978) и «Жизнь сплетает свой сюжет...» (1981).

Кульчицкий Михаил Валентинович (1919–1943) – поэт, студент Литинститута, погиб в Сталинградской битве. О нем см. главу ПЗ «Кульчицкий и пятеро».

Кульчицкий, Коган, Слуцкий и Наровчатов подразумеваются в стихотворении Д. С. «Пятеро» (1973), которое кончается строками «И оплакивает пятый // Участь этих четверых».

Львовский Михаил Григорьевич (1919–1994) – кинодраматург, поэт, участник войны. В то время учился в пединституте.

- ⁴ Одно из выступлений – в Юридическом институте – организовал учившийся там Б. Слуцкий. Второе было в университете. О выступле-

нии в Юридическом упоминается в воспоминаниях Наровчатова. См.: Наровчатов С. Избранные произведения в 2-х т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2., с. 501.

1940

- ¹ *Лосинка* — г. Бабушкин (до 1939 — Лосиноостровский) Московской обл., ныне часть Москвы.
- ² *Ленка* — Ржевская Елена Моисеевна (р. 1919), прозаик, участница войны, близкий друг Д. С. Познакомилась с ним в 1938 г., будучи студенткой ИФЛИ и женой Павла Когана (см. ПЗ, с. 116).
- ³ По воспоминаниям Е. М. Ржевской, на вечере в Энергетическом институте Д. С. присутствовал, но не выступал. Несколько раз посылал записки в президиум (в основном Слуцкому).
- ⁴ *Агранович Евгений Данилович* (р. 1919) — кинодраматург, литератор, автор и исполнитель песен. В 1950 г. в журнале «Советский воин» (№ 7, с. 19) опубликовано совместное стихотворение Д. С. и Аграновича «Сказка о китайском солдате».
- ⁵ *Бенедиктовщина* — слово образовано от имени Владимира Григорьевича Бенедиктова (1807—1873) — поэта, представителя «эффектного романтизма», чей сборник «Стихотворения» (1835) имел шумный успех, его даже сравнивали с Пушкиным. Однако успех был недолгим.

1941

- ¹ *Володя Сафонов* — герой романа И. Эренбурга «День второй» (1933).
- ² *Гильом Каль* — предводитель крестьянского восстания во Франции в 1358 г. (Жакерия).

1942

- ¹ Записи относятся к периоду пребывания Д. С. в Гомельском военно-пехотном офицерском училище в Катта-Кургане. До этого были строительство укреплений под Вязьмой в июле—сентябре 1941 г., неудачная попытка поступить в школу военных переводчиков, эвакуация, болезнь, вечерний пединститут в Самарканде. В училище Д. С. попал в начале июня 1942 г.
- ² Д. С. имеет в виду французского писателя Жюлья Ренара (1864—1910), автора известного «Дневника».
- ³ *Александров Георгий Федорович* (1908—1961) — философ, академик. Начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) (1940—1947), министр культуры СССР (1954—1955). Снят с последнего поста за организацию публичного дома на подмосковной даче (см. ЗАА, Т. 2, с. 670).

- ⁴ В этот день в «Правде» было опубликовано коммюнике о переговорах в Москве Сталина и Черчилля.
- ⁵ *Проездом забегал в Москву.* — Д. С. был отпущен в город на три часа, но не нашел там никого.
- ⁶ *Старший сержант Кабанов* — командир пулеметного расчета второго батальона горно-стрелковой бригады, в которую попал Д. С. Подробнее о нем см. ПЗ, с. 205–206.
- ⁷ О Семене Андреевиче Косове, крестьянине с Алтая, Д. С. не только тепло написал в ПЗ (с. 206), но и посвятил ему стихотворение «Семен Андреич» (1946). См. также: Пахарь и солдат // Лит. Россия, 09.05.1980.
- ⁸ Из осуществленных планов: «Слово о Богородице и русских солдатах» (1942–1943) впервые опубликовано в журнале «Знамя» (1998, № 2), строфа хорватской песни (в ПЗ — сербской) стала началом стихотворения «Прощание юнака» из цикла «Балканские песни» (1970).

1943

- ¹ 26 марта 1943 г. Д. С. был ранен в бою (см. ПЗ, с. 215). Следующие записи сделаны в красноуральском эвакогоспитале № 1932.
- ² *Гамелен Морис Гюстав* (1872–1958) — главнокомандующий сухопутными войсками Франции, один из главных виновников поражения 1940 г.
- ³ *Даладьё Эдуард* (1884–1970) — премьер-министр Франции в 1938–1940 гг.
- ⁴ *Вспоминается Павка.* — Из письма И. Крамова Д. С. узнал о гибели Павла Когана.
- ⁵ «*Я с детства не любил овал...*» — заключительные строки стихотворения П. Когана «Гроза».
- ⁶ *И. Р.* — Крамов Исаак Наумович (Исаак Рабинович), далее Изя (1919–1979) — близкий друг Д. С. с ифлийских времен, критик, прозаик, эссеист. Муж Е. Ржевской. Ему посвящено стихотворение «Мы не меняемся совсем...» (1979).
- ⁷ «*Владимир Рогов*» — первоначальное название недописанного романа в стихах П. Когана «Первая треть». См. в книге: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.-Л.: Сов. писатель, 1965 (Б-ка поэта. Большая серия).
- ⁸ О состязании семинаров И. Уткина и И. Сельвинского см. ПЗ, с. 129.
- ⁹ *Железнов Павел Ильич* (1907–1987) — поэт, драматург, переводчик.
- ¹⁰ *Кедрин Дмитрий Борисович* (1907–1945) — поэт.
- ¹¹ *Коган Александр Григорьевич* (1921–2000) — критик, литературовед. Ифлиец, участник войны. Работал в издательстве «Художественная литература». Один из составителей книги «В том далеком ИФЛИ» (М.: МГУ, 1999).
- ¹² *Зелинский Корнелий Люцианович* (1896–1970) — литературовед, критик. Преуспел в жанре публичного доноса. Л. К. Чуковская дала ему исчерпывающую характеристику (см. ЗАА. Т. 2, с. 714).

- ¹³ *Аганов Борис Николаевич* (1899–1973) – писатель, очеркист.
- ¹⁴ 30 ноября 1940 г. в Доме писателей состоялся «Клубный день». Его участниками были дебютанты в литературе и музыке, в их числе П. Коган и М. Кульчицкий. Афиша этого вечера приведена в сборнике «Сквозь время» (М.: Сов. писатель, 1964, с. 69).
- ¹⁵ Речь идет о возлюбленной и душеприказчице В. Маяковского Лиле Юрьевне (1891–1978) и о юристе и литераторе Осипе Максимовиче (1888–1945) Бриках. Л. Ю. Брик проявляла интерес к новой поэзии и оказывала влияние на молодую литературную среду.
- ¹⁶ Замысел драмы о Шамиле не реализовался.
- ¹⁷ Кроме «Слова о Богородице» и воспоминаний о П. Когане (более поздних) планы не осуществились.
- ¹⁸ *Иванов Всеволод Вячеславович* (1895–1963) – писатель. Впоследствии Д. С. познакомился и много общался с ним. Иванову посвящено стихотворение «Как объяснить тебе, что это, может случиться...» (1962). О нем см. главу ПЗ «Из третьего воспоминания». Год рождения В. В. Иванова указан по официальным источникам и расходится с паспортными данными (см. запись от 16 августа 1963). «*На людях – клеймо бегства*» – цитата из повести Вс. Иванова «Бронепоезд № 14–69».
- ¹⁹ Высказывания Гёте Д. С. выписывал из книги Эккермана «Разговоры с Гёте».
- ²⁰ В ПЗ (с.226) о награждении сообщают родители, а не Э. Чириковер.
- ²¹ *Нравственные категории...* – цитата из статьи А. Н. Толстого «О литературе и войне», напечатанной в газете «Литература и искусство» 5.12.1942.
- ²² *Я. Я. И.* – Яков Яковлевич Иванов, врач, лечивший Д. С.
- ²³ *Срослов Петр* – моряк, сосед по эвакогоспиталю, см. ПЗ, с. 222.
- ²⁴ *В. Т-ва* – Тархова Валентина, секретарь канцелярии эвакогоспиталя, см. ПЗ, с. 223.
- ²⁵ *Пермяк Евгений Андреевич* (1902–1982) – писатель. Встреча с ним описана в ПЗ (с. 224).
- ²⁶ Д. С. был направлен в запасной полк, а оттуда на заготовку дров (см. ПЗ, с.228)
- ²⁷ «*Живем – не маемся, // Помрем – не покаемся*». – В начале 60-х в драматической поэме «Сухое пламя» появляются строки: «Живем – торопимся, // Помрем – не воротимся».
- ²⁸ «*Дроля, дроля, дролечка, // Не люблю нисколечко*». – Впоследствии эти строки из частушки в слегка измененном виде были использованы Д. С. в поэме «Чайная» (1956).
- ²⁹ *Лебедкин Александр* – товарищ Д. С. по заповолку (см. ПЗ, с. 228–230).
- ³⁰ *Тиртей* – древнегреческий поэт-лирик, жил в Спарте. Во время 2-й Мессенской войны (7 в. до н. э.) своими песнями призывал спартанцев к героической борьбе и стойкости, воспевал спартанский дух (Словарь античности).

- ³¹ *Я шел с передовой...* — Д. С. описывает первые часы после ранения 26 марта 1943 г. Об этом есть несколько строк в ПЗ (с. 217).
- ³² 16 октября 1943 г. «Правда» сообщала о вручении медалей «За оборону Ленинграда» митрополиту ленинградскому Алексию и другим служителям русской православной церкви.
- ³³ *Думал о «Солдате Полежаева»*. — Замысел остался неосуществленным. Впоследствии Д. С. опубликовал в ЛГ (03.02.1988) статью к 150-летию А. Полежаева.
- ³⁴ *Заломов Петр Андреевич* (1877—1955) — один из первых российских социал-демократов. Участник трех революций и Гражданской войны. Прообраз Павла Власова — героя романа Горького «Мать».
- ³⁵ *Письмо от Левки. Несколько покровительственное*. — Благодаря вызову, присланному в письме Л. Безыменским, Д. С. впоследствии попал в разведотдел 1-го Белорусского фронта (см. ПЗ, с. 240).
- ³⁶ «Очерки поповщины» см.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 7. (Лжеепископ Афиноген — с. 275—293, лжеархиепископ Анфим — с. 293—327).
- ³⁷ *Глазков Николай Иванович* (1919—1979) — поэт. Д. С. высоко ценил его творчество. (см. главу ПЗ «У врат Поэтограда»).
- ³⁸ *Нестеровский Петр Петрович* (р. 1914) — киевский прозаик, драматург, в то время сотрудник гарнизонной газеты. Ему посвящено стихотворение «Скажите, правда ли рассудок...» (1944). Подробнее о нем см. ПЗ, с. 237—239.
- ³⁹ Обмундирование Д. С. получил за сценарий новогоднего бала гарнизонных офицеров.

1944

- ¹ Кола Брюньон — герой одноименной повести Ромена Ролана (1914). Фома Смыслов — герой рифмованной прозы С. Кирсанова «Заветное слово Фомы Смыслова, русского бывалого солдата» (1942—1944).
- ² Замысел двух новелл остался неосуществленным.
- ³ О командировке в Москву Д. С. подробно рассказал в ПЗ (с. 239—240). Результатом поездки стало направление Д. С. на фронт.
- ⁴ О своем прибытии в разведотдел 1-го Белорусского фронта и дальнейших событиях Д. С. рассказал в ПЗ в главе «Белоруссия родная, Украина золотая...».
- ⁵ Поездку в Любарку Д. С. описал в ПЗ (с. 250—251).
- ⁶ *Бандера Степан А.* (1908—1959) — руководитель отрядов Украинской повстанческой армии (УПА) на Западной Украине в 1943—1947 гг.
- ⁷ *Мельник Андрей* — руководитель Организации украинских националистов (ОУН) с 1938 по 1941 г. Отряды Мельника на Западной Украине действовали независимо от отрядов Бандеры и даже имели место кон-

фликты между Мельником и Бандерой, так как каждый из них претендовал на роль лидера независимой Украины.

- ⁸ *Сикорский Владислав* (1881–1943) — премьер-министр правительства Польши в изгнании в 1939–1943 гг.

1945

- ¹ *Зося* — Каминская (Радликувна) Зосья, дочь хозяина дома в Мендзыху-де, в котором Д. С. жил с конца февраля по середину апреля 1945 г. Подробнее о ней см. ПЗ, с. 277.
- ² Ксендз — пробощ Каспшак (см. ПЗ, с. 277)
- ³ *Гааль Франческа* (1904–1972) — венгерская актриса, играла на сценах Вены и Берлина, с середины 30-х годов — в Голливуде. После войны вернулась в Венгрию.
- ⁴ Сюжет со справкой Фрица Прандта Д. С. использовал впоследствии в поэме «Ближние страны».
- ⁵ *Львов (настоящая фамилия Гец) Сергей Львович* (1922–1981) — писатель, журналист, литературный критик, автор книги «Быть или казаться», предисловие к которой написал Д. С.
- ⁶ Впоследствии Д. С. вернулся к лету 1945 г. в главе «Помолвка в Лейпциге» из поэмы «Ближние страны».

1946

- ¹ *Тарасенков Анатолий Кузьмич* (1909–1956) — литературный критик, литературовед, библиограф. Зам. главного редактора журналов «Знамя» (1944–1947) и «Новый мир» (1950–1953).
- ² *Гудзенко Семен Петрович* (1922–1953) — поэт, ифлиец, участник войны. В 1944 г. принял участие в судьбе Д. С., познакомив его с Эренбургом. Описывая это событие, Д. С. вкратце изложил свое отношение к Гудзенко и его поэзии (см. ПЗ, с. 239).
- ³ *Урин Виктор Аркадьевич* (р. 1924) — поэт, участник войны.
- ⁴ *Межиров Александр Петрович* (р. 1923) — поэт, переводчик, участник войны. Лауреат Государственной премии. Постоянный оппонент Д. С. С начала 90-х годов живет в США.
- ⁵ *Грановский Тимофей Николаевич* (1813–1855) — русский историк, общественный деятель, глава московских западников. С 1839 г. профессор всеобщей истории Московского университета.
- ⁶ *Станкевич Николай Иванович* (1813–1840) — общественный деятель, философ, поэт. В 1831 г. организовал литературно-философский кружок.
- ⁷ *Коржавин (настоящая фамилия Мандель) Наум Моисеевич* (р. 1925) — поэт. В 1947 г. был арестован, до 1954 г. находился в ссылке. Единствен-

ный сборник его стихов в СССР вышел в 1963 г. В 1973 г. эмигрировал в США. Живет в Бостоне.

- ⁸ *Израилев Израиль Абрамович* (псевдоним Юрий Окунев) (1919–1988) – поэт.
- ⁹ Вильгельм Мейстер – персонаж романов Гёте.
- ¹⁰ Речь идет о поэме «Первая повесть». См. книгу «Предназначение» (М.: Рус. книга, 1999).
- ¹¹ *Фогельсон Ольга Лазаревна, далее Ляля* (1924–1977) – первая жена Д. С., искусствовед.
- ¹² *Мессинг Вольф Григорьевич* (1899–1974) – артист эстрады, заслуженный артист РСФСР. Выступал с психологическими опытами. Обладал уникальной способностью угадывать мысли, которую демонстрировал на своих выступлениях.
- ¹³ В период со 2 по 7 апреля 1946 г. в Москве состоялось несколько выступлений ленинградских поэтов. Как сообщала ЛГ, в них участвовали А. Ахматова, А. Прокофьев, О. Берггольц, Н. Браун, Вс. Рождественский, М. Дудин. На вечере в Колонном зале, который открыл Н. Тихонов, выступали также московские поэты П. Антокольский, В. Инбер, С. Михалков, Б. Пастернак, И. Сельвинский, А. Сурков. Ахматову зал приветствовал стоя.
- ¹⁴ *Антокольский Павел Григорьевич* (1896–1978) – поэт, переводчик. В предвоенные годы Д. С. посещал его семинар в Литинституте. Автор предисловия к книге переводов Д. С. «Поэты – современники». В ЛГ от 05.12.1964 опубликована рецензия Д. С. «Четвертое измерение – время» на книгу Антокольского «Четвертое измерение».
- ¹⁵ Поэма, над которой Д. С. работал в это время, не была завершена. Сохранилась в отрывках, которые не публиковались.
- ¹⁶ Последствия постановления ЦК от 14.08.1946 «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» широко известны. Однако стиль самого документа заслуживает цитирования. Вот отрывки из текста постановления, приведенного в «Правде» 21.08.1946: «Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Предоставление страниц “Звезды” таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции “Звезды” хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как “Перед восходом солнца”». <...> «Журнал “Звезда” всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, проникнутые духом пессимизма и упадничества, <...> наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».
- ¹⁷ *Гастелло Николай Францевич* (1907–1941). Погиб 26.06.1941 г., направив свой подбитый самолет в скопление машин и танков противника.

- ¹⁸ *О монологе Ленина*. — Д. С. писал поэму о Ленине, которую не закончил. Сохранились отрывки.
- ¹⁹ *Мерсье Луи Себастьян* (1740—1814) — французский писатель. Цитируется его трактат «О театре».
- ²⁰ Растиньячество — термин образован от имени персонажа романов Бальзака Эжена Растиньяка. Означает беспринципность, стремление к достижению цели любой ценой.
- ²¹ ...*бунт против пошлости Гаммельна*. — См. «Крысолов» М. Цветаевой.
- ²² Комментарии к анекдотам о Кульчицком см. ПЗ, с. 150.
- ²³ О мистификации Б. Слуцкого и С. Наровчатова, писавших стихи под именем первой жены Наровчатова Нины Иосифовны Воркуновой (1920—1974) см. ПЗ, с. 137—138, а также воспоминания Наровчатова (Наровчатова С. Избранные произведения в 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2, с. 567—573).

1948

- ¹ *Вишневский Всеволод Витальевич* (1900—1951) — драматург, в то время был главным редактором журнала «Знамя». Н. С. Тихонов был членом редколлегии журнала «Знамя».
- ² *Левин Григорий Михайлович* (1917—1994) — поэт, критик, руководитель объединения «Магистраль».
- ³ *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — писатель, журналист, историк, критик, издатель «Московского телеграфа».
- ⁴ *Сурков Алексей Александрович* (1899—1983) — поэт, автор текста песни «Землянка», герой Социалистического труда, дважды лауреат Сталинской премии. Член руководства Союза писателей.
- ⁵ Д. С. упоминает Кнута Гамсуна (1859—1952), Герхарда Гауптмана (1862—1946) и Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938) вместе, так как все они поддерживали фашистские режимы.
- ⁶ *Мальро Андре* (1901—1976) — французский писатель, государственный деятель. В 1959—1969 гг. был министром культуры Франции.
- ⁷ «Пан» (1894), «Мистерии» (1892) — романы К. Гамсуна
- ⁸ Голичер А. Жизнь современника. М.-Л.: Гос. изд-во 1-я Образцовая тип. в Москве, 1929.
- ⁹ Речь идет о Первом Всесоюзном съезде писателей, состоявшемся 17 августа — 1 сентября 1934 г. А. Сурков в своем выступлении полемизировал с Бухариным. В частности, утверждал, что тот слишком много внимания уделил Пастернаку.
- ¹⁰ *Драгунский Давид Абрамович* (1910—1992) — дважды Герой Советского Союза (за форсирование Вислы и за отличие в Берлинской операции), генерал-полковник танковых войск, возглавлял «Советский антисоциалистический комитет».

- ¹¹ Гец (Львов) попал на фронт в самом конце войны (см. эпизод встречи с Сергеем Львовым в ПЗ, с. 283–284), поэтому Д. С. не считал его фронтовиком.
- ¹² *Савонарола Джироламо* (1452–1498) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Призывал церковь к аскетизму, организовывал сожжение произведений искусства.
- ¹³ *Капусто Юлия Борисовна* (1919–1998) – писательница, ифлийка, во время войны была медсестрой, военной переводчицей.
- ¹⁴ *Некрасов Виктор Платонович* (1911–1987) – писатель, участник войны. Первая же его повесть «В окопах Сталинграда» (1946) стала событием, сделала автора знаменитым и была отмечена Сталинской премией. Однако последующая литературная и общественная деятельность жившего в Киеве Некрасова вызывала в официальных кругах резкую критику. В 1972 г. его исключили из партии «за то, что позволил себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии», а затем и из Союза писателей. В 1974 г. под давлением КГБ Некрасов был вынужден эмигрировать из СССР. Умер и похоронен в Париже.
- ¹⁵ *П. Г.* – Горелик Петр Захарович, далее Петя (р. 1918). Близкий друг Д. С. и Б. Слуцкого. Доцент Ленинградской военной академии транспорта и тыла, к. в. н. Ныне полковник в отставке. Ему посвящены стихи «О, много ли надо земли...» и «Зачем за жалкие слова...» (1980).
- ¹⁶ *Ел. Мих. В-ин* – имеется в виду Голышева (*Вайнштейн*) Елена Михайловна (1907–1984), переводчица.
- ¹⁷ Зелинский К. Всеволод Багрицкий // Знамя, 1948, № 3. *Багрицкий Всеволод Эдуардович* (1922–1942) – поэт, сын Эдуарда Багрицкого. Участник молодежного театра, руководимого А. Арбузовым и В. Плучеком. Погиб на фронте.
- ¹⁸ *Майоров Николай Петрович* (1919–1942) – поэт, учился на истфаке МГУ, посещал семинар П. Г. Антокольского в Литинституте. Погиб на фронте.
- ¹⁹ *Смоленский Борис Моисеевич* (1921–1941) – поэт. Погиб на фронте.
- ²⁰ *Молочко Михаил Денисович* (1919–1940) – критик, учился в ИФЛИ. Ушел добровольцем на Финскую войну. Убит выстрелом снайпера.
- ²¹ *Лебский Борис* (?–1943) – поэт, учился в Литинституте. Погиб на фронте. Его стихи см.: «Новый мир», 1980, №5.
- ²² *Арбузовский театр* – образованная в 1938 г. Государственная театральная московская студия, которой руководили драматург А. Арбузов и режиссер В. Плучек. Широко известна созданная студийцами во главе с Арбузовым пьеса «Город на заре», премьера которой состоялась 3 февраля 1941 г. (впоследствии А. Арбузов переработал пьесу и опубликовал в 1957 г. под своим именем). Участниками студии были З. Гердт, драматург И. Кузнецов, А. Галич, Вс. Багрицкий.
- ²³ *Нимвицкая Людмила Борисовна* (р. 1916) – артистка студии Арбузова, впоследствии театровед.
- ²⁴ Симурдэн и Лаптенак – персонажи романа Виктора Гюго «Девяносто третий год».

- ²⁵ *Софронов Анатолий Владимирович* (1911–1990) – поэт, драматург, Герой Соц. Труда, дважды лауреат Сталинской премии. Участник войны. В 1953–1986 гг. был главным редактором журнала «Огонек». Именно в его журнале в 1969 г. появилось знаменитое «письмо одиннадцати», развязавшее травлю «Нового мира» Твардовского, которая завершилась разгоном редакции журнала.
- ²⁶ *Поделков Сергей Александрович* (1912–2001) – поэт, участник войны. Узник сталинских лагерей (1935–1938).
- ²⁷ *Соболь Марк Андреевич* (1918–1999) – поэт, участник войны.
- ²⁸ *Полевой Борис Николаевич* (1908–1981) – писатель, общественный деятель. Главный редактор журнала «Юность» (1962–1981), председатель правления Советского Фонда Мира (1969–1981). Дважды лауреат Сталинской премии, в том числе за упоминающуюся «Повесть о настоящем человеке».
- ²⁹ *Аникст Александр Абрамович* (1910–1988) – литературовед, доктор искусствоведения, почетный доктор литературы Бирмингемского университета, автор работ в области теории и истории западноевропейской литературы, театра и эстетики. Участник войны.
- ³⁰ *Паперный Зиновий Самойлович* (1919–1996) – литературовед, критик, пародист, д. филол. н., ифлиец. В 1947–1954 гг. был зав. отделом критики, спец. корреспондентом ЛГ. С 1954 г. работал в ИМЛИ.
- ³¹ ...стихи о бабах. – «Стихи о солдатской любви» (1944–1945). При жизни Д. С. не публиковались.
- ³² *Оттен Николай Давыдович* (1907–1983) – критик, сценарист.
- ³³ Коктейль-холл располагался по адресу ул. Горького, 4 и был весьма популярен среди творческой интеллигенции.
- ³⁴ *Гушанский Семен Ханаанович* (1904–1981) – актер, режиссер и педагог, заслуженный артист РСФСР, профессор ГИТИСа. В 1927–1930 гг. был актером Первого государственного педагогического театра. Один из организаторов Московского театра для детей, был его актером, директором и художественным руководителем. Работал в Центральном детском театре (1941–1945), театре им. М. Н. Ермоловой (с 1946).
- ³⁵ *Амирэджиби Родам* – жена М. Светлова, сестра прозаика Чабуа Амирэджиби.
- ³⁶ *Витюк Виктор Владимирович* (р. 1927) – журналист-международник. В то время был студентом МИМО и писал дипломную работу по Сартру.
- ³⁷ *Де Гаспери Альчиде* (1881–1954) – с 1945 по 1953 г. возглавлял правительство Италии.
Голль Шарль де (1890–1970) – премьер-министр французского правительства в 1944–1946 и 1958 гг. С 1958 по 1969 г. президент Франции. Основатель и руководитель патриотического движения «Свободная Франция», примкнувшего к антигитлеровской коалиции. После войны основал и возглавил партию «Объединение французского народа».
- ³⁸ *Никифоровы* – друзья жены Д. С.
- ³⁹ *Кнорре Кирилл Георгиевич* (р. 1918) – физик. Муж Е. А. Дорошенко.

- ⁴⁰ «Синяя птичка» — театр литературных и театральных пародий, созданный в 1948 г. актером (впоследствии писателем) В. Ю. Драгунским. Выступления проходили на сцене Дома актера при переполненном зале. Первоначально тексты писали В. Драгунский и Л. Давидович, затем подключились В. Дыховичный и М. Слободской, Б. Привалов, Я. Костюковский, А. Каменский и др. Среди актеров — Е. Вестник, З. Гердт, С. Мартинсон, В. Санаев, Л. Сухаревская, Б. Тенин, Р. Быков, Ю. Яковлев. Театр закрылся в 1950 г. в период борьбы с космополитизмом.
- ⁴¹ *Шубин Павел Николаевич* (1914—1951) — поэт, редактор. В журнале «Знамя» (1948, № 8) опубликованы три стихотворения Д. С. («Тавда», «Примечание к бюджету 1948 года», «Новоселы») под заголовком «Стихи о новом городе». «Новоселы» повторно напечатаны в журнале «Кругозор» (1966, № 7), остальные не переиздавались.
- ⁴² *Янин Михаил Михайлович* (1900—1976) — народный артист СССР, с 1924 г. играл во МХАТе.
- ⁴³ *Оборин Лев Николаевич* (1907—1974) — пианист, народный артист СССР.
- ⁴⁴ *Мартинсон Сергей Александрович* (1899—1984) — актер театра и кино, народный артист СССР.
- ⁴⁵ 14 мая 1948 г. в соответствии с решением Генеральной ассамблеи ООН от 29.11.1947 в части территории Палестины было провозглашено государство Израиль. На следующий день соседние арабские страны напали на Израиль с целью не допустить создания еврейского государства в Палестине.
- ⁴⁶ Яковлев Б. Поэт для эстетов // НМ, 1948, № 5.
- ⁴⁷ *Государственные экзамены я не сдам.* — Д. С. не стал сдавать государственные экзамены и не закончил университет.
- ⁴⁸ Сборник лирических миниатюр французского писателя Теофиля Готье (1811—1872) «Эмали и камеи» (1852) был издан в переводе Н. Гумилёва в Петербурге в 1914 г.
- ⁴⁹ Наровчатов С. Костер. М.: Моск. рабочий, 1948.
- ⁵⁰ *Недогонов Алексей Иванович* (1914—1948) — поэт. За поэму «Флаг над сельсоветом» (1947) награжден Сталинской премией.
- ⁵¹ *Март Николай Яковлевич* (1864/65—1934) — академик, востоковед и лингвист. Автор «Нового учения о языке». Объект критики в знаменитом труде Сталина «Марксизм и языкознание».
- ⁵² Межиров А. П. Дорога далека: Стихи. М.: Сов. писатель, 1947.
- ⁵³ *Луконин Михаил Кузьмич* (1918—1976) — поэт, участник Финской и Отечественной войн.
- ⁵⁴ Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М.: Федерация, 1929.
- ⁵⁵ *Гончаров Федор* — однополчанин Д. С., старшина роты.
- ⁵⁶ *Юдалевич Марк Иосифович* (р. 1918) — поэт, прозаик, драматург, участник войны. Главный редактор журнала «Барнаул» (с 1993). Первый сборник стихов выпустил в 1948 г.

- ⁵⁷ *Ландау Лев Давидович* (1908–1968) – физик, академик, лауреат Нобелевской премии. См. главу ПЗ «Несколько строк о Ландау».
- ⁵⁸ *Ливанов Борис Николаевич* (1904–1972) – народный артист СССР, играл во МХАТе.
- ⁵⁹ *Долгин Юлиан Иосифович* (р. 1918) – поэт, вместе с Н. Глазковым родоначальник небывализма. Практически не печатался. Единственная книга: Долгин Ю. Пифагория: Мистериальные этюды. М.: Струна, 1997.
- ⁶⁰ *Корнфельды* – Матвеев Михаил Павлович (1919–1983) – врач-педиатр, д. мед. н., профессор и его жена Н. Корнфельд.
- ⁶¹ *Лузкова Татьяна Яковлевна* (р. 1928) – младшая сестра Н. Корнфельд, диктор Всесоюзного радио, заслуженный работник культуры.
- ⁶² *Ажаев Василий Николаевич* (1915–1968) – прозаик. За роман «Далеко от Москвы» получил Сталинскую премию.

1 9 5 4

- ¹ *Тувим Юлиан* (1894–1953) – польский поэт. Д. С. переводил его стихи. Первая книга Тувима на русском языке «Весны и осени» (М.: Дет. лит., 1959) полностью переведена Д. С.
- ² *Некрасова Ксения Александровна* (1912–1958) – поэтесса.
- ³ Поездке в Тбилиси, совпавшей с празднованием 250-летия классика грузинской поэзии Давида Гурамишвили, посвящена глава «Первое свидание» в ПЗ.
- ⁴ *Мазурин Георгий* (1930–?) – тбилисский поэт и художник, личность, окруженная легендами.
- ⁵ Д. С. неточно цитирует эпитафию: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».
- ⁶ *Гришашвили Иосиф* (1889–1965) – народный поэт Грузии, академик. Д. С. переводил его стихи.
- ⁷ *Джапаридзе Кето* – певица, жена И. Гришашвили.
- ⁸ *Берулава Хута* (р. 1924) – грузинский поэт. Д. С. переводил его стихи.
- ⁹ *Маргвелашивили Георгий* (?–1989) – грузинский критик, литературовед.

1 9 5 6

- ¹ Как сообщала «Правда» (23.04.1956), 22 апреля королева Великобритании Елизавета II дала аудиенцию находящимся с визитом в Англии Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину и члену Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущеву и удостоила их 30-минутной беседы.

- ² *Пинский Леонид Ефимович* (1906–1981) – литературовед, преподавал в ИФЛИ. О нем см. ПЗ, с.122–124.
- ³ Поэму «Чайная» (1956) Д. С. отдал в первый сборник «День поэзии», но цензура ее зарезала. Впервые опубликована в 1961 г. в сборнике «Тарусские страницы» (Калужское кн. изд-во).
- ⁴ *Винокуров Евгений Михайлович* (1925–1993) – поэт, участник войны, лауреат Государственной премии.
- ⁵ *Конева Майя Ивановна* (1923–1990) – дочь маршала Конева, ст. научный редактор издательств «Прогресс», «Радуга».
- ⁶ *А. Л.* – Слоним Анна Львовна, вторая жена тестя Д. С. Лазаря Израилевича Фогельсона.
- ⁷ Ждать приема в СП пришлось два года.
- ⁸ Известны следующие детские стихи Д. С., опубликованные в начале 60-х годов: «Пушок и дружок» (М.: Детский мир, 1960); «Слоненок пошел учиться» (М.; Детский мир, 1961) и «Светофор» (М.: Детский мир, 1962). В архиве Д. С. сохранилось также неопубликованное стихотворение «Кому что нравится».

1957

- ¹ *Ладинский Антонин Петрович* (1896–1961) – автор поэтических сборников, исторических романов. С начала 20-х годов жил в Париже. В 1946 г. принял советское гражданство. В 1950 г. выслан из Франции. Жил в ГДР. В 1955 г. вернулся в Москву.
- ² *Эйснер Алексей Владимирович* (1905–1984) – поэт, представитель первой волны эмиграции. Участник гражданской войны в Испании. О нем см. главу ПЗ «В поисках веры».
- ³ *Азарх Раиса Моисеевна* (1897–1971) – врач, писательница, участница Гражданской войны.
- ⁴ «Вступление» – стихотворение не публиковалось. Вероятно, имеется в виду одноименная глава из недописанной поэмы, сохранившаяся в архиве.
«Иваны» – три стихотворения из цикла «Стихи о царе Иване» (в том числе и упоминаемое «Иван и холоп») опубликованы в книге «Ближние страны» (1958), «Томление Курбского» (1948) – в книге «Голоса за холмами» (1985), а самое раннее – «Во тьме» (1947) – не публиковалось.
- ⁵ Роман Ю. Олеши «Зависть» написан в 1927 г.
- ⁶ В главе о Слуцком «Друг и соперник» Д. С. приводит свое письмо к нему, ответом на которое была фраза «Ты для меня не идеолог» (ПЗ, с. 170–173).
- ⁷ *Кочаровский Николай, далее Коля* – фронтовой разведчик, человек авантюрного склада, с которым Д. С. некоторое время тесно общался.

- ⁸ Упомянутая поэма, стихотворные записки, Д. С. имеет в виду «Ближние страны. Записки в стихах», над которыми он работал в то время.
- ⁹ В подмосковном дачном пос. Мамонтовка по Ярославской ж/д была дача тестя Д. С.
- ¹⁰ *Грибанов Борис Тимофеевич* (р. 1920) – литературовед, к. ист. н., ифлиец, участник войны, друг Д. С. Работал в Детгизе (1952–1960), на Мосфильме (1961–1966), в изд-ве «Художественная литература» (1966–1982). Специалист по американской литературе XX века.
- ¹¹ *Мартемьянова Валентина Аркадьевна* (р. 1931) – переводчица с чешского языка.
- ¹² *Кауфман Александр Давидович* (псевдоним А. Давыдов), далее Сашка, Саша (р. 1953) – сын Д. С., прозаик, переводчик, издатель.
- ¹³ Красная Пахра – дачное место под Москвой, где находится Дом творчества кинематографистов.
- ¹⁴ *Дудинцев Владимир Дмитриевич* (1918–1998) – прозаик, участник войны. Его роман «Не хлебом единым» (1956), опубликованный в НМ (1956, №№ 8–10), вызвал бурные споры (см. ОК, с. 37–39). Роман и его автор были заклеены, гл. редактор НМ К. Симонов, первоначально защищавший Дудинцева, признал публикацию ошибочной.
- ¹⁵ *Шефчет Мусарет* – в сборнике «Албанская поэзия» (М.: ГИХЛ, 1954) поэт назван Шефтет Мусарай. В сборнике напечатаны два его стихотворения в переводе Д. С.
- ¹⁶ *Пеньковский Лев Минаевич* (1894–1971) – переводчик.
- ¹⁷ *Ласкина Евгения Самойловна* (1914–1991) – зав. отделом поэзии журнала «Москва» (1956–1962). Ей Д. С. посвятил стихотворение «Память».
- ¹⁸ *Атаров Николай Сергеевич* (1907–1978) – писатель, первый гл. редактор журнала «Москва» с момента его основания в 1956 г.
- ¹⁹ В журнале «Москва» (1957, № 5) опубликованы стихотворения «Осень сорок первого», «Черный тополь», «Цирк», «Зрелость» и отрывок из поэмы «Ближние страны» – «Берлинский май».
- ²⁰ *Незвал Витезслав* (1900–1958) – чешский поэт. Д. С. написал предисловие к его книге «Лирика» (М.: Худож. лит., 1964).
- ²¹ *Т. Грузинова* – личность не установлена.
- ²² Книга стихов в издательстве «Молодая гвардия» не вышла.
- ²³ *Куклес Игорь Н.* – художник. Оформлял книги Д. С. «Второй перевал» (1963) и «Горсть» (1989).
- ²⁴ *Фогельсон Таисия Борисовна, далее Туся* (р. 1917) – инженер, двоюродная сестра жены Д. С.
- ²⁵ *Тимофеев Юрий Павлович* (1923–1982) – литератор, друг Д. С., прототип героя поэмы «Юлий Кломпус». О Тимофееве и «timoфеевской компании» см. ПЗ, «Глава с эпилогом».
- ²⁶ *Максимов Марк Давыдович* (1918–1986) – поэт, киносценарист, переводчик.

- ²⁷ *Зак Авенир Григорьевич* (1919–1974) – драматург, писал вместе с И. Кузнецовым.
- ²⁸ *Кузнецов Исai Константинович* (р. 1916) – драматург, прозаик, участник войны.
- ²⁹ *Тоомы* – поэт и переводчик Леон Валентинович Тоом (1921–1969) и его жена художница Наталья Павловна Антокольская (1921–1981). Д. С. в своем творчестве неоднократно возвращался к судьбе Леона Тоома. В ПЗ в «Главе с эпилогом» в качестве эпилога приведено стихотворение «Могила поэта», а в текст включены отрывок из посвященной Тоому главы «Прощание» из поэмы «Последние каникулы» и отрывок из стихотворения «В том городе бродили мы с Леоном...», опубликованного в книге «Улица Тооминга» (Таллин: Ээсти раамат, 1981).
- ³⁰ *Яков* – Кронрод Яков Абрамович (ум. 1984), д. э. н.
- ³¹ *Гидаш Антал* (1899–1980) – венгерский поэт, прозаик. Боец венгерской коммуны. Член КП Венгрии с 1920 г. В 1925–1959 гг. жил в СССР. Был репрессирован, провел шесть лет в Магадане. В начале 60-х годов вернулся в Венгрию.
- ³² *Кун Агнесса* (1915–1990) – переводчица с венгерского, дочь лидера венгерских коммунистов Белы Куна, жена А. Гидаша. Приобщила к переводам венгерской поэзии ряд известных поэтов, в том числе и Д. С.
- ³³ *Корытная Стелла* – племянница командарма И. Э. Якира. Узница сталинских лагерей, освобождена одной из первых по личному распоряжению Н. С. Хрущева, жена звукооператора Я. Е. Харона.
- ³⁴ *Зенкевич Михаил Александрович* (1891–1973) – поэт, переводчик.
- ³⁵ *Мартынов Леонид Николаевич* (1905–1980) – поэт, переводчик, лауреат Государственной премии. О нем см. ПЗ, с. 376–380.
- ³⁶ Стихотворение «Солдатская песня» впоследствии в измененном виде вошло в драму «Сухое пламя». Как отдельное стихотворение приведено в книге: Баевский В. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М.: Сов. писатель, 1986.
- ³⁷ К. филол. н. *Анна Петровна Соловьева* (р. 1923), д. филол. н. *Светлана Александровна Шерлаимова* (р. 1927), д. филол. н., профессор *Сергей Васильевич Никольский* (р. 1922) – сотрудники института славяноведения и балканистики.
- ³⁸ В НМ (1957, № 8) в подборке стихов В. Незвала в переводе Д. С. представлены четыре стихотворения и отрывок из поэмы «Эдисон».
- ³⁹ *Шуплецов Борис Всеволодович* (1912–1983) – редактор издательства иностранной литературы, впоследствии редактор издательства «Прогресс». Друг Д. С. с начала 50-х годов.
- ⁴⁰ *Симисы* – друзья Д. С. Симис Константин Михайлович (р. 1920) – юрист, специалист по международному праву. Каминская Дина Исааковна, далее Дуся (р. 1920) – адвокат, защищала многих правозащитников на процессах 60–70-х гг., знакома с Д. С. с довоенных времен, с компании П. Когана. Ей посвящено стихотворение «Кто устоял в сей жизни трудной...» (1970). С 1977 г. К. М. Симис и Д. И. Каминская живут в США.

- ⁴¹ *Шеху Мехмет* (1913–1980-е) — председатель Совета Министров Албании с 1948 г. Будучи ближайшим сподвижником Э. Ходжи, не избежал общей участи и был казнен в последние годы правления диктатора.
Ходжа Энвер (1908–1985) — правитель Албании (с 1948 г. — Генеральный секретарь, с 1954 г. — 1-й секретарь ЦК Албанской партии труда).
- ⁴² *Теплиц Кишиштоф Теодор* (р. 1933) — польский критик, публицист.
- ⁴³ *Карагинова Софья Григорьевна* — в то время редактор отдела поэзии НМ.
- ⁴⁴ *Лунгин Семен Львович* (1920–1996) — драматург, кинодраматург, муж Л. Маркович.
- ⁴⁵ *Кагарлицкий Юлий Иосифович, далее Кагер* (1926–2000) — литературовед, критик, переводчик, д. филол. н., профессор ГИТИСа, вице-президент Уэллсовского общества в Лондоне.
- ⁴⁶ *Тышлер Александр Григорьевич* (1898–1980) — театральным художник, живописец и график. Лауреат Сталинской премии.
- ⁴⁷ Речь идет о *Клавдии Ивановне Шинкиной* — актрисе театра им. К. С. Станиславского. К ней обращено стихотворение «Тебя мне память возвратила...» (1980).
- ⁴⁸ *Гавличек-Боровский Карел* (1821–1856) — чешский поэт. «Крещение святого Владимира» — неоконченная сатирическая поэма.
- ⁴⁹ *Маха Карел Гинек* (1810–1836) — чешский поэт.
Д. С. написал предисловие к сборнику Махи и Гавличка-Боровского «Там, за туманом край родной» (М.: «Дет. лит.», 1982), а также перевел поэму Махи «Май», поэмы Гавличка-Боровского «Король Лавра» и «Крещение святого Владимира» и ряд стихотворений обоих поэтов, вошедших в сборник.
- ⁵⁰ *Врхлицкий Ярослав* (1853–1912) — чешский поэт. В издании: Врхлицкий Я. Стихи. (М.: «Худож. лит.», 1980) много переводов, сделанных Д. С.
- ⁵¹ *Библ Константин* (1898–1951) — чешский поэт. Несколько переводов Д. С. стихов Библа вошли в книгу: Библ К. Стихи. М.: «Худож. лит.», 1965.
- ⁵² *Славе Борисовне и Марьяне Борисовне Гиссен* посвящена глава ПЗ «Слава и Марьяна».
- ⁵³ Как надо отнестись к внутренним противоречиям в народе: Передовая статья газеты «Женьминь жибао» // Правда, 15.04.57.
- ⁵⁴ *Малкин Виктор Борисович* (р. 1923) — профессор медицины, академик Академии космонавтики.
- ⁵⁵ *Злыднев Виталий Иванович* (1919–1999) — специалист по болгарской литературе, д. филол. н., сотрудник института славяноведения и балканистики, преподаватель филфака МГУ.
- ⁵⁶ Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. М.: Изд. иностр. лит., 1957.
- ⁵⁷ *Шкунаевы*: Инна Дмитриевна — театровед, зав. кафедрой ин-та иностранных языков, подруга О. Л. Фогельсон, и ее муж Владимир Петрович (1926–1988) — экономист-международник.

- ⁵⁸ *Граши Ашот* (1910–1973) – армянский поэт. Д. С. переводил его стихи.
- ⁵⁹ *Рунин Борис Михайлович* (1912–1994) – критик, литературовед, переводчик.
- ⁶⁰ *Тушинова Вероника Михайловна* (1915–1965) – поэтесса, жена Ю. Тимофеева.
- ⁶¹ *Поповкин Евгений Ефимович* (1907–1968) – писатель, лауреат Сталинской премии, секретарь СП.
- ⁶² *Де Крюи Поль* (1890–1971) – американский писатель, автор произведений в жанре научно-художественной литературы.
- ⁶³ «Бабыя деревня» – стихотворение Г. Сапгира.
- ⁶⁴ *Л. Лифшиц, далее Леша Лифшиц* – Лосев Лев Владимирович (р. 1937), поэт, литературовед, эссеист. Сын поэта и пародиста Вл. Лифшица. Жил в Ленинграде. После переезда в США в 1976 г. взял в качестве псевдонимного имени псевдоним, придуманный ему отцом во избежание путаницы. Профессор русской литературы в Дартмутском колледже (США).
- ⁶⁵ *Рейн Евгений Борисович* (р. 1935) – поэт, прозаик, переводчик, сценарист. Доцент Литинститута.
- ⁶⁶ *Корнилов Владимир Николаевич* (1928–2002) – поэт, прозаик. После двух поэтических книг, изданных в 1964 и 1967 гг., его стихи долгое время не публиковались. Верстки двух сборников были рассыпаны цензурой. Проза печаталась за границей. В 1977 г. Корнилов был исключен из Союза писателей за публикации своих произведений за рубежом и письмо в защиту А. Д. Сахарова. Третий сборник на родине вышел лишь в 1988 г. Рецензию Д. С. «Слитность со временем» на книгу Корнилова «Возраст» см.: «Знамя», 1968, № 2.
- ⁶⁷ *Россельс Владимир Михайлович* (1914–2000) – переводчик, теоретик перевода.
- ⁶⁸ 10 мая 1957 г. на пленуме Верховного Совета СССР был принят закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. В соответствии с ним управление должно было осуществляться по территориальному принципу через создаваемые Советы народного хозяйства (Совнархозы). Союзные и союзно-республиканские промышленные и строительные министерства и ведомства подлежали упразднению или реорганизации. Принятию закона предшествовало выступление на пленуме Н. С. Хрущева.
- ⁶⁹ Роман-поэма, о котором неоднократно упоминается в дальнейшем, так и не был написан.
- ⁷⁰ «19 мая на правительственной даче состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами, композиторами...
- Для участников встречи был дан обед, во время которого состоялся оживленный обмен мнениями по вопросам литературы и искусства. С речами выступили товарищи Н. С. Хрущев, Д. Т. Шепилов, А. И. Микоян, К. А. Федин, А. А. Сурков, Б. В. Иогансон, Т. Н. Хренников, Л. С. Соболев, К. М. Симонов, М. В. Исаковский, С. В. Михалков,

- А. Е. Корнейчук, Е. А. Долматовский, М. Турсун-Заде, С. А. Герасимов, Н. М. Грибачев, М. И. Алигер, Е. Е. Поповкин. Затем состоялся концерт мастеров искусств. Встреча прошла в обстановке исключительной сердечности и теплоты» (ЛГ, 21.05.1957).
- ⁷¹ *Гомулка Владислав* (1905–1982) – в 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК ПОРП. 19 мая 1957 г. в прессе появилось изложение доклада Гомулки «Узловые проблемы политики партии» на открывшемся 15 мая в Варшаве IX пленуме ПОРП.
- ⁷² *Боков Виктор Федорович* (р. 1914) – поэт, прозаик. Редактировал первую книгу Д. С. «Ближние страны» (1958).
- ⁷³ *Евг. Евтушенко* (р. 1933) написал несколько благосклонных рецензий на книги Д. С. Свое отношение к деятельности и поэзии Евтушенко Д. С. изложил в ПЗ в главе «Литература и общественное движение 50–60-х годов».
- ⁷⁴ *Львов Михаил Давыдович* (1916/17–1988) – поэт, участник войны.
- ⁷⁵ *Левитанский Юрий Давыдович* (1922–1996) – поэт, переводчик. Ифлиец, фронтовик, близкий друг Д. С. Лауреат Государственной премии, во время вручения которой выступил с осуждением чеченской войны. Ему посвящены стихи «Шуберт Франц» (1961), «Другу-стихотворцу» (1978) и «Романс седьмого дня». Левитанский посвятил Д. С. стихотворение «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...».
- ⁷⁶ *Виноградов Игорь Иванович* (р. 1930) – критик, зав. отделом критики в «Новом мире» Твардовского (1965–1970). Преподаватель Литинститута, к. филол. н. С 1992 г. гл. редактор журнала «Континент».
- ⁷⁷ *Субботин Василий Ефимович* (р. 1921) – писатель. Участник войны.
- ⁷⁸ *Коваленков Александр Александрович* (1911–1971) – поэт.
- ⁷⁹ *Фоломин Федор Петрович* (1908–1978) – поэт.
- ⁸⁰ *Аким Яков Лазаревич* (р. 1923) – детский писатель, участник войны. В 1984 г. Д. С. опубликовал статью о его творчестве в журнале «Детская литература» (см. примечание к записи от 29 мая 1983 г.).
- ⁸¹ Книга «Ближние страны» вышла в 1958 г. В нее вошел первоначальный вариант поэмы «Ближние страны».
- ⁸² Книга Тувима «Весны и осени» в переводе Д. С. вышла в «Детгизе» в 1959 г.
- ⁸³ *Арань Янош* (1817–1882) – венгерский поэт. Переводы его стихов и поэм, сделанные Д. С., вошли в сборник: Арань Я. Избранное. М.: ГИХЛ, 1960.
- ⁸⁴ *Ийеш Дьюла* (1902–1983) – венгерский поэт, драматург, прозаик. Д. С. высоко ценил творчество Ийеша, много его переводил, написал предисловия к нескольким сборникам стихов. Он в *сумасшедшем доме...* – Эта информация неверна. В действительности Ийеш, здоровье которого было расшатано в связи с событиями 1956 г., по настоянию близких лег на время в клинику нервных болезней.

- ⁸⁵ Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 22–29 июня, и постановление Пленума «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.» появились в «Правде» только 4 июля.
- ⁸⁶ *Штейнберг Аркадий Акимович* (1907–1984) – поэт, переводчик.
- ⁸⁷ Встреча с Заболоцким отражена в стихотворении «Заболоцкий в Тарусе» и очерке «День с Заболоцким» в ПЗ, в котором ошибочно датируется 1958 г.
- ⁸⁸ *Карелин Лазарь Викторович* (р. 1920) – прозаик, драматург.
- ⁸⁹ Летом 1957 г. в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодежи.
- ⁹⁰ Состав редколлегии ЛГ в августе 1957 г.: В. Кочетов (гл. редактор), М. Алексеев, Б. Галин, Г. Гулия, В. Друзин (зам. гл. редактора), П. Карелин, В. Косолапов (зам. гл. редактора), Б. Леонтьев, Г. Марков, В. Овечкин, Е. Рябчиков, В. Фролов.
- ⁹¹ *Тендряков Владимир Федорович* (1923–1984) – прозаик. В семнадцать лет ушел добровольцем на фронт.
- ⁹² Слуцкий Борис. Память: Книга стихов. М.: Сов. писатель, 1957.
- ⁹³ Интересно отметить, что термин «внутренняя эмиграция» применительно к Д. С. употреблен впервые задолго до его переезда в Эстонию. К сожалению, определить, какие стихи имелись в виду, не представляется возможным.
- ⁹⁴ Об «активе» Министерства обороны в прессе не сообщалось. С 4 по 26 октября «Красная звезда» подробно освещала визит министра обороны в Югославию и Албанию. 27 октября последовало скупое сообщение, что 26 числа Жуков покинул Албанию и в тот же день вернулся в Москву, а на последней странице, в разделе «Хроника» – информация о назначении Президиумом Верховного Совета СССР на пост Министра обороны маршала Р. Я. Малиновского и об освобождении маршала Г. К. Жукова от обязанностей Министра обороны. Затем, после недельного молчания, 3 ноября в «Правде» появилось сообщение о состоявшемся в конце октября Пленуме ЦК, обсуждавшем вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте и выведшем Г. К. Жукова из членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС.
- ⁹⁵ *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976) – писательница. Лауреат Сталинской премии.
- ⁹⁶ *Трифоновна Тамара Казимировна* (1904–1962) – критик.
- ⁹⁷ *Кочетов Всеволод Анисимович* (1912–1973) – прозаик. Все его творчество подчинено принципу: «Литература должна быть партийной». В 1953–1955 возглавлял Ленинградское отделение Союза писателей, организовывал «проработку» Ахматовой и Зощенко. Член ЦРК КПСС (1956–1966). Гл. редактор ЛГ (1955–1959), журнала «Октябрь» (1961–1973).
- ⁹⁸ *Солоухин Владимир Алексеевич* (1924–1997) – поэт, прозаик, публицист, лауреат Государственной премии.

- ¹ *Любимов Николай Михайлович* (1912–1992) — автор переводов на русский язык многих произведений мировой классики, лауреат Государственной премии. Редактор выпуска книги переводов Д. С. «Поэты-современники» (М.: Изд-во иностр. лит, 1963), открывшей серию «Мастера поэтического перевода». Автор предисловия к первому варианту книги Д. С. «Равноденствие», которая должна была выйти в издательстве «Художественная литература» в 1968 г. (см. записи 1968 года).
- ² В мае 1957 г. несколько выпускников истфака МГУ создали подпольный кружок с целью добиваться последовательной десталинизации, либерализации в политике и экономике (кружок Краснопевцева). Члены кружка распространили в Москве листовку с призывом к борьбе за социалистическое обновление в духе XX съезда КПСС. В августе 1957 г. девять членов кружка были арестованы (ЛА, с. 305). Впоследствии Д. С. писал: «После ряда судебных процессов, связанных с борьбой за власть внутри правящего слоя, процесс Краснопевцева был первым, где судились идеи...» (ПЗ, с. 372).
- ³ *Гончаров Виктор* (р. 1920) — поэт, скульптор. Участник войны.
- ⁴ *Кардин Эмиль Владимирович* (псевдоним *В. Кардин*) (р. 1921) — критик, исследователь советской литературы, театра и кино. Ифлиец, участник войны. Автор рецензии на первую книгу Д. С.: Кардин В. Ясность // ДН, 1960, № 3.
- ⁵ *Иванов Вячеслав Всеволодович, далее Кома* (р. 1929) — языковед, литературовед, культуролог, переводчик, д. филол. н, лауреат Ленинской и Государственных премий. Член-корреспондент РАН, Королевского об-ва Великобритании, АН США. В настоящее время живет в США.
- ⁶ *Френкель Илья Львович* (1903–1994) — поэт-песенник.
- ⁷ «Монна Ванна» — пьеса М. Метерлинка. В 1958 г. в изд-ве «Искусство» в серии «Библиотека драматурга» вышел том пьес Метерлинка с переводами под редакцией Н. М. Любимова, а три пьесы непосредственно в его переводе.
- ⁸ В журнале «Москва» (1958, №5) опубликованы стихотворения «Цирк» и «Зрелость».
- ⁹ *Галич Александр Аркадьевич* (1918–1977) — драматург, бард. После единственного публичного выступления с песнями в Новосибирском академгородке в 1968 г. подвергался притеснениям со стороны властей. В 1971 г. исключен из Союза писателей, в 1972 г. — из Союза кинематографистов. В 1974 г. вынужден был эмигрировать из СССР. Погиб в конце 1977 г. то ли от несчастного случая, то ли в результате спланированного покушения.
- «Матросская тишина» (1956) — пьеса, которую московский театр «Современник» готовил к своему открытию. История запрета пьесы отражена Галичем в автобиографической повести «Генеральная репетиция» (1973) (см. Галич А. Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи. Екатеринбург: «У-Фактория», 1998).

- ¹ *Самсонов Василий Александрович* в то время был председателем президиума Московской городской коллегии адвокатов. Участвовал в ряде политических процессов, в том числе по делу «Союза патриотов» (дело Краснопевцева). Был близким другом Симисов до процесса по делу Синявского и Даниэля. Перед этим процессом Самсонову как председателю коллегии адвокатов поступило требование от МК КПСС организовать защиту так, чтобы во время суда не прозвучали слова о невиновности подзащитных. Самсонов, уже принявший на себя защиту Синявского и собиравшийся требовать его оправдания, повинувшись партийному требованию, отказался от защиты (чтобы «не позорить свое имя») и пытался уговорить Д. Каминскую отказаться от защиты Даниэля. Не уговорив, собственным распоряжением отстранил ее от дела. Таким образом, в процессе участвовали защитники, согласившиеся с партийными ограничениями. После этого Симисы порвали с ним отношения.
- ² *Краснопевцев Лев Николаевич* (р. 1930) — историк, до ареста аспирант кафедры марксизма-ленинизма МГУ, руководитель подпольного кружка. Главный хранитель Музея российских меценатов и благотворителей.
- ³ *Копелев Лев Зиновьевич* (1912–1997) — писатель, критик, германист. Был аспирантом ИФЛИ. Участник войны, узник сталинских лагерей. Друг Д. С. В 60–70-х гг. открыто выступал против политических преследований в СССР. В 1977 г. исключен из СП. В 1981 г. во время поездки в ФРГ лишен советского гражданства. Жил в Кельне. Копелеву посвящены стихотворения «Часовой» и «Ты — окруженный гарнизон...».
- ⁴ *Т. В. — Иванова Тамара Владимировна* (1900–1995) — переводчица, мемуаристка, жена Вс. Иванова.
- ⁵ *Каменский Александр Абрамович* (1922–1992) — доктор искусствоведения, ифлиец.
- ⁶ *Сарабьянов Дмитрий Владимирович* (р. 1923) — искусствовед, академик, ифлиец.
- ⁷ *Рудницкий Константин Лазаревич* (1920–1988) — доктор искусствоведения, театральный критик. Участник войны.
- ⁸ *Рожанский Иван Дмитриевич* (1913–1994) — физик, историк науки и философии. «Дом Рожанских был в ту пору местом постоянных встреч литераторов и ученых, привлекаемых туда не только гостеприимством хозяев, но и редкостным собранием книг и магнитофонных записей». (ЗАА, т. 3, с. 407)
- ⁹ Имеется в виду пьеса «Сухое пламя».
- ¹⁰ *Эмин Геворк* (1919–1998) — армянский поэт. Лауреат Государственной премии. Д. С. переводил его стихи.
- ¹¹ *Чайковский Борис Александрович* (1925–1996) — композитор, народный артист СССР, лауреат Государственной премии. Автор музыки к радиопостановкам детских пьес Д. С. и нескольких песен на слова Д. С.

- ¹² ...неожиданно пришла Светл... — Речь идет о дочери Сталина, Светлане Иосифовне Аллилуевой (р. 1926). В конце 50-х годов она была в близких отношениях с Д. С. Ныне живет в Лондоне.
- ¹³ *Вознесенский Андрей Андреевич* (р. 1933) — поэт, лауреат Государственной премии. Отношение Д. С. к Вознесенскому выражено в ПЗ в главе «Литература и общественное движение 50–60-х годов».
- ¹⁴ *Лиля* — Бородина Лидия Михайловна, жена С. Б. Фогельсона, друга Д. С., умершего за месяц до дня записи.
- ¹⁵ *Золотухин Борис Андреевич* (р. 1930) — адвокат, друг Д. С. Выступал защитником на политических процессах. После публикации за рубежом речи в защиту А. Гинзбурга был исключен из партии и коллегии адвокатов.

1962

- ¹ Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) — поэт, прозаик, летописец колымских лагерей. Двадцать лет провел на каторге.
- ² *Лидия Корнеевна Чуковская* (1907–1996) много лет дружила с Д. С. По ее просьбе он посвятил ей стихотворение «Полночь под Иван Купала» (1973). Посещение Д. С. Ахматовой описано Л. К. Чуковской (ЗАА, т. 2, с. 520–521).
- ³ *Фрост Роберт* (1874–1963) — американский поэт.
- ⁴ *Глен Ника Николаевна* (р. 1928) — переводчица, редактор Гослитиздата, специалист по болгарской литературе. В 1958–1963 гг. была литературным секретарем А. А. Ахматовой.
- ⁵ *Горбаневская Наталья Евгеньевна* (р. 1936) — поэтесса, правозащитница, первый редактор информационного бюллетеня правозащитного движения «Хроника текущих событий» (с 1968 г. до ареста в 1969 г.). Участница демонстрации протеста 25 августа 1968 г. на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию. В 1969 г. арестована. Провела три года в психиатрической больнице особого типа в Казани. В декабре 1975 г. эмигрировала из СССР. Живет во Франции, работает в газете «Русская мысль».
- ⁶ *Стерн Анатолий* (1899–1968) — польский поэт. Д. С. переводил его стихи.
- ⁷ *Казакевич Эммануил Генрихович* (1913–1962) — писатель, участник войны, дважды лауреат Сталинской премии. Редактор альманаха «Литературная Москва» (вышло два выпуска в 1955 и 1956 гг., после чего альманах был запрещен).
- ⁸ *Бобышев Дмитрий Васильевич* (р. 1936) — поэт. С 1979 г. живет в США.
- ⁹ *Найман Анатолий Генрихович* (р. 1936) — поэт, переводчик, прозаик. В 1962–1966 гг. был литературным секретарем А. А. Ахматовой.
- ¹⁰ Поэму И. Бродского «Холмы» (1962) см.: СИБ1, с. 213–218.

- ¹¹ *Лепский Георгий Соломонович* (р. 1919) — художник, музыкант, друг Д. С. с довоенных времен.
- ¹² «Бригантина», «Холодина» — песни Г. Лепского на слова П. Когана. «Роб Рой» — на стихи С. Наровчатова.
- ¹³ На Пленуме московского отделения Союза писателей РСФСР, посвященном «молодой литературе», с докладами выступили А. Борщаговский (о прозе) и Я. Смеляков (о поэзии).
Смеляков Ярослав Васильевич (1912/1913—1972) — поэт, лауреат Государственной премии. Узник сталинских лагерей. Свою оценку творчества Смелякова Д. С. изложил в ПЗ в главе «Литература и общественное движение 50—60-х годов».
- ¹⁴ Речь идет о повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна» (1939—1940). В следующей записи Д. С. ошибочно называет повесть «Софья Павловна». Л. К. Чуковская в 60-х годах безуспешно пыталась опубликовать повесть (см. ЗАА, тт. 2 и 3), однако удалось это сделать лишь в 1988 г. См.: ПИ, с. 3—78.
- ¹⁵ *Бёль Генрих* (1917—1985) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. К нему обращено стихотворение «Я рад, что промахнулся, Генрих Бёль...» («Знамя», 1995, № 6).
- ¹⁶ *Живова Юлия Марковна, далее Юля* (р. 1925) — редактор Гослитиздата, специалист по польской литературе.
- ¹⁷ *Тарковский Арсений Александрович* (1907—1989) — поэт, переводчик. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Инвалид войны. Первая книга его стихов «Перед снегом» вышла в 1962 г. (набранный в 1946 г. в изд-ве «Советский писатель» сборник был рассыпан после постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»). Лауреат Государственной премии (посмертно). К нему обращено стихотворение Д. С. «Арсению Тарковскому» (1979).
- ¹⁸ *Петровых Мария Сергеевна* (1908—1979) — поэтесса, переводчица. Вместе с ней и В. К. Звягинцевой Д. С. вел семинар молодых переводчиков при Союзе писателей. Ей посвящена глава ПЗ «Наброски к портрету», в которую включено стихотворение «Этот нежный, чистый голос...». Д. С. также написал цикл «Три стихотворения» памяти М. С. Петровых (1979).
- ¹⁹ *...мой отрывочек о Заболоцком*. — Имеется в виду очерк «День с Заболоцким». См. примечание к записи от 15 июля 1957 г.
- ²⁰ *Воронель Нинель Абрамовна* (р. 1932) — поэтесса, переводчица, драматург. С 1974 г. живет в Израиле. Член редколлегии общественно-политического и литературного журнала еврейской интеллигенции из СССР «22».
- ²¹ *Кудинов Михаил Павлович* (1922—1994) — переводчик.
- ²² *Ясенский Бруно* (1901—1941) — поэт, прозаик. С 1929 г. жил в СССР. Писал на польском и русском языках. Был репрессирован и умер в тюрьме. В 1962 г. в издательстве «Художественная литература» вышла книга поэм и стихотворений Б. Ясенского «Слово о Якубе Шеле», в которой

- Д. С. перевел поэму, давшую название книге, и три стихотворения. *Ясенский Андрей* – сын Бруно Ясенского.
- ²³ *Анинский Лев Александрович* (р. 1934) – критик, сотрудник ЛГ (1957–1960), журналов «Знамя» (1960–1967) и «Дружба народов» (с 1972).
- ²⁴ *Гольд Борис Васильевич* – инженер, автор книги «Как работает автомобиль», друг Н. М. Любимова.
- ²⁵ *Гараи Габор* (1929–1987) – венгерский поэт, прозаик. Д. С. переводил его стихи. В книге Гараи «В моем окне звезды» (М.: Дет. лит., 1970) Д. С. написал предисловие и был редактором переводов.
- ²⁶ *Маркиш Симон Перецович* (р. 1931) – переводчик, литературовед. Живет в Швейцарии, профессор кафедры русской литературы Женевского университета.
- ²⁷ *Каждан Александр Петрович* (1922–1997) – историк-византист, д. ист. н. В 1979 г. эмигрировал в США.
- ²⁸ *Кипса* – прозвище Н. П. Антокольской, жены Леона Тоома.
- ²⁹ *Николаева Н.* – в то время редактор издательства «Прогресс».
- ³⁰ *Ржига Богумил* (1907–1987) – чешский поэт, прозаик.
Кубка Франтишек (1894–1969) – чешский поэт, прозаик, драматург, переводчик.
Грубин Франтишек (1910–1971) – чешский поэт, драматург. Д. С. переводил его стихи.
Пиларж Ян (1917–1996) – чешский поэт, редактор, директор издательства.
- ³¹ *Стоун Ирвинг* (1903–1989) – американский писатель.
- ³² *Ревич Александр Михайлович* (р. 1921) – поэт, переводчик, литературовед, доцент Литинститута. Участник войны.
- ³³ *Бахмутский Владимир Яковлевич* (р. 1919) – профессор, заслуженный деятель искусств, преподаватель ВГИКа.
- ³⁴ *Мориц Юнна Петровна* (р. 1937) – поэтесса, переводчица.
- ³⁵ *Ивашкевич Мария* – жена польского писателя Ярослава Ивашкевича.
- ³⁶ *Федорин Игорь Андреевич* (р. 1935) – переводчик.
- ³⁷ *Бродский Борис Ионович* (1920–1997) – искусствовед.
- ³⁸ *У старика.* – Речь идет о Вс. Иванове.
- ³⁹ *Азгур Заир Исаакович* (1908–1992) – скульптор-монументалист, народный художник СССР, действительный член академии художеств, Герой Соц. Труда, дважды лауреат Сталинской премии.
- ⁴⁰ *Гофмейстер Адольф* (1902–1973) – чешский художник, писатель, общественный деятель, один из основателей молодежного литературно-художественного авангардистского движения «Девясил».

- ⁴¹ *Заманский Владимир Петрович* (р. 1928) — актер, работал в «Современнике» (1958–1966), Театре-студии киноактера (1972–1980), с 1992 г. — в театре им. Ермоловой.
- ⁴² *Никулин Валентин Юрьевич* (р. 1933) — народный артист России. С 1960 г. работал в «Современнике». Часто выступал на творческих вечерах Д. С.
- ⁴³ *Ездили на могилу Сергея*. — Речь идет о Сергее Борисовиче Фогельсоне (1911–1960), друге Д. С., двоюродном брате его жены. Ему посвящено стихотворение «Слава богу! Слава богу!...» (1961).
- ⁴⁴ Шереметьево — пос. в Подмосковье, где Д. С. жил зимой на дачах ЛГ.
- ⁴⁵ *Окуджава Булат Шалвович* (1924–1997) — поэт, прозаик. Участник войны. Впоследствии в поэме «Юлий Клопус» (1979), вспоминая песенный репертуар послевоенных лет, Д. С. писал «...Тогда мы много пели, но // Былым защитникам державы, // Нам не хватало Окуджавы». Б. Окуджаве посвящено стихотворение «Памфлет», опубликованное в ЛГ 14.12.1988.
- ⁴⁶ Первоначально повесть А. Солженицына, известная как «Один день Ивана Денисовича», называлась «Щ-854 (Один день одного ЗК)». В НМ (1962, № 11) опубликована под «смягченным» названием, которое придумал Л. Копелев.
- ⁴⁷ *Марцинкявичюс Юстинас* (р. 1930) — народный поэт Литвы. Д. С. переводил его стихи. Поэму, о которой идет речь, перевел А. Межиров.
- ⁴⁸ Мартынов Л. Новая книга. М.: Моск. рабочий, 1962.
- ⁴⁹ *Поляков Марк Яковлевич* (р. 1916) — критик, литературовед, д. филол. н., профессор. Живет в США.
- ⁵⁰ *Максимов Владимир Емельянович* (1930–1995) — прозаик, драматург. В 1973 г. исключен из СП. В 1974 г. эмигрировал в Париж. В 1974–1992 гг. был главным редактором журнала «Континент».
- ⁵¹ *Всеволоду сделали операцию*. — Речь идет о Вс. Иванове.
- ⁵² *Аграновский Валерий Абрамович* (1919–2000) — журналист, критик, драматург.
- ⁵³ *Фролов Владимир Васильевич* (1917–1994) — театровед.
- ⁵⁴ *Фогельсон Виктор Сергеевич* (1932–1994) — редактор издательства «Советский писатель», сын С. Б. Фогельсона. Редактировал все сборники Д. С., вышедшие в издательстве, начиная с книги «Второй перевал» (1963).
- ⁵⁵ *Йожеф Атила* (1905–1937) — венгерский поэт. Вышло несколько сборников стихов Йожефа, составленных А. Кун, с предисловием Д. С.: Стихи. М., 1962; Родина моя. М., 1968; Стихи. М.: Худож. лит., 1980. Многие стихи перевел Д. С.
- ⁵⁶ *Артамонов Сергей* — литератор, друг Д. С. Живет во Франции.
- ⁵⁷ *Галчинская Наталья* — вдова польского поэта К. И. Галчинского. Д. С. упоминает ее в стихотворении «Соловьи Ильдефонса-Константы» (1966).

- Галчинский Константин Ильдефонс* (1905–1953) – польский поэт. Д. С. любил его стихи и многие перевел (см.: Галчинский К. И. Стихи. М.: Худож. лит., 1967; Юлиан Тувим, Владислав Броневский, Константин И. Галчинский. Избранное. М.: Худож. лит., 1975. Предисловия к обеим книгам принадлежат Д. С.).
- ⁵⁸ *Вольнский Леонид Наумович* (1912–1969) – художник, писатель, участник войны. Брат И. Крамова.
- ⁵⁹ *Лебедев Александр Александрович* (р. 1928) – критик, литературовед, к. филол. н. В книгу «Обязанность жить» (М.: Сов. писатель, 1987) включил главу «Поэт плеяды», состоящую из диалога в письмах с Д. С.
- ⁶⁰ *Герасимов Евгений Николаевич* (1903–1986) – писатель.
- ⁶¹ Речь идет о книге Николая Глазкова «Поэтоград» (М.: Мол. гвардия, 1962).
- ⁶² *Якобсон Анатолий Александрович* (1935–1978) – литератор, педагог, правозащитник. Участник семинара молодых переводчиков, руководимого В. К. Звягинцевой, М. С. Петровых и Д. С. Впоследствии стал близким другом Д. С. С декабря 1969 г., после ареста Н. Горбаневской, редактировал самиздатский журнал «Хроника текущих событий». В 1973 г. был вынужден эмигрировать в Израиль. Тяжело переживал отъезд. В 1978 г. покончил с собой. Д. С. посвятил ему стихотворения «Песня о походе» (1971) из цикла «Балканские песни», «И тогда узнаешь вдруг...» (1973), а на смерть Якобсона написал «Прощание» (1978).
- ⁶³ *Улановская Майя Александровна* (р. 1932) – библиограф. С 1973 г. живет в Израиле. Об организации «Союз борьбы за дело революции» (СДР), членом которой она считала себя с октября 1950 по февраль 1951 г., и о расправе с ее членами М. Улановская написала в книге: Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М.: Весть-ВИМО, 1994.
- ⁶⁴ Стихотворение А. Якобсона «Анне Ахматовой» приведено в книге: Анатолий Якобсон. Почва и судьба (Вильнюс-Москва, 1992), а также в ЗАА, т. 2, с. 779.
- ⁶⁵ *Загурский Ежи* (1907–1983) – польский поэт, эссеист. Д. С. переводил его стихи.
- ⁶⁶ Речь идет о книге: Гумилёв Н. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Вашингтон: Изд-во кн. маг. Victor Kamkin, 1962. В ЗАА (запись 4.11.1962) Л. К. Чуковская пишет, что привезла этот том Анне Андреевне.
- ⁶⁷ Стихотворение И. Бродского «Закричат и захлопочут петухи...» с посвящением «А. А. Ахматовой» см.: СИБ1, с. 178–179.
- ⁶⁸ *Ружевич Тадеуш* (р. 1921) – польский писатель. Д. С. переводил его стихи. Ружевич Т. Беспокойство. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
- ⁶⁹ *Рахлина Марлена Давыдовна* (р. 1927) – поэтесса, педагог. Живет в Харькове.
- ⁷⁰ *Муха – Иванова Марина Владимировна* (1917–1987), редактор отдела прозы издательства «Советский писатель».

- ⁷¹ Полное название произведения И. Стравинского «История солдата. Сказка о беглом солдате и черте, играемая, читаемая и танцуемая» (1918).
- ⁷² *Исаев Егор Александрович* (р. 1926) — поэт, Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии. Секретарь СП. Автор монументальных поэм. «Простит ли мне Егор Исаев // Столь легкомысленный сюжет?» — иронизировал Д. С. в поэме «Юлий Кломпус» (в печатном варианте вместо «Егор Исаев» — «редактор Паев»). В то время Исаев работал редактором в издательстве «Советский писатель».
- ⁷³ *Павлова Муза Константиновна* (р. 1917) — переводчица, поэтесса, драматург.
- ⁷⁴ *Бурич Владимир Петрович* (1932—1994) — поэт, переводчик, литературовед, теоретик верлибра.
- ⁷⁵ *Кобзев Игорь Иванович* (1924—1986) — поэт.
- ⁷⁶ *Поликарпов Сергей Иванович* (1932—1988) — поэт, переводчик. Автор рецензии на первую книгу Д. С. «Ближние страны» в журнале «Москва» (1959, № 10). Д. С. написал рецензию на книгу С. Поликарпова «Куст неопалимый» в ЛО (1976, №12).
- ⁷⁷ *Горская Нателла Всеволодовна* (р. 1928) — переводчица.
- ⁷⁸ *Олев Наум* — поэт, переводчик.
- ⁷⁹ *Придворов Светослав Ефимович* (1921—1986) — литератор, сын Демьяна Бедного.
- ⁸⁰ Поэма В. Корнилова «Пасха 61-го года» писалась в 1962—1963 гг. (См. Корнилов В.. Избранное. М.: Сов. писатель, 1991).
- ⁸¹ *Воронель Александр Владимирович* (р. 1931) — д. физ.-мат. наук. Муж Н. Воронель. С 1974 г. живет в Израиле. Профессор Тель-Авивского университета. Писатель, эссеист. Гл. редактор журнала «22».
- ⁸² *Пуришев Борис Иванович* (1903—1989) — литературовед, профессор, специалист по немецкой литературе.
Михайловский Борис Васильевич (1899—1965) — литературовед, д. филол. н.
- ⁸³ *Лиснянская Инна Львовна* (р. 1928) — поэтесса, переводчица, литературовед. Лауреат премии Солженицына. Участница альманаха «Метрополь». Мужем ее в то время был поэт Григорий Корин.
- ⁸⁴ «Когда мне, наконец, сказали: Прав!..» — стихи не публиковались.
- ⁸⁵ *Федецкий Земовит* (р. 1923) — переводчик русской поэзии на польский язык.
- ⁸⁶ *Турков Андрей Михайлович* (р. 1924) — критик, литературовед. Участник войны.
- ⁸⁷ *Панченко Николай Васильевич* (р. 1924) — поэт, участник войны, один из инициаторов выпуска альманаха «Тарусские страницы» (Калуга, 1961).
- ⁸⁸ *Фейгин Эммануил Абрамович* (1913—1985) — тбилисский прозаик, переводчик. Свое знакомство с ним Д. С. описал в ПЗ (с. 334).
- ⁸⁹ *Иванова Татьяна Эдуардовна* — первая жена Вяч. Вс. Иванова.

- ⁹⁰ «Реквием» А. Ахматовой опубликован в СССР в 1987 («Знамя», №3 и «Нева» №6).
- ⁹¹ *Смирнов Сергей Васильевич* (1913–1993) – поэт, пародист. Участник войны.
- ⁹² *Войтек С.* – Семен Войцех (р. 1928) – польский актер.
- ⁹³ *Марьямов Александр Моисеевич* (1909–1972) – писатель. В то время был членом редколлегии НМ.
- ⁹⁴ *Мацкин Александр Петрович* (1906–1996) – критик. Участник войны.
- ⁹⁵ В Москве в помещении Малого театра гастролировал Государственный национальный театр Польской Народной Республики. Спектакль «История о славном воскресении Господнем» ченстоховского монаха Миколая из Вильковенца поставил директор и художественный руководитель театра Казимеж Деймек.
- ⁹⁶ *Пеца* – П. З. Горелик.
- ⁹⁷ *Володин Александр Моисеевич* (1919–2001) – драматург, прозаик, поэт. Участник войны.
- ⁹⁸ *Берман Алиса Львовна* (1918–1993) – ифлийка. С 1947 г. жила в Вильнюсе, более двадцати лет заведовала русской редакцией издательства «Vaga». В 1977 г. эмигрировала в Израиль.
- ⁹⁹ Спектакль «Слово о Якубе Шеле» по Б. Ясенскому поставлен К. Деймеком в 1962 г.
- ¹⁰⁰ *Деймек Казимеж* (р. 1924) – польский актер, режиссер. Директор и художественный руководитель Национального театра в Варшаве (1962–1968). Был режиссером театра «Атенеум», художественным руководителем Театра Нового в Лодзи. После постановки спектакля «Дзяды» А. Мицкевича в Театре Новом в Лодзи был со скандалом снят, что послужило поводом к бурным выступлениям молодежи и интеллигенции. В 1993 г. назначен министром культуры Польши.
- ¹⁰¹ «Матадор» – стихотворение Д. С., вошедшее в книгу «Второй перевал».
- ¹⁰² «Золушка» (1960) – стихотворение Евтушенко, см. в книге: Евтушенко Е. Мое самое-самое. М.: Х. Г. С., 1995.
- ¹⁰³ В архиве Д. С. сохранился машинописный экземпляр «Сентябрьской поэмы» с датировкой «окт.–нояб. 62».
- ¹⁰⁴ *Каганов Моисей Исаакович*, далее Мусик (р. 1921) – д. физ.-мат. н. С 1994 г. живет в Бостоне. Каганова Зоя Исааковна (р. 1937) – математик, к. физ.-мат. н. Семенов Юрий Николаевич (1925–1995) – сотрудник МГИМО, Института философии АН, д. филос. н.
- ¹⁰⁵ «Сын» (1942) – поэма П. Антокольского памяти сына Владимира, погибшего на фронте.
- ¹⁰⁶ *Матвеева Новелла Николаевна* (р. 1934) – поэтесса, автор и исполнитель песен. Опубликовала несколько злых пародий на Д. С. «Солнечный зайчик» – стихотворение для детей, посвященное С. Я. Маршаку.
- ¹⁰⁷ После того как 1 декабря 1962 г. Н. С. Хрущев посетил выставку в Манеже, посвященную 30-летию МОСХ, и в своей обычной манере раз-

нес в пух и прах художников, пренебрегающих соцреализмом (А. Тышлера, Р. Фалька, Д. Штеренберга и др.), началась кампания против «формалистов» и «абстракционистов». 17 декабря на встрече партийного руководства с деятелями литературы и искусства прозвучало требование «укреплять связи искусства с жизнью, не поддаваться тлетворному влиянию западного модернизма».

- ¹⁰⁸ В ежегоднике «День поэзии—1962» опубликованы стихи Д. С. «Старик Державин» и «Старый город». После этого до 1968 г. «День поэзии» его не печатал.
- ¹⁰⁹ *Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна* (р. 1937) — поэтесса, переводчица, лауреат Государственной премии.
- ¹¹⁰ *Альберти Рафаэль* (1902—1999) — испанский поэт.
- ¹¹¹ *Тынянова Инна Юрьевна* (р. 1917) — переводчица, дочь литературоведа и писателя Ю. Н. Тынянова.
- ¹¹² *Смоленский Яков Михайлович* (1920—1996) — чтец, участник войны. Первым начал читать со сцены композиции по стихам Д. С. Ему посвящено стихотворение «Мой милый чтец! Ну что за слово...» (опубликовано в журнале «Даугава», 1979, № 2).
- ¹¹³ *Болховитинов Виктор* — друг Н. Майорова, один из составителей книги: Майоров Н. Мы были высоки, русоволосы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969.
- ¹¹⁴ «И снова будут дробить суставы» — стихотворение впервые опубликовано в книге «Черта» (М.: Весть, 1994).
- ¹¹⁵ «Наташа», «Старик Державин», «Матадор», «Ночная гроза» и «Красная осень» вошли в книгу «Второй перевал» (1963); «Музыка, закрученная туго...», «Странно стариться...», «Я рано встал...», «Как объяснить тебе...» и «Давай поедem в город...» — в книгу «Дни» (1970); «О, Господи, конечно, все мы грешны...» и «Непонятны нам сыновья и дочери...» опубликованы в книге «Снегопад» (1990), «И снова будут дробить суставы» — в книге «Черта» (1994); «Напряженный, как шкура бубна...» — в сборнике «Перекресток = цовет» № 3 (М.—Иерусалим, 1996). Остальные стихи не опубликованы.
- ¹¹⁶ *Павчек Тоне* (р. 1929) — словенский поэт.
- ¹¹⁷ *Светов Феликс Григорьевич* (р. 1927) — критик, религиозный писатель. В 1980 г. исключен из СП. В 1985—1987 гг. находился в заключении.
- ¹¹⁸ *Крахмальникова Зоя Александровна* (р. 1929) — в то время работала в ЛГ, ныне — религиозный публицист.
- ¹¹⁹ *Зверев Анатолий Тимофеевич* (1931—1986) — художник, представитель «неофициального искусства».

1963

- ¹ *Симонов Алексей Кириллович* (р. 1939) — кинорежиссер, журналист, переводчик, сын К. Симонова и Е. Ласкиной. Председатель фонда защи-

- ты гласности. Автор рецензии на первую книгу Д. С.: Симонов А. Мир становится светлей // Моск. комсомолец, 29.03.1959.
- ² *Кушнер Александр Семенович* (р. 1936) — поэт, главный редактор серии «Новая библиотека поэта».
  - ³ *Астафьева Наталья Георгиевна* (р. 1922) — поэтесса, пишет на русском и польском языках. Переводчица польской поэзии.
  - ⁴ *Сарнов Бенедикт Михайлович* (р. 1927) — критик, литературовед. Автор ряда публикаций о Д. С., в том числе рецензии на книгу «Второй перевал» (НМ, 1964, №3) и главы «Только Моцарт!...» в книге: Сарнов Б. Рифмуется с правдой. М.: Сов. писатель, 1967.
  - ⁵ *Карташова Ирина Павловна* — народная артистка РСФСР, актриса театра им. Моссовета (с 1947 г.).
  - ⁶ *Липатов Виль Владимирович* (1925–1979) — прозаик.
  - ⁷ *Бруни Иван Львович* — художник.
  - ⁸ *С. Б.* — Бабенышева Сарра Эммануиловна (р. 1910), критик, в то время преподавала в Литинституте. Ныне живет в Бостоне.
  - ⁹ *Владимир Иванович Найденов* (р. 1929) в то время в системе Госкомиздата занимался международными вопросами.
  - ¹⁰ *Левик Вильгельм Вениаминович* (1907–1982) — переводчик.
  - ¹¹ *Друнина Юлия Владимировна* (1924–1991) — поэтесса, участница войны.
  - ¹² *Каладзе Карло* (1907–1988) — грузинский поэт. Д. С. переводил его стихи.
  - ¹³ *Соколов Владимир Николаевич* (1928–1997) — поэт. Свое отношение к нему Д. С. выразил в стихотворении «Стихи читаю Соколова...» (1976). Автор рецензии на книгу «Равноденствие»: Соколов В. Поэзия зрелости: О новой книге стихов Д. Самойлова // Комс. правда, 1.11.1972.
  - ¹⁴ *Стефанова Лиляна* (р. 1929) — болгарская поэтесса.
  - ¹⁵ В 1963 г. издательство «Прогресс» начало выпускать новую серию «Мастера поэтического перевода». Первым выпуском серии стала книга переводов Д. С. «Поэты-современники». Редактором выпуска был Н. М. Любимов.
  - ¹⁶ При жизни Н. М. Любимова его мемуары публиковались отрывками в периодике. В настоящее время опубликована лишь их первая треть: Любимов Н. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000.
  - ¹⁷ *Евсеева Светлана Георгиевна* (р. 1932) — поэтесса. Живет в Минске. Ей посвящено стихотворение «Аленушке» (1960).
  - ¹⁸ Имеется в виду статья А. Ахматовой «Пушкин и Невское взморье».
  - ¹⁹ В журнале «Москва» (1957, № 4) опубликованы стихотворения Д. С. «Земляне», «Готовьте себя к небывалым задачам...», «Ночная гроза» и «Хочется мирного мира...». Второе из перечисленных стихотворений не переиздавалось.
  - ²⁰ *Борев Юрий Борисович* (р. 1925) — прозаик, критик, литературовед, д. филол. н., профессор.

- ²¹ *Западов Александр Васильевич* (1907–1997) – литературовед, историк русской поэзии и журналистики XVIII в. Участник войны.
- ²² Пьеса А. Володина «Назначение» поставлена в театре «Современник» О. Ефремовым в 1963 г.
- ²³ *Анциферов Николай Степанович* (1930–1964) – поэт.
- ²⁴ *Гатов Александр Борисович* (1899–1972) – поэт.
- ²⁵ Стихи Ахмадулиной о дожде «Сказка о дожде в нескольких эпизодах с диалогами и хором детей» (1962), см. в книге: Ахмадулина Б. Влечет меня старинный слог. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ²⁶ *Абызов Юрий Иванович* (р. 1921) – литератор, фронтовик, друг Д. С. Собрал многочисленные шутки, экспромты, автографы Д. С., вошедшие в книгу «В кругу себя» (Вильнюс; М.: VIMO, 1993, полное издание см.: Таллин: Авенариус, 2001). Живет в Риге. Ему посвящено стихотворение «За перевалом» (1980).
- ²⁷ *Козаков Михаил Михайлович* (р. 1934) – актер, режиссер, народный артист России. Друг Д. С. Ему посвящено стихотворение «Что полуправда? Ложь...» (1986) и несколько стихотворений, вошедших в книгу «В кругу себя». В свою книгу Козаков включил главу воспоминаний о Д. С. (Козаков М. Актерская книга. М.: Вагриус, 1996. С. 277–314).
- ²⁸ 7–8 марта в Свердловском зале Кремля состоялась встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. 7 марта с докладом выступил секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев, а 8 марта – Н. С. Хрущев. В своем выступлении Хрущев, в частности, обрушился на Виктора Некрасова и несколько раз прошелся по И. Эренбургу в связи с публикацией глав из мемуаров «Люди, годы, жизнь». Наиболее жестко – по поводу права на существование формализма и абстракционизма: «Товарищ Эренбург совершает грубую идеологическую ошибку, и наша обязанность – помочь ему это понять» (ЛГ, 12.03.1963).
- ²⁹ Польская антология – вышедший в 1963 г. в издательстве «Художественная литература» двухтомник «Польская поэзия». Переводы второго тома (XIX–XX вв.) даны под редакцией Д. С. В обоих томах много переводов Д. С.
- ³⁰ *Кабо Любовь Рафаиловна* (р. 1917) – писательница, педагог.
- ³¹ *Яшин Александр Яковлевич* (1913–1968) – поэт, прозаик. «Вологодская свадьба» (1962) – повесть А. Яшина о современной деревне, опубликована в НМ (1962, № 12).
- ³² «Мужицкий бунт – начало русской прозы...» – первая строка стихотворения «Стихи и проза». Стихотворение впервые опубликовано в ДН (1974, № 6). В сборнике «Волна и камень» дано в измененном виде (без строфы о Пушкине).
- ³³ В МГК КПСС состоялся актив писателей Москвы. Открыл его Первый секретарь МК Н. Г. Егорычев, с докладом выступил первый зам. зав. идеологическим отделом ЦК КПСС А. В. Романов. В прениях выступили Ю. Жуков, А. Чаковский, Ю. Семенов, А. Сурков и др.

- ³⁴ *Щипачев Степан Петрович* (1898/99–1979) – поэт, дважды лауреат Сталинской премии.
- ³⁵ *Мальцев Елизар Юрьевич* (р. 1916/17) – писатель, ифлиец, лауреат Сталинской премии.
- ³⁶ *Финн Константин* (1904–1975) – прозаик, драматург.
- ³⁷ *Маневич Ефим* – экономист.
- ³⁸ «Большая элегия Джону Донну» (1963) см.: СИБ1, с. 231–235.
- ³⁹ Речь идет о книге «Второй перевал».
- ⁴⁰ *Аксёнов Василий Павлович* (р. 1932) – писатель. Один из организаторов альманаха «Метрополь». В конце 1979 г. вышел из СП, в 1980 г. уехал в США. Вскоре был лишен советского гражданства.
- ⁴¹ *Антеос Петрос* – греческий поэт. См. книгу: Антеос П. Голос оливы: Стихи и поэма / Пер. с греч. Ю. Левитанского и Д. Самойлова. М.: Сов. писатель, 1966.
- ⁴² *Соловьев Борис Иванович* – в то время редактор издательства «Советский писатель».
- ⁴³ В фильме «Обгон» играли Витторио Гассман и Уго Тоньяцци.
- ⁴⁴ *Слепакова Нонна Менделевна* (1936–1998) – поэт, прозаик, в то время автор одной книжки для детей.
- ⁴⁵ *Хермлин Стефан* (1915–1997) – немецкий поэт, прозаик.
- ⁴⁶ *Гинзбург Лев Владимирович* (1921–1980) – писатель, переводчик немецкой поэзии.
- ⁴⁷ *Богатырев Константин Петрович* (1925–1976) – поэт-переводчик, переводил Рильке, Гёте, немецкую поэзию. В 1976 г. был смертельно ранен неизвестными на пороге своей квартиры. В кругах московской интеллигенции убийство Богатырева считали акцией запугивания КГБ.
- ⁴⁸ Спектакль «Без креста» по повести В. Тендрякова «Чудотворная» поставлен в «Современнике» в 1963 г.
- ⁴⁹ *Толмачева Лидия Михайловна, далее Лиля* – актриса театра «Современник», народная артистка РСФСР, жена В. С. Фогельсона. Ей посвящено стихотворение «Актрисе».
- ⁵⁰ *Назым Хикмет Ран* (1902–1963) – турецкий писатель, общественный деятель. С 1951 г. жил в СССР. См. публикацию Д. С. к 80-летию Хикмета: Памятные встречи // В мире книг, 1982, № 1.
- ⁵¹ *Куртад Пьер* (1915–1963) – французский писатель, журналист. С 1960 г. – корреспондент «Юманите» в Москве.
- ⁵² *Климова Наталия Ивановна* – актриса. Речь идет о премьере фильма режиссера М. Захариаса «Конец и начало».
- ⁵³ А. А. Ахматовой посвящено стихотворение «Я вышел ночью на Ордынку...».

- ⁵⁴ Рецензия на книгу «Вечер» включена в обзор «Русская поэзия». См. Ходасевич В. Собрание сочинений в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 415.
- ⁵⁵ *Крафт Роберт* – американский дирижер, секретарь И. Стравинского. См.: Стравинский И. Диалоги. Воспоминания. Размышления. Комментарии. Л.: Музыка, 1971.
- ⁵⁶ *Межелайтис Эдуардас* (1919–1977) – народный поэт Литвы., Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, председатель правления СП Литвы (1959–1970).
- ⁵⁷ *Малдонис Альфонсас* (р.1929) – народный поэт Литвы. Председатель правления СП Литвы (1976–1988). Ему Д. С. посвятил стихотворения «Люблю тебя, Литва!..» (1984) и «Альфонсасу Малдонису».
- Переводы Д. С. упомянутых поэтов см., например, в книге: Тень солнца: Поэты Литвы в пер. Д. Самойлова. Вильнюс: Vaga, 1981.
- ⁵⁸ *Зверев Илья* (1926–1966) – прозаик, публицист. См.: Зверев И. Защитник Седов. М.: Сов. писатель, 1990.
- ⁵⁹ Книга Д. С. «Второй перевал», которую редактировал В. С. Фогельсон, вышла в том же 1963 г. в изд-ве «Сов. писатель».
- ⁶⁰ Д. С. называл Николая Николаевича Асеева (1889–1963) одним из своих учителей (ПЗ, с. 177).
- ⁶¹ *Щеглов Марк Александрович* (1925–1956) – литературный критик. См.: Щеглов М. Студенческие тетради. Из литературных заметок // НМ, 1963, №6.
- ⁶² Речь идет о книге Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей».
- ⁶³ В газетах писали: «На 69-м году жизни...»
- ⁶⁴ *Слоним Илья Львович* (1906–1973) – скульптор.
- ⁶⁵ *Федин Константин Александрович* (1892–1977) – писатель, Герой Соц. Труда, лауреат Сталинской премии, академик. С 1959 г. возглавлял СП СССР.
- ⁶⁶ *Оксман Юлиан Григорьевич* (1895–1970) – пушкинист, историк русской литературы и общественно-политической жизни. Узник сталинских лагерей (1936–1946). Профессор Саратовского университета (1946–1956), научный сотрудник ИМЛИ (1958–1964), отуда уволен «за связь с иностранцами».
- ⁶⁷ *Пешкова Екатерина Павловна* (1876–1965) – общественный деятель, литератор, первая жена М. Горького.
- ⁶⁸ *Асмус Валентин Фердинандович* (1894–1975) – философ и литературовед, д. философ. н., профессор МГУ. По свидетельству Л. К. Чуковской, один из образованнейших людей нашего времени.
- ⁶⁹ *Вашенцев Сергей Иванович* (1897–1970) – писатель.
- ⁷⁰ Рассказ А. Солженицына «Для пользы дела» и поэма А. Твардовского «Геркин на том свете» были опубликованы, соответственно, в 7-м и 8-м номерах НМ за 1963 г.
- ⁷¹ *Лемпорт Владимир Сергеевич* (р. 1922) – скульптор-монументалист.

- ⁷² *Силис Николай Андреевич* (р. 1928) — скульптор.
- ⁷³ *Бачелис Татьяна Израилевна* (1917—1998) — д. филол. н., профессор, специалист по западному театру и кино.
- ⁷⁴ *Каретников Николай Николаевич* (1930—1994) — композитор.
- ⁷⁵ *Веберн Антон фон* (1883—1945) — австрийский композитор, дирижер, представитель новой венской школы.
- ⁷⁶ *Габричевский Александр Георгиевич* (1891—1968) — литературовед, переводчик.
- ⁷⁷ *Наль Анна Анатольевна, далее Нюша* (р. 1942) — поэтесса. Д. С. написал предисловие к ее книге «Имя», вышедшей в 1990 г.
- ⁷⁸ *Кривошеин Игорь Александрович* (1899—1986) — инженер-электрик, сын министра земледелия царского правительства, премьер-министра правительства Врангеля. Жил во Франции. Герой Сопротивления, узник гестапо, фашистского концлагеря. После войны вместе с женой принял советское гражданство, вследствие чего в 1947 г. они были высланы из Франции. По приезде в СССР репрессированы. После освобождения жил в Ульяновске, затем в Москве. В 1974 г. вернулся в Париж.
- ⁷⁹ *Мирель* — дочь писательницы Мариэтты Шагинян.
- ⁸⁰ *Понтекорво Бруно Максимович* (1913—1993) — физик, академик, лауреат Ленинской и Сталинской премий. Родился в Италии. С 1950 г. жил в СССР.
- ⁸¹ *Данин Даниил Семенович* (1914—2000) — писатель, критик. Участник войны.
- ⁸² Имеется в виду книга «Второй перевал».
- ⁸³ Из замыслов воплощение получила лишь встреча Пушкина с Пестелем — «Пестель, поэт и Анна» (1965).
- ⁸⁴ *Спевак Ян* (1908—1967) — польский поэт
- ⁸⁵ *Соснора Виктор Александрович* (р. 1936) — поэт, прозаик.
- ⁸⁶ *Кулаков Михаил* (р. 1933) — художник.
- ⁸⁷ *Жирмунская Тамара Александровна* (р. 1936) — поэтесса, участница семинара молодых переводчиков, который вели В. Звягинцева, М. Петровых и Д. С. О поездке в Вильнюс см. воспоминания Т. Жирмунской «Простота сего урока...» // ВЛ, 1994, № 4.
- ⁸⁸ Речь идет о драме «Сухое пламя». В книге «Второй перевал» дана частично с подзаголовком «Драматические сцены». Целиком впервые опубликована в книге: Избранное. М.: Худож. лит., 1980.
- ⁸⁹ *Каган Юрий Моисеевич* (р. 1928) — физик, академик, лауреат Ленинской и Государственной премий. Брат Е. Ржевской.
- ⁹⁰ *Сморodinский Яков Абрамович* (1917—1992) — д. физ.-мат. наук, профессор, ученик Л. Д. Ландау. Библиофил, обладатель уникальной библиотеки.
- ⁹¹ *Кондрашин Кирилл Петрович* (1914—1981) — дирижер, народный артист СССР, дважды лауреат Сталинской премии. Главный дирижер симфо-

- нического оркестра московской филармонии (1960–1975). С 1978 г. жил в Голландии.
- ⁹² *Огнев Владимир Федорович* (р. 1923) – критик.
- ⁹³ *Казаков Юрий Павлович* (1927–1982) – прозаик. См.: Казаков Ю. Плачу и рыдаю. М.: Рус. книга, 1996.
- ⁹⁴ Имеется в виду вошедшая в книгу «Второй перевал» «Баллада о немецком цензоре».
- ⁹⁵ «На ранних поездах» – сборник стихов Б. Пастернака (1943). В книге «Избранное» (1945) Пастернак объединил в раздел под этим названием стихи 1936–1944 гг., вошедшие в сборник 1943 г. и в сборник «Земной простор» (1945).
- ⁹⁶ «Емелька» – стихотворение «Конец Пугачева».
- ⁹⁷ Книга переводов – «Поэты-современники»: Стихи зарубеж. поэтов в переводе Д. Самойлова. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
- ⁹⁸ *Кашежева Инна Иналовна* (р. 1944) – поэтесса.
- ⁹⁹ *Янская Ирина* – критик, журналистка, жена В. Кардина.
- ¹⁰⁰ *Левитанский Ю.* Земное небо. М., 1963.
- ¹⁰¹ *Айхенвальд Юрий Александрович* (1928–1993) – драматург, переводчик. Узник сталинских лагерей. Его перевод пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак» см.: «Театр», 1965. № 4.
- ¹⁰² *Щепкина-Куперник Татьяна Львовна* (1874–1952) – поэтесса, прозаик, драматург, переводчица.
- ¹⁰³ *Ковальджи Анна* – восемнадцатилетняя телефонистка в кишиневской гостинице, с которой Д. С. в одной из предыдущих поездок в Кишинев проговорил целую ночь по телефону, а затем уехал, так и не увидев собеседницу. В этой поездке они встретились. Впоследствии Д. С. писал о стихотворении «Пестель, поэт и Анна» (1965): «Анна явилась в стих как претворенное воспоминание».
- ¹⁰⁴ *Бусуйок Аурел* – молдавский поэт, прозаик, драматург.
- ¹⁰⁵ *Балцан Иосиф* (1923–1975) – молдавский поэт. Д. С. переводил его стихи.
- ¹⁰⁶ Речь идет о поэме В. Корнилова «Пасха 61-го года».
- ¹⁰⁷ *Чуковский Николай Корнеевич* (1904–1965) – прозаик.
- ¹⁰⁸ *Павлычко Дмитрий Васильевич* (р. 1929) – украинский поэт.
- ¹⁰⁹ *Свяцкий Святослав Павлович* (р. 1931) – переводчик с польского.
- ¹¹⁰ *Борисов Вадим* – сотрудник комиссии СП по иностранным делам.
- ¹¹¹ Через Седлец (Седльце) Д. С. проходил во время войны.
- ¹¹² *Озеров Виталий Михайлович* (р. 1917) – критик, литературовед, д. филол. н., профессор. Ифлиец, участник войны. Лауреат Государственной премии. Был зам. гл. редактора «Правды», первым зам. гл. редактора ЛГ, возглавлял ВЛ.
- ¹¹³ *Левин Леопольд* (1910–1998) – польский поэт.

- ¹¹⁴ *Поляк Северин* (1907–1987) – польский поэт, литературовед, переводчик с русского.
- ¹¹⁵ *Алиция* – жена А. Стерна.
- ¹¹⁶ *Ольха Антони* (1914–1978) – польский поэт.
- ¹¹⁷ *Модзалевская Наталья* (1912–1992) – переводчица, эссеистка. Переводила русскую литературу на польский и польскую на русский. В 30-х годах жила в Москве.
- ¹¹⁸ *Геллер Михаил Яковлевич* (1922–1997) – историк. Узник сталинских лагерей. С 1963 г. жил в Варшаве, с 1968 г. – в Париже. Профессор Сорбонны.
- ¹¹⁹ *Дравич Анджей* (1932–1997) – польский критик, эссеист, переводчик, режиссер.
- ¹²⁰ *Слободник Владзимеж* (1900–1991) – польский поэт. Переводы Д. С. его стихов см. в книге: Слободник В. Стихи. М.: Худож. лит., 1985.
- ¹²¹ *Гроховяк Станислав* (1934–1976) – польский поэт. В книге «Из современной польской поэзии» (М.: Прогресс, 1979) несколько стихотворений Гроховяка даны в переводе Д. С.
- ¹²² *Матушевский Рышард* (р. 1914) – польский писатель.
- ¹²³ *Штос Фейт* (польск. Вит Стош, Ствош) (ок. 1455–1533) – немецкий и польский скульптор. Наиболее известная работа – алтарь костела Девы Марии в Кракове (1477–1489). Впоследствии Д. С. сделал его персонажем поэмы «Последние каникулы».
- ¹²⁴ *Новаковский Рышард* – польский критик, литературовед.
- ¹²⁵ *Фрасик Юзеф Анджей* (1910–1983) – польский поэт.
- ¹²⁶ *Ворошильский Виктор* (1927–1996) – польский поэт, прозаик, эссеист, публицист, исследователь русской литературы XIX–XX вв.
- ¹²⁷ *Модзалевский Кароль* (р. 1937) – польский историк, профессор. За принадлежность к демократической оппозиции в 1965 и в 1969 гг. подвергался репрессиям. Провел в заключении, соответственно, три и три с половиной года. В 80-х гг. был связан с движением «Солидарность».
- ¹²⁸ *Ермилов Владимир Владимирович* (1904–1965) – критик, литературовед, специалист по проблемам соцреализма. Выступал с партийно-конъюнктурных позиций. Вот его похвала: «В поэзии радует выход сборников стихов А. Межирова и Д. Самойлова – поэтов очень разных, но сближающихся оригинальностью своей поэтической темы-судьбы и опять-таки свободы. У нас много говорят об одаренных, но шумных поэтах. А вот о Межирове и Самойлове почти не пишут, хотя они принадлежат к числу талантливых и самостоятельных поэтов» («Непримиримость и широта» // ЛГ, 17.12.1963).
- ¹²⁹ *Костин Лев Константинович* (1916–1990) – театральный художник.

- ¹ *Гай Григорий Аронович* (1920–1996) — актер Ленинградского Большого драматического театра им. Горького.
- ² *Доризо Николай Константинович* (р. 1933) — поэт-песенник.
- ³ *Рождественский Роберт Иванович* (1932–1994) — поэт, лауреат Государственной премии.
- ⁴ *Липкин Семен Израилевич* (р. 1911) — поэт, прозаик, переводчик восточной классической поэзии. Участник альманаха «Метрополь». В январе 1980 г. вместе с женой И. Лиснянской вышел из СП в знак протеста против санкций, примененных к молодым писателям — организаторам альманаха.
- ⁵ Новеллы «Превращение» и «В исправительной колонии» (ИЛ, 1964, №1) — первая публикация Ф. Кафки в СССР.
- ⁶ Речь идет о поэме Б. Ахмадулиной «Моя родословная», которая была напечатана в журнале «Юность» (1964, №1).
- ⁷ *Холин Игорь Сергеевич* (1920–1999) — поэт, прозаик.
- ⁸ *Сапгир Генрих Вениаминович* (1928–1999) — поэт, прозаик. В «официальном» искусстве Холин и Сапгир были известны как авторы стихов для детей. У Холина первая детская книга вышла в 1959 г., у Сапгира — в 1960 г. Первые же поэтические сборники и у того, и у другого выпущены в 1989 г.
- ⁹ Лианозовские художники — Е. Кропивницкий, О. Рабин, В. Немухин и др., входящие вместе с поэтами И. Холиным, Г. Сапгиром, Вс. Некрасовым в лианозовскую группу — одно из самых заметных явлений «неофициального искусства» времен «оттепели». Название группы связано с местом сборов — поселком Лианозово (ныне часть Москвы), где в 50-х годах в барачном доме жил О. Я. Рабин.
- ¹⁰ *Лем Станислав* (р. 1921) — польский писатель-фантаст, автор книг по проблемам кибернетики, космонавтики, футурологии. Д. С. посвятил ему стихотворение «Читая фантаста» (1965).
- ¹¹ Речь идет о поэме Иосифа Бродского «Прощальная ода» (см.: СИБ2, с. 14).
- ¹² В дальнейшем сюжет этого рассказа лег в основу поэмы «Струфиан» (1974).
- ¹³ *Моргулис Моисей Михайлович* — парикмахер ЦДЛ.
- ¹⁴ *Друскин Лев Савельевич* (1921–1990) — поэт. Жил в Ленинграде. Эмигрировал в 1980 году.
- ¹⁵ *Буркхардт Якоб* (1818–1897) — швейцарский историк и философ культуры.
- ¹⁶ «Добрый человек из Сезуана» — спектакль по пьесе Б. Брехта, постановкой которого в 1964 г. открылся Театр драмы и комедии на Таганке. Исполнительницей главной роли была Зинаида Славина.

- ¹⁷ *Любимов Юрий Петрович* (р. 1917) – народный артист России. Создатель и главный режиссер (1964–1984 гг. и с 1989 г.) Театра драмы и комедии на Таганке. С 1984 по 1989 был лишен советского гражданства.
- ¹⁸ Совместная пьеса Д. Самойлова и Б. Окуджавы так и не была поставлена. В архиве Д. С. она отсутствует.
- ¹⁹ В Гослитиздате (с 1963 г. изд-во «Художественная литература») книга Д. С. «Равноденствие» готовилась к выходу в 1968 г., однако набор был рассыпан «за любовь к эпистолярному жанру» и книга вышла лишь в 1972 г. См. записи 1968 г.
- ²⁰ *Давыдов Юрий Владимирович* (1924–2002) – моряк, прозаик. Участник войны, узник сталинских лагерей. Лауреат Государственной премии.
- ²¹ *Розов Виктор Сергеевич* (р. 1913) – драматург, сценарист, участник войны, лауреат Государственной премии.
- ²² *Фомичева Ольга Георгиевна* – актриса Московского театра им. М. Н. Ермоловой, в то время работала в «Современнике».
- ²³ Стенограмма процесса над И. Бродским сделана писательницей Ф. А. Вигдоровой. См. публикацию А. А. Раскиной в журнале «Огонек» (1988, № 49).
- ²⁴ Письмо Раскольникову см.: Гребельский З. В. Федор Раскольников. М.: Моск. рабочий, 1988.
- ²⁵ *Мештерхази Лайош* (1916–1979) – венгерский писатель.
- ²⁶ *Шёнберг Арнольд* (1874–1951) – австрийский композитор. Основоположник атональной музыки.
- ²⁷ *Сидур Вадим Абрамович* (1924–1986) – скульптор, инвалид войны. При жизни был хорошо известен за рубежом (только в ФРГ прошло двадцать выставок) и ни разу не выставлялся в СССР. Ныне в Москве существует постоянно действующая выставка его работ.
- ²⁸ *Якобсон Роман Осипович* (1896–1982) – русский и американский лингвист, литературовед. С 1921 г. жил за границей. Один из основоположников структурализма в лингвистике и литературоведении.
- ²⁹ Юлиан Тувим. Стихи. М.: Худож. лит., 1965.
- ³⁰ Переводы из Тагора см., например: Тагор. Избранное. М.: Худож. лит., 1972.
- ³¹ *Шапиро Александр Борисович* (псевдоним А. Свирин), далее *Шура* (ум. 1984) – врач, литератор, друг Д. С. Ему посвящено стихотворение «В последний раз со старым другом...» (1982). Д. С. опубликовал несколько рецензий на книги Свирина (Энциклопедия для почемучек // Комс. правда, 07.12.1967; На самом интересном месте // Наука и религия, 1974, № 1).
- ³² *Гранин Даниил Александрович* (р. 1919) – писатель, лауреат Государственной премии, Герой Соц. Труда. О поведении Д. Гранина, в то время руководителя комиссии Союза писателей по работе с молодыми, во время травли Бродского см.: ЗАА, т. 3, с. 138, 213, 404.

- ³³ Фильм «Добро пожаловать или Посторонним вход воспрещен» (1964) был дебютом не только сценаристов С. Лунгина и И. Нусинова, но и режиссера Э. Климова.
- ³⁴ *Иоселиани Отар* (р. 1934) — грузинский кинорежиссер и сценарист. Первый полнометражный фильм «Листопад» вышел в 1968 г. С конца 80-х годов живет во Франции.
- ³⁵ Речь идет о книге римского историка Гая Транквилла Светония (ок. 70 — ок. 140) «Жизнь двенадцати цезарей» (М.: Наука, 1964).
- ³⁶ *Потом пришли Влад, Наташа и Лиля Журкина.* — Имеются в виду актер В. Заманский, его жена Н. Климова и актриса театра «Современник» Л. Журкина.
- ³⁷ *Ицков Игорь Моисеевич* (р. 1940) — сценарист.
- ³⁸ *Миколайтис-Путинас Винцас* (1893—1967) — литовский поэт и прозаик, народный писатель Литвы.
- ³⁹ *Коненков Сергей Тимофеевич* (1874—1971) — скульптор, народный художник СССР, Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий.
- ⁴⁰ *Маша Кнорре*, дочь подруги Д. С. Е. А. Дорошенко, выбросилась из окна.
- ⁴¹ Межиров А. Прощание со снегом. М., 1964.
- ⁴² *Андроникова Манана Ираклиевна* (1936—1975) — искусствовед, дочь И. Л. Андроникова.
- ⁴³ На внеочередном пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев был отправлен на пенсию. Его посты заняли Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин.
- ⁴⁴ *Малыхина Елена Ивановна* (р. 1925) — переводчица с венгерского, редактор Гослитиздата.
- ⁴⁵ *Лесючевский Николай Васильевич* — в то время директор издательства «Советский писатель». Известен своей причастностью к арестам поэтов Б. Корнилова и Н. Заболоцкого.
- ⁴⁶ *Шимон Иштван* (1926—1975) — венгерский поэт, публицист, переводчик. Д. С. переводил его стихи.
- ⁴⁷ *Юхас Ференц* (р. 1928) — венгерский поэт. Д. С. переводил его стихи.
- ⁴⁸ *Надь Ласло* (1927—1973) — венгерский критик, переводчик.
- ⁴⁹ *Димитриади Одиссей Ахиллесович* (р. 1908) — дирижер, народный артист СССР, главный режиссер Грузинского театра оперы и балета.
- ⁵⁰ *Гурьева-Гуревич Татьяна Георгиевна* — искусствовед, редактор журнала «Советский художник». Жена А. Каменского.
- ⁵¹ Переводы в книге Тувима под редакцией М. С. Петровых.
- ⁵² *Кленович Стефан* (1919—1985) — врач, юрист, философ. Сын польских коммунистов, живших в СССР и репрессированных в 1937 г. Учился в ИФЛИ. Был арестован, но через пять месяцев выпущен. После войны уехал в Польшу. Д. С. был знаком с ним еще с довоенных времен по встречам у П. Когана, в компанию которого входил Кленович.
- ⁵³ Речь идет о письме от Виктора Ворошильского.

- ⁵⁴ *Харон Яков Евгеньевич* (1914–1972) – звукооператор, преподаватель ВГИКа. Семнадцать лет провел в сталинских лагерях.
- ⁵⁵ *Кросс Яан* (р. 1920) – народный писатель Эстонии, автор сборников стихов и исторических романов. В 1990 г. в Таллине вышла книга на русском и эстонском языках со стихами Д. С. и Я. Кросса, с переводами их друг друга и заметками друг о друге. (Бездонные мгновения. Таллин: Ээсти раамат, 1990).
- ⁵⁶ *Лахт Уно* (р. 1924) – эстонский поэт, прозаик. Его познакомил с Д. С. Леон Тоом.
- ⁵⁷ *Бернштейн Леонард* (1918–1990) – американский дирижер, пианист и композитор, главный дирижер Нью-Йоркского симфонического оркестра. Автор мюзикла «Вестсайдская история» (1957).
- ⁵⁸ *Пансо Вольдемар Хансович* (1920–1977) – эстонский режиссер, актер, народный артист СССР (1977). Д. С. был знаком с ним.
- ⁵⁹ *Нийт Эллен* (р. 1928) – эстонская поэтесса, жена Я. Кросса. В «Таллинской песенке» Д. С. упоминает «Эллен с Яном», имея в виду именно их. Д. С. переведил ее стихи (несколько переводов см. в книге «Улица Тооминга»). Ему также принадлежит рецензия на книгу Э. Нийт «Ваятель птицы» (Дом и мир // ДН, 1980, № 12). Марии Кросс Д. С. посвятил стихи «Марии» (1966) и «Рисунок».
- ⁶⁰ *Пэнн Александр* (1906–1972) – израильский поэт. Д. С. написал предисловие, сделал несколько переводов и отредактировал переводы для книги: Александр Пэнн. Сердце в пути. М.: Худож. лит., 1965.

Литературно-
художественное издание

Давид Самойлович
САМОЙЛОВ

Поденные записи
Том 1

Редакторы
Марина Линчевская
Алла Гладкова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Корректор
Наталья Рагозина

Верстка
Марина Гришина

Изд. лиц. № 0985 от 17.02.2000.

Подписано в печать 09.04.2002.

Формат 84x108¹/₃₂.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,8.

Тираж 3000 экз. Заказ № 609.

Издательский Дом «Время».
113326 Москва, ул. Пятницкая, 25.
Телефон (095) 231 1877

<http://www.vremya.ru>
e-mail: vremya@vremya.ru

ISBN 5-94117-028-9

9 785941 170289 >

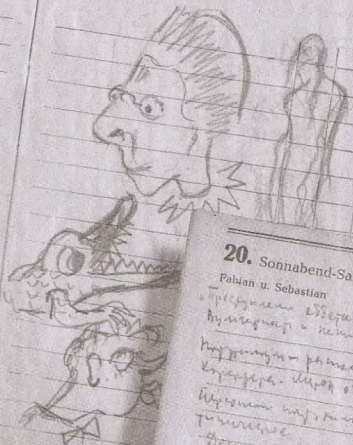
Отпечатано с готового оригинал-макета
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

11. Donnerstag

1923 Rheinbruch der Franzosen und Belgier.

13. Sonnabend-Samstag

20. Sonnabend-Samstag

Fabian u. Sebastian

Handwritten notes in German, including the names Fabian and Sebastian, and some illegible text.

22. Montag

6. Dienstag

Handwritten notes in German, including the date 6. Dienstag and several lines of text.

22. Sonntag

8. n. Trinitatis. Maria Magdalena.

Handwritten notes in German, including the names Trinitatis and Maria Magdalena.

Handwritten notes in German, including the name Trinitatis.

24. Dienstag

Handwritten notes in German, including the date 24. Dienstag and some illegible text.

19. Donnerstag

3. n. Erstes Viertel. Einteilung der 10-jährigen in Jungvolk und Jungmädelsbund.

Handwritten notes in German, including the date 19. Donnerstag and several lines of text.

